Анатолий Иванович Батюто родился 18 сентября 1920 г. в д. Рудня Клинцовского района Орловской области. С 1928 г. постоянное местожительство Ленинград. В 1939 г. окончил среднюю школу. В 1940 г. призван по спецнабору в Краснознаменный Балтийский флот.

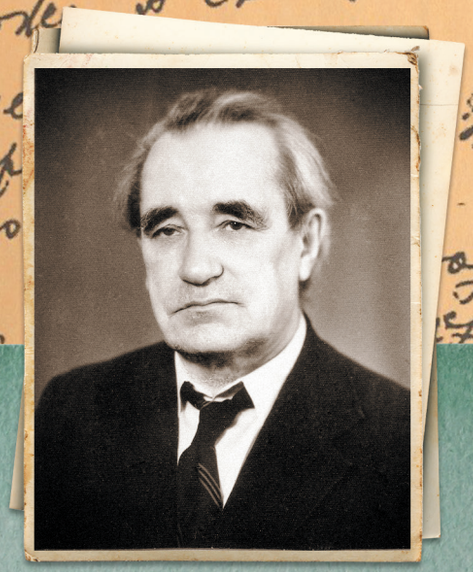
Во время Отечественной войны служил рядовым бойцом в частях морской пехоты на Ленинградском фронте. В мае 1942 г. тяжело ранен, демобилизован.

В 1945 г. поступил на филологический факультет ЛГУ. В 1948 г. окончил университет и в 1949 г. принят в аспирантуру ИРЛИ (Пушкинский Дом) АН СССР. Кандидат филологических наук (1952). С 1955 по 1990 г. включительно работал в ИРЛИ.

Автор книг «Тургенев-романист» (1972), «Творчество И. С. Тургенева и критико-эстетическая мысль его времени» (1990), «Дневник (1936–1952 годы). Стихи» (2012), «Ф. М. Достоевский и И. С. Тургенев (Только ли история вражды?)» (2012), «Тургенев и другие» (2014) и многочисленных статей.

28 августа 1991 г. А. И. Батюто скончался.

ИСТОРИЯ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ XIX–XX веков / ИСТОРИЯ КНИЖНОГО ДЕЛА В РОССИИ В 1917–1927 годы



ИСТОРИЯ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ XIX–XX веков / ИСТОРИЯ КНИЖНОГО ДЕЛА В РОССИИ В 1917–1927 годы

ПАМЯТИ
АНАТОЛИЯ ИВАНОВИЧА БАТЮТО

1920–2020

СКИФИЯ
принт

МАРК ТВЕН
МАРК ТВЕН
МАРК ТВЕН
5 6 7
ШЕКСПИР
ШЕКСПИР

ИСТОРИЯ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ XIX–XX веков /

ИСТОРИЯ КНИЖНОГО ДЕЛА В РОССИИ В 1917–1927 годы

ПАМЯТИ
АНАТОЛИЯ ИВАНОВИЧА БАТЮТО

1920–2020

Сборник статей и материалов

С.-Петербург
2020

УДК 821.161.1 + 82(091)
ББК 83.3 + 76.10
И 32

Ответственный редактор
С. А. Батюто
Рецензент
Т. С. Тайманова

Сборник статей и материалов «История русской литературы XIX–XX веков / История книжного дела в России в 1917–1927 годы» посвящен памяти выдающегося ученого, специалиста по истории русской литературы XIX–XX вв., кандидата филологических наук (1952), старшего научного сотрудника Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН Анатолия Ивановича Батюто (1920–1991), которого интересовали различные вопросы истории русской литературы. Сравнительный анализ творчества разных по духу писателей и представителей русской критики 1860–1870-х годов XIX в. Батюто «переносил» и на писателей конца века XIX и даже века XX (Чехов, Солженицын, Есенин, Шолохов).

Материалы, представленные в настоящем сборнике, отражают многоплановый спектр исследований как истории русской литературы XIX в., так и истории книжного дела в России первого десятилетия советской власти. Адресованный прежде всего литературоведам, студентам филологических факультетов вузов и преподавателям-словесникам средних школ, а также историкам книжного дела в России первого десятилетия советской власти сборник может быть интересен и широкой образованной публике.

УДК 821.161.1 + 82(091)
ББК 83.3 + 76.10

ISBN 978-5-98620-435-2

© Коллектив авторов, 2020
© «Скифия-принт», 2020

«Прошло сто лет...»
А. С. Пушкин. «Медный всадник»

От редактора

Предпринимая такое начинание, как составление и издание сборника статей и материалов, посвященных памяти выдающегося ученого, специалиста по истории русской литературы XIX–XX вв., кандидата филологических наук (1952), старшего научного сотрудника Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН Анатолия Ивановича Батюто (1920–1991), будет нелишним привести сводку данных о том, что было издано и опубликовано из его работ посмертно в конце XX и XXI вв.

В журнале «Русская литература» (1991. № 2) опубликована статья ученого «“Отцы и дети” Тургенева — “Обрыв” Гончарова (Философский и этико-эстетический опыт сравнительного изучения)».

В издательстве «Академический проект» в 2000 г. вышел в свет в серии «Русская классика с комментариями» тургеневский роман «Отцы и дети» со статьей Батюто «На путях воспроизведения истины» и значительно расширенными и дополненными, по сравнению с опубликованными в т. 7 Сочинений второго академического Полного собрания сочинений и писем И. С. Тургенева, историко-литературными и реальными комментариями, а также Подготовительными материалами к роману из т. 12 Сочинений.

На страницах академического журнала «Русская литература» (2001. № 3) опубликована оставшаяся в личном архиве ученого статья «Белинский в восприятии Достоевского».

В томе «Избранных трудов» (2004) опубликованы неизвестные до этого времени работы ученого «Достоевский и русские классики (заметки, наблюдения, архивные данные)» (с. 890–920), «А. И. Солженицын и отечественная литература XIX–XX веков (пиетет, критика, преломление традиций): Заготовки, наброски к будущей работе» (с. 921–930) и «Тургенев и русская литература от Чернышевского до Чехова (проблема героя и человека)». Статьи первая и вторая (с. 830–889).

В 2006 г. отдельным изданием вышла работа «А. И. Солженицын и отечественная литература XIX–XX веков: пиетет, критика, преломление традиций: Записки филолога» (135 с.).

В 2008 г. в издательстве «Наука» в серии «Литературные памятники» выпущен роман И. С. Тургенева «Отцы и дети», включающий, помимо текста романа, статьи Батюто «Из наблюдений над языком и стилем романа И. С. Тургенева “Отцы и дети”», «На путях воспроизведения истины», а также примечания к роману, статье «По поводу “Отцов и детей”» и Подготовительным материалам к роману «Отцы и дети» (с. 546–616).

В 2009 г. на страницах сборника «И. С. Тургенев. Новые материалы и исследования. I» опубликован фрагмент «Из “Дневника”. 1949–1952» (с. 452–499).

В 2011 г. в издании Ф. М. Достоевского «Дневник писателя» (в 2 т.) опубликован реальный комментарий к основному тексту «Дневника писателя» за 1877 г. (январь–октябрь).

В этом же году на страницах сборника «И. С. Тургенев. Новые материалы и исследования. II» опубликована работа ученого «Белинский, Чернышевский, Добролюбов и другие (Эстетические разногласия и разночтения)» (с. 403–429).

В 2012 г. были опубликованы «Дневник (1936–1952 годы). Стихи», а также монография ученого «Ф. М. Достоевский и И. С. Тургенев (Только ли история вражды?)».

В 2014 г. вышло отдельное издание «Тургенев и другие».

В 2020 г. в мемориальном сборнике опубликованы неизвестные фрагменты Реального комментария к «Дневнику писателя» Ф. М. Достоевского за 1877 г.

Этот перечень далеко не полный: нужно упомянуть комментарии Батюто к письмам в томах продолжавшего выходить в серии Писем Полного собрания сочинений и писем И. С. Тургенева в 30-ти т.; в т. 11, 14 и 15 Собрания сочинений Ф. М. Достоевского в 15-ти т., выпущенного издательством «Наука» (к материалам публицистики писателя, «Дневнику писателя за 1877 г.», а также к письмам), примечания к отдельному изданию романа Тургенева «Отцы и дети» (серия «Малая классика “Речи”». СПб.; М., 2018. С. 274–318).

Как нетрудно убедиться, Батюто интересовали разные вопросы истории русской литературы. Напомним, что он является автором знаменитой книги «Тургенев-романист» (1972) и главы «Антинигилистический роман» в т. 3 четырехтомной академической «Истории русской литературы». Сравнительный анализ творчества разных по духу писателей и представителей русской критики 1860–1870-х годов XIX в. Батюто «переносил» и на писателей конца века XIX и даже века XX (Чехов, Солженицын, Есенин, Шолохов).

Материалы, представленные в настоящем сборнике, отражают многоплановый спектр исследований как истории русской литературы XIX в., так и истории книжного дела в России первого десятилетия советской власти. Анатолий Иванович был научным редактором

первых двух работ, опубликованных его сыном на страницах академического журнала «Русская литература».[1] Таким образом, можно сказать определенно, что вопросы истории книжного дела первого десятилетия советской власти знаменитого ученого также интересовали, и опубликованные в этом разделе статьи не должны выглядеть неким случайным материалом. Статьи и исследования ученых-литературоведов, опубликованные в сборнике, неоднородны: есть работы теоретического плана, но превалируют материалы, связанные с комментированием материалов к сочинениям Достоевского, Тургенева, Фета.

Отдельным блоком представлен материал из раздела «Публикации». Здесь особо выделяется глава из никогда не публиковавшейся книги И. Н. Базилевской «Тургенев в ссылке». Любопытна судьба этой работы: ее автор, ученица Б. М. Эйхенбаума, писала свою книгу на протяжении многих десятков лет после окончания Ленинградского университета (1949), откладывала ее в сторону и снова возвращалась к ней. Написанная живо и увлекательно, она бесспорно достойна того, чтобы увидеть свет отдельным изданием. Не менее интересна публикация самарского исследователя Л. П. Машенцевой неотправленного письма О. А. Благонадеждиной, адресованного известному филологу, философу, переводчику, ближайшему соратнику Ф. И. Седенко-Витязева по издательству «Колос» А. А. Гизетти: родственники Ольги Андреевны передали в распоряжение ученого поистине уникальные, чудом сохранившиеся фотографии Витязева и сотрудников издательства «Колос», выполненные в 1920-х годах в Петрограде, которые воспроизводятся здесь. Заслуживает внимания материал С. А. Ипатовой «Кто такая Эллис в “Призраках” Тургенева?» — текст статьи-выступления В. Р. Ваврика 1919 г. Здесь же публи-

куются неизвестные ранее два стихотворения А. И. Батюто на смерть Татьяны Ильиничны Бронь.

Мемориальный сборник завершает «Хронологический список трудов» А. И. Батюто и Указатель имен, что делает использование материалов сборника максимально удобным. Адресованный прежде всего литературоведам, студентам филологических факультетов вузов и преподавателям-словесникам средних школ, а также историкам книжного дела в России первого десятилетия советской власти сборник может быть интересен и широкой образованной публике.

---

[1] См.: *Батюто С. А.* 1) Неизвестные автографы И. П. Павлова, Э. Л. Радлова, П. А. Сорокина // Рус. литература. 1990. № 3. С. 165–167; 2) Об одном неосуществленном издательском замысле (Письма П. А. Сорокина к П. Витязеву) // Рус. литература. 1993. № 1. С. 182–190.

I

И. А. Битюгова

О жизни в науке А. И. Батюто (1920–1991)

Анатолий Иванович Батюто родился 18 сентября 1920 г. в дер. Рудня Клинцовского района Орловской области в крестьянской семье. С 1928 г. его постоянное место жительства — Ленинград. В 1939 г. окончил среднюю школу.

В 1940 г. призван по спецнабору в Краснознаменный Балтийский флот. В марте 1941 г. окончил школу связи учебного отряда КБФ и был направлен в качестве радиста в одну из частей береговой обороны флота. Во время Отечественной войны служил рядовым бойцом в частях морской пехоты на Ленинградском фронте. В мае 1942 г. тяжело ранен, эвакуирован в глубокий тыл и после излечения в госпитале демобилизован. Награжден орденами Отечественной войны II и I степеней. Инвалид Отечественной войны.

В 1943 г. поступил на 1-й курс историко-филологического факультета находившегося тогда в Киргизской ССР Ростовского-на-Дону государственного университета. В конце 1944 г. возвратился в Ленинград и в начале 1945 г. поступил на 2-й курс филологического факультета Ленинградского государственного универ-

ситета. В 1948 г. окончил университет по специальности «филолог-русист».

В начале 1949 г. принят в аспирантуру Института русской литературы АН СССР. В ноябре 1952 г. защитил кандидатскую диссертацию на тему «Роман И. С. Тургенева “Отцы и дети” и общественно-политическая борьба 60-х годов» (руководитель — Г. А. Бялый).

С 1955 по 1990 г. включительно работал в ИРЛИ (Пушкинский Дом) АН СССР (младший научный сотрудник, старший научный сотрудник).

28 августа 1991 г. А. И. Батюто скончался.

* * *

Творческий путь Анатолия Ивановича Батюто как ученого-литературоведа отличается исключительной цельностью. Главным героем его исследований был Иван Сергеевич Тургенев, писатель, назвавший основным импульсом своего творчества (со ссылкой на Шекспира в собственном переводе) стремление «[…]добросовестно и беспристрастно изобразить и воплотить в надлежащие типы[…]» «[…]“the body and pressure of time” <самый образ и давление времени>»,[1] художник, повествовательная манера которого отличалась сдержанным психологизмом и проникновенным лиризмом. Единство работам А. И. Батюто придает и отпечаток своеобразия его личности — человека глубокой ищущей мысли, честного, независимого в своих суждениях.

Защитив в 1952 г., под руководством близкого ему по духу учителя Г. А. Бялого, кандидатскую диссертацию «Роман И. С. Тургенева “Отцы и дети” и общественно-политическая борьба 60-х годов», Батюто уже в первой своей статье 1953 г. «К вопросу о происхождении слова “нигилизм” в романе “Отцы и дети”» оспа-

ривает точку зрения известного историка того времени Б. П. Козьмина, считавшего М. Н. Каткова первооткрывателем общественно-политического подтекста понятия «нигилизм» в применении к критически настроенным разночинцам-демократам. Солидаризуясь с высказанным в 1928 г. суждением М. П. Алексеева, молодой исследователь использует эпистолярные и мемуарные свидетельства и убедительно доказывает, что именно Тургенев в «Отцах и детях» наполнил это слово сложным новым содержанием, а Катков обратился к нему в статье «Кое-что о прогрессе»[2] после того уже, как ознакомился с отданным ему для публикации в его журнале романом Тургенева; кроме того, Батюто тонко отмечает различие в оттенках звучания этого термина у Каткова и Тургенева. Возражения эти оказались столь существенными, что полемике между учеными предоставил место такой авторитетный печатный орган, как «Известия Академии наук СССР (ОЛЯ)».

С начальных шагов до последних дней служение А. И. Батюто науке, а именно так можно назвать его литературоведческую деятельность, без какой-либо мысли о званиях и чинах, было связано с Институтом русской литературы АН СССР (Пушкинским Домом). Уже в 1956 г. он участвует в капитальном труде Института «История русской литературы», в томе VIII которой ему принадлежит 4-й заключительный раздел главы «Шестидесятые годы», посвященный характеристике основных периодических изданий тех лет, направлений их общественно-литературной борьбы с кратким, но ёмким определением позиций представляющих их критиков и писателей. Несмотря на коллективный характер концепции труда, раздел, написанный Батюто, привлекает обозначением своеобразия позиций представителей, казалось бы, одного лагеря — например,

освещением спора между Щедриным и Писаревым по поводу способов решения проблемы о «голодных и раздетых людях» и вопроса о роли естественных наук, пропаганды Писаревым «базаровского» подхода к жизни и осуждения им добролюбовской концепции образа Екатерины в «Грозе» Островского.[3]

В изданном в 1962 г. томе 1 «Истории русского романа» Батюто выступает уже как один из серьезнейших тургеневедов, который в главах о «Накануне» и «Отцах и детях» раскрывает в первом случае «опыт» Тургенева «по созданию “тенденциозной” системы характеров»,[4] отвечающих потребности эпохи в появлении новых «деятелей», и одновременно трагически философско озвученного повествования, во втором — показывает, как «контрастное сопоставление героев» у писателя «нередко переключается в плоскость обнаружения и углублённого психологического истолкования сложных противоречий и контрастов в одном характере, главным образом базаровском». Тургенев, отмечает исследователь, познаёт Базарова в процессе его создания, он знакомится с ним как бы вместе с читателем романа, и только в самом конце этого знакомства в его творческом сознании оформляется «полное представление о герое, позволяющее вместе с тем вывести общее заключение об исторической роли и судьбе разночинной демократии, взгляды и настроения которой он выражает»; в конце подчеркивается связь художественного построения образов главных героев обоих романов с речью Тургенева «Гамлет и Дон Кихот», в случае с Базаровым более осложнённая.[5]

В конце 1950–1980-х гг., когда в Пушкинском Доме ведется подготовка сначала первого, а затем второго, несколько обновленного и расширенного (в эпистолярной серии), академического Полного собрания

сочинений и писем И. С. Тургенева, Батюто является активным сотрудником этих изданий, читая рукописи целого ряда произведений писателя, сопоставляя их варианты, обобщая сведения об истории их создания и восприятия, а при воспроизведении писем Тургенева выявляя его взаимоотношения с различными, иногда очень значительными представителями того времени (например, Н. В. Станкевичем, Т. Н. Грановским, В. Г. Белинским, А. И. Герценом, А. А. Фетом, П. В. Анненковым, А. В. Никитенко и др.).

К поре 1960-х гг. относятся такие работы А. И. Батюто, как напечатанная среди «Научных докладов высшей школы» (в то время как дискуссионная[6]) статья «Роман “Отцы и дети” и некоторые вопросы разночинно-демократической эстетики», в которой образ Базарова анализируется в соотношении с духовным складом «демократов-революционеров», подобных, в частности, Добролюбову, с учетом некоторых крайностей эстетической позиции последнего в ходе борьбы так называемых «пушкинского» и «гоголевского» направлений; сравниваются взгляды Базарова и постановка Добролюбовым и Чернышевским вопросов о приоритете природы, общественных интересов над искусством. Главный же ключ к освещению этой аналогии исследователь видит в «важной», по его словам, «особенности» Тургенева-романиста, исходящего из убеждения «в противоречивой сложности человеческой натуры», — «особенности», «которую условно можно назвать методом “апофеозы” и “критики”».[7]

В другой своей статье «К вопросу о замысле “Отцов и детей”», опубликованной в Орловском Тургеневском сборнике, А. И. Батюто, остановившись вновь на роли Добролюбова при создании образа Базарова и отметив характерную для Тургенева неединичность прототи-

пов, показывает, что некоторые черты Базарова-«нигилиста» восходили к молодому Л. Толстому, введенному тогда в круг «Современника», где уже «начиналась борьба между либералами и демократами», к которым Толстой относился «с одинаковым пренебрежением», резко отзывался об «авторитетах», предпочитая «полагаться только на свои мнения и свой личный опыт», при собственных занятиях литературным трудом отрицал «“между прочим”, полезность и необходимость этого “художества”».[8] В статье раскрывается творческая трансформация ситуации намечавшейся, но несостоявшейся дуэли между Тургеневым и Л. Толстым после их ссоры в имении Фета Степановка при изображении вызова на дуэль П. П. Кирсановым Базарова; сама же фетовская Степановка и её окрестности, как обосновывается в статье, «напоминает собою кирсановское Марьино».[9]

Значительным этапом в изучении творческой истории «Отцов и детей» явилось изучение А. И. Батюто в 1961 г. присланного из Парижа микрофильма одной из беловых рукописей романа, переписанной для себя с отправленной Каткову из Спасского в августе 1861 г. и увезенной в Париж, где подверглась новой авторской правке, затем отосланной в «Русский вестник» дополнительно. Сопоставление этой рукописи с журнальным текстом романа и текстом первого отдельного издания 1862 г. дало возможность исследователю в соответствии со сформулированной им в начале статьи задачей «заново» решить «вопрос о редакторском воздействии Каткова на Тургенева в пору подготовки романа к печати, а вопрос о влиянии на него Анненкова в известной мере пересмотреть, а также судить о тенденциях авторской доработки романа, имеющей, по-видимому, мало общего с пожеланиями дру-

зей и требованиями редакции “Русского вестника”».[10] Учтя точки зрения своих предшественников, автора одной из ранних монографических работ о писателе Н. М. Гутьяра,[11] рассматривавшего все выявленные им или предполагаемые поправки в журнальном тексте романа только как следствие «цензуры» М. Н. Каткова, и Б. М. Эйхенбаума, в комментариях к тому VI первого научного издания сочинений Тургенева конца 1920-х гг., склонного объяснять эти исправления сложностью позиции самого Тургенева и его собственными колебаниями, Батюто приходит к выводу, что «“истина” таится где-то между этими “крайними выводами”, во всяком случае нуждается в более глубоком поиске».[12] В статье доказательно обосновываются причины того или иного изменения текста и выявляются лишь отдельные, но характерные случаи воздействия Каткова, авторская же роль Тургенева каждый раз определяется в тончайших нюансах на примере ряда интересных тем или сюжетов сокращений или правки текста — оценки Базаровым возможностей Аркадия Кирсанова как «дворянчика», его горько-иронической тирады о самом себе (после дуэли) как невольном участнике «рыцарских турниров» (отсутствие этого отрывка в романе, как отмечает исследователь, чутко уловил Достоевский), диалога между П. П. Кирсановым и Базаровым об отношении к последнему народа, замены в разговоре Базарова с Одинцовой текста, в котором Базаров пытается образно объяснить свои цели (сжигание «старого» как «прошлогодней травы», чтобы почва дала «двойной рост») изображением его показного равнодушия к тому, как его поймут, введения вставки с репликой Павла Петровича о Базарове как «шуте гороховом», снятия по совету Анненкова и художественным соображениям формулировки

тем же Павлом Петровичем мнения демократической молодежи о западноевропейском либеральном деятеле Кавуре (фактически направленной в защиту Кавура, явно пародирующей выступление против него в «Современнике»), снятия эпиграфа и т.д. Конечный вывод, к которому приходит исследователь: «Критика в “Отцах и детях” <разночинной> демократии в принципе не порождена исключительным влиянием Каткова, Анненкова и др.; она коренится в чём-то более глубоком и значимом. В связи с этим необходимо по-настоящему широко и объективно ставить в тургеневедении вопрос об источниках и причинах “любви” и “ненависти” писателя и разночинной демократии. Пора отказаться от некоторых заученных приёмов в решении этого вопроса, сводящихся, как правило, к тому, что каждый сколько-нибудь полемический выпад Тургенева против “детей” объясняется только его либеральной тенденциозностью или “классовой ограниченностью”. Кроме “классовой ограниченности” имели значение множество других причин и обстоятельств». И далее говорится о необходимости серьезного разговора о некоторых спорных чертах разночинно-демократических воззрений, наложивших определенный отпечаток на роман, настоящее изучение которого «немыслимо без всестороннего подхода к большому кругу проблем и “вопросов” из жизни русского общества в шестидесятые годы».[13]

В этот же период (до 1970 г.) Батюто обратился почти к каждому из романов Тургенева, углублённо решая отдельные вопросы, связанные с их художественным построением и проблематикой, например, в статьях «Из наблюдений над языком и стилем романа И. С. Тургенева “Отцы и дети”», «И. С. Тургенев в работе над романом “Дым” (жизненные истоки образа Потугина)»,

«Роман “Новь” и процесс “пятидесяти”», «Полемика Тургенева с Л. Н. Толстым в 1869 г. (по данным чернового автографа статьи «По поводу “Отцов и детей”»)», а также в обобщающих различные аспекты этих романов статьях-комментариях гослитиздатовских Собраний сочинений Тургенева (Т. IV. 1954 г. и Т. IV. 1961 г.) и о «Накануне», «Отцах и детях», «Нови» в академическом Полном собрании сочинений и писем Тургенева (в соавторстве с другими — Т. VIII. 1964 г. и Т. XII. 1966 г.). Как итоговую можно рассматривать статью Батюто «Структурно-жанровое своеобразие романов Тургенева 50-х — начала 60-х годов», вошедшую в состав значительного и в теоретическом и в эстетическом отношении пушкинодомского сборника «Проблемы реализма русской литературы XIX века».[14] В журнале «Русская литература» опубликована его статья «Тургенев и Паскаль», в которой была поставлена «задача раскрытия некоторых неясных или спорных сторон нигилизма Базарова в свете философских штудий и интересов Тургенева, ещё не привлекавших внимания исследователей при изучении истории создания романа “Отцы и дети” и некоторых других произведений писателя — таких, как “Поездка в Полесье”, “Призраки”, “Довольно”, отдельные стихотворения в прозе».[15] Все эти работы последовательно подвели Батюто к созданию его первой монографии «Тургенев-романист», вышедшей в ленинградском отделении издательства «Наука» в 1972 г.

Суммируя свои наблюдения над романным творчеством Тургенева, Батюто характеризует такие важнейшие его грани, как общественно-политические его начала, отражение в нем философских и эстетических основ мировосприятия автора и жанровое его своеобразие. Во вступительном разделе книги исследователь соли-

даризуется с другом писателя и мудрым критиком-мемуаристом П. В. Анненковым, определившим в своей известной статье «Замечательное десятилетие» «всю литературную деятельность» Тургенева «как длинный, подробный и поэтически объяснённый реестр идеалов, какие ходили по русской земле, между разнородными слоями её образованного и полуобразованного населения, в течение тридцати лет».[16] Это положение раскрывается на примере анализа эволюции главных героев романов Тургенева «Рудин», «Дворянское гнездо», «Накануне», «Отцы и дети», «Дым» и «Новь». Лапидарно, но ёмко выявляется отражение в них улавливаемой писателем смены в России от эпохи к эпохе исторически значимых представителей. Причём уже эта наиболее разработанная в тургеневедении тема обогащается рядом свежих доказательств и фактов. Например, при сопоставлении романа Чернышевского «Что делать?» с предшествующими ему романами «Накануне» и «Отцы и дети» отмечается не только «полемичность» созданного Чернышевским типа Рахметова по отношению к Базарову, но и зависимость замысла образа Рахметова от проблематики тургеневского романа, постоянно связанной с поисками нового героя, что «подтверждается, в частности, использованием в “Что делать?” характерных композиционных особенностей романа “Накануне”, сравнительной “группировки” центрального и “обыкновенных” носителей общественных настроений времени, способов их ввода в ткань повествования».[17] Используется также новый материал, такой как «не привлекавшее до самого последнего времени внимание исследователей» письмо Цвиленева, которое было прочитано во время следствия на «процессе пятидесяти» и которое было получено писателем «от неизвестного лица с примечанием,

что оно могло быть написано *Соломиным*», героем романа «Новь», противостоящим трагически разрешившемуся революционному «эмоциональному порыву» Нежданова и призывающим к изучению народа и постепенной работе с ним («[...]вносить в массу[...] элементы человеческой культуры и затем всё предоставлять переработке самого народа и истории[...]» — пишет Цвиленев).[18] Но, как подчёркивает Батюто, Тургенев даёт в своих романах не только «краткий “реестр” основных идей из истории русской общественной жизни 1840–1870 годов», правдивый и художественно яркий, но и выступает как «глубокий философ и великолепный знаток русской и мировой истории, и поборник реалистической эстетики в искусстве», поэтому автор монографии, по его словам, «стремился руководствоваться представлением о синтетичности мировоззрения писателя», сочетании в нём всех этих «нерасторжимых слагаемых».[19]

В основе раздела, посвящённого «Проблемам философии», заложено убеждение в том, что последняя «сыграла огромную централизующую роль в творчестве Тургенева, в частности в становлении его романа». В изучении философских взглядов Тургенева Батюто явился во многом новатором, так как прежде они привлекали внимание исследователей лишь в связи с целенаправленным выяснением «философской подосновы» отдельных групп произведений писателя — его ранних поэм, «Призраков» и «Довольно», цикла «таинственных повестей» и «Стихотворений в прозе». Сославшись на общие и частные работы этого плана Л. В. Пумпянского, Вл. Фишера, Л. П. Гроссмана, М. О. Гершензона, М. К. Азадовского, И. А. Винниковой, Батюто ставит перед собой задачу рассмотрения философских начал тургеневского наследия в целом.

Говоря о недооценке этого его аспекта, о неправомерности утверждения, что так называемый философский «пессимизм» Тургенева отжил «свой век», не затрагивает «современного читателя», он ставит вопрос, «не является ли этот пессимизм спутником неистребимой любви к жизни и человеку, следствием тоски по идеалу, по какому-то иному лучшему порядку в мире природы и в мире человеческих отношений [...]»[20]

Неполнота и полярность существующих представлений о философских тенденциях романистики Тургенева показываются на примере двух различных трактовок внутренней позиции героя «Отцов и детей» и в связи с ней философской сути романа, с одной стороны, в книге И. И. Векслера, определившего и то, и другое как «глубочайший философский пессимизм», восходящий к «индивидуалистической философии Шопенгауэра»,[21] с другой — Ю. Манна, пишущего о плодотворном «максимализме» Базарова, обусловленном его безграничной требовательностью «к себе и другим», об его подходе к природе с позиций ученого-естественника как к скоплению «отчуждённых [...] предметов» и замкнутости его в презрительно гордом одиночестве, не лишённом черт демонизма.[22] Сопоставляя эти суждения, Батюто выдвигает положение о необходимости пересмотра степени влияния Шопенгауэра на Тургенева и выявления ряда других близких ему философских истоков, в частности генезиса, своеобразно (в духе Писарева) охарактеризованного Ю. Манном «максимализма» Базарова, т.е. установления, «на каких пунктах послегегелевского (а может быть, и более раннего) развития философии следует искать источники формирования подобных убеждений [...]».[23] Это, по мнению исследователя, тем более важно, что между воззрениями героя и его автора можно

обнаружить некоторые точки соприкосновения, так, например, в восприятии соотношения между «равнодушием» вечной природы и мимолётностью жизни человека. В «Отцах и детях» эта проблема предстаёт как бы в двух аспектах — в скептически-материалистическом базаровском (герой умирает, согласившись на религиозный обряд, лишь когда он будет в бессознательном состоянии, для успокоения родителей) и в более сложном, тургеневском, освещённом концовкой романа с изображением старичков Базаровых на могиле сына. «Неужели, — спрашивает Тургенев, — их молитвы, их слёзы бесплодны? Неужели любовь, святая, преданная любовь не всесильна? О, нет! Какое бы страстное, грешное, бунтующее сердце ни скрылось в могиле, цветы, растущие на ней, безмятежно глядят на нас своими невинными глазами; не об одном вечном спокойствии говорят нам они, о том великом спокойствии "равнодушной" природы; они говорят также о вечном примирении и жизни бесконечной [...]»[24] Как комментарий к этому неоднозначно звучащему финалу романа приводится в книге ответ Тургенева в письме А. И. Герцену на вопрос последнего об этом «дальнем апроше к бессмертию души»: Тургенев ссылается на значимое для него отношение к Богу Фауста из одноимённой трагедии Гёте:

Кто решится Его назвать
Или сказать: «Я верю в Него»,
Кто воспримет Его своим чувством
Или осмелится сказать:
«Я в Него не верю?» *(Пер. с нем.)*

Упомянув, что в молодые годы, в пору знакомства с сочинениями Фейербаха и тесного общения с Белинским, «вопрос о реальном существовании Бога был решен Тургеневым в отрицательном смысле», Батюто вме-

сте с тем отмечает, что в дальнейшем «религиозному скепсису» писателя «нередко сопутствовало печальное сожаление об утраченной вере». По его определению, тургеневский «скептицизм» был «не воинствующим, не торжествующим, а скорее скорбящим».[25]

Глубинные традиции постановки Тургеневым проблемы о человеке как части природы, подверженной исчезновению в ходе её вечного движения, исследователь видит в тенденциях, идущих от античного наследия, высоко ценимого писателем и, как показано, внимательно им изученного. Устанавливается конкретное, а в отдельных случаях, и творчески претворённое знакомство Тургенева с Сенекой, Марком Аврелием, Лукрецием, Демокритом, Аристофаном, Катуллом, Эпикуром, Титом Ливием, Светонием и другими греческими и римскими литераторами, историками, философами. Но наиболее близок к Тургеневу по ощущению трагизма человеческого существования оказался не Шопенгауэр, как считалось ранее, а Б. Паскаль с его «Мыслями» («Pensées», 1669), перекличка с которыми широко представлена в монографии. Убедительно доказывается, что, не приемля отстаиваемой Паскалем идеи христианского смирения в её каноническом аспекте, Тургенев разделял грустные заключения французского философа о человеке как «мыслящем тростнике», уничтожаемом косой времени.[26] Учтя юношеский период прохождения Тургенева через «школу» Гегеля, Батюто большее значение придаёт воздействию на писателя Фейербаха и его версии материалистического учения. Что же касается Шопенгауэра, который в главном своём сочинении «Мир как воля и представление» (Т. 1. 1819; Т. 2. 1844) призывал подняться «на более высокую точку зрения» равнодушия и презрения к жизни, то Тургенев, подчёркивает Батюто, если

и придал в какой-то мере подобный оттенок «позе» Базарова, сам был «гуманистом, не презирал, а любил и жалел людей».[27] Влияние Шопенгауэра на Тургенева учёный локализует, главным образом, выражением взглядов писателя на историю в «Призраках» и «Довольно» с их картинами повторяемости её мрачных страниц. Анализ же в книге романов Тургенева в связи со всем его творчеством и перепиской убеждает, что в них проявляются ставшие органическими собственные убеждения писателя (в оттенках их эволюции) о трагизме законов бытия, неизбежности выбора между долгом и счастьем, взаимосвязанности людских судеб, требующей жертв, и в то же время его стремления уловить поступательный ход общественной жизни, искания путей её гармонизации и его конечная вера в перспективы цивилизации. Совпадая, по свидетельству исследователя, с Шопенгауэром в признании высокой эстетической ценности искусства и расходясь в этом плане с Чернышевским, преуменьшавшим значение последнего по сравнению с воссоздаваемой им жизнью, Тургенев возлагает надежды на особую роль воплощаемого в творениях искусства идеала. В качестве образа «суммарной» философской и этической оценки личности и творчества Тургенева приводится один из знаменательных отзывов о нём его великого собрата по перу Л. Н. Толстого: «Воздействие Тург<енева> на нашу литературу было самое хорошее и плодотворное. Он жил, искал и в произведениях своих высказывал то, что он нашёл — всё, что нашёл. Он не употреблял свой талант [...] на то, что<бы> скрывать свою душу [...] По-моему, в его жизни и произведениях есть три фазиса: 1) вера в красоту (женскую любовь — искусство). Это выражено во многих и многих его вещах; 2) сомнение в этом и сомнение во всём. И это выражено и трогательно,

и прелестно в “Довольно” и 3) не формулированная, как будто нарочно из боязни захватить её […] двигавшая им и в жизни, и в писаниях вера в добро — любовь и самоотвержение, выраженная всеми его типами самоотверженных и ярче и прелестнее всего в Дон Кихоте, где парадоксальность и особенность формы освобождала его от […] стыдливости перед ролью проповедника добра».[28] Главу эту Батюто завершает итоговым выводом о том, что представленная в романах Тургенева «летопись русской действительности» середины XIX в. (определение критиков), в рамках романной «формы», «неизбежно грешила бы известным эмпиризмом, не обладай Тургенев даже при его огромном изобразительном таланте и человеколюбии глубоко философским мышлением, неизменно включавшим как будто обычные социальные и психологические явления своей эпохи в вечный поток мировой жизни».[29]

Глава «Проблемы эстетики» открывается положением о том, что если, формируя свои воззрения на мир, Тургенев нередко обращался «к самым истокам философского мышления», то при выработке своих эстетических принципов писатель опирался преимущественно на художественную практику русской и европейской литературы.[30] В этом отношении, как отмечается, особо важны, независимо от их справедливости или субъективности отзывы Тургенева о творческих направлениях, методах, приёмах тех или иных писателей в России и на Западе. Показывается, что Тургенев отталкивается как от «цветистого», с его точки зрения, романтического стиля Гюго, так и от объективизма Бальзака и натурализма Золя, до определённой поры признаёт Ж. Санд с её гуманными утопическими стремлениями, тяготея к «благородной пушкинской простоте» и видя подлинную поэзию в «примирении идеального с ре-

альным», т.е. в «органическом синтезе этих начал».[31] У Мериме Тургенев находит близкую ему самому законченность «античной формы», отталкиваясь от её излишней холодности, интересуется творчеством Мопассана, выделяя как «жемчужину» его роман «Жизнь», но скорее на последнего сам оказывает влияние (признание Мопассана). По характеристике Батюто, Тургенев и реалист и романтик, но романтизм его проступает «в повышенном тонусе изображаемых жизненных явлений и в умении писателя “застать” своего героя в момент его душевного взлёта» (например, объяснение Елены с Инсаровым у часовни); другая не менее важная особенность тургеневского романа — «обязательное присутствие в нём типов, в переживаниях которых отражены настроения людей с сильно развитым общественным “инстинктом”» (критика Доде за то, что у него «характеры», а не «типы», Бальзака — за отражение «случайного», «внешнего»). Несправедливость высказываний Тургенева о Бальзаке объясняется, как полагает автор, столкновением «двух форм реалистического романа» и оттеняет тургеневскую «привычную для него собранную манеру художественного повествования» со сжатым, лаконичным изображением «наиболее характерного».[32]

Существенным фактором в истолковании «теории и практики» романного творчества Тургенева является определение своеобразия метода его психологического анализа по сравнению с постоянно находящимися в центре его внимания и часто подвергающимися его критике типами «диалектики души» Л. Толстого и предельного раскрытия внутреннего мира героев Достоевского с воспроизведением борьбы в нем различных тенденций. Соглашаясь с Н. Г. Чернышевским, Б. М. Энгельгардтом, М. М. Бахтиным и другими, что во многом,

«как художники-психологи, Толстой и Достоевский были гениальными первооткрывателями»,[33] Батюто особо останавливается на статье Г. А. Бялого «О психологической манере Тургенева (Тургенев и Достоевский)»,[34] в которой, в частности, тонко демонстрируются принципы изображения душевной жизни в ранних повестях Тургенева «Гамлет Щигровского уезда» и «Дневник лишнего человека» в качестве «в значительной степени» предвосхищающих показ противоречий уединённого сознания подпольного человека в «Записках из подполья» Достоевского, с тем различием, что Тургенев держался в определённых пределах, Достоевский же не соблюдал никаких ограничений. Таким образом, заключает Батюто, «мнение о прирождённой неспособности или непредрасположенности Тургенева к усложнённому анализу противоречивых психических состояний нужно признать несправедливым»[35] и выдвигает вопрос, почему же в дальнейшей своей литературной практике, в строении своих романов (за исключением, может быть, углублённого воссоздания разочарованности Нежданова в «Нови») Тургенев от форм анализа, близких к Достоевскому, отказался. Приведя ряд отрицательных суждений Тургенева о Достоевском, который, по тургеневской характеристике, смотрит на мир с точки зрения больного мятущегося сознания, исследователь подчёркивает, что важна в данном случае не ошибочность мнения, а эстетическая позиция автора «Дворянского гнезда». Отзыв Тургенева о второй части заинтересовавшего его поначалу «Преступления и наказания» как о «продолжительной колике» представлен на фоне оценки Тургеневым «Авторской исповеди» Гоголя, которую он называет «смутной чепухой», «самолюбивой вознёй с самим собою», противопоставляя ей «ясную, здравую, безлич-

ную художественность Пушкина», т.е. «пушкинскую объективность».[36] Что касается Л. Толстого, то Тургенев также отталкивается самокопанья, в его восприятии, таких, например, героев, как Оленин в «Казаках» или Левин в «Анне Карениной», и вообще от подробностей и тонкостей психологического процесса, находящегося в центре внимания Толстого. Герой же тургеневского романа, по словам Батюто, «появляется на авансцене, главным образом, в ответственные моменты жизни». Поэтому для Тургенева как психолога важны не «процесс», не «поток сознания», а «наиболее значительные его всплески».[37] Если для философской позиции Достоевского характерно стремление к постижению столкновения в сердцах людей «вечных» категорий «добра» и «зла», а для Л. Толстого — задача создания жизненного учения, способного «разрешить все проклятые вопросы его эпохи», то Тургенев «опирается на философию уже сформировавшуюся, давно и не обязательно им самим найденную, притом такую, в которой созерцательное начало заметно преобладает над началом действенным, накладывая соответствующий отпечаток на его творчество».[38] Это несхожие «разновидности реализма». Стилистический анализ романов Тургенева показывает, что его эстетике чужды исчерпывающая полнота, повторы, им противостоят приёмы умолчания и наполненных содержанием пауз, за которыми скрываются потоки чувств героев. В дальнейшем это найдёт развитие в ещё более лаконичной художественной манере Чехова. Батюто подчёркивает, что писатель, по убеждению Тургенева, должен быть психологом, но «тайным». Как пояснение к этому положению приводится высказанное Тургеневым в его рецензии на пьесу А. Н. Островского «Бедная невеста» требование: «[...] психолог должен исчезнуть в худож-

нике […]»[39] Убедительно звучит сравнение между перерывами в ходе тургеневского повествования, когда опускаются промежуточные стадии жизни героев или их переживаний, и сменой «кадров» в кино. Вместе с тем, как доказывает исследователь, Тургенев исходит из понимания «сложности человеческой натуры», используя «метод соединения “апофеозы” и критики».[40] Метод этот распространяется как на главных, так и на большинство второстепенных героев. Особенно наглядно он раскрывается на примере построения противоречивого характера Базарова, принадлежавшего к поколению «детей» и в то же время многие «убеждения которого, за исключением воззрений на художества»,[41] разделял сам автор романа (представитель поколения «отцов», сформировавшегося в 1840-е гг.).

В разделе «Проблемы жанра в романистике Тургенева» Батюто, учитывая наблюдения в этом плане И. И. Иванова, А. Е. Грузинского, А. И. Белецкого, Н. Л. Бродского, Б. М. Эйхенбаума, М. К. Клемана, Г. А. Бялого, А. Г. Цейтлина и других, сосредоточивает внимание на отдельных связанных со становлением романа Тургенева и его эволюцией не до конца решённых вопросах и на определении его основных жанровых координат. Разделяя мнение, что на развитие романа Тургенева, особенно в ранний период, «активно “работали” все литературные формы […] (очерк, повесть, драма, критическая статья и т.п.)»,[42] Батюто несколько ограничивает вывод некоторых его предшественников о том, что каждый роман предварялся ведущим к нему «циклом» повестей или выступал в их окружении: по уточнению исследователя, это действительно определяет творческую атмосферу создания «Рудина» и «Дворянского гнезда», но «нуждается в существенных оговорках» (которые позднее и сделаны)

по отношению к «Накануне» и «Нови» и неверно, когда речь идёт об «Отцах и детях». В дальнейшем отмечается и воздействие романа Тургенева на его повести, а также движение от поздних романов, в частности от «Нови», к «малым формам», к замыслам ряда новых повестей. Не соглашается Батюто и с тем, что ввиду нередкого наименования самим писателем своих романов «повестями» иногда говорят о «гибридности жанра» тургеневского романа,[43] и объясняет все эти случаи или ещё не вполне осознанным масштабом будущего произведения, или неуверенностью автора в его успехе. Это подтверждается тем, что позднее в своём собрании сочинений 1880 г. Тургенев поместил все романы целостной группой и в предпосланном этой публикации «Предисловии к романам» назвал все шесть романов, обозначив их главный жанровый признак и изложив вкратце историю их написания (комментарий к этому «Предисловию...» в академическом издании также принадлежит А. И. Батюто). Приведём здесь полностью (упомянутое нами в начале этого очерка) столь важное для Тургенева-романиста определение его основной творческой установки: «Автор “Рудина”, написанного в 1855-м году, и автор “Нови”, написанной в 1876-м, является одним и тем же человеком. В течение всего этого времени я стремился насколько хватало сил и умения, добросовестно и беспристрастно изобразить и воплотить в надлежащие типы и то, что Шекспир называет the body and pressure of time, и ту быстро изменяющуюся физиономию русских людей культурного слоя, который преимущественно служил предметом моих наблюдений».[44] Именно эту авторскую формулу — отражение «самого образа и давления времени» — Батюто рассматривает как исходную в толковании жанрового своеобразия романов Тургенева. Выявляя

в «Рудине», «Дворянском гнезде», «Накануне», «Отцах и детях», «Дыме», «Нови» и их основных героях «дух» воспроизводимого момента в жизни России, исследователь прослеживает от романа к роману «движение», соответствующее «быстро меняющейся физиономии русских людей культурного слоя».[45] Романы Тургенева, по его мнению, отличаются от его повестей не объёмом изображения, а знаковым характером типизации. «Ни в одной повести Тургенева нет таких ярких и крупных типов — выразителей общественного самосознания»,[46] как в его романах, — таков главный вывод этой главы.

В разделе «Роман Тургенева и литературные традиции» устанавливаются генетические связи романа Тургенева с рядом произведений в жанре романа и повести, созданных в России и на Западе. Констатируя, что в согласии со своей эстетикой Тургенев особо выделял из всех видов европейского романа сандовский и диккенсовский его типы, Батюто говорит о непосредственном соприкосновении тургеневской романистики с первым, причём ограничивает роль Ж. Санд (как и во всей русской литературе) в основном периодом 1840–1850-х гг. Проводится параллель между «Рудиным» и романами Ж. Санд «Орас», «Индиана» и другими, в которых развенчивался «герой слова», а также между некоторыми чертами склада женской души (чистота чувств, поиски «руководителя», жажда «деятельного добра»), изображенного в романах Тургенева (от «Рудина» до «Накануне») и творчестве французской писательницы-гуманистки, вдохновлённой идеалами утопического социализма. Но акцент в монографии сделан на оригинальных творческих результатах, на создании Тургеневым сложных реалистических образов, связанных с русской действительностью (убедителен и пример из другого жанра — упоминается

перекличка тургеневского очерка «Касьян с Красивой Мечи» из «Записок охотника» и предшествующей ему новеллой Ж. Санд «Мопра», с учётом того, что по завершении всего цикла «Записок…» Ж. Санд восприняла их восхищённо как образец для себя). Всё это позволяет автору монографии более диалектично, по сравнению с обширной работой о Ж. Санд и статьёй «Тургенев и Жорж Санд» Вл. Каренина (В. Д. Стасовой-Комаровой), решить вопрос об их творческих контактах.[47]

То же можно сказать и об освещении взаимосвязей Тургенева с его русскими современниками, в частности с И. И. Панаевым. Обнаружив сходство между сюжетом, расстановкой героев и характером их отношений с героиней в написанной ранее повести Панаева «Родственники» (в комплексе с его же фельетоном «Гениальная натура») и романа Тургенева «Рудин», Батюто раскрывает бóльшую масштабность образа Рудина как одного из ярких представителей эпохи 1840-х гг., воспитанника «кружка Пекарского» (Н. В. Станкевича), по сравнению с выведенными Панаевым, А. Д. Галаховым, Ф. Ф. Коршем, Ап. Григорьевым в центре их повестей рядовыми людьми той же поры. Недаром, по замечанию Батюто, одним из прототипов Рудина был М. Бакунин, и не случайно Тургенев завершает судьбу этого «бесприютного скитальца» гибелью его на баррикадах, придавая тем самым всему произошедшему с ним особую трагическую углублённость. Подчёркивается, что во втором издании «Родственников» Панаев дополняет уже под влиянием тургеневского романа биографию героя своей повести сведениями о воздействии на него «известного кружка». Как ещё более показательная, рассматривается в книге творческая история романа «Накануне», в основу разработки сюжетной

ситуации которого была положена, по свидетельству самого Тургенева, оставленная ему погибшим соседом Каратеевым тетрадь с набросками повести «Московское семейство» о патриоте-болгарине Катранове и полюбившей его девушке из этого семейства: после ряда неудавшихся попыток опубликовать повесть Тургенев значительно трансформировал и художественно развил намеченные в ней событийные линии и особенно характеры героев в своем романе «Накануне». Как и в первом случае с «Родственниками» Панаева, так и во втором — с «Московским семейством» Каратеева, «сказались, — пишет Батюто, — одни и те же принципы преображения сюжета “средней” по своему идейно-эстетическому качеству повести в проблемный роман — произведение большого идейно-художественного, общественного и даже общественно-политического значения».[48]

Более сложным считает Батюто вопрос о болезненной реакции Гончарова (см. его «Необыкновенную историю») в связи с некоторым сюжетным и образным соприкосновением между его романом «Обрыв» и, как он полагал, всеми романами Тургенева, кроме первого и последнего, т.е. «Дворянским гнездом», «Накануне», «Отцами и детьми», «Дымом». Гончарову мысль об «искусной перелицовке» в «Дворянском гнезде» и «Накануне» его «Обрыва» казалась тем более достоверной, что он ранее познакомил Тургенева с планом своего романа. В монографии приводится решение третейского суда литераторов (по требованию Тургенева) от 29 марта ст. ст. 1860 г., в заключении которого говорилось, что «произведения Тургенева и Гончарова как возникшие на одной и той же русской почве» естественно имели «несколько схожих положений», случайных совпадений, «в некоторых мыслях и выражениях, что

оправдывает и извиняет обе стороны».[49] Однако Батюто уходит от упрощённого решения этого вопроса. Он учитывает такой фактор, как «неуверенность в сюжетостроении» Тургенева-романиста до «Отцов и детей» и возможность невольного восприятия и развития им некоторых намёток Гончарова, обладавшего, по отзыву Тургенева, более других современных ему писателей, даром «архитектурной постройки».[50] Но сопоставляя, например, взаимоотношения Веры и бабушки в «Обрыве», Лизы и её тетки в «Дворянском гнезде», Веры и Марка Волохова гончаровских с Еленой и Инсаровым в «Накануне» и т.д. и т.п., Батюто показывает, как далеко уходит Тургенев и в обрисовке взаимоотношений этих героев, и в конечном разрешении иногда возникающих сходных ситуаций. В наиболее близком ключе предстают художники Райский («Обрыв») и Шубин («Накануне»), но и в самих их типах и манере их описания (как и других персонажей), более детальной и обстоятельной у Гончарова, и краткой с изображением наиболее значительных черт и моментов у Тургенева, выявляются существенные различия. Столь же непохожими в конечном итоге получились и образы Беловодовой в «Обрыве» и Одинцовой в «Отцах и детях», тем более, что с первой у Гончарова было в какой-то мере связано представление о спокойном семейном счастье, критикуемое Тургеневым (с его точки зрения, «чиновничье»).

Наиболее значимыми и близкими для Тургенева, подчёркивает Батюто, оказались традиции Грибоедова и, тем более, Пушкина. «Преемственные связи романа Тургенева с творчеством Пушкина и Грибоедова, — пишет исследователь, — ощущаются в его языке и стиле, сказываются на приёмах изображения характеров, придают нередко пушкинско-грибоедовскую окраску

даже строю художественного мышления». И далее он следующим образом определяет позицию Тургенева в борьбе на арене «слова» различных идеологических направлений шестидесятых годов: «Русская классическая литературная традиция используется в романистике Тургенева в качестве одного из действенных средств образного утверждения и защиты основных идейно-эстетических убеждений писателя».[51] Проводится параллель между рядом сцен и диалогов в романах Тургенева и в «Горе от ума» Грибоедова (сопоставляется, например, разговор Кукшиной с Базаровым в XIII главе «Отцов и детей» с подобным же обменом репликами Молчалина и Чацкого — действ. III, явл. 3). Ссылаясь на отзыв А. Н. Плещеева о «Дыме», отметившего в изображении светского общества Тургеневым «грибоедовскую меткость», Батюто говорит о скрещении в этом романе в картинах разоблачения «бешенства сплетни» грибоедовского и гоголевского начал.[52] Несколько неожиданным, но интересным представляется соотнесение западника Потугина из «Дыма» и Чацкого. Потугин характеризуется как соединение Чацкого и Фамусова и в какой-то мере самого Тургенева, убеждённого в необходимости для движения России по пути прогресса освоения лучшего на Западе. Разница между Чацким и Потугиным видится исследователю в том, что Чацкий опережает своё время, а Потугин завершает своё. Для вернувшегося в Москву Чацкого и «Дым отечества и сладок и приятен», а герой тургеневского «Дыма», по словам Батюто, «освободился от подобных иллюзий». «Обращение к традиции Грибоедова явилось, по-видимому, одной из причин, породивших так называемую дегероизацию “Дыма”, существенное видоизменение в нём некоторых структурных особенностей, типичных для предшествующих

тургеневских романов [...] Таким образом, к основным этическим жанрам, непосредственно способствовавшим становлению и развитию тургеневского романа (роман и повесть), следует присоединить жанр драматический — “комедию” в её высоко гражданском грибоедовском звучании»[53] — таков заключительный вывод этой подглавки.

Обращаясь к вопросу «Тургенев — Пушкин», Батюто прежде всего выделяет «конструктивную роль» для становления Тургенева-романиста «Евгения Онегина», которым было положено начало развитию особого, так называемого культурно-героического жанра (термин Л. В. Пумпянского) в истории русского реалистического романа, «главными отличительными признаками которого являются изображение центрального героя, выражающего дух своей эпохи и суд над ним».[54] Традиция эта обогатилась в романе Лермонтова «Герой нашего времени» и нашла своеобразное продолжение во всех романах Тургенева. Героини тургеневских романов (как показывается, включая и Ирину из «Дыма») несут в себе черты, родственные, в первую очередь, пушкинской Татьяне. Что касается всех персонажей романистики Тургенева, то иногда они выведены в русле следования тому или иному гоголевскому плану (например, обличительному — Стахов в «Накануне», Кукшина и Ситников — в «Отцах и детях», или сочувственно-юмористическому — Фимушка и Фомушка из «Нови», положительная окраска в образах которых как представителях для Тургенева более цельного XVIII в. усилена по сравнению со «Старосветскими помещиками» Гоголя), но чаще всего это органическая пушкинско-тургеневская линия. «Идеалы Пушкина, — поясняет Батюто, — Тургеневу были очень близки, и эта близость усугублялась наличием многих родственных

черт в самой природе их таланта. Обоим, например, присуща то светлая, то грустная, зачастую подчёркнуто интимная лирико-философская созерцательность, редко омрачаемая вера в такие вечные категории, как разум, добро, искусство, любовь, красота и т.п.».[55] Интересны и упоминания об обращении (творческом или оценочном) Тургенева и к «Дубровскому» Пушкина, и к его «Цыганам» (разносторонней обрисовке типа Алеко). Принципиальное значение для исследователя имеет установление общности в неприятии обоими писателями разрушительного начала при их конечных демократических устремлениях в целом, Пушкиным — смуты народного «бунта, бессмысленного и беспощадного», Тургеневым — полного «нигилистического» отрицания, с учётом того, что критическое отношение не мешало объективному художественному воспроизведению носителей этих начал, не исключало симпатии у Пушкина к Пугачёву, а у Тургенева к Базарову. Характеризуя тип трагизма в романе «Отцы и дети», Батюто отмечает, что «наряду с шекспировско-пушкинскими принципами», Тургенев применял в нём «один из основных принципов построения античной трагедии (“обе стороны до известной степени правы” […]), что сказалось весьма заметными последствиями на результатах его художественных обобщений».[56] Роман этот, в котором «с наибольшей отчётливостью проявились» художественные традиции «античности, Шекспира, Гёте и, наконец, Пушкина», нашедшие отражение в диалектическом стремлении писателя «воздать должное каждой из враждующих сторон», рассматривается как показатель не только «таланта, ума, нравственного чувства и живейшего интереса к общественной жизни» Тургенева-романиста, «но и его громадной эрудиции в области философии, истории и литературы».[57]

Остановившись столь подробно на центральной монографии Батюто, посвящённой основной философско-эстетической проблематике творчества Тургенева, далее лапидарно наметим направление его последующих не менее оригинальных исследований — с целью ориентации в них заинтересованного и внимательного читателя. Первое, что следует отметить, и теперь работа Батюто строится определёнными циклами, ведущими к большим обобщениям, в частности, ко второй более поздней монографии. По завершении первого академического издания Тургенева, Батюто в середине 70-х гг. как опытный текстолог был привлечён к участию в подготовке научной группой Пушкинского Дома под руководством Г. М. Фридлендера издания Полного академического собрания сочинений Ф. М. Достоевского. Но размышления учёного над различными аспектами творчества Тургенева и его связями с литературным процессом продолжались. В 1977 г. он выступает со статьёй «Тургенев и некоторые писатели антинигилистического направления», опубликованной издательством «Наука» в сборнике «Тургенев и его современники». В статье этой Батюто, обращаясь к истории вопроса, ссылается, с одной стороны, на решение его в литературоведении 1920 — начала 1930-х гг., в частности А. Г. Цейтлиным, считавшим (как и другие) Тургенева основоположником антинигилистического романа, а его романы «Отцы и дети», «Дым» и «Новь» — одной из его разновидностей («психологической»), с другой стороны, учитывает более осторожный подход в более поздних исследованиях, например, В. Г. Базанова (1939 г.), если по-прежнему и возводившего антинигилистический роман к Тургеневу, то считавшего, что писатели-антинигилисты в их «реакционно-охранительных» произ-

ведениях заимствовали у него главным образом «приёмы шаржировки» изображения нигилистов низшего пошиба (Ситникова, Кукшиной) и не поднялись до тургеневского Базарова как типичного выразителя «чаяний» молодого поколения, или Ю. С. Сорокина, который в своей статье «Антинигилистический роман»[58] вообще не упомянул о какой-либо связи этого типа романа с Тургеневым.[59] Учитывая признание и сожаление самого Тургенева об его «независимом от личной воли» участии в становлении антинигилистического романа и, кроме того, факт зачастую спекулятивного обращения писателей этого лагеря «к современной большой литературе», Батюто выявляет «совокупность многоразличных образных и сюжетно-композиционных связей антинигилистического романа почти со всей романистикой Тургенева и отчасти творчества других крупных писателей».[60] В поле его зрения и яркий и самобытный автор романов «Некуда» и «На ножах» Н. С. Лесков, который, по словам исследователя, «утрировал и “развивал” Тургенева, но никогда не подражал ему», и рядовые беллетристы, стремившиеся сказать «новое» слово о нигилизме и грешившие грубым подражанием Тургеневу и многим другим «классикам»;[61] среди последних выделяются как «самые заметные фигуры» — Всеволод Крестовский и Болеслав Маркевич. Устанавливается и хронологический рубеж в ходе изменения направленности преломления или копирования тургеневских ситуаций, образов и мотивов — более серьёзный и не лишённый иногда трагической окраски в 1870-е гг. и пародийной вульгаризаторской — в 1880-е гг. Раскрывая на фоне аналогичных тенденциозных построений, ориентированных на романы Тургенева, глубину образной системы «Дворянского гнезда», «Накануне», «Дыма» и «Нови»,

и в первую очередь объективность, сложность воспроизведения в «Отцах и детях» молодого демократа, естественника и медика Базарова, представителя так называемых «нигилистов», Батюто оттеняет эпигонский эклектический характер основной массы антинигилистической беллетристики тех лет.

С этим вызвавшим наибольшие споры романом Тургенева связана и статья Батюто «К истории создания романа И. С. Тургенева “Отцы и дети” (По поводу одной публикации)», которая является откликом на напечатанные в 1984 г. за рубежом новозеландским учёным-славистом Патриком Уоддингтоном «формулярные списки» действующих лиц, составленные Тургеневым в процессе обдумывания романа. Батюто подчёркивает, что в них обозначено несколько прототипов Базарова («Смесь Добролюбова, Павлова и Преображенского») и что на первое место среди них поставлен Добролюбов, напоминает о своей аргументации относительно отражения Тургеневым некоторых значительных моментов публицистической позиции последнего. Напомнив о провинциальном враче И. В. Павлове и об институтском товарище Добролюбова, критике Н. С. Преображенском, черты которых также в какой-то степени были художественно синтезированы Тургеневым, исследователь не исключает и предвосхищения писателем в Базарове «радикального мироощущения ещё только “начинающего” Писарева»,[62] который позднее в своей статье об «Отцах и детях» подчеркнул родственность близкой ему части молодого поколения базаровского типа. Батюто возражает против заключения Уоддингтона о том, что в планах герой романа «выглядит симпатичнее», чем в окончательном его тексте, тонко анализируя введённое на позднем этапе в роман описание последней

встречи умирающего Базарова с Одинцовой, во время которой прорывается «поэтический» всплеск его чувства. Не предусматривался в набросках плана и заключающий роман «requiem», реквием, который, по словам Батюто, «действительно “примиряет” нас как с героем романа, так и с самим его создателем».[63] Пристальное внимание в этой статье Батюто уделяет и воплощению в романе «Разных отдельных замечаний и мыслей», фиксируемых Тургеневым в ходе работы над «Отцами и детьми», уточняет их прочтение (например, реплики Базарова, обращённой к Аркадию, перекликающейся по смыслу со статьёй Н. Г. Чернышевского «Русский человек на rendes-vous»).

Параллельно, как отмечалось, в эти же годы А. И. Батюто участвует в подготовке текстов и комментировании художественного и эпистолярного наследия Ф. М. Достоевского для его научного академического издания. В томе 15-м (Л., 1976) ему принадлежит § 12 комментария к роману «Братья Карамазовы», посвящённый разбору откликов на роман современной ему критики. В томах 19-м (Л., 1979) и 20-м (Л., 1980) он готовит тексты и примечания к ряду публицистических статей Достоевского 1861–1864 гг.: «Образы чистосердечия», «“Свисток” и “Русский вестник”», «Ответ “Русскому вестнику”», «Литературная истерика», «По поводу элегической заметки…», «Рассказы Н. В. Успенского», «Два лагеря теоретиков» (при участии Г. М. Фридлендера), «Щекотливый вопрос», «Ответ редакции “Времени” на нападение “Московских ведомостей”», «Каламбуры в жизни и литературе». В 25-м и 26-м томах (Л., 1983; Л., 1984) Батюто принадлежит реальный комментарий к «Дневнику писателя» Достоевского за январь-август и сентябрь-октябрь 1877 г. и подготовительным материалам к выпуску за июль-август,

а в серии «Писем», томе 28-м, книге 2-й (Л., 1985) — публикация и комментирование основного состава писем Достоевского 1863–1866 гг. Вся эта работа дала возможность Батюто вникнуть в художественно-эстетическую систему и публицистическую программу Достоевского, а постоянная приверженность мысли исследователя миру Тургенева позволила обратиться к вопросу о сложных взаимоотношениях писателей и к сопоставлению их творческих методов.

Первая статья учёного, касающаяся контактов этих, казалось бы, столь непохожих, порой отталкивающихся друг от друга современников, была опубликована в 1977 г. под названием «Признаки великого сердца... (К истории восприятия Достоевским романа “Отцы и дети”)».[64] Знаменательно то, что она посвящена отклику Достоевского на противоречиво, а зачастую и отрицательно встреченный критиками разных лагерей роман Тургенева, посвящённый теме смены поколений и столкновения между представителями старой дворянской интеллигенции и молодыми разночинцами-демократами. Эпистолярный отзыв Достоевского о романе и его главном герое до нас не дошёл, но о том, насколько он глубоко проник в замысел Тургенева, можно судить по приводимому в статье ответу последнего от 18 (30) марта 1862 г.: «Вы до того полно и тонко схватили то, что я хотел выразить Базаровым, что я только руки расставил от изумления-удовольствия. Точно Вы в душу мне вошли и почувствовали даже то, что я не счёл нужным вымолвить. Дай бог, чтобы в этом сказалось не одно чуткое проникновение мастера, но и простое понимание читателя, чтобы все увидели хоть часть того, что Вы увидели!»[65] Ключом к восстановлению содержания утраченного отзыва Достоевского о Базарове, который и использует Батюто, является

выступление его в «Зимних заметках о летних впечатлениях» (1863) против резкого осуждения тургеневского героя М. А. Антоновичем, вообще вызывавшим у Достоевского-«почвенника» неприятие как ни в чём не сомневающийся «цивилизатор». «С каким спокойным самодовольствием, — иронизирует Достоевский, — мы отхлестали, например, Тургенева за то, что он не осмелился не успокоиться с нами и не удовлетвориться нашими величавыми личностями и отказался принять их за свой идеал, а искал чего-то получше, чем мы [...] Ну и досталось же ему за Базарова, беспокойного и тоскующего Базарова (признак великого сердца), несмотря на весь его нигилизм».[66] «Едва ли можно сомневаться в том, — заключает исследователь, — что диалектически-сложная трактовка тоски и беспокойства как выражения склонности к критике, к отрицанию, неизменно сопровождающимся, однако, смутной или уже осознанной жаждой высокого идеала, легла в основу отзыва о Базарове в письме Достоевского».[67] В статье приводятся и другие доказательства из публицистики и переписки Достоевского, свидетельствующие о высоком значении, придаваемом им мотивам неудовлетворённости, самокритики, исканий (например, суждение Достоевского о том, что в «Мёртвых душах» Гоголя и сатирических произведениях Щедрина проявилась народная «способность осуждения, самобичевания», таящих «страстную тоску о здоровьи», или утешительное признание в письме к А. Е. Врангелю в том, что живущее и требующее жизни «сердце» непременно «ждёт и тоскует»). Наличие аспекта «тоски и беспокойства» Батюто обнаруживает в том или ином виде на протяжении всего творчества самого Достоевского, начиная, например, со статьи «Книжность и грамотность» (1861), где он

восклицает о пушкинском Онегине: «О, если б он был настоящим эгоистом, он бы успокоился!»[68] — и кончая его речью о Пушкине с темой ищущих русских «скитальцев». Особой «тоской» наделены бунтари романов Достоевского типа Ивана Карамазова. Обращает внимание Батюто и на характеристику Байрона в статье «Г-н –бов и вопрос об искусстве», в которой Достоевский отмечал, что чередование минут почти «отчаяния», «какого-то безотчётного позыва, колебания, недоверия» и «энтузиазма» в порыве перед вековечными «идеалами красоты» свойственно всем большим поэтам и художникам, и ссылался на подтверждение своей мысли в стихотворении А. Фета «Диана». Останавливаясь на обосновании Достоевским в статье «Два лагеря теоретиков» (1862) необходимости сближения образованного общества с народом, Батюто сравнивает высказанную в ней тревогу по поводу существующего разрыва с размышлением над этим же вопросом Базарова, который как «труженик» ближе стоит к народу, чем рассуждающий о том же «аристократ» Павел Петрович Кирсанов. Подчёркивается, что последнему Достоевский в статье «Щекотливый вопрос…» внутренне уподобляет Оратора, в образе которого выводит «англомана» М. Н. Каткова, пародируя черты романтизированного тургеневского персонажа. Отношение Достоевского к «Отцам и детям», как оттеняется в статье, перекликалось с оценкой этого романа А. Н. Майковым (возможно, и В. П. Боткиным, как отмечал Тургенев, но отзыв которого остался неизвестным) и расходилось с толкованием общего смысла романа Н. Н. Страховым, считавшим Базарова побеждённым «самою идеею этой жизни».[69] Это несовпадение важно было констатировать, потому что Страхов выступал на страницах журнала «Время», где обосновывались дорогие Достоевскому

идеи «почвенничества», в свете которых, однако, он дал иную более углублённую трактовку героя «Отцов и детей» и «высокую оценку» этому роману в целом.

Общей постановке проблемы творческих связей между Тургеневым и Достоевским посвящена статья А. И. Батюто 1979 г. «Достоевский и Тургенев в 1860–1870-е годы (Только ли история вражды?)».[70] В статье показывается, что, несмотря на различия, интерес писателей друг к другу, их соприкосновение ощущается не только в сфере сюжетосложения и психологического анализа («Дневник лишнего человека…» и «Записки из подполья»), но и в плане их размышлений над вопросами общественной жизни и искусства. В начале 1860-х гг. Достоевского сближало с Тургеневым его противостояние М. Н. Каткову, отразившееся в его полемических статьях, направленных против издаваемых последним «Русского вестника» и «Московских ведомостей», а также критическое восприятие утилитарного подхода к искусству, долговечность которому, и по Достоевскому и по Тургеневу, придаёт в первую очередь лежащий в их основе идеал «красоты» (в статье сравниваются позиции Достоевского в статье «Г-н –бов и вопрос об искусстве» и Тургенева в очерке о Белинском из «Литературных и житейских воспоминаний»). Появление тургеневских «Призраков» на страницах журнала Достоевского «Эпоха», положительный отклик на них Достоевского в письме к Тургеневу, а с другой стороны, аналогичное восторженное приветствие Тургеневым «Записок из Мёртвого дома» Достоевского, в которых картина «бани» характеризуется как «дантовская», всё это закономерно для этого периода, но и позднее, по свидетельству Батюто, после «Дыма» и последовавшей за ним ссоры писателей 1867 г. интерес их друг к другу и перекличка между

ними «не гаснут». Обозначим лишь вкратце точки соприкосновения «западника» Тургенева и «почвенника» Достоевского, убедительно выявленные в этой статье: 1) положение Достоевского во «Введении» к «Ряду статей о русской литературе» (1861): «Научите хоть одного мальчика грамоте, вот вам и деятельность», ставшее программой, излагаемой Соломиным Марианне в «Нови» (1877), 2) обращение к образу изобретённого (или нет) русскими «самовара» в «Зимних заметках о летних впечатлениях» (1863) и в западнических филиппиках Потугина в «Дыме» (1867), а позднее уже с новым идеологическим противовесом фигурирующее в статье Достоевского «Сбивчивость и неточность спорных пунктов» (1876), 3) употребление тем же Потугиным по отношению к русским «прогрессистам», твердящим зады «европеизма», выражения «старый стоптанный башмак», применённого ранее Достоевским в статье «Два лагеря теоретиков» по отношению к газете И. С. Аксакова «День», что свидетельствовало, с одной стороны, о критическом отношении близкого Тургеневу героя к отсталым или модничающим западникам, с другой — о признании Достоевским необходимости освоения культурных достижений Европы, 4) сочувственное восприятие Достоевским разоблачительного воспроизведения светской жизни в «Дыме» на фоне отталкивания его от прославления высшего света в романе В. Г. Авсеенко «Млечный путь» («Дневник писателя», 1876), 5) отражение мотива потугинского рассказа о склонности «русских» приврать в очерках Достоевского «Нечто о вранье» («Дневник писателя», 1873) и «Русские лгуны» («Дневник писателя», 1876) и т.д. И Достоевский и Тургенев, отмечает Батюто, любя свой народ, критически относились к такому явлению, как пьянство, но горькие строки о нём в «Днев-

нике писателя» (1873; 1876) сочетались у Достоевского с верой в особую, по сравнению с европейскими, объединительную миссию русского народа. И он в том же «Дневнике писателя» (в февральском и мартовском выпусках 1877 г.), агитируя за помощь южнославянским народам в их войне с Турцией, саркастически откликнулся на стихотворение героя «Нови» Нежданова «Сон», в котором, по его словам, Россия и её народ представлены «лишь в образе пьяной бабы со штофом в руках». На этом примере в статье раскрывается сложный комплекс созвучия и противоречий в общественных настроениях писателей.[71]

Но более всего Тургенева и Достоевского объединяет, заключает исследователь, их отношение к русскому языку, отразившееся в известном стихотворении в прозе Тургенева «Русский язык» (1882), написанном уже после смерти Достоевского, но несущим в себе общее для них ощущение богатого потенциала родного языка, внушающее им веру в достойное будущее русского народа. Родной язык оба писателя считали единственно возможным языком их творчества (что подтверждается конфликтом между Тургеневым и А. С. Сувориным, опубликовавшим обратный перевод с французского одного из рассказов Тургенева, полемикой вокруг этого в прессе и откликом на неё Достоевского).

К этой статье примыкает и публикация письма к Достоевскому как к постоянному ценителю Пушкина и знатоку русского языка от 11 марта 1878 г., подписанного псевдонимом «Один из Потугиных». В письме этом содержалась просьба защитить честь Пушкина, публикация писем которого к жене в «Вестнике Европы», подготовленная Тургеневым, вызвала резко отрицательные отклики (Е. Л. Маркова, В. П. Буренина и др.). Характерно, что в этом письме упоминается

опера Глинки «Жизнь за царя», которую ругал Потугин из «Дыма» и за которого раскаялся тоже западник «Один из Потугиных», признав её национальным достоянием. Это письмо (Достоевский не смог на него откликнуться из-за прекращения «Дневника писателя» за этот год), по словам Батюто, «объективно» подтверждало «потенциальную возможность примирения Достоевского с Тургеневым» на почве «постановки вопроса о языке в романе “Дым” и “Дневнике писателя”».[72]

Тезис о позитивных результатах творческого общения Тургенева и Достоевского, часто спорящих друг с другом и в то же время в каких-то гранях сближающихся, подкрепляется новыми данными в статье Батюто 1982 г. «Идеи и образы (к проблеме “И. С. Тургенев и Ф. М. Достоевский в 1860–1870-е годы”)». Казалось бы, после «Дыма», отрицательно встреченного Достоевским, и в пору пародийного изображения Тургенева в «Бесах» в лице Кармазинова должно было наступить отчуждение, но, как убеждает статья, звенья сложно соединяющей их цепи не обрываются. Возмущаясь, что в памфлетном образе Кармазинова он представлен «тайно сочувствующим “нечаевской партии”», Тургенев недоумевал также, как мог Достоевский объектом высмеивания выбрать его повесть «Призраки», единственное его произведение, напечатанное ранее автором «Бесов» в собственном журнале и вызвавшее тогда его благодарность и похвалу. Батюто разъясняет на основании сравнения письма, адресованного Тургеневу после получения от него повести и эпистолярных же сообщений о ней брату (М. М. Достоевскому), что и на раннем этапе в 1863–1864 гг. Достоевский был склонен к разностороннему, диалектическому восприятию «Призраков» и в толковании их исходил из «почвеннического начала» и (как считал А. С. Долинин) в отражённой в них

«тоске развитого и сознающего существа» эпохи повествователя видел нечто сродное тоске мыслящих людей из «верхнего слоя» русского общества, с горечью сознающих свой отрыв от народной «почвы».[73] Этот подход приводил Достоевского то к положительной, то к отрицательной оценке «Призраков», причём отталкивание от этой тургеневской повести у него особенно усилилось в поздние годы, когда он в ней начал усматривать причудливую игру индивидуалистического, эгоистического начала. Но несмотря на некоторые сдвиги к 1870-м гг. как в осмыслении Достоевским отдельных произведений Тургенева, так и в их личных отношениях, развёрнутый сопоставительный анализ «Бесов» и «Отцов и детей» позволяет Батюто обнаружить «тяготение Достоевского к использованию и развитию тургеневской традиции в изображении нигилизма» и прийти к следующему выводу: «Некоторые мотивы и эпизоды тургеневского романа, включённые в систему идей и образов “Бесов”, получили в ней гиперболическое преображение и до пределов осложнились психологически. Таким образом Достоевский не подражал Тургеневу, а “развивал” Тургенева», и это прежде всего коснулось «пары образов: Базаров — Ситников и Ставрогин — Верховенский». Находя непосредственно общим у Базарова и Ставрогина «трагическое ощущение бытия», Батюто в то же время индивидуализировал отношение к ним Достоевского: если первый из них не был для него «потерянным человеком» и нёс в себе начала «протеста, необходимого обществу и спасающего его от “застоя”», то второй принадлежал к «категории русских образованных людей», совершенно «отделившихся от народа», «трагизм» положения которых усугублялся «уходом из лагеря беспокойных атеистов в лагерь атеистов вялых и индифферентных».[74]

Среди работ А. И. Батюто, связанных с Достоевским, необходимо ещё упомянуть его статью «Незамеченные отклики на “Анну Каренину” в “Дневнике писателя”», посвященную автору «Дневника…» как восприимчивому читателю этого романа Л. Толстого, не только прямо отреагировавшему на него в выпусках «Дневника…» 1877 г. за февраль и июль-август (причём в первом полностью одобрительно по отношению к «чистому сердцем» Левину, во втором критически ввиду выхода в свет восьмой части романа, где тот же Левин усомнился в сочувствии тёмной массы народа «восточному вопросу», волновавшему Достоевского), но и в майско-июньском выпуске, где ставится вопрос о зависимости просвещения народа прежде всего от правильной организации земледелия и возникает параллель между рассуждениями Достоевского и диалогом между Левиным (Толстым) и либеральным помещиком Свияжским.[75] В статье отмечается, что если в этом выпуске Достоевский солидарен с Левиным и Толстым (отстаивает первоочерёдность земледельческого переустройства), то уже в июльско-августовском выпуске (после разочарования в Левине) Достоевский объединяет обе эти точки зрения, упрекает осуждающих русский народ за необразованность и не зачитывающих эту исторически сложившуюся черту в момент, когда он посылает добровольцев, чтобы поддержать «братьев-славян». Знаменательно и выловленное Достоевским, а затем Батюто слово «херувимчики», употреблённое Левиным в третьей части «Анны Карениной» в применении к детям Долли Облонской, приученным говорить главным образом на французском языке; слово это появляется четыре раза в беседе автора «Дневника писателя» с «маменькой», воспитывающей детей за границей, — сначала в 1876 г., а затем в том же майско-июньском вы-

пуске 1877 г. Исследователь находит, что в обличении «маменьки» Достоевскому помогает и тургеневский «Дым», подчёркивая этим, что требование обучения подрастающего поколения родному языку, хорошего владения им объединяет трёх русских классиков.

В трёх других статьях Батюто 1980-х гг. имена Тургенева и Достоевского сопрягаются с именем наиболее влиятельного в начальный период их творчества критика В. Г. Белинского и отчасти А. И. Герцена. Вопреки тенденциозной недооценке в литературоведении наших дней исторической и личностной значимости «глав» разночинной демократии того времени в этих статьях прослеживается роль Белинского в формировании основ реалистической эстетики русской литературы XIX в. Эти статьи явились для Батюто ступенями ко второй его монографии, а также к другим задуманным им работам. В статье 1984 г. «Тургенев и Белинский (к вопросу об идейно-эстетических связях)» исследователь учитывает обращения к данной теме С. Ашевского, Н. Л. Бродского, М. П. Алексеева, М. К. Клемана, Г. А. Бялого, но избирает свой особый поворот её раскрытия, на материале конкретных сопоставлений доказывая, что и «в 50–70-е годы давно умерший критик» как бы выступает «незримым, но единственно авторитетным арбитром» в «идейных спорах» Тургенева «как с современниками, так и с героями его художественных произведений».[76] Статья содержит ряд свежих находок, обоснованных выводов и аргументированных гипотез. Не вдаваясь в подробности, лишь обозначим некоторые из них. В статьях Белинского выдвигается положение о проявлении в искусстве внешних и внутренних целей и в свете его блистающей показными эффектами прозе Марлинского противопоставляется глубокая поэзия Пушкина, Лермонтова и Баратынско-

го; подобный же взгляд на соотношение внешне романтического и идущего от подлинно глубокой мысли характерен и для Тургенева, который, например, в повести «Первая любовь» насмешливо воспроизводит образ ультраромантика поэта Майданова. В диалоге между Литвиновым и Потугиным из «Дыма» возникает тема о сочетании в чувстве последнего к России «любви и ненависти», на органичности и плодотворности которых настаивает и Белинский, в спорах и обсуждениях, касающихся понятия «народности». Речь одного из «генералов» в «Дыме», призывающего вернуться назад к старым порядкам и нравам Московской Руси, имеет много иронически интерпретируемых параллелей в выступлениях Белинского против славянофилов. Устанавливается, что на «Антигону» Софокла со сложным переплетением в ней различных категорий нравственных законов и трагедийным разрешением этого конфликта впервые обратил внимание Белинский, Тургенев же дал свою глубокую художественную разработку этой дилеммы в «Фаусте», «Дворянском гнезде», «Отцах и детях». В одной из рецензий Белинского подмечен образ «угасающей лампады», который особое звучание приобретает как в финале «Рудина», так и в описании кончины Базарова, прощания его с Одинцовой. Особое внимание уделено в статье тому факту, что Белинскому Тургенев посвятил первое отдельное издание «Отцов и детей» и собирался предпослать к этому изданию предисловие, в котором, определяя Базарова как «настоящего отрицателя», первым в ряду подобных называл Белинского; отказ от этого предисловия тоже рассматривается как не случайный. У Белинского и Базарова фиксируются и родственные, и противостоящие черты — например, насколько для первого эстетический критерий в подходе к искусству

был важен, настолько второй намеренно впадал в его отрицание и т.д. В итоговой характеристике восприятия Тургеневым личности и критики Белинского отмечалось, что если для него, судя по «Литературным и житейским воспоминаниям», меньшее значение имело «политическое революционно-демократическое начало в критической деятельности Белинского», то «общефилософское же и эстетическое наследие Белинского представлялось ему неизменно громадным и бесценным. Одно из свидетельств этому — разработка идей и образов романа “Отцы и дети”».[77]

В статье 1987 г. (вернее, двух статьях) «Герцен, Белинский и идейная концепция романа Тургенева “Дым”» опровергается общепринятая точка зрения «исключительно» об отталкивании между Тургеневым и Герценом в их спорах вокруг идейной проблематики этого романа. Подробно разбирая оттенки их противостояния и связей, Батюто заключает: «Объективная полемика Тургенева с Герценом как до создания романа “Дым”, так и в нём самом была чревата достижением известного компромисса. Полностью не соглашаясь друг с другом по такому важному вопросу, как “русский” социализм [...] и тот, и другой стремился найти общий язык при оценке значения для России петровских реформ и противопоказанной им славянофильской идеологии. Эта вторая задача была решена ими в положительном смысле [...] <по выражению Герцена> лишь “наполовину”».[78] Полное же единомыслие, по сравнению с Герценом, бывшим для Тургенева «полузападником, полуславянофилом», объединяет автора «Дыма», как показывается во второй статье, с «последовательным западником» Белинским.[79]

К этой же проблематике примыкает и статья Батюто «Белинский в восприятии Достоевского (1860–1870-е

годы)», предназначенная для посвящённого Белинскому сборника, которая оставалась неопубликованной из-за того, что сборник не вышел и напечатана в наши дни в той же «Русской литературе». Имея в виду системное изучение взаимосвязей писателей в монографических книгах В. Кирпотина и С. Ашевского, Батюто ставит перед собой цель не повторять сказанного ранее, а обогатить представление о них «новыми данными, извлекаемыми по преимуществу из глубин публицистики Достоевского» шестидесятых годов. По словам автора статьи, «славянофильско-почвеннические тенденции, хотя подчас довольно широко понимаемые», с включением «выдвигавшихся Достоевским тезисов о всечеловеческом братстве», в конце концов возобладали в его публицистике, но без учёта «колебаний его между двумя крайностями (славянофильство и западничество)» нельзя понять его сложных отношений с рядом современников и в первую очередь с Белинским. Отсылаем читателя к целому ряду вновь выявленных наследием Белинского и публицистическими выступлениями Достоевского, тем более аргументированных, что в 1859–1862 гг. вышло в свет первое собрание сочинений критика и писатель имел возможность освежить их в памяти.[80] Как всегда, кроме идейно-содержательных совпадений Батюто удаётся уловить отдельные языковые приёмы и словесные образы, встречающиеся в статьях Белинского, которые начинают новую жизнь в публицистике Достоевского (например, выражение «скакать верхом на палочке» или «китайский мандарин», переименование Белинским газеты «Маяк» в «Плошку» с намёком на «неярко-чадное его свечение», а Достоевским «Искры» в «Головешку» и т.д.). Батюто даёт своё объяснение предположению Достоевского этой поры о том, что

Белинский с его страстностью исканий и темпераментом мог в конце концов стать «славянофилом», и тому, что в начале 1870-х гг. писатель, работая над «Бесами» и числя Белинского и Грановского в рядах «отцов» Нечаева, делал акцент на атеистических воззрениях критика, не допускал подобной его эволюции. Кроме мировоззренческих сопоставляются и эстетические позиции Белинского и Достоевского, например, в рецензии критика на «Римские элегии» Гёте или его «Ответе “Москвитянину”» и в статье Достоевского «Г-н –бов и вопрос об искусстве», выступления того и другого против крайностей так называемого «чистого искусства» и «утилитарного» направления с признанием значения идеала «красоты», иногда предопределяющего и общественные поступки человека, с обращением к памятникам античного искусства и мудрости Платона и Гомера. Демонстрируется и общность трактовок «тоски» пушкинского Онегина и лермонтовского Печорина, а также темы «демонизма» у обоих поэтов. Интересно раскрывается и принятие Достоевским, страдающим (по замечанию Н. Н. Страхова) избытком «творчества» и «тонкости анализа», как нормы положения Белинского о «поэте-художнике» и т.п.

За год до смерти А. И. Батюто выходит в 1990 г. его вторая монография «Творчество И. С. Тургенева и критико-эстетическая мысль его времени».[81] В ней на более высоком синтетическом уровне и на фоне расширенной и часто обновлённой системы доказательств обосновывается положение о том, что «формирующее влияние Белинского в конце концов достаточно конкретно сказывается по существу на всей литературной деятельности писателя — от поэмы “Параша” до таинственной повести “Клара Милич”».[82] Но в то же время в книге подчёркивается творческая

самостоятельность Тургенева уже с первых шагов его вхождения в литературу, когда он выступал «скорее» как «соратник, младший товарищ великого критика, нежели его ученик в буквальном смысле этого слова». «Благоговейный пиетет» перед идейно-эстетическим кредо Белинского и его личностью, нашедший прямое выражение в очерке о нём из «Литературных и житейских воспоминаний», по словам Батюто, складывается «позднее».[83] Исследователь, конечно, видит «мировоззренческую дистанцию» между Тургеневым и Белинским, но также говорит о несомненно существовавшем «единомыслии» по целому ряду вопросов, обусловленном «эстетической родственностью натур», и поэтому предлагает термин «влияние» заменить другими, более отвечающими сути их контактов и перекличек определениями, такими как «гармония», «согласие», «соответствие».[84] Связывающая их последние пять лет жизни критика дружба имела, как утверждает Батюто, вневременное воздействие, длившееся на всём протяжении творческой деятельности Тургенева. В монографии, богатой конкретными наблюдениями, основное внимание уделено генезису художественного метода Тургенева, в результате изучения которого возникает принципиально новая многосторонняя его концепция. «Представления Тургенева о соотношении сознательного и бессознательного начал в творчестве, о диалектике изображения (почти обязательное сочетание “чёрного” и “белого”), о мышлении в образах, о трагическом в жизни и в искусстве, о долге личном и общественном, наконец, об историзме в понимании явлений общественно-политической и литературной жизни — всё это так или иначе проецируется на эстетику и этику Белинского»,[85] — такие выводы делает А. И. Батюто в своей книге, и они убеждают, как убеждает и всё

сказанное в отношении взаимодействия эстетической позиции Тургенева с эстетикой Чернышевского и Добролюбова, прямых наследников Белинского.

Но если в основополагающей главе о «Тургеневе и Белинском» господствует атмосфера гармонических соответствий, то глава «Тургенев, Чернышевский, Добролюбов, Анненков» (с подзаголовком «Связи и противоречия») воссоздаёт более сложную картину отражения в творчестве Тургенева критической деятельности и облика ведущих представителей революционно-демократического лагеря шестидесятников и оттеняет самостоятельность писателя при реализации творческих советов и выраженных в статьях взглядов П. В. Анненкова — литератора близкой ему либерально-западнической ориентации. Так, например, высказанное Тургеневым накануне реформы 1860-х гг. убеждение в необходимости «*сознательно*-героических натур», чтобы «продвинуть вперёд» дело освобождения крестьян от крепостной зависимости, рассматривается как знаменательный отголосок восторженных представлений Чернышевского и Добролюбова о герое своего времени, передовом человеке разночинно-демократической среды.[86] Однако, с другой стороны, выявляется и приятие Тургеневым «едкой критики этого героя, характерной для историко-литературных экскурсов его друга Анненкова». «От внимания художника, обязанного всё видеть и понимать, — пишет Батюто, — не ускользает и крайнее нерасположение революционных демократов к “слабому” душой и телом “русскому человеку на rendes-vous” и едва ли не безоговорочная апология этого типа в суждениях Анненкова».[87] И далее показывается, что каждое из этих представлений «по вопросу о нравственной и общественно-политической состоятельно-

сти героя эпохи» воспринимается Тургеневым как «неполное или одностороннее» и в своем творчестве он учитывает обе эти точки зрения при разработке «сильных» и «слабых» мужских характеров в «Накануне» и «Отцах и детях». Исследователь определяет особый ключ, в котором Тургенев претворяет эти различные тенденции, объективно-диалектически воспроизводя их противостояние в духе (столь глубоко осознанного им и Белинским, а ранее Гегелем) закона античной трагедии, согласно которому «настоящие столкновения те, в которых обе стороны до известной степени правы».[88]

Всё это подводит к заключительной главе, названной «...я преимущественно реалист», где в качестве «краеугольного камня тургеневской эстетики» выдвигается «вопрос о реализме и романтизме», который «решён в книге с обязательной проекцией его на нормативную для Тургенева в основе своей реалистическую эстетику Белинского». Сочетая исторический и вневременной подход к этим методам, исходя из закономерной смены романтизма реализмом, Тургенев (о чём свидетельствуют ссылки на его творчество и письма), при «приятии одних форм романтизма и резком неприятии других его форм», признавал значение некоторых его достижений «на вечные времена» и считал, что так называемые «элементы романтизма», которыми насыщено подавляющее большинство его собственных художественных произведений, «представляют собою некое не самое важное, но тем не менее существенно необходимое “дополнение” к реализму во всех искусствах и особенно в поэзии и литературе».[89] В книге несколько неожиданной может показаться демонстрация значительно большей, чем принято считать, независимости Тургенева от П. В. Анненкова. В целом в проникновенной самостоятельной книге А. И. Ба-

тюто Тургенев предстаёт как своеобразный художник и мыслитель, вбиравший из окружающего его «воздуха» литературной эпохи только то, что было близко ему самому.

Из печатных работ остановимся ещё на вышедшей посмертно статье Батюто «“Отцы и дети” Тургенева — “Обрыв” Гончарова», примыкающей по своему содержанию к одной из глав последнего раздела монографии «Тургенев-романист», но содержащей новые обобщения, касающиеся не только сходства этих двух романов (что так волновало Гончарова), но и их различия. В статье не повторяются ранее приводимые исследователем доводы о некоторой реальной творческой подпочве «конфликта» между Тургеневым и Гончаровым (конечно, весьма относительной и не лишённой болезненных преувеличений со стороны Гончарова). Напротив, констатируется «известная родственность» гончаровского и тургеневского эстетического восприятия и отражения действительности: романы Гончарова, как и тургеневские, «по-своему выполняли ту же задачу» отражения на протяжении ряда десятилетий общественно значимой эволюции в жизни «русских людей культурного слоя».[90] Приводятся примеры и других совпадений, сближающих писателей: мировоззренческого плана, отразившихся в программах Тушина в «Обрыве» и Соломина в «Нови», трактовки значения для человечества постижения психологии типов Гамлета и Дон-Кихота, некоторых черт как бы объективно-стихийной типизации и т.д. Но вот в последней статье Батюто оговаривает, что «слишком прямолинейные и категоричные» её постулаты у Гончарова «нередко вступают в противоречие и с тезисом о волнистой линии искусства, который так восхищал Тургенева в эстетике Гогарта».[91] Именно в этом ракурсе анали-

зируются, казалось бы, параллельные темы и характеры в вышеназванных романах Гончарова и Тургенева, решение в них проблемы соотношения поколений: сочувствие Гончарова мудрости старших, символичности для него образа бабушки и обличительное изображение им «нигилиста» Марка Волохова, не совпадающее со сложно-диалектическим тургеневским раскрытием конфликта «отцов» и «детей» и его трагически-сочувственной обрисовкой противоречивого типа Базарова. Статья выполнила задачу разграничить то, что, по словам Батюто, «в обидном для Тургенева смысле не поддавалось разграничению в сознании автора [...] “Обрыва”», и обоснованно доказать: «Концептуально-художественной общности между “Отцами и детьми” и “Обрывом” не существует».[92]

В преамбуле к своей второй монографии А. И. Батюто писал: «Настоящая книга содержит в себе лишь частичную реализацию обширного замысла автора. За ней последует ещё одна книга, в которой будет прослежено мощное влияние уже самого Тургенева на русский литературный процесс второй половины XIX — начала XX века. Название этого давно задуманного исследования — “Тургенев и русская литература от Чернышевского до Чехова”».[93] К этому обобщающему труду о путях, проложенных Тургеневым в литературе, его творческих контактах и продолжении его традиций, Батюто последовательно шёл во всех своих предшествующих работах. Не успев завершить его полностью, он написал две статьи, сохранившиеся в отпечатанном на машинке виде. По всей вероятности, и эти статьи требовательный к себе автор ещё бы развивал в тех или иных частях и совершенствовал, но для нас они представляют несомненный интерес и в дошедшей до нас форме.[94] В первой из статей «Тургенев и русская литература от Чер-

нышевского до Чехова (проблема героя и человека)» формулируется задача рассмотреть «соприкосновение» философско-художественного мира Тургенева с кругом литературных явлений 1860–1900-х гг., в первую очередь в плане отражения в них типа, творческого сопряжения в воплощении этой концепции, стимулирующего или контрастного.

В поле зрения исследователя пока попадают связи и противостояния Тургенева с Чернышевским, Л. Толстым, Достоевским, В. Крестовским, Б. Маркевичем, отчасти Н. Лесковым («На ножах») и Чеховым. Батюто высказывает сожаление, что в пределах данной статьи он не имел возможности обратиться к сравнительному показу решения проблемы героя и человека Писемским, Лесковым, Гончаровым «и, быть может, некоторыми другими писателями». В будущей монографии Батюто собирался восполнить этот пробел и осветить также «не вполне решённый вопрос о природе тургеневского психологического анализа в его объективных связях и противоречиях с психологическим анализом Толстого, Достоевского, Чехова». В статье убедительно показывается историческая, общеэстетическая значимость тургеневской концепции человека, её родство с программными высказываниями Белинского и её отличие от «манифестов» Чернышевского, от реализованных в творчестве взглядов писателей «антинигилистического» направления, а также сходства и разноречия с Тургеневым Достоевского (интересны, например, объяснения высокой оценки Достоевским одного из ранних рассказов Тургенева «Три портрета», а также сочетания понятий «боли, страдания» и столь важного для обоих писателей «сострадания» как ключа к истолкованию положительного отзыва Достоевского о Базарове) и Л. Толстого (отмечается

не только художественное и философско-теоретическое обоснование Толстым в «Войне и мире» отказа от привычного тургеневского героя как представителя «меньшинства образованного класса» и выдвижения на первый план Платона Каратаева — героя-деятеля из народа, но и ощущение признаков тургеневских взглядов о герое времени в образах Пьера Безухова и Андрея Болконского; обнаруживаются общие моменты в программах Л. Толстого и Соломина в «Нови» и т.д. и т.п.). Но особенно многогранно и систематично представлены Батюто как продолжение, так и развитие эстетики Тургенева в искусстве Чехова. Этому посвящены и окончание первой статьи и вторая статья, и, конечно, не случайно: родственность объективно-диалектических творческих методов писателей, их повествовательных лирических манер (развёрнуто-описательной у Тургенева и проникнутой сдержанным внутренним лиризмом у Чехова) несомненны. Учтя обращение к этой теме А. С. Долинина, Г. А. Бялого, М. Л. Семановой, Л. А. Плоткина и других, Батюто сосредоточивает внимание (в соответствии с обозначенной проблематикой своих двух статей) на параллели и преемственности между Тургеневым и Чеховым преимущественно при сопоставлении героев последнего с модификациями или антиподами базаровского типа (часто эти герои врачи, естественники). Отметив, что Чехов учился у Тургенева тонкой диалектике в изображении противоречий в духовной жизни человека, и закончив (после отрицательных) рассмотрением таких образов, как Дымов (из «Попрыгуньи») или Астров (из «Дяди Вани»), Батюто напоминает о мечте Чехова о гармонически-развитом человеке, который будет счастлив через двести-триста лет, и заключает: «В своём творчестве он неуклонно шёл к созданию образа че-

ловека если не счастливого, то безупречно благородного по своим общечеловеческим устремлениям. Одной из указующих вех на этом пути было для него творчество Тургенева».

В рабочем столе учёного осталась ещё одна большая рукопись под названием «Достоевский и русские классики (заметки, наблюдения, архивные данные)» и обнаружены последние его наброски и планы. Первая из них была написана Батюто ещё в начале 1980-х гг., когда он как научный комментатор внимательно читал тексты и черновые наброски «Дневника писателя» 1877 г. для подготавливаемых к выходу 25 и 26-го томов Полного собрания сочинений Достоевского (ссылки в них пока даются лишь на месяцы и главы). Цель этой статьи, по его определению, — «восполнение сложившихся представлений о восприятии Достоевским творчества [...] Фонвизина, Гоголя, Л. Н. Толстого, И. С. Тургенева». Работа эта не была опубликована полностью (возможно, в ней не хватает концовки),[95] но два отдельных этюда из неё под названием «Незамеченные отклики на “Анну Каренину” в “Дневнике писателя”» и письмо «Одного из Потугиных» Достоевскому были напечатаны в 1983 г. в 5-м выпуске сборника «Достоевский. Материалы и исследования». В разделе о Фонвизине, сославшись на специальную статью Г. М. Фридлендера о положительной оценке Достоевским этого выдающегося драматурга XVIII в. в целом, Батюто подтверждает это ссылкой на «Зимние заметки о летних впечатлениях», где высоко ставится мудрость «простой бабы» в «Бригадире» по сравнению с заносящейся дворянкой Софьей, и вместе с тем в «Дневнике писателя» 1877 г. (за июль-август) он обращает внимание на выпад против фонвизинского Стародума («здравомысла»), с которым отчасти сопоставляется князь Щербацкий

в «Анне Карениной» Л. Толстого, который отрицает возможность сознательного отношения народа к русско-турецкой войне. Батюто находит интересное объяснение этому сближению, приводя неприемлемое для Достоевского суждение Стародума о воспитании в дворянских семьях «рабами рабов»; один из таких «рабов» для Достоевского — пушкинский Савельич из «Капитанской дочки», носитель особой народной нравственности. Полусочувственное-полуотрицательное отношение вызывает у автора «Дневника писателя» Митрофанушка из «Недоросля» в главе, где он повествует о «деле» дворян Джунковских, избивавших своих детей. В разделе о Гоголе фигурирует подмеченный исследователем «золотой фрак», который в черновиках к тому же «Дневнику...» 1877 г. Достоевский примеряет на Гоголя, собиравшегося «вещать» миру в «Выбранных местах из переписки с друзьями», «Авторской исповеди» и «Последней повести», на какой-то момент одевая этот фрак и на Л. Толстого за 8-ю главу «Анны Карениной», но в окончательный текст эти выпады не попали, так как Достоевский намеревался написать и о «высоком» в идеалах Гоголя, а роман Толстого как единое целое он называл «бесценным». В разделе о Тургеневе свежо сопоставление и противопоставление Потугина из «Дыма» и «парадоксалиста», с которым беседует автор «Дневника писателя» 1876 г.

Сохранившиеся на отдельных листах наброски, озаглавленные «А. И. Солженицын и отечественная литература XIX–XX веков (пиетет, критика, преломление традиций)»,[96] были сделаны в последний год жизни А. И. Батюто, мысль которого оттолкнулась от услышанных им в больнице чуждых ему высказываний «сталиниста»-приспособленца и обратилась к теме советских «лагерей» и личности их смелого обличителя

А. И. Солженицына, вызывающей у него глубокое уважение. Несмотря на это, Батюто вступает в спор с ним, да и с другими писателями и литераторами, считавшими основным автором «Тихого Дона» не Шолохова, а Ф. Крюкова. Рассматривая как главную причину неприятия Солженицыным Шолохова одобрение им коллективизации в «Поднятой целине», исследователь Тургенева вместе с тем находит в «Тихом Доне» кроме характерного для Шолохова знания «мужицких» основ народной жизни и так называемой «щукаревати» ряда персонажей романа и, главное, — стихийное постижение её автором при изображении революционных катаклизмов XX в. диалектики борьбы двух сторон, каждая из которых отстаивает свою «правду». В прозе Крюкова, следовавшего благородным традициям Короленко, но с меньшим масштабом дарования, он этой диалектической тенденции, свойственной далеко не всем писателям, не обнаруживает. Столь ценимую создателем «Отцов и детей» идущую от античности традицию объективного воспроизведения борьбы двух исторических тенденций и способность объективного воспроизведения их столкновения не только в социальном, но и в общечеловеческом плане со всеми их противоречиями Батюто выявляет в «Вишневом саде» Чехова и в «Сорок первом» Б. Лавренёва.

Произведённый обзор научной деятельности А. И. Батюто по взаимосвязанности проблематики его больших и малых работ говорит, с нашей точки зрения, сам за себя и воссоздаёт образ учёного-тургеневеда, самоотверженно служившего научной истине и вместе со своим любимым писателем человеческой «правде»; его научному наследию ещё предстоит долгая жизнь.

[1] *Тургенев И. С.* Полн. собр. соч. и писем: В 28-ми т. Соч.: В 15-ти т. Т. 12. С. 303.
[2] Русский вестник. 1861. № 10.
[3] История русской литературы. М.; Л., 1956. Т. VIII. С. 105–107.
[4] История русского романа. М.; Л., 1962. Т. 1. С. 489.
[5] Там же. С. 506, 510–511.
[6] См. примеч. от редакции к ст.: *Батюто А. И.* Роман «Отцы и дети» и некоторые вопросы разночинно-демократической эстетики // Научные доклады высшей школы. Филологические науки. 1960. № 4. С. 96.
[7] Там же.
[8] *Батюто А. И.* К вопросу о замысле «Отцов и детей» // И. С. Тургенев (1818–1883–1958). Орел, 1960. С. 81.
[9] Там же. С. 88–89.
[10] *Батюто А. И.* Парижская рукопись романа И. С. Тургенева «Отцы и дети» // Русская литература. 1961. № 4. С. 58.
[11] *Гутьяр Н. М.* Иван Сергеевич Тургенев. Юрьев, 1907.
[12] *Батюто А. И.* Парижская рукопись романа И. С. Тургенева «Отцы и дети». С. 61.
[13] Там же. С. 78.
[14] Проблемы реализма русской литературы XIX века. М.; Л., 1961.
[15] *Батюто А. И.* Тургенев и Паскаль // Русская литература. 1964. № 1. С. 153.
[16] Вестник Европы. 1880. № 5. С. 30.
[17] *Батюто А.* Тургенев-романист. Л., 1972. С. 17–18.
[18] Там же. С. 30–31.
[19] Там же. С. 36–37.
[20] Там же. С. 39.
[21] *Векслер И. И.* И. С. Тургенев и политическая борьба шестидесятников. Л., 1934. С. 31.
[22] См.: *Манн Ю.* Базаров и другие // Новый мир. 1968. № 10. С. 346.
[23] *Батюто А.* Тургенев-романист. С. 41.
[24] См. там же. С. 50; *Тургенев И. С.* Полн. собр. соч. и писем: В 28-ми т. Соч.: В 15-ти т. М.; Л., 1964. Т. 8. С. 402.
[25] *Батюто А.* Тургенев-романист. С. 51.
[26] См. там же. С. 64–75.
[27] Там же. С. 110.
[28] Там же. С. 121; а также: *Толстой Л. Н.* Полн. собр. соч. М.; Л., 1934. Т. 63. С. 149–150.
[29] *Батюто А.* Тургенев-романист. С. 165.
[30] См. там же. С. 166.
[31] Там же. С. 170, 171.
[32] Там же. С. 177.
[33] Там же. С. 178.
[34] Русская литература. 1968. № 4. С. 34–41.

[35] *Батюто А.* Тургенев-романист. С. 180.
[36] Там же. С. 184, 185 и 219.
[37] Там же. С. 187.
[38] Там же. С. 194–195.
[39] Там же. С. 205.
[40] Там же. С. 220.
[41] Там же. С. 236–238.
[42] Там же. С. 240.
[43] Там же. С. 243–244.
[44] *Тургенев И. С.* Полн. собр. соч. и писем: В 28-ми т. Соч.: В 15-ти т. Т. 12. С. 303.
[45] *Батюто А.* Тургенев-романист. С. 280.
[46] Там же. С. 251.
[47] Там же. С. 287–288.
[48] Там же. С. 325.
[49] Там же. С. 328.
[50] Там же. С. 326–327.
[51] Там же. С. 349–350.
[52] Там же. С. 351–352.
[53] Там же. С. 366–367.
[54] Там же. С. 367.
[55] Там же. С. 372.
[56] Там же. С. 386.
[57] Там же. С. 388.
[58] История русского романа. М.; Л., 1964. Т. 2.
[59] См.: Тургенев и его современники. Л., 1977. С. 50–51.
[60] Там же. С. 52.
[61] Там же. С. 64.
[62] Русская литература. 1985. № 4. С. 160.
[63] Там же. С. 161.
[64] Как в этой, так и в последующих статьях подобной тематики А. И. Батюто ссылается на работы ряда исследователей, также писавших о Тургеневе и Достоевском (в данной статье см.: Русская литература. 1977. № 2. С. 22–23), но избирает самостоятельный ракурс исследования.
[65] *Тургенев И. С.* Полн. собр. соч. и писем: В 28-ми т. Письма: В 13-ти т. М.; Л., 1962.Т. 4. С. 358.
[66] *Достоевский Ф. М.* Полн. собр. соч.: В 30-ти т. Л., 1973. Т. 5. С. 59.
[67] Русская литература. 1977. № 2. С. 27.
[68] *Достоевский Ф. М.* Полн. собр. соч. Т. 19. С. 12.
[69] См.: Русская литература. 1977. № 2. С. 22, 24, 25–26.
[70] В заглавии статьи обыгрывается название книги: *Никольский Ю.* Тургенев и Достоевский (История одной вражды). София, 1921 (см.: Русская литература. 1979. № 1. С. 41).

[71] См. там же. С. 61–63.
[72] Достоевский. Материалы и исследования. Л., 1983. Т. 5. С. 261–263.
[73] Русская литература. 1982. № 1. С. 78.
[74] Там же. С. 95–96.
[75] См.: Достоевский. Материалы и исследования. Т. 5. С. 133.
[76] Русская литература. 1984. № 2. С. 50–51.
[77] Там же. С. 73.
[78] Русская литература. 1987. № 3. С. 104.
[79] Там же. № 4. С. 52.
[80] См.: Там же. 2001. № 3. С. 11–35, в частности, с. 12–14.
[81] Автору данной статьи и другу А. И. Батюто довелось совместно с зав. Тургеневской группой Пушкинского Дома Н. С. Никитиной писать на неё некрологическую рецензию под названием «Последняя книга учёного» (см.: Русская литература. 1992. № 1. С. 221–223). Ниже лаконично воспроизводим центральные положения этой рецензии.
[82] *Батюто А. И.* Творчество И. С. Тургенева и критико-эстетическая мысль его времени. Л., 1990. С. 5.
[83] Там же. С. 13.
[84] Там же. С. 17.
[85] Там же. С. 295.
[86] Там же. С. 183.
[87] Там же. С. 15.
[88] Там же.
[89] Там же. С. 296–297.
[90] Русская литература. 1991. № 2. С. 7.
[91] Там же. С. 13.
[92] Там же. С. 22.
[93] *Батюто А. И.* Творчество И. С. Тургенева и критико-эстетическая мысль его времени. С. 3.
[94] Статьи с окончательным названием «Тургенев и русская литература от Чернышевского до Чехова (проблема героя и человека)» опубликованы: *Батюто А. И.* Избранные труды. СПб., 2004. С. 830–889. *(Ред.)*
[95] Статья опубликована; см. там же. С. 890–920. *(Ред.)*
[96] Опубликованы частично (см. там же. С. 921–930) и полностью, см.: *Батюто А. И.* А. И. Солженицын и отечественная литература XIX–XX веков (пиетет, критика, преломление традиций): Записки филолога. СПб., 2006. 136 с. *(Ред.)*

С. А. Батюто

Несколько слов о так называемой справедливости

...я не гордый.
Не заглядывая вдаль,
Так скажу: зачем мне орден?
Я согласен на медаль.
А. Твардовский

В нашей семье как-то не принято было говорить о военных наградах отца. Помню, как переживал отец, когда администрация Пушкинского Дома в приказном порядке потребовала от него фотографии с полученными наградами. Это случилось в 1985 г. — в год 40-летия нашей победы в Великой Отечественной войне. Фотография какое-то время висела в коридоре на втором этаже института на доске «Наши ветераны». На фотографии отчетливо виден орден Отечественной войны II степени и медали. И действительно, отец вскоре был «автоматически» удостоен ордена Отечественной войны I степени, который полагался тем, у кого уже имелся аналогичный орден, но II степени.

О боевом ордене, полученном отцом за участие в войне, хотелось бы сказать несколько слов. Нередко в боевой обстановке и в госпиталях награды вручались без соответствующих документов к ним. Они, что называется, не поспевали за событиями. Но в случае с отцом всё обстояло сложнее. Орден, как уже было сказано, он получил, но удостоверения к нему, в отличие от других наградных документов, отыскать не удавалось, и оттого на душе у него было неспокойно. Так длилось очень долго, до конца его жизни. Его не стало в 1991 г.

А. И. Батюто. *1985 г.*

Нельзя сказать, что он ничего не предпринимал: им был направлен соответствующий запрос в Центральный архив Министерства обороны СССР, находившийся в г. Подольске Московской обл., с просьбой доку-

ментально подтвердить наградной документ. Однако ответа на свой запрос он не получил. Это было им воспринято как пощечина.

Сравнительно недавно, в 2015 г., в Интернете появился сайт «Память народа. Документ о награде». Зайдя на него, я обнаружил следующее неизвестное мне обстоятельство: приказ о награждении отца имел гриф «Секретно». Воспроизвожу его:

«Место призыва Володарский РВК
Ленинград
ОСР моряков укр. сектора ПГВ
Секретно
Приказ войскам Ленинградского фронта
№ 1228/н
Действующая армия 22 июля 1945
ВС Ленинградского фронта
[...] наградить орденом Отечественной войны II степени
[...] красноармейца
Батюто Анатолия Ивановича бывшего стрелка отдельной стрелковой роты моряков Ижорского укрепленного сектора Приморской оперативной группы — ныне инвалида войны».[1]

Таким образом, спустя более чем 50 лет приказ о награждении стал достоянием гласности. Только самого героя, понятно, уже не было в живых.

---

[1] ЦАМО. Ф. 33. Оп. 686196. Ед. хр. 4668. № записи 26243478. К этому нужно сделать следующее примечание: Рассекречено в соответствии с приказом МО РФ от 8 мая 2007 г. № 181 «О рассекречивании архивных документов Красной Армии и Военно-Морского Флота периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.» (с изменениями на 30 мая 2009 г.)

II

Т. П. Баталова, Г. В. Федянова

Роман Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы»: концепция времени

В международном литературоведении роман Достоевского «Братья Карамазовы» рассматривается как шедевр мировой литературы. В. Н. Захаров в своём докладе «“Братья Карамазовы”: метафизика текста» на IX симпозиуме Международного общества Достоевского (30 июля–6 августа 1995 г.) показал, что в русской литературе появился новый, ещё небывалый жанр. В «Братьях Карамазовых» Достоевский дал оригинальное решение жанровой проблемы «романа в двенадцати книгах: каждая книга представляет собой тип романа, а роман в целом становится *романом романов*. Христианское миропонимание автора, выразившееся в страстной драме людей и идей, превращает этот роман романов в *христианский метароман*».[1]

О справедливости этого положения говорят слова самого Достоевского об идее этого романа. В «Трёх речах в память Достоевского» Владимир Соловьёв свидетельствовал о том, что летом 1878 г. до и во время поездки с Достоевским в Оптину пустынь писатель «в кратких чертах» изложил ему «главную мысль и план своего нового произведения. Церковь, как положительный обще-

ственный идеал, должна была явиться центральною идеей нового романа или ряда романов, из которых написан только первый, “Братья Карамазовы”».[2] Нам, православным читателям, особенно дорога христианская идея и выразивший её роман Достоевского. Однако интересен подход к «Братьям Карамазовым» и представителей другой культуры, который дан, в частности, в монографии Хорста-Юргена Геригка «Литературное мастерство Достоевского в развитии. От “Записок из Мёртвого дома” до “Братьев Карамазовых”».[3]

Автор монографии комментирует положения В. Н. Захарова в разделе «Своеобразие» так: «Правда, к соображениям Владимира Захарова остаётся прибавить, что в связи с главной сюжетной линией романа, т.е. с судьбой Дмитрия Карамазова, столь же заметен интерес Достоевского к криминологии, как и к христианству миссионерского толка, и *криминология, и христианство* (курсив автора. — *Т. Б., Г. Ф.*) имеют равное значение для общей внутренней связности метаромана. Они взаимно обуславливают друг друга как основополагающие перспективы человекопонимания, нашедшего своё центральное воплощение в “Житии великого грешника”».[4] Далее Х.-Ю. Геригк сосредоточивает внимание на фабульных событиях — убийстве Фёдора Павловича и «судебной ошибке», очевидно, считая их не только «ядром внешнего действия», но и главными событиями романа: «Каждый из трёх его сыновей <…> раскрывает через своё отношение к отцу и свой внутренний мир и характер».[5] Своё основное положение — «Достоевский демонстрирует на примере четырёх братьев учение о фазах и сущности зла»[6] — Х.-Ю. Геригк обосновывает следующим образом: «Представитель этой первой фазы — Алексей. Зло зарождается и в нём, но оно сразу же укрощается и отвергается. <…> После того, как

намерение открыто, одобрено, оно осуществляется. Его исполнитель — Смердяков».[7] Но о том, что мысль об отцеубийстве «зародилась» у Алёши, у Достоевского нет ни слова, да, собственно, не могло и быть. (Не соответствует художественной логике «Братьев Карамазовых» и изложенная в воспоминаниях А. С. Суворина версия о «политическом преступлении» Алёши в будущем.[8])

Кроме того, Смердяков был не только «исполнителем» злого умысла, но и организатором преступления. Деньги ему нужны были для осуществления тайной мечты: «Была такая прежняя мысль-с, что с такими деньгами жизнь начну, в Москве али пуще того за границей <…>».[9] Он рассказывает Ивану, что давно «наглядел» «яблоньку с дуплом»: «<…> в нём уже лежала тряпочка и бумага, давно заготовил; обернул всю сумму в бумагу, а потом в тряпку и заткнул глубоко <…>» (2, с. 469). Смердяков объяснил Ивану, что «приготовил» Дмитрия, сообщил ему тайные стуки, по которым Фёдор Павлович должен был узнать, что Грушенька пришла. Поэтому лакей и не сомневался, что Дмитрий Фёдорович отца убьёт: «Я ждал, что они Федора Павловича убьют-с… это наверно-с. Потому я их уже так приготовил… в последние дни-с… а главное — те знаки им стали известны» (2, с. 464). Кроме того, Смердяков обманул Дмитрия в том, что деньги лежали «под тюфяком»: «Так ведь деньги-то бы они никогда и не нашли-с. Это ведь их только я научил, что деньги под тюфяком. <…> Прежде в шкатулке лежали, вот как было-с. А потом я Федора Павловича <…> научил пакет этот самый с деньгами в угол за образа перенесть <…> А под тюфяком так и смешно бы их было держать вовсе, в шкатулке по крайней мере под ключом» (там же). Взяв деньги, Смердяков «из пакета деньги вынул, а пакет бросил на пол и ленточку эту самую розовую подле» (2, с. 469) как улику против Дмитрия. Таким

образом, замысел и реализация убийства Фёдора Павловича не соответствует тексту и не совпадает с выводом Х.-Ю. Геригка («Достоевский демонстрирует на примере четырёх братьев учение о фазах и сущности зла»).

Возникновение этой ошибки — в неучтённости некоторых нюансов строя романа. О подготовке преступления Смердяковым читатель узнаёт из рассказа убийцы. Писатель не изображает фабульных, реальных событий не только для того, чтобы заинтриговать читателя. Ему необходимо, не вводя новой фабульной линии, акцентировать «судебную *ошибку*». Благодаря этому акцентируется не «вина» Дмитрия, а драматизм его состояния как условие его воскресения. Следовательно, криминология нужна Достоевскому не сама по себе, а как средство драматизации сюжетных ситуаций линий главных героев.

Таким образом, противоборствуя, христианская и криминальная линии отнюдь не равнозначны в раскрытии художественной идеи романа. Эту неравнозначность сам Достоевский подчёркивал словом «внешняя сторона», считал, что «катастрофа» составляет «предмет <…> первого вступительного романа или, лучше сказать, его внешнюю сторону» (1, с. 24). Сама необходимость этой оговорки свидетельствует о том, что «внутренняя» сторона «вступительного романа» для автора более значима. Мысль Достоевского об оригинальности сюжетно-фабульной системы романа связана с концепцией времени произведения, которая проявляется в соотношении *завершённости и незавершённости* событий. Этим соотношением и «играет» Достоевский в «Братьях Карамазовых».

О своеобразии концепции времени в романе говорится уже во вступительной главе «От автора», где начинается повествование о жизни Алексея Фёдоровича: «<…> жизнеописание-то у меня одно, а романов два.

Главный роман второй — это деятельность моего героя уже в наше время, именно в наш теперешний текущий момент. Первый же роман произошел еще тринадцать лет назад, и есть почти даже и не роман, а лишь один момент из первой юности моего героя. Обойтись мне без этого первого романа невозможно <…>» (1, с. 10).

«Первый роман», по словам автора, «почти даже и не роман». В этом замечании можно видеть не только то, что в нём изображён только «один момент из ранней юности» героя. Важно и другое: изображённые события *произошли* «ещё тринадцать лет назад». Эта точная граница событий должна бы говорить о том, что изображённые в романе события «тринадцать лет назад» и *завершились*, т.е. произошли в «абсолютном прошлом» (термин М. М. Бахтина). В этом случае произведение по своей концепции времени сближалось бы с жанром повести. Но Достоевский называет свой роман «вступительным», за которым будет следовать «главный» роман с тем же главным героем — Алексеем Фёдоровичем Карамазовым: события первого романа будут продолжаться в следующем романе, т.е. они *не завершены*.

Концепции времени в «Братьях Карамазовых» своеобразна. Её принцип выражен символикой числа «тринадцать». Неоднократное употребление его в романе — «тринадцать лет», двенадцать книг с «Эпилогом», двенадцать мальчиков во главе с Алёшей — подчёркивает необходимость раскрытия замысла автора символики этого числа. Число 13, представленное как 12 + 1, выражает преодоление завершённости (12 — дюжина) дальнейшим развитием (+1). Таким образом, уже в главе «От автора» заложена оригинальность жанра «Братьев Карамазовых»: в связи с православной идеей, пронизывающей весь роман, конечное противопоставляется вечному, профанное — сакральному. Этим числом в ро-

ман вводится евангельский подтекст, сообщающий сакральность романному времени.

Календарь романа условен. Об этом говорит тот факт, что невозможно подобрать реальный год, календарь которого совпадал бы с календарём романа.[10] Время в романе указано неопределенно: «Был конец августа» (1, с. 58), «Ноябрь в начале» (2, с. 291). События происходят в середине «тёмного» периода года. По христианскому календарю Рождество Пресвятой Владычицы нашей Богородицы предзнаменует перелом в борьбе тьмы и света в пользу света. Его победу предсказывает и Введение во храм Пресвятой Владычицы нашей Богородицы.

Подобная борьба происходит и в романе Достоевского. Деятельность Алёши укрепляет силу света, что подготавливает возрождение Мити, Ивана, Кати, Грушеньки. Это соотношение можно рассматривать как выражение символики пасхального начала в романе.

Для развития сюжета романа также характерен принцип преодоления тьмы светом. Конец августа — начало событий, изображённых в «Братьях Карамазовых» — в христианской традиции связывается с Усекновением главы Пророка, Предтечи и Крестителя Господня Иоанна. Наивысшая степень святотатства и жестокости, выраженная в этой евангельской трагедии, перекликается с оценкой автором романа как жизни Фёдора Павловича, так и отцеубийства. Дальнейшее развитие сюжета представляет собой духовное преодоление последствий злодеяний безбожия. Начало сентября в романе соответствует по христианскому календарю началу индикта и предзнаменованию Рождества Пресвятой Владычицы нашей Богородицы.

Святость кончины старца Зосимы осмысляется в связи с отмечаемым в православном календаре днём Преставления святителя Иоанна Златоуста. Этот же день

в православии знаменует Воздвижение Честного и Животворящего Креста Господня.

В этом свете воспринимается выделенная в романе ночь, в которую произошли три сюжетообразующих события: начало конца Смердякова, положенного его преступлением, начало воскресения Мити под влиянием мытарств и сна о «дитё», сон Алёши у гроба старца Зосимы о Канне Галилейской и его преображение.

По романному времени суд над Митей происходит в начале ноября. 8 ноября по православному христианскому календарю — Собор Архистратига Михаила и прочих Небесных Сил бесплотных. Таким образом, Достоевский, очевидно, показывает, что судьбу Мити, его крестные страдания и его возрождение вершила не «судебная ошибка», а Божий суд. Эта взаимосвязь также говорит о большей значимости христианской линии в романе по сравнению с криминальной. Алёша обратился к мальчикам с возвышенной светлой речью, возможно, в день празднования памяти Святого Иоанна Златоустого.

Взаимосвязанность романного и христианского календаря говорят о том, что все события романа необходимо рассматривать в свете православного миропонимания. Преодоление конечного вечным здесь интерпретируется как победа веры над безбожием.

Принцип преодоления конечного дальнейшим развитием проявляется и в сюжетосложении «Братьев Карамазовых». «Абсолютно прошлыми» в романе являются события «<…> “жесткой” фабулы, подчиняющей развитие действия изображению обстоятельств убийства Федора Павловича и возникновения судебной ошибки и придающей “Братьям Карамазовым” вид внешней завершенности».[11] Сюжет произведения, сложный и постоянно усложняющийся, устремлён в будущее. Выход в будущее характеризует и «Эпилог». Все герои романа

говорят о своём будущем. Иван уверен: «Но до тридцати моих лет, знаю это твёрдо, всё победит моя молодость — всякое разочарование, всякое отвращение к жизни» (1, с. 361). Митя провозглашает: «И тогда мы, подземные человеки, запоём из недр земли трагический гимн Богу, у которого радость! Да здравствует Бог, у которого радость!» (2, с. 411). Алёша объясняет Лизе: «<…> я буду продолжать курс и сдам экзамен, а как придёт законный срок, мы и женимся» (1, с. 290). Страдающий Илюшечка мечтает переехать в «другой город, хороший <…> где про нас и не знают» (1, с. 327).

В келье старца Зосимы ведётся диспут о взаимоотношениях в будущем церкви и государства. Отец Паисий утверждает: «<…> не церковь обращается в государство <…> А, напротив, государство обращается в церковь, восходит до церкви и становится церковью на всей земле <…> что <…> и есть лишь великое предназначение православия на земле. От Востока звезда сия воссияет» (1, с. 108–109).

В «Эпилоге» Катя говорит о подготовленном проекте побега Мити с каторги. Митя планирует свою дальнейшую жизнь: «<…> приедем (в Америку. — *Т. Б., Г. Ф.*) — и там тотчас пахать, работать <…> в уединении <…> Бежим сюда, в Россию, американскими гражданами» (2, с. 681–682). «Здесь тоже будем где-нибудь в глуши землю пахать» (2, с. 682). Алёша говорит мальчикам у камня: «Но скоро я здешний город покину, может быть, очень надолго» (2, с. 696).

В произведении Достоевского «прошлое» (события, происшедшие «тринадцать лет назад») «догоняет» «настоящее»,[12] утверждая жанр «Братьев Карамазовых» как роман. Своеобразие концепции времени «Братьев Карамазовых» заключается в том, что внешняя завершённость произведения преодолевается развитием «внутренних»

сюжетных линий героев. В этом отношении Смердяков противопоставляется Алёше. В одну и ту же ночь оба героя оказались в кризисной ситуации. Смердяков убивает Фёдора Павловича (которого считает своим отцом) ради денег. Он говорит на одном дыхании, соединяя в одну фразу и «кровь», и «деньги»: «Осмотрел я: нет на мне крови, не брызнуло, пресс-папье обтёр, положил, за образа сходил, из пакета деньги вынул, а пакет бросил на пол и ленточку эту самую розовую подле» (2, с. 469). Для безбожника Смердякова эта ночь стала началом его конца.

Алёша в эту ночь переживает духовное возрождение. Сон о Канне Галилейской открывает ему новую жизнь, сущность которой — любовь ко всему миру, к людям. Алёша как бы растворяется в окружающей природе, в вечности. Переполненный восторгом ощущения слияния земного и звёздного, он обнимает и целует землю: Алёша «<…> целовал её плача, рыдая и обливая своими слезами, и исступлённо клялся любить её, любить во веки веков. “Облей землю слезами радости твоея и люби сии слёзы твои…” — прозвенело в душе его <…>» (2, с. 61). Мать-Земля дала ему могучие силы: «Пал он (Алёша. — *Т. Б., Г. Ф.*) на землю слабым юношей, а встал твёрдым на всю жизнь бойцом и сознал и почувствовал это вдруг, в ту же минуту своего восторга» (2, с. 61). Алёша помогает возрождению Мити, Грушеньки, Кати, Ивана.

Достоевский связывает зло с безбожием, с бесперспективностью, противопоставляя его православию и устремлению в вечность. Следовательно, криминология и христианство не равнозначны по роли в романе: криминальная история выполняет служебную функцию по отношению к христианству как к центральной идее романа.

О том, что «катастрофа» — внешняя сторона романа, говорит и то, что она непосредственно не связана с сю-

жетными линиями таких значимых для выражения художественной мысли произведения действующих лиц, как старец Зосима, отец Паисий, Катерина Ивановна, Снегирёвы, мальчики, госпожа Хохлакова, Лиза, Миусов, Перхотин, Ракитин и многих других.

Преступлению Смердякова противопоставляется судьба Илюшечки, восставшего против всех на защиту отца и погибшего в этой борьбе. Но здесь проявляется не интерес к криминологии, а стремление писателя подчеркнуть тяжесть греха взрослых по отношению к ребёнку, отстраняя тем самым криминологию на периферию общего романного сюжета.

Вне поля зрения Х.-Ю. Геригка оказался и «Эпилог» — обобщающее завершение романа, являющийся «важнейшим композиционным формообразующим элементом, в котором открывается художественная идея произведения, его заглавная мысль».[13] В «Эпилоге» «Братьев Карамазовых» показано, как Митя, Катя, Грушенька, преодолевая свои страсти и искушения, переживают душевное возрождение.

Болезнь и смерть Илюшечки повлияла на окружающих. Его смелость, благородство вызвали в их душах ответное чувство. Катерина Ивановна помогает Снегирёвым деньгами. Она обещает Алёше: «Я никогда их не оставлю» (2, с. 686). Помогают родным Илюши квартирная хозяйка, её сестра: «Христиане и мы тоже. — Старуха, говоря это, плакала» (2, с. 690). Мальчики, бросавшие раньше камни в Илюшу, теперь помогают Снегирёвым. Все вместе они решили всегда помнить Илюшу, любить его.

На этих примерах автор показывает в «Эпилоге» проявление соборного начала. «Тем самым *бессмысленная*, на первый взгляд, смерть ребёнка преображается в соборный *пасхальный* (курсив автора. — *Т. Б., Г. Ф.*)

образ».[14] Речь Алёши у камня, в которой выражено православное миропонимание, завершает не только «Эпилог», но и весь роман. Она знаменует и реализацию эпиграфа романа.

Итак, изучение концепции времени «Братьев Карамазовых» показывает, что криминальная история как преодолеваемое завершённое прошлое по отношению к православной идее — как настоящему и будущему — играет служебную роль. Не учитывая этого, Х.-Ю. Геригк сосредоточивает своё внимание на криминальной истории и оставляет в тени своё утверждение о равнозначности в романе криминологии и христианства. Как попытку уйти от разрешения этой проблемы можно рассматривать завершающий его исследование романа Достоевского тезис о «самоопределении трёх братьев Карамазовых»: «<…> двенадцатая книга показывает нам трёх братьев Карамазовых на пути к свободе: они преодолевают в себе то, к чему их привела реакция на их родного отца, ориентируясь при этом на принципы Зосимы, призывающие их к приятию живой жизни».[15] Никак не раскрывая это положение, учёный ссылается на то, что это — мысли «читателя, просматривающего оглавление “Братьев Карамазовых” сразу после прочтения романа».[16] Подход к изучению романа Достоевского «Братья Карамазовы», предлагаемый Х.-Ю. Геригком, не раскрывает основного смысла этого шедевра мировой литературы.

---

[1] *Захаров В. Н.* «Братья Карамазовы»: метафизика текста // “Die Bruder Karamasov”, Elf Vortrage des IX. Symposiums der Internationalen Dostojewskij-Gesellschaft, Gaming, Niederosterreich, 30.Juli–6 August 1995 / Mit einem Vorwort und einer Bibliographie hrsg. Von H.-J. Gerigk. Dresden: Dresden University Press, 1997. S. 213–227 (Artes liberals; Bd.1). То же: *Захаров В. Н.* Имя автора — Достоевский. М., 2013. С. 411–426. Курсив В. Н. Захарова.

[2] *Соловьев В. С.* Три речи в память Достоевского. 1881–1883 // О Достоев-

ском. Творчество Достоевского в русской мысли 1881–1931 годов. Сб. статей. М., 1990. С. 40.
[3] *Геригк Х.-Ю.* Литературное мастерство Достоевского в развитии. От «Записок из Мёртвого дома» до «Братьев Карамазовых»/ Пер. с нем. К. Ю. Лаппо-Данилевского. СПб., 2016. С 197–68.
[4] Там же. С. 257.
[5] Там же. С. 197–198.
[6] Там же. С. 203.
[7] Там же.
[8] См.: *Суворин А. С.* Дневник. М., 2015. С. 5–7. Ср.: *Волгин И. Л.* Последний год. М., 1991. С. 23–37.
[9] *Достоевский.* Братья Карамазовы. В 2 т. СПб., 1881. Т. 2. С. 474. Далее ссылки на это издание даются в тексте в круглых скобках с указанием номера тома и страницы.
[10] См.: *Захаров В. Н.* Проблемы исторической поэтики. М., 2012. С. 134.
[11] *Захаров В. Н.* Система жанров Достоевского. Типология и поэтика. Л., 1985. С. 166.
[12] Там же. С. 65.
[13] *Краснов Г. В.* Сюжеты русской классической литературы. Коломна, 2001. С. 129.
[14] *Есаулов И. А.* Категория соборности в русской литературе. Петрозаводск, 1995. С. 129.
[15] *Геригк Х.-Ю.* Литературное мастерство Достоевского в развитии. С. 243.
[16] Там же.

А. И. Батюто

Реальный комментарий к «Дневнику писателя» Ф. М. Достоевского за 1877 г.
(неизвестный фрагмент)

В настоящем издании публикуется неизвестный фрагмент реального комментария к основному тексту «Дневника писателя» за январь-октябрь 1877 г., сделанного А. И. Батюто. В печатный текст реального комментария, опубликованный в т. XXV Академического

Полного собрания сочинений Ф. М. Достоевского (Л., 1983), эта часть не вошла исключительно по соображениям объёма. Нередки случаи, когда комментарий к реалию полностью отличается в рукописном тексте от печатного (в этом случае предпочтение отдавалось рукописному тексту). Поскольку наша цель — дать читателю именно фрагмент написанного А. И. Батюто комментария, в начале всех новаций, по сравнению с печатным текстом, проставлен знак *. Это делается перед самим реалием и относящимся к нему комментарием; в других случаях, когда к печатному тексту имеется дополнение в рукописном, используется такой способ: читателю сообщается, что после соответствующих слов в печатном тексте с помощью знака * даётся текст рукописного фрагмента комментария, значительно дополняющий имеющийся. Встречаются и такие случаи: сначала приводится неопубликованный рукописный вариант комментария, затем даётся указание на имеющийся печатный текст, за которым с помощью знака * следует неизвестный ранее рукописный текст. В целях удобства пользования в конце комментария помещен Список сокращений. Принцип подачи материала совпадает с академическим изданием; страницы приводятся по т. XXV Академического Полного собрания сочинений Ф. М. Достоевского.

Текст подготовлен к печати и печатается по рукописи, хранящейся в личном архиве С. А. Батюто.

*Стр. 9. *...идею народную не только не понимают, но и не хотят совсем понять «ободнявшие Петры наши»*. См. статью «Словечко об ободнявшем Петре», заключающую «Дневник писателя» за 1876 г. (т. XXIV, стр. 63). Называя «ободнявшими Петрами» по преимуществу «нашу европействующую интеллигенцию», До-

стоевский упрекал ее за «ретроградность» воззрений на народ. Он утверждал, что, обличая в народе «темное», русские интеллигенты-западники «осмеяли» заодно и «все светлое, и, даже так можно сказать, что в светлом-то они и усмотрели темное». Однако категоричность этих утверждений значительно смягчалась в конце упомянутой статьи. Подразумевая разногласия между западниками, славянофилами и почвенниками, Достоевский отмечал здесь: «А между тем, для меня почти аксиома, что все наши русские разъединения и обособления основались, с самого их начала, на одних лишь недоумениях... что в них нет ничего существенного» (см. наст. изд., т. XXIV, стр. 65).

Стр. 10. *Но это лишь «слова и мысли»*. — Возможно, сокращенно сконцентрированная цитата из диалога циника лорда Лейстера с циником лордом Берли в трагедии Шиллера «Мария Стюарт» (см. действие IV, явл. 3):

Кому и розыск повести теперь,
Когда не вам? *Слова*, улыбки, взоры
И даже *мысли* потянуть к ответу?

(Фридрих Шиллер. Собр. соч. М., 1955, т. II, стр. 752. Перевод Н. Вильмонта, курсив мой. — *А. Б.*). С помощью этой реминисценции Достоевский резче подчеркивает свое отрицательное отношение к отечественным «циникам», утратившим прошлогоднюю веру в «духовную силу народа... и во всю Россию». Преднамеренно реминисцентный характер комментируемого выражения еще более вероятен при обращении к известным Достоевскому переводам и шекспировского «Гамлета». Восклицание короля (см. акт III, сц. 3) Н. А. Полевым (1796–1846) было переведено следующим образом:

Слова на небо — мысли на земле!
Без мысли слово недоступно к Богу!

(Гамлет, принц датский. Драматическое представление. Сочинение Виллиама Шекспира. Пер. с англ. Николая Полевого. М., 1837, стр. 129).

То же восклицание в переводе А. И. Кронеберга (1815 или 1816–1855), сделанном в 1844 г. и получившем высокую оценку Белинского:

Слова летят, но мысль моя лежит;
Без мысли слово к небу не взлетит.

(Полн. собр. драматических произведений Шекспира в переводе русских писателей. Изд. Н. А. Некрасова и Н. В. Гербеля. Т. 2. Изд. 2-е. СПб., 1876, стр. 41).

*Комментируемая фраза как-то напоминает и о строчках «Отрывка» из «Последних песен» Некрасова, горечь и поэтическую силу которых глубоко почувствовал Достоевский:

Слова… слова… красивые рассказы
О подвигах… но где же их дела?
Иль нет людей, идущих дальше фразы?
(*ОЗ*, 1877, № 1, стр. 278)

Наконец, выражение «слова и мысли» заставляет вспомнить о репликах из последней беседы Рудина с Лежневым в романе Тургенева «Рудин»:

«— Слова, всё слова! дел не было! — прервал Рудин.

— Дел не было! Какие же дела…» (*Тургенев, Сочинения*, т. VI, стр. 364)

Стр. 10. *…обиден этот торжествующий теперь, после летних восторгов, цинизм… — имеющийся печатный текст до с. 361, кончая словами: — Г*, 1876, 20 октября, № 290). *Ознакомившись с этой статьей, Тургенев, например, отнюдь не разделявший «летних восторгов» русского общества, писал Жемчужникову: «Ваша статья, написанная Вами в самый разгар нашего напускного шовинизма, была замечена мною; выраженные в ней мнения тесно совпадали с моими; надо было своего рода

мужество, чтобы в то время говорить так» (*Тургенев*, *Письма*, т. XII, стр. 79). Достоевский заметил эту статью Жемчужникова и собирался ему «возразить короче и энергичнее» (см. наст. изд., т. XXIV, стр. 277). Едва ли могла понравиться Достоевскому и корреспонденция «Из Белграда» (подписана буквами Г-в), напечатанная в декабрьской книжке журнала «Отечественные записки» за 1876 г. В ней утверждалось, что в большинстве своем русские добровольцы из дворян приехали в Сербию воевать не за славянское дело, а затем, чтобы поправить свои финансовые дела, расстроенные отменой крепостного права. Об одном из них автор корреспонденции писал: «…пятый прямо приехал затем, чтобы „заведовать отдельною частию“ и тотчас по прибытии начинает отыскивать сундук с деньгами, не думая ни о каком славянском деле…» И далее: «… видно, что накопилось великое множество (не растворившееся на Руси за насыщением) людей, жаждущих заведовать „отдельною частию“… людей, не имеющих никакой возможности отделаться от этой жажды… и вот Сербия подвернулась… где бы была полная воля гулять в доходных омутах поставок, экстренных расходов и других бесчисленных сверхсметных грабежей…» (*ОЗ*, 1876, № 12, стр. 180).

После ряда поражений сербской армии, командование которой было поручено М. Г. Черняеву (1828–1898), в русских газетах и журналах стали появляться статьи и заметки с резкой критикой его действий и распоряжений. Достоевский считал Черняева героем и талантливым военным деятелем, поэтому критику в адрес этого генерала он также считал выражением «цинизма».

После Достоевского, но уже с прямыми ссылками на газету «Голос» и журнал «Отечественные записки» о «циничном» освещении русской печатью Восточного вопроса и русского добровольческого движения

на Балканах писали В. П. Буренин (см.: *НВр*, 1877, № 385, 25 марта, фельетон «Литературные очерки», подписанный псевдонимом Буренина Тор) и А. С. Суворин (см.: *НВр*, 1877, № 420, 1 мая, фельетон «Недельные очерки и картинки», подписанный псевдонимом Суворина Незнакомец). Что касается генерала Черняева, А. С. Суворин писал в том же фельетоне: «Я не хочу вспоминать того, что говорилось о Черняеве, как позорили его имя; бездарным, хвастливым, недобросовестным, эксплуататором называли его; не было того подлого подозрения, которое бы в него не бросили, не было той мелкой дряни, умеющей держать перо в руках, которая не являлась бы героем-обличителем и которая не встречалась бы рукоплесканиями со стороны благоразумной и дальновидной „руководящей“ серьезной печати. „Голос“ просто захлебывался в изобличениях и говорил, что он считает это, со своей стороны, „гражданским мужеством“».

*Стр. 11. *История вечная, старая-престарая, начавшаяся гораздо раньше Мартына Ивановича Лютера...* — Насмешливо-сардоническая русификация имени и отчества Мартина Иоганна Лютера (1483–1546), основателя особого ответвления в христианской религии — протестантства или лютеранства, принадлежит, надо полагать, не Достоевскому, а издателю «Библиотеки для чтения» О. Сенковскому, любившему подобного рода шутки. Так, например, французскую писательницу Жорж Санд он называл Егором Зандом (см. наст. изд., т. XXIII, стр. 33).

Стр. 12. *Пифия* — жрица-прорицательница в храме древнегреческого бога Аполлона в Дельфах. *Пифия произносила свои прорицания под влиянием одуряющих паров, выходивших из расселины скалы возле храма. Вследствие этого смысл ее пророчеств был зачастую неясен и бессвязан.

Стр. 12. *...и у Татариновой вертелись и пророчествовали...* — Сведения о характере деятельности религиозной секты, о которой идет здесь речь, Достоевский мог почерпнуть из различных источников и, по-видимому, не только письменных. *В примечаниях к «Запискам» Ф. Ф. Вигеля (1786–1856), переизданным в советское время, отмечается: «Ек<атерина> Фил<ипповна> Татаринова, урожд<енная> Буксгевден (1783–1856), перешедшая в 1817 г. из лютеранства в православие, основала „духовный союз“, по своему ритуалу близкий к хлыстовству и скопчеству... К „союзу“ ее были очень близки А. Н. Голицин, А. Ф. Лабзин, директор департамента духовных дел В. С. Попов и др. Сам Александр одно время с интересом беседовал с Татариновой и покровительствовал ее „союзу“. Императрица Елизавета Алексеевна любила ее. Одному из главных деятелей этой секты, Никитушке (музыкант кадетского корпуса Н. Федоров), своего рода Распутину той эпохи, Александр дал чин 14-го класса и беседовал с ним. Впавший в это время в мистицизм царь писал, что сердце его „пламенеет любовью к Спасителю“, когда он читает о собраниях „союза“ Татариновой. При Николае I секта Татариновой пользовалась некоторой свободой, хотя и лишена была покровительства царя. Лишь в 1837 году существовавшая за городом (за Московской заставой, в районе Нарвских ворот, — *Ред.*) колония Татариновой была закрыта, а участники ее были разосланы по монастырям» (Ф. Ф. Вигель. Записки. Редакция и вступ. ст. С. Я. Штрайха. М., 1928, т. II, стр. 171–172). Быть может, нежелание напоминать о мистических увлечениях Александра I и его приближенных явилось причиной того, что колоритное описание Вигелем одного из первых радений секты Татариновой, происходивших поначалу в помещении

бывшего Михайловского замка (впоследствии в нем размещалось инженерное училище, в котором учился Достоевский), не попало в трехтомное издание его «Воспоминаний», напечатанных в университетской типографии М. Н. Каткова (М., 1864–1865). Вот это описание, в котором, помимо едкой иронии, присущей Достоевскому, есть все основные определения, употребляемые им для характеристики тамплиеров и английских и русских сектантов (сравнение сподвижников Татариновой с квакерами, указания на то, что все они «вертелись» и «пророчествовали» и т.п.): «По возвращении из Нижнего Новгорода… посетил я доброе семейство Лабат-де-Виванс… Оно состояло из старых девок, ревностных, чтобы не сказать бешеных католичек, которым, по милости государя, за службу отца дана была квартира в верхнем этаже Михайловского замка. За дружеским разговором последовало минутное молчание, во время которого послышалось мне странное пение. „Что это значит?“ — спросил я. — „Ah, c´est le sabbat“, — воскликнули они, заливаясь слезами. Окна их выходили на Фонтанку, рядом с округленным выступом, вовнутрь которого из них сбоку вниз можно было смотреть. Там находилась зала, отведенная секте для ее духовных упражнений. Я полюбопытствовал взглянуть и мог только рассмотреть фигуры, как бы в саваны наряженные, с остроконечными белыми колпаками, которые, с неимоверною быстротою кружась молниеобразно, появлялись и исчезали… Эти люди были род квакеров, называемых в Англии шекерами. Один очевидец, допущенный зрителем к их проказливым таинствам, рассказывал мне после следующее. Верховная жрица, некая г-жа Татаринова… посреди залы садилась в кресла; мужчины садились вдоль по стене, женщины становились перед нею, ожидая от нее знака. Когда она

подавала его, женщины начинали вертеться, а мужчины петь, под такт ударяя себя в колена, сперва тихо и плавно, а потом все громче и быстрее; по мере того и вращающиеся превращались в юлы. В изнеможении, в исступлении тем и другим начинало что-то чудиться. Тогда из среды их выступали вдохновенные, иногда мужик, иногда простая девка и начинали импровизировать нечто ни на что не похожее. Наконец, едва передвигая ноги, все спешили к трапезе, от которой нередко вкушал сам министр духовных дел, умевший подчинить себе святейший синод» (Ф. Ф. Вигель. Записки. М., 1928, т. II, стр. 170–171). Эти совпадения в тоне и определениях свидетельствуют о том, что Достоевский был знаком с содержанием рукописи «Записок» или же знал о ее содержании по рассказам современников. Оба предположения не лишены оснований, так как известно, что Вигель, начавший писать свои записки в 1840-х гг., любил читать отрывки из них «в домах всех своих знакомых» (см. там же, стр. 5, 6, 33, 38, 39). Косвенным подтверждением того, что содержание записок Вигеля (по крайней мере той их части, в которой шла речь о секте Татариновой) было известно Достоевскому задолго до первой их публикации, является также статья Достоевского «Щекотливый вопрос» (*В*, 1862, № 10). В этой статье есть такой примечательный выпад против В. И. Аскоченского: «Ах, это тот… как его… из кувыркателей. Совсем не из кувыркателей. Почтенные члены ошибаются положительно: вовсе не из кувыркателей и трясучек» (см. наст. изд., т. XX, стр. 46).

В семидесятые годы сведения Достоевского о русских сектантах, и в частности, о секте Татариновой пополнились благодаря публикации новых материалов в изданиях П. И. Бартенева (1829–1912). Так, в статье Ю. В. Толстого «О духовном союзе Е. Ф. Татариновой»

отмечалось, что «беседы, на которые собирался избранный кружок» Татариновой, «открывались чтением священных или отеческих писаний; потом на положенные Федоровым напевы, большею частию простонародные, пелись канты духовного содержания, иногда импровизируемые под лад простонародной речи; затем начиналось *радение*, т.е. кружение на правую сторону сперва медленное, потом более и более учащенное и кончавшееся тем, что один из кружащихся, почувствовав внушение духа, начинал прорекать *слово живое, слово пророческое...* простонародное пение, радение и прорицание бессвязных, отрывчатых речений, под склад сказочных прибауток, носят явные признаки влияния на Е. Ф. Татаринову ее знакомства со скопческими *кораблями*... В Петербурге, — продолжал далее тот же автор, — *Татарино-Никитовская секта* (как называли союз по фамилии и по имени главных ее прорицателей или пророков — Татариновой и Федорова) ни для кого не было тайной: членов ее называли русскими квакерами... Главное внимание обращали на себя их песни и пляски; поэтому о них образовалось в обществе какое-то презрительно-насмешливое понятие; разбавленное желчным сарказмом Вигеля, оно весьма верно передано в его записках» (Девятнадцатый век. Исторический сборник, издаваемый Петром Бартеневым. Кн. 1. М., 1872, стр. 223, 224). См. также: Иоаннов. Дополнительные сведения о Татариновой и членах ее духовного союза (*РА*, 1872, № 12, стр. 2334 и след.). См. наст. изд., т. XXII, стр. 367.

*Стр. 12. *...и редстокисты наши, весьма может быть, кончат тем, что будут вертеться...* — О Редстоке и его учении Достоевский подробно писал в «Дневнике писателя» 1876 г. (см. наст. изд., т. XXII, стр. 98–99; ср. также: *Д, Письма,* т. III, стр. 350–351).

Там же есть упоминания о секте Татариновой. Сектантов Достоевский критиковал с излюбленной им позиции почвенничества, ратуя против всяческого «обособления» и «разъединения русских людей» — разъединения главным образом в вопросах общественно-политических и в вопросах веры (см., например, в том же мартовском выпуске «Дневника писателя» за 1876 г. начало статьи «Словцо об отчете ученой комиссии о спиритических явлениях»).

Стр. 21. *Мы с восторгом встретили пришествие Руссо и Вольтера... — Имеющийся текст до слов: ... (Карамзин, Избранные сочинения, т. 2, стр. 150)*

*Несколько выше Достоевский пишет: «...с течением времени, поумнев еще более, мы прямо ухватились за цивилизацию и тотчас же уверовали... что в ней-то и заключается то „всеобщее“, которому предназначено соединить человечество воедино». И здесь можно уловить намек на восторженные высказывания Карамзина, писавшего в той же статье о своем отношении к Франции в пору работы над «Письмами русского путешественника»: «История Парижа... это история Франции и цивилизации». Он пробегает ее кратко, но старается охватить все самые характерные черты и кончает словами: «Итак, французская нация прошла все стадии цивилизации, чтобы достигнуть нынешнего состояния. Сравнивая ее медлительное шествие со стремительным движением нашего народа в направлении той же цели, начинаешь верить в чудеса...» (там же, стр. 151). Об отношении Достоевского к этой статье см. в следующем примечании.

Стр. 21. *...мы с путешествующим Карамзиным умилительно радовались созванию «Национальных Штатов» в 89 году...* — *В «Письмах русского путешественника», которые Карамзин начал писать, путеше-

ствуя по Западной Европе в 1789–1790 гг. (Германия, Швейцария, Франция, Англия), по цензурным соображениям не было и не могло быть особых «умилений» по поводу событий, совершающихся во Франции. Поэтому о сочувственном отношении Карамзина к Великой французской буржуазной революции 1789–1793 гг. Достоевский узнал, по всей вероятности, в 1866 г., когда, по случаю столетия со дня рождения автора «Истории государства Российского», были опубликованы его письма к поэту И. И. Дмитриеву. *Далее имеющийся печатный текст до слов (Карамзин, Избранные сочинения, т. 2, стр. 149, 150, 151–153)** Г. П. Макогоненко рассматривает это письмо как «часть, ранее написанную (видимо, в 1792–1793 гг.), „Писем русского путешественника“, посвященную Франции, но не включенную им в русское издание писем, вышедшее в том же 1797 году» (там же, т. 1, стр. 12).

Стр. *21. Даже самые «белые» из русских у себя в отечестве становились в Европе тотчас же «красными»... — Имеющийся печатный текст до слов (Карамзин, Избранные сочинения,* т. 1, стр. 419). *У Достоевского были по-своему веские основания, чтобы считать Карамзина «красным» и после того, как он написал «белую» «Историю государства Российского». Утвердиться в таком мнении могла ему помочь вышедшая в 1847 г. за границей книга Н. И. Тургенева «La Russe et les russes» («Россия и русские», — *Ред.*), в которой есть следующая примечательная характеристика мировоззрения Карамзина как в молодом, так и в преклонном возрасте (цитируем по русскому переводу, появившемуся значительно позднее): «Карамзин обладал большим талантом, очень просвещенным умом; он был наделен благородной и возвышенной душой. Эти качества не мешали ему, однако же, заявлять о необходимости

и полезности для России самодержавной власти. Несомненно, таково было его убеждение, так как он был неспособен к лицемерию или лжи. Тем не менее он далеко не был врагом форм правления, совершенно противоположных тем, которые господствовали в России; он был даже пламенным поклонником их. „Я республиканец в душе, — говорил он иногда, — но Россия прежде всего должна быть великой, а в том виде, какой она имеет сейчас, только самодержец может сохранить ее грозной и сильной“. В молодости Карамзин видел Европу; он прибыл во Францию в эпоху террора. Робеспьер внушал ему благоговение. Друзья Карамзина рассказывали, что, получив известие о смерти грозного трибуна, он пролил слезы; под старость он продолжал говорить о нем с почтением, удивляясь его бескорыстию, серьезности и твердости его характера и даже его скромному домашнему обиходу, составлявшему, по словам Карамзина, контраст с укладом жизни людей той эпохи» (Н. И. Тургенев. Россия и русские. М., 1915, стр. 342).

Вообще же основной заряд сарказма Достоевского направлен на тех русских (по преимуществу вельмож екатерининского времени и их потомков), которые, попав за границу, слепо, по-рабски, чисто подражательно перенимали западноевропейские идеи, нравы и обычаи. На одного из них, Павла Александровича Строганова (1772–1818), сына графа Александра Сергеевича Строганова, щедрого покровителя «художеств и муз», указывал мемуарист, современник Достоевского: «Совершенным мальчиком видел он в Париже ужасы революции и был в восхищении от сего народного волкана» (Ф. Ф. Вигель. Записки. М., 1928, т. 1, стр. 161–162). См. там же в сущности аналогичное суждение об адмирале П. В. Чичагове (1765–1849) (стр. 151–152). *Далее печатный текст:* В «Письмах русского путешественника»…

Стр. 22. *Наши помещики продавали своих крепостных крестьян и ехали в Париж издавать социальные журналы... — Имеющийся текст до слов* (там же, стр. 132). *Несмотря на это объяснение, Достоевский писал о Герцене в очерке «Старые люди» (см. в наст. изд. «Дневник писателя» за 1873 г.) как о человеке, общественное и личное поведение которого отличалось противоречиями подчас явно сомнительного (по Достоевскому) достоинства: «Он отрекся от основ прежнего общества; отрицал семейство и был, кажется, хорошим отцом и мужем. Отрицал собственность, а в ожидании успел устроить дела свои, и с удовольствием ощущал за границей свою обеспеченность. Он заводил революции и подстрекал к ним других и в то же время любил комфорт и семейный покой».

По-видимому, наряду с Герценом, но уже без каких бы то ни было на то оснований, Достоевский имел в виду и Тургенева. *Далее имеющийся печатный текст*

Стр. 27–28. *...на 92 странице романа (см. «Вестник Европы») сверху страницы есть 15 или 20 строк, и в этих строках как бы концентрировалась, по-моему, вся мысль произведения ~ К сожалению, этот взгляд совершенно ошибочен... — Печатный текст до слов* (см.: *ВЕ*, 1877, № 1, стр. 92). *Не ясно, почему именно этот отрывок казался Достоевскому средоточием идейного содержания романа. Очевидно, Достоевский сам ошибся, увидев здесь новое подтверждение своим прежним, отразившимся в «Бесах», представлениям о Тургеневе как о писателе, втайне сочувствующем революционным попыткам переустройства русской жизни. На самом деле «вся мысль» романа сконцентрировалась не в приведенной характеристике Соломина, а в эпиграфе к «Нови». Но под глубоко забирающим плугом Тургенев подразумевал не революцию, как казалось

Достоевскому, а просвещение. В последующих беглых суждениях Достоевского его отрицательное отношение к «Нови» приобретало все более конкретные формы. Наконец, имея в виду тургеневскую речь на торжествах по случаю открытия памятника Пушкину (1880) и ранее написанную «Новь», Достоевский в письме к К. П. Победоносцеву (19 мая 1880 г.) писал с крайним возмущением: «Но славить Пушкина и проповедовать Верочку я не могу». Комментируя это заключение, А. С. Долинин отмечал: «Достоевский хотел сказать в настоящем письме, что Тургенев образом Марианны подготовил В<еру> Засулич» (*Достоевский, Письма*, т. IV, стр. 417).

*Стр. 28. *...недавно я зашел к Некрасову...* — На основании этого упоминания в «Дневнике писателя» Л. П. Гроссман относит дату посещения Некрасова Достоевским к январю 1877 г. (см.: *Гроссман, Жизнь и труды*, стр. 257). Более точной датой мы не располагаем.

Стр. 28. *...кроме одной маленькой статейки «Петербургские шарманщики» в один сборник. — Имеющийся печатный текст до слов* «Петербургских шарманщиков». *«Он, по-видимому, остался доволен моим очерком, хотя и не распространялся в излишних похвалах, — вспоминал впоследствии Григорович, — ему не понравилось только одно выражение в главе „Публика шарманщика“. У меня было написано так: когда шарманка перестает играть, чиновник из окна бросает пятак, который падает к ногам шарманщика. „Не то, не то, — раздраженно заговорил вдруг Достоевский, — совсем не то! У тебя выходит слишком сухо: пятак упал к ногам... надо было сказать: пятак упал на мостовую, *звеня* и *подпрыгивая*...“ Этих слов, — продолжал Григорович, — было для меня довольно, чтобы понять разницу между сухим выражением и живым художественно-литературным приемом» *далее печатный текст*

Стр. 31. *Всё это он говорил потом обо мне и многим другим, еще живым теперь и могущим засвидетельствовать.* — Одним из тех, кто мог «засвидетельствовать» справедливость слов Достоевского об отношении Белинского к повести «Бедные люди», был И. С. Тургенев *, который еще в 1868 году писал о великом критике в своих воспоминаниях: «Когда попались ему в руки “Бедные люди” г-на Достоевского, он пришел в совершенный восторг. “Да, — говорил он с гордостью, словно сам совершил величайший подвиг, — да, батюшка, я вам доложу! Не велика птичка, — и тут он указывал рукою чуть не на аршин от полу, — не велика птичка, а ноготок востер!” Каково же было мое удивление, когда, встретившись вскоре потом с г-м Достоевским, я увидал в нем человека роста более среднего — во всяком случае выше самого Белинского! Но в припадке отеческой нежности к новонародившемуся таланту Белинский относился к нему, как к сыну, как к своему “дитятке”» *далее печатный текст*

Стр. 31. *Когда я воротился из каторги, он указал мне на одно свое стихотворение в книге его: «Это я об вас тогда написал...» — Имеющийся печатный текст до слов (Ашукин, Летопись, стр. 290) затем иной вариант текста* *(Тот же исследователь считает необходимым напомнить о другой точке зрения на центральный образ поэмы «Несчастные»: «К. Чуковский отвергает предположение, что в образе Крота... изображен Достоевский. Существует мнение, что Крот — это Белинский» (там же, стр. 290)). Такое разногласие в определении прототипа Крота объясняется, по-видимому, собирательностью этого образа. Говоря о том, что он думал о Достоевском, создавая образ Крота, Некрасов, по всей вероятности, имел в виду прежде всего строки, рисующие внешность молодого Крота и его положение

«белоручки» и «барина» в буйной и грубой среде каторжников:

Рука, не твердая в труде,
Как спицы ноги, детский голос
И словно лен пушистый волос
На голове и бороде.

По всей вероятности, с Достоевским же соотносилась и следующая характеристика Крота-христианина, возмутившегося цинизмом каторжников, отпевающих своего еще не умершего товарища:

Вдруг кто-то крикнул: «Нет в вас Бога!»
И песни не допели мы… и т.д.

Вместе с тем прославление Кротом грандиозной реформаторской деятельности Петра I наверняка соотносилось Некрасовым с мировоззрением уже не Достоевского, а Белинского.

Стр. 37. *…тут непременно — «Надо что-нибудь да сделать, Надо чем-нибудь да кончить». — Имеющийся печатный текст до слов* Курсив наш, — *Ред.*) *Грот и Пекарский комментируют это письмо следующим образом: «В июне 1798 года собрание сочинений Державина было отпечатано, но он вдруг сделался недоволен ни порядком, в котором расположены были стихотворения, ни внешностью издания, о чем 17 июня 1798 года писал он князю Голицину, тогдашнему куратору московского университета, прибавляя: „и так я рассудил, заплатя типографии, весь завод истребить; а поелику сим я огорчу Н. М. Карамзина, которому я поручил смотрение над печатанием и который мне хороший приятель, то и хочется мне это так сделать, чтоб он и не сведал…“ Однако, на другой день, Державин передумал, и книга с некоторыми изменениями выпущена в свет» (там же, стр. 045–046). Особое внимание Достоевского к этому изданию писем Карамзина

подтверждается прозрачными намеками на него в подглавке «Мы в Европе лишь стрюцкие», помещенной в январском выпуске «Дневника писателя» за 1877 г. (см. в наст. томе стр. 364–366).

*Стр. 37. *...сама Турция вряд ли год простоит.* — Не исключено, что здесь и ниже Достоевский опирается на основное положение славянофильской по направлению статьи «Взгляд М. П. Погодина на отношения враждебных России государств в апреле 1854 г.». Определяя военно-политическую позицию Англии и Франции, Погодин писал в этой статье: «Для чего же они хотят войны? Для того, чтоб поддержать Турцию, как говорят они, — это есть нелепость. Их посланники, их путешественники, их ученые представляли им, в продолжение даже последних двадцати лет, множество доказательств, что Турция умирает и что оживить ее нет никаких человеческих средств. Следовательно, желание поддержать Турцию есть предлог, отнюдь не цель. Они хотят войны для того, чтобы унизить Россию и ослабить ее влияние на Востоке» (*РС*, 1874, № 6, стр. 400). См. также примечание к словам «предчувствие смерти и разложения „больного человека“» на стр. 386.

*Стр. 38. *...и что-то будет с другими, особенно с теми другими, там за Дунаем?* — Подразумеваются подвергавшиеся жесточайшим притеснениям славяне Болгарии, Сербии, Черногории, Боснии и Герцеговины, входивших в состав Османской империи.

Стр. 39. *Считали их так себе... — Имеющийся печатный текст до слов* ...превосходны *, несмотря на однообразие — неизбежное, впрочем, свойство всех народных произведений» *далее печатный текст*

Стр. 40. *...которому до сих пор не могли мы еще собрать денег на памятник... — имеющийся печатный текст до* — 923). *Гораздо раньше Достоевского мед-

ленным сбором средств на памятник возмущался Тургенев. В письме к П. В. Анненкову от 2 (14) сентября 1871 г. он писал: «Подвигается ли подписка на памятник Пушкину? Если нет — то это позор для России» (*Тургенев*, Письма, т. IX, стр. 130).

*Стр. 41. *...о содранной со спины коже.* — О сдирании кожи башибузуками Достоевский часто говорит не только на основании газетных известий с театра военных действий на Балканах, но и опираясь на пушкинскую лексику и образы в «Песнях западных славян» (см., например, песнь «Видение короля»).

Стр. 42. *Правда, теперь, когда уж кончилась у них война и заключен мир... — Вместо имеющегося* *Подразумевается сербо-черногорско-турецкая война, начатая по инициативе Сербии и Черногории 20 июня (2 июля) 1876 г. Сербия потерпела вскоре ряд поражений. Успешнее вела военные действия Черногория, однако и у нее явно не хватало сил для борьбы с несравненно более сильным противником. Спасая Сербию и Черногорию от окончательного разгрома, Россия 19 октября ст. ст. 1876 г. предъявила Турции ультиматум, в котором потребовала заключения перемирия в течение ближайших сорока восьми часов. Турки согласились на двухмесячное перемирие. В феврале 1877 г., вновь благодаря дипломатическому давлению России, между Сербией и Черногорией, с одной стороны, и Турцией — с другой, был заключен мир. *Далее имеющийся печатный текст*

Стр. 43. *...Черняев оттуда выехал, а добровольцев выслали... — Вместо имеющегося печатного текста* *По приглашению сербского князя Милана генерал М. Г. Черняев прибыл в июне 1876 г. в Белград для руководства сербской армией, приготовлявшейся к военным действиям против Турции. По-видимому, из-за того, что отъезд Черняева на Балканы не был санк-

ционирован русским правительством, избегавшим в то время обострения отношений с Турцией, сразу по окончании сербско-турецкой войны (еще до заключения мира), ему пришлось выехать не в Россию, а в Австрию и во Францию. О «хлестаковском» поведении Черняева в Вене и в Париже неоднократно и очень едко писал Тургенев (см.: *Тургенев, Письма,* т. XII, кн. 1, стр. 31, 62 и др.). Русские добровольцы начали прибывать в сербскую армию в начале сентября 1876 г. Вернулись на родину после заключения Сербией мира с Турцией (февраль 1877 г.). *Далее имеющийся печатный текст*

*Стр. 46. *Коли н и ч е г о нет, значит можно в с ё делать, — вот идея!* — Отголосок атеистических размышлений мятущегося Раскольникова и вместе с тем одно из предвестий замысла романа «Братья Карамазовы», в философской системе которого эта идея (если Бога нет — все позволено) займет чуть ли не центральное положение.

*Стр. 46. *...«цель оправдывает средства»...* — формула, наиболее полно характеризующая основы цинической морали иезуитов. Один из них, Герман Бузенбаум (1600–1663), писал в сочинении «Основы морального богословия» (1645): «Кому дозволена цель, тому дозволены и средства». Иезуиты заимствовали это выражение из книги английского философа Томаса Гоббса (1558–1679) «О гражданине» (1642). Предвосхищением кодекса иезуитской морали было, по всей вероятности, и сочинение итальянского писателя и политического деятеля Николо Макиавелли (1469–1527) «Государь» (1513, изд. 1532).

Стр. 46. *Ну, а во Франции ~ в 93-м году разве не утвердилась эта самая мода сдирания кожи... — Имеющийся печатный текст до слов* якобинский террор *и намекает, вместе с тем, на то, что этот террор оказал-

ся в резком противоречии с «священнейшими» принципами, провозглашенными Великой французской революцией, — свобода, равенство, братство.

Стр. 46. *Вольтфас — имеющийся печатный текст* до слов поворот лица). *В данном случае — быстрое изменение мнения на противоположное.

*Стр. 58. *...безысходная путаница, которая и теперь продолжается ~ и в головах негодяев Стив, и в головах чистых сердцем Левиных.* — Оценивая проделанный Достоевским анализ этой «злобы дня», неожиданно вторгающейся в любовный сюжет романа «Анна Каренина», Н. С. Лесков писал в письме к Достоевскому от 7 марта 1877 г.: «Сказанное по поводу „негодяя Стивы“ и „чистого сердцем Левина“ так хорошо, — чисто, благородно, умно и прозорливо, что я не могу удержаться от потребности сказать Вам горячее спасибо и душевный привет. Дух Ваш прекрасен, — иначе он не разобрал бы этого *так*. Это анализ *умной души*, а не головы» (Н. С. Лесков. Собрание сочинений. М., 1958, т. X, стр. 449).

Стр. 60. *...а вы — вы сто миллионов обреченных к истреблению голов, и только. — Имеющийся печатный текст до слов* ...потребовали. *Комментаторы «Бесов» отмечают, что основанием для такого заключения о намерениях революционеров послужила прежде всего речь французского социалиста Ш. Ж. Лаклара (1843–1903), произнесенная на конгрессе «Лиги мира и свободы» в Женеве (сентябрь 1867 г.) и тенденциозно интерпретированная затем в статье-обзоре Г. де Молинари «Международные конгрессы» (*РВ*, 1868, № 10). Ближайшим первоисточником слов о «ста миллионах голов» могла быть также и брезгливо-презрительная характеристика убеждений немецкого мелкобуржуазного революционера К. П. Гейнцена (1809–1880), сфор-

мулированная в XXXVII главе «Былого и дум»: «Он впоследствии писал, что достаточно *избить два миллиона* человек на земном шаре — и дело революции пойдет как по маслу» (см. наст. изд., т. XII, стр. 201, 291; *Герцен*, т. X, стр. 59–61, 106). Вместе с тем Достоевский-памфлетист едва ли мог не иметь в виду и Марата, который среди многих его современников (особенно же среди писателей ярко выраженного антинигилистического направления — см., например, роман Н. С. Лескова «Некуда») пользовался репутацией наиболее «кровожадного» из революционеров. Несколько позднее в энциклопедическом словаре Брокгауза — Ефрона отмечалось, что как автор и издатель «Ami du peuple» («Друг народа») Ж.-П. Марат подвергался гонениям, которые «придали ему лишь еще больше энергии и сделали его более свирепым: он стал говорить о необходимости обновления общества принесением в жертву сотен и тысяч голов изменников. […] 10-е авг<уста> дало ему власть и влияние. В этот день он распространил в городе плакат, в котором призывал к умерщвлению всех антиреволюционеров» (*Энциклопедический словарь*, т. XVIIIA, стр. 591).

*Стр. 61. *…но и тут не делайте так, как иные мечтатели, которые прямо берутся за тачку: «дескать, я не барин, а хочу работать как мужик». Тачка опять-таки мундир.* — Достоевский намекает на Нежданова и Марианну из тургеневского романа «Новь», собирающихся «идти в народ» (см.: *Тургенев, Сочинения,* т. XII, стр. 198–225 и др.).

Стр. 70. *…что Россия народна, что Россия не Австрия… — Имеющийся печатный текст до слов* …преимущественно ближайших. *При сознании своей слабости Австрия должна избегать войны, но когда война готова будет возгореться между другими государства-

ми, Австрия не может осудить себя на страдательное положение; она пользуется случаем показать свое значение, возвысить его, является посредницею, старается захватить в свои руки узел переговоров и направлять их по своим интересам, выжидая благоприятных обстоятельств, пользуясь каждою случайностию, — грозя и отступая, опять грозя и отступая. *Далее имеющийся печатный текст до слов* ...дипломатического; *внутри, состоя из разных государств, из разных народов, она должна управлять ими дипломатическими средствами, сохраняя равновесие, разделяя и властвуя; извне сознание слабости, страх перед решительными мерами, пред войною, заставляет поддерживать и поднимать свое значение также дипломатическими средствами, лавируя между сильными, разделяя их, одиноча сильнейших. *Далее имеющийся печатный текст* до стр. 196).

Стр. 70. *...предчувствие смерти и разложения «больного человека»... — Имеющийся печатный текст до слов* ...наполеоновских войн. *«В 1802 году, когда готовился разрыв амьенского мира, — пишет в одной из своих книг историк С. М. Соловьев, — Морков (русский посол в Париже, — *Ред.*) доносил своему двору, что Бонапарт постоянно заводит разговор о близком распадении оттоманской империи» (С. М. Соловьев. Император Александр первый, стр. 35). В той же книге указывается, что чуть ли не на другой день после заключения Тильзитского мира (1807) «имел разговор с Наполеоном» австрийский дипломат «Винцент, который заметил, что ходят слухи, будто при тильзитских свиданиях решена судьба Порты (подразумевался вопрос о разделе европейской Турции между Францией и Россией, — *Ред.*). „Мы, — заметил Винцент, — не имеем никакого интереса ускорять разложение больного тела Турции“» (там же,

стр. 195). В 1874 г. в «Русской старине» была опубликована статья «Взгляд М. П. Погодина на отношения враждебных России государств в 1854 г.». В ней также утверждалось, что французские и английские дипломаты, путешественники и ученые предоставили в распоряжение правительств своих стран «в продолжение даже последних двадцати лет, множество доказательств, что Турция умирает и что оживить ее нет никаких человеческих средств» (*РС*, 1874, № 6, стр. 400). Приблизительно за два месяца до опубликования настоящей главы из «Дневника писателя» в журнале «Отечественные записки» была приведена по-русски цитата из брошюры Пьера Жозефа Прудона «Manuel du spéculateur à la bourse» («Наставление биржевому спекулянту»). В этой цитате «блистательная Порта» характеризовалась как государство, «не имеющее достаточно жизненности», больше того — как государство-труп (*ОЗ*, 1877, № 1, стр. 141). Характеристика «больной человек» употреблялась Достоевским и в «Дневнике писателя» за 1876 г., где он писал: «Если Бог пошлет славянам успех, то до какого предела в успехе допустит их Европа? Позволит ли стащить с постели больного человека совсем долой? Последнее очень трудно предположить» (наст. изд., т. XXIII, стр. 374–375). Ранее определение «больной человек» Достоевский употребил в одной из записных тетрадей 1864–1865 гг. (см. наст. изд., т. XX, стр. 188).

Тревожные предположения Достоевского оказались, как известно, небезосновательными. Великие западноевропейские державы не допустили освобождения из-под турецкого ига всех балканских славян.

Стр. 77. *Я готов поверить, что лорд Биконсфилд сам, может быть, забыл о своем происхождении... — Имеющийся печатный текст до слов* (*Д, Письма*, т. III,

стр. 381). *Английский писатель и государственный деятель Бенджамин Дизраэли (1804–1881) был возведен в звание лорда Биконсфилда и виконта Гугенден или Юэнден в 1876 г. Во время сербско-турецкой, черногорско-турецкой и русско-турецкой войн (1876–1877) Дизраэли сочувствовал туркам и активно проводил политику, направленную во вред интересам России на Балканском полуострове. После победы России над Турцией послал в Дарданеллы для устрашения английский флот, а по заключении Сен-Стефанского мирного договора (3 марта 1878 г.) призвал к оружию английские военные резервы и сосредоточил на Мальте подчиненные Англии индийские войска (апрель 1878 г.). Способствовал решениям Берлинского конгресса (июнь 1878 г.), значительно умалившим выгоды, которые добилась Россия после победоносной войны с Турцией и заключения с нею Сен-Стефанского договора. Вся эта антирусская государственная деятельность Дизраэли вызывала крайнюю антипатию к нему со стороны Достоевского.

Стр. 82. *Загорит, заблестит луч денницы... — Имеющийся печатный текст до слов* ...свет денницы.

*И орган,
И тимпан,
И цевницы,
И сребро,
И добро,
И святыню
Понесем
В старый дом,
В Палестину.

В отсылке на источник добавить страницу: 416

Стр. 85. *Разве покойный парижский Джемс Ротшильд был дурной человек? — Имеющийся печатный текст до слов ...* —1868) *далее вместо имеющегося пе-*

чатного *, втором, после короля Людовика-Филиппа, богаче Франции.

Стр. 86. *...ну что если тут же к этому освобожденному мужику ~ нахлынет всем кагалом еврей ... — Имеющийся печатный текст до слов Гроссман, Семинарий,* стр. 46). *Часто повторяемое Достоевским определение status in statu (государство в государстве) также, по-видимому, заимствовано у Брафмана, который писал во вступлении к своей книге: «Изречение: „Евреи образуют государство в государстве“, которым Шиллер завершает и округляет картину еврейского быта в земле египетской за 3600 лет тому назад, весьма основательно применяется многими к жизни еврейского народа и в настоящее время; но, так как государство без территории немыслимо, то и приведенное изречение считалось до сих пор более поэтическим выражением, чем историческою истиною. В настоящей книге, открывающей в первый раз территорию, на которую еврейский кагал всегда простирал и ныне простирает свои права и которую он действительно подчинял и подчиняет своей власти, сказанное изречение получает значение неопровергаемой истины и, таким образом, переходит из проблемы в аксиому» (стр. XXIV). В качестве эпиграфа к своей книге Брафман тенденциозно использовал утверждение, принадлежащее Шиллеру: «Die Juden bilden einen Staat im Staate».

* Стр. 87. *...один так даже писал мне, что он именно скорбит о том, что русский народ не имеет религии и ничего не понимает в своем христианстве.* — Возможно, речь идет о содержании одного из утраченных писем А. Г. Ковнера к Достоевскому.

Стр. 88. *Видел я Росси в Гамлете и вывел заключение, что вместо Гамлета я видел господина Росси. — Имеющийся печатный текст до слов* возможностей Росси

*(ограниченная способность перевоплощения) *далее имеющийся печатный текст до слов* ...школы». *Незадолго до приезда Росси на гастроли в Россию Тургенев писал П. В. Анненкову 16 (28) января 1876 г. из Парижа: «Здесь кричат о Росси — не верьте этому. Итальянский Каратыгин — и больше ничего» *далее имеющийся печатный текст до слов* (Тургенев, Письма, т. XI, стр. 200).

* Стр. 92. *...«чем хуже, тем лучше».* — Возможно, Достоевский утрирует высказывание крайне нелюбимого им тургеневского западника Потугина — поборника «общих мест» и врага «единичных случаев»: «Да ведь известное дело: от худого к хорошему никогда не идешь через лучшее, а всегда через худшее, — и яд в медицине бывает полезен... Через худшее к хорошему!» (*Тургенев, Сочинения*, т. IX, стр. 172–173).

Стр. 92. *...«наследят землю»... — Вместо имеющегося печатного текста* *Возводится в догмат нравственной философии следующий текст из Псалтири: «Перестань гневаться и оставь ярость; не ревнуй до того, чтобы делать зло, ибо делающие зло истребятся, уповающие же на Господа наследуют землю» (гл. 36, ст. 8–9).

* Стр. 96. *И опять молодежь оплюет свои семейства и домы и побежит от своих стариков, твердящих в зубрежку бесконечные общие места и старые, надоевшие всем слова о европейском величии и об обязанности нашей быть как можно безличнее.* — Здесь подразумеваются нигилисты из таких антинигилистических произведений, как «Взбаламученное море» А. Ф. Писемского, «Бродящие силы» В. П. Авенариуса, «Кровавый пуф» В. В. Крестовского и т. п.

Стр. 98. *Александр I ~ говорил, что отрастит себе бороду и уйдет в леса с народом своим... — Имеющийся печатный текст до слов* ... Книга первая. М., 1872,

стр. 456–457). *По всей вероятности, не осталось неизвестным Достоевскому и письмо Александра I к наследному принцу шведскому Бернадотту от 19 сентября 1812 г., в котором есть такие строки: «…неприятель получил Москву пустую, эта потеря жестокая, я согласен, но более в отношении нравственном и политическом, чем военном. По крайней мере, она даст мне случай представить Европе величайшее доказательство моей устойчивости в поддержании борьбы против ее притеснителя, ибо после этой раны все другие суть только царапины. Я повторяю В<ашему> Королев<скому> Высочеству торжественное уверение, что я и народ, в челе которого я имею честь находиться, тверже чем когда-либо решились выдерживать до конца и скорее погребсти себя под развалинами империи, чем войти в соглашение с новым Аттилою» (С. М. Соловьев. Император Александр первый. Политика. Дипломатия. СПб., 1877, стр. 231).

Стр. 100. *…(как мечтает уже Австрия… — Имеющийся печатный текст до слов* …русско-турецкой войне. * По решению берлинского конгресса (июнь-июль 1878 г.), крайне невыгодному для России и балканских славян, к Австро-Венгрии, кроме упомянутых земель, отходила также территория Новый Базар, расположенная между Сербией и Черногорией (см.: Всемирная история. М., 1960, т. VII, стр. 172, 175–176).

* Стр. 102. *…«врачу, исцелися сам».* — Цитата из Евангелия от Луки (гл. 4, ст. 23).

Стр. 123. *«Те пусть полежат и подождут; русского-то всякий подымет, а французик-то чужой, его наперед пожалеть надо». — Имеющийся печатный текст до слов* (*ВЕ*, 1877, № 2, стр. 891, 892). *Сохранился положительный отзыв Тургенева о профессоре Рамбо (1842–1905). В письме к В. А. Соллогубу от 23 октября (4 ноября)

1875 г. он писал: «M-r Alfred Rambaud мне знаком: он из числа немногих французов, пишущих о России и имеющих некоторое понятие о ней; он и по-русски понимает» (*Тургенев, Письма,* т. XI, стр. 145).

Стр. 124. *Сущность дела он понимает превосходно ~ он четыре уже столетия как ее понимает. — Имеющийся печатный текст до слов* ...Россией и *мусульманским Востоком, представляемым, главным образом, *далее имеющийся печатный текст*

*Стр. 124. *Вот теперешних дипломатов не понял бы вовсе...* — Подразумеваются дипломаты, главным образом, английские и французские, активно помогавшие мусульманской Турции в ее борьбе с христианско-православной Россией.

*Стр. 124. *...вы ушли от него, двести лет назад...* — упрек, часто направляемый Достоевским по адресу русского дворянства и русской интеллигенции, «оторвавшихся от почвы», т.е. утративших связь с народом в период петровских реформ.

*Стр. 126. *Последние из этих писем как раз касаются моего объявления о болезни.* — Речь идет о предуведомлении «К моим читателям», напечатанном в апрельском выпуске «Дневника писателя» за 1877 г.

Стр. 131. *...этакой человек может представить собою чрезвычайно серьезный литературный тип, в романе или повести. — Имеющийся печатный текст до слов* ...тридцать лет спустя. *Вместе с тем характер героя, подлежащего обличению, задуман как порождение «наших... шатких семейств», то есть в нем уже ощущается предвестие грядущей карамазовщины, точнее — смердяковщины. Как бы в противовес Дмитрию Карамазову, утверждающему: «широк русский человек. Я бы сузил!» — предполагаемый герой обличительной повести, «изо всех сил» знающий, «что

он подленький негодяй», утверждает по-смердяковски: «Ныне де время раздвоения мысли и широкости, ныне прямолинейной мыслью не проживешь». Грядущая смердяковщина еще очевиднее в следующей его сентенции, конструктивно напоминающей знаменитый фрагмент из застольной философской беседы в кругу карамазовского семейства: «ибо почему же не употребить подлость в дело? Да и кто может доказать в наш век, что подлость есть подлость» и т.д. и т.п. В развиваемом в настоящей главе «Дневника» замысле ощущается связь с предшествующим творчеством Достоевского. Вспоминая в 1873 г. о недорисованном характере героя полемически-пародийного рассказа «Крокодил. Необыкновенное событие или пассаж в Пассаже» (см. в наст. изд. «Дневник писателя» за 1873 г., очерк «Нечто лишнее»), Достоевский обещал: «Когда-нибудь непременно докончу». По-видимому, мысль о глуповатом и подловатом герое типа Смердякова, герое, наделенном вместе с тем и гипертрофированно непомерным самолюбием, занимало Достоевского в какой-то мере уже и тогда.

Стр. 136. *Давненько-таки я не живал в русской деревне. — Перед имеющимся печатным текстом* *Лето 1877 г. Достоевский с семьей провел в арендованном им имении И. Г. Сниткина «Малый Прикол», в десяти верстах от городка Мирополье, Суджанского уезда, Курской губернии (см.: *Достоевская А. Г., Воспоминания,* стр. 318). Вместе с тем комментируемая фраза — явно *далее имеющийся печатный текст*

*Стр. 137. *Эмигрировали из России... двадцать лет назад наиболее помещики, и с тех пор эмиграция продолжается.* — Здесь и ниже (см.: «Это ведь из-за деспотизма им до сих пор не выдавали заграничных паспортов») подразумеваются принципиально несхожие

законы о выдаче заграничных паспортов, действовавшие при Николае I и Александре II. В 1851 г. Николай I ограничил до двух лет ранее узаконенный (с 1834 г.) пятилетний срок пребывания русских дворян за границей. Больше того, он приказал с каждого лица, упоминаемого в заграничном паспорте, взимать пошлину в размере 250 руб. за каждое полугодие. С воцарением Александра II по закону от 26 августа ст. ст. 1856 г. все эти ограничения и препятствия, затруднявшие получение заграничного паспорта, были устранены.

Стр. 137. *...русская личная поземельная собственность в полнейшем хаосе, продается и покупается, меняет своих владетелей... меняет даже вид свой, обезлесивается...* — *Публицистическое предвосхищение чеховских мотивов в пьесах «Дядя Ваня» (горькие речи Астрова о том, что в России безжалостно и чуть ли не повсеместно вырубаются леса) и «Вишневый сад» (окончательный уход с исторической сцены прежних хозяев жизни — владельцев «дворянских гнезд». См. также несколько ниже характеристику русских прожигателей жизни за границей, уже напоминающую, концом своим, об элегических настроениях Раневской: «...эти сибариты, слоняющиеся по германским водам и по берегам швейцарских озер, эти Лукуллы, проживающиеся в ресторанах Парижа — ведь сами они знают и с некоторою даже болью все же предчувствуют, что ведь фонды-то они свои, наконец, проедят...»). *Далее имеющийся печатный текст*

*Стр. 145. *...и социализм-то самый начнется в ней по католическому шаблону, с католической организацией и закваской. Не иначе...* — Нечто подобное, только в несравненно более яркой форме, утверждал Достоевский несколько позже в романе «Братья Карамазовы» (гл. о «Великом инквизиторе»).

*Стр. 147. *...путешествовавший по Европе молодой Карамзин смотрел с умилительным дрожанием сердца на то же событие...* — то есть на открытие Национального собрания. См. выше. примеч. к стр. 21.

Стр. 147. *...а в Петербурге, у нас, еще задолго перед сим красовался мраморный бюст Вольтера. — Имеющийся печатный текст до слов* (*ДНР*, 1877, № 4, стр. 348).

*По свидетельству специалистов, оба бюста с момента их создания не покидали стен Эрмитажа (см. упомянутую выше книгу Ж. Мацулевич, стр. 61). Из слов же Достоевского следует вывести заключение, что один из них «красовался» в Петербурге лишь до определенного момента, что после Великой французской революции 1789–1793 гг., напугавшей правящую верхушку русского общества, и смерти Екатерины II (1796), его куда-то припрятали. В данном случае Достоевский допускает ошибку или, что более вероятно, наряду с бюстом подразумевает еще какое-то скульптурное изображение фернейского философа, действительно подвергшееся остракизму. Такой подразумеваемой скульптурой могло быть, в первую очередь, самое лучшее произведение Гудона — мраморная статуя Вольтера, сидящего в кресле, заказанная Екатериной II в 1780 или 1781 г. и доставленная в Царское Село в 1784 г. 19 мая этого года Екатерина писала Гримму из Царского Села: «Статуя Вольтера получена и выставлена в Утренней Зале, где она находится в достойной ее обстановке. Вольтер созерцает здесь все, что есть наиболее прекрасного между античными и современными скульптурами... все приходят на него любоваться» (см. В. А. Верещагин. Произведения Гудона в России. Старые годы, 1908, № 6, стр. 334). По смерти Екатерины статуя Вольтера долгое время хранилась в Старом Эрмитаже отнюдь не на самом видном месте. Когда же отстроили здание Нового Эрмитажа, она, по словам Верещагина,

«чуть совсем не была уничтожена. — «Истребить эту обезьяну», — сказал как-то царственный внук Екатерины, проходя по Эрмитажной галерее и указывая на эту самую статую. К счастью, в свите государя оказался тогда просвещенный граф Андрей Петрович Шувалов, который спас статую, спрятав ее в одном из подвалов Таврического дворца, откуда она уже при императоре Александре II была перевезена сначала опять в Царское, потом в Императорскую публичную библиотеку и, наконец, снова в Эрмитаж (там же, стр. 335, 336–337). Почти все эти сведения Достоевский мог почерпнуть из цитированной выше статьи Стасова (*ДНР*, 1877, № 4, стр. 348–349), к моменту написания которой статуя находилась все еще в изгнании. Намекнуть на статую более определенно Достоевский не пожелал, так как при этом ему в той или иной форме пришлось бы коснуться поведения «высочайших особ» — Екатерины II, «чрезмерно» благоволившей безбожнику Вольтеру, и Николая I, выказавшего по-фельдфебельски тупо свирепую к нему ненависть. Согласно данным энциклопедического словаря Брокгауза — Ефрона, бюсты Вольтера имелись также у владельцев крупных частных собраний произведений искусства: мраморный у графа С. Г. Строганова (1794–1882), бронзовый у князя В. П. Кочубея (1768–1834), терракотовый у князя А. С. Долгорукова (1841–1912).

*Стр. 150. *...быть иль не быть.* — Слова из монолога Гамлета в одноименной трагедии Шекспира (действие 3, явл. 3. Перевод Н. А. Полевого (1837)).

*Стр. 151. *...начиная с Арминия...* — вождя германского племени херусков Арминия (18 до н.э. —19 н.э.), разбившего римлян в битве в Тевтобургском лесу (9 н.э.).

*Стр. 175. *...и корпий щипать...* — Корпия — нитки, нащипанные из ветоши, вышедший из употребления перевязочный инструмент.

*Стр. 185. *...ленивое дорлотерство...* — От dorloter (*фр.*) — нежить.

Стр. 214. *Всенощная — Вместо имеющегося печатного текста* *церковное богослужение, совершаемое на воскресные дни и великие праздники, по уставу продолжающееся всю ночь; ныне совершается сокращенно и лишь в некоторых монастырях длится всю ночь.

Список условных сокращений
(печатные источники)

Ашукин, Летопись — Н. С. Ашукин. Летопись жизни и творчества Н. А. Некрасова. М.; Л., «Academia», 1935.

Бахтин — М. Бахтин. Проблемы поэтики Достоевского. Изд. 2. «Сов. писатель», М., 1963.

БВ — «Биржевые ведомости» (газета)

БдЧт — «Библиотека для чтения» (журнал)

Белинский — В. Г. Белинский. Полное собрание сочинений. Т. I–XIII. Изд. АН СССР. М., 1953–1959.

Библиотека — Л. П. Гроссман. Библиотека Достоевского. По неизданным материалам. С прилож. каталога библиотеки Достоевского. Одесса, 1919.

Биография — Биография, письма и заметки из записной книжки Ф. М. Достоевского. С портретом Ф. М. Достоевского и приложениями. СПб., 1883. (Полное собрание сочинений Ф. М. Достоевского, т. 1).

Вальтер Скотт — Вальтер Скотт. Собрание сочинений, т. 1–20. Изд. «Художественная литература», 1960–1965.

ВЕ — «Вестник Европы» (журнал)

ВЛ — «Вопросы литературы» (журнал)

Волгин, Достоевский и царская цензура — И. Л. Волгин. Достоевский и царская цензура (К истории создания «Дневника писателя»). — РЛ, 1970, № 4, стр. 106–120.

Вр — «Время» (журнал)

Г — «Голос» (газета)

Герцен — А. И. Герцен. Полное собрание сочинений, т. I–XXX. Изд. АН СССР—«Наука», М., 1954–1966.

Гоголь — Н. В. Гоголь. Полное собрание сочинений, т. X–XIV. Изд. АН СССР. М., 1937–1952.

Гр — «Гражданин» (журнал)

Григорович — Д. В. Григорович. Литературные воспоминания. Гослитиздат, М., 1961.

Гроссман, Жизнь и труды — Л. П. Гроссман. Жизнь и труды Ф. М. Достоевского. Биография в датах и документах. Изд. «Academia», М.; Л., 1935.

Гроссман, Семинарий — Л. П. Гроссман. Семинарий по Достоевскому. Материалы, библиография и комментарий. ГИЗ, М.; Пг., 1922.

Д — «Дело» (журнал)

ДНР — «Древняя и новая Россия» (журнал)

Долинин — А. С. Долинин. Последние романы Достоевского. Изд. «Советский писатель», М.; Л., 1963.

Достоевская, А. Г., Воспоминания — А. Г. Достоевская. Воспоминания. Изд. «Художественная литература», 1971.

Достоевский, А. М. — А. М. Достоевский. Воспоминания. Ред. и вступит. ст. А. А. Достоевского. «Изд. писателей в Ленинграде», 1930.

Достоевский в воспоминаниях — Ф. М. Достоевский в воспоминаниях современников, т. I–II. Изд. «Художественная литература», 1964.

Достоевский и его время — Достоевский и его время. Под ред. В. Г. Базанова и Г. М. Фридлендера. Изд. «Наука», Л., 1971.

ДП — «Дневник писателя».

Д, Письма — Ф. М. Достоевский. Письма, т. I–IV. Под ред. А. С. Долинина, ГИЗ; «Academia»; Гослитиздат, М.; Л., 1928–1959.

Записки о жизни Гоголя — Николай М. [П. А. Кулиш]. Записки о жизни Н. В. Гоголя, составленные из воспоминаний его друзей и знакомых и из его собственных писем, т. I–II. СПб., 1856.

Карамзин, Избранные сочинения — Н. М. Карамзин. Избранные сочинения, т. 1–2. Изд. «Художественная литература», Л., 1964.

Лермонтов — М. Ю. Лермонтов. Сочинения, т. I–VI. Изд. АН СССР, М.; Л., 1954–1957.

Лесков — Н. С. Лесков. Собрание сочинений, т. I–XI. Гослитиздат, М., 1956–1958.

ЛН — «Литературное наследство», т. 1–. Издание продолжается. Изд. АН СССР; «Наука». М., 1931–

Материалы и исследования — Достоевский. Материалы и исследования, т. I. Изд. «Наука», Л., 1974–Издание продолжается.

МВед — «Московские ведомости» (газета)

Милютин — В. А. Милютин. Избранные произведения. Изд. социально-экономической литературы, М., 1946.

НВр — «Новое время» (газета)

Некрасов — Н. А. Некрасов. Полное собрание сочинений и писем, т. I–XII. Гослитиздат, М., 1948–1953.

Некрасов в воспоминаниях — Н. А. Некрасов в воспоминаниях современников. Изд. «Художественная литература», М., 1971.

Никитенко — А. В. Никитенко. Дневник, т. I–III. Гос- литиздат, М., 1955–1956.

ОВ — «Одесский вестник» (газета)

ОЗ — «Отечественные записки» (журнал)

Описание — Описание рукописей Ф. М. Достоевского. Под ред. В. С. Нечаевой. М., 1957 (Б-ка СССР им. В. И. Ленина — Центр. Гос. архив литературы и искусства СССР — Институт русской литературы АН СССР).

Панаев — И. И. Панаев. Литературные воспоминания. Ред. текста, вступ. статья и примеч. И. Ямпольского. Гослитиздат, М., 1950.

ПВ — «Правительственный вестник» (газета)

Петрашевцы — Петрашевцы. Сборники материалов, т. I–III. Под ред. П. Е. Щеголева. ГИЗ, Л.; М., 1926–1928.

Письма Карамзина к Дмитриеву — Письма Н. М. Карамзина к И. И. Дмитриеву, с примечаниями и указателем, составленными Я. Гротом и П. Пекарским. СПб., 1866.

По — Э. А. По. Полное собрание рассказов. Изд. «Наука», М., 1970.

Пушкин — А. С. Пушкин. Полное собрание сочинений, т. I–XVII. Изд. АН СССР, М., 1937–1959.

РА — «Русский архив» (журнал)

РВ — «Русский вестник» (журнал)

РВед — «Русские ведомости» (газета)

РЛ — «Русская литература» (журнал)

РМ — «Русский мир» (газета)

РС — «Русская старина» (журнал)

Русский сборник — Русский сборник. Бесплатное приложение для подписчиков на журнал «Гражданин», т. I–II. СПб., 1877.

С — «Современник» (журнал)

Салтыков-Щедрин — М. Е. Салтыков-Щедрин. Собрание сочинений, т. I–XX. Изд. «Художественная литература», М., 1965–1967.

Сб. Достоевский, I — Ф. М. Достоевский. Статьи и материалы. Сборник I. Под ред. А. С. Долинина. Изд. «Мысль», Пб., 1922.

Сб. Достоевский, II — Ф. М. Достоевский. Статьи и материалы. Сборник II. Под ред. А. С. Долинина. Изд. «Мысль», Л.; М., 1924.

Сведенборг — О небесах, о мире духов и об аде. Как слышал и видел Э. Сведенборг. Перевод с латинского издания <А. Н. Аксакова>. Лейпциг, 1863.

Сен-Симон — Сен-Симон. Избранные сочинения, т. 1–2. М.; Л., 1948.

Сервантес — М. де Сервантес Сааведра. Собрание сочинений, т. 1–5. М., 1961.

СИ — «Современные известия» (газета)

СПбВед — «Санктпетербургские ведомости» (газета)

Стасов — В. В. Стасов. Избранные сочинения, т. I–III. Изд. «Искусство», М., 1952.

Тургенев, Письма — И. С. Тургенев. Полное собрание сочинений и писем В 28-ми т. Письма, т. I–XIII. Изд. АН СССР; «Наука», М.; Л., 1961–1968.

Тургенев, Сочинения — И. С. Тургенев. Полное собрание сочинений и писем В 28-ми т. Сочинения, т. I–XV. Изд. АН СССР; «Наука», М.; Л., 1960–1968.

Успенский — Г. И. Успенский. Полное собрание сочинений, т. I–XIV. Изд. АН СССР; «Наука», М.; Л., 1940–1954.

Фридлендер — Г. М. Фридлендер. Реализм Достоевского. Изд. «Наука», М.; Л., 1964.

Фурье — Ш. Фурье. Избранные сочинения, т. I–IV. Изд. АН СССР, М.; Л., 1951–1954.

Чернышевский — Н. Г. Чернышевский. Полное собрание сочинений, т. I–XVI. Гослитиздат, М., 1939–1953.

Энциклопедический словарь — Энциклопедический словарь / Изд. Ф. А. Брокгауз (Лейпциг), И. А. Ефрон (С.-Петербург). СПб., 1896.

1926 — Ф. М. Достоевский. Полное собрание художественных произведений, т. I–XIII. Под ред. Б. Томашевского и К. Халабаева. Госиздат, М.; Л., 1926–1930.

С. А. Батюто

Как были изданы «Отцы и дети» Тургенева в серии «Литературные памятники»

Истина так нежна, что чуть только
отступил от нее, впадаешь в заблуждение;
но и заблуждение это так тонко, что стоит
только немного отклониться от него,
и оказываешься в истине.
Б. Паскаль

Роман Тургенева «Отцы и дети» при советской власти издавался многократно. Его начинают читать и изучать, наряду с романом Н. Г. Чернышевского «Что делать», ещё в средней школе. Известно, что при своём появлении в свет тургеневский роман встретил как осуждение, так и восторженный приём: слишком неоднозначной показалась читателям фигура нигилиста Евгения Базарова и слишком сложной затронутая автором проблема идейной борьбы двух поколений.

Как это не удивительно, «Отцы и дети» упорно не включались редколлегией серии «Литературные памятники» в план выпуска. Председателем редколлегии серии до 1999 г. являлся академик Д. С. Лихачев. Он долгое время возглавлял Сектор древнерусской литературы в Институте русской литературы (Пушкинском Доме) в Ленинграде (переименованном в 1991 г. снова в С.-Петербург) и при М. С. Горбачеве был председателем Советского фонда культуры (затем — председателем правления Российского фонда культуры, место которого покинул добровольно).

В этом же институте в Тургеневской группе работал один из крупнейших исследователей творчества писателя, защитивший еще в 1952 г. кандидатскую диссертацию по «Отцам и детям» (руководитель — проф. Г. А. Бялый) Анатолий Иванович Батюто (1920–1991). В первом и втором дополненном академическом Полном собрании сочинений и писем И. С. Тургенева, выпускавшимися Пушкинским Домом, подготовку текста тургеневского романа и его комментарий осуществлял как раз Батюто. В первом академическом издании Полного собрания сочинений и писем И. С. Тургенева в т. 8 Сочинений включена статья Е. И. Покусаева, в т. 7 Сочинений второго издания, где опубликован роман «Отцы и дети», статья отсутствует.

В своё время Г. А. Бялый неоднократно предпринимал попытки пробить глухую стену непонимания в редколлегии серии «Литературных памятников». В нашем личном архиве сохранилась аннотация к «Отцам и детям» и приписка к ней от руки Бялого на том же листе. Воспроизводим её.

«И. С. ТУРГЕНЕВ. Отцы и дети

Роман «Отцы и дети», выдвинувший волнующую тему идейной борьбы поколений, оказал большое влияние на развитие русской литературы и общественной мысли. С момента его появления в свет начались горячие споры о его содержании и смысле, не прекращающиеся по сей день. В настоящем издании к основному тексту романа прилагаются рукописные редакции наиболее значительных его эпизодов. В разделе комментариев разъясняются неясные места, злободневные намёки и замаскированные полемические пассажи. Приводятся материалы о творческой истории романа и его истолковании в разные периоды развития русского общества, а также сводка отзывов об «Отцах и детях» выдающихся русских и зарубежных писателей и общественных деятелей.

В обобщающей статье характеризуется историко-литературное значение и художественная структура романа.

Издание готовят Г. А. Бялый и А. И. Батюто.

Приписка от руки

Вот, дорогой Анатолий Иванович, текст аннотации, посланной сегодня, 9 X. В коротеньком письме я указал, что теперь буду ждать сообщения о дальнейшем ходе дела. Значит, пока нам делать нечего. «Надо годить», — как говорил Щедрин.

Привет! *Г. Б.*»

Том седьмой Сочинений из второго издания Полного собрания сочинений и писем Тургенева со всеми известными на тот момент сведениями и комментариями Батюто к роману «Отцы и дети» вышел из печати в 1981 г. Г. А. Бялого не стало в 1987-м (кстати, о том, чтобы его похоронили в Комарово, хлопотал именно Д. С. Лихачев), значит, аннотацию следует датировать временем приблизительно 1982–1986 гг. или даже раньше.

Отмечу некоторые особенности тургеневских текстов и комментариев к ним в массовых изданиях, предпринятых в свое время издательством «Художественная литература», в которых принимал участие Батюто. Ученого отличала добросовестность, смелость мысли и нежелание видеть свои материалы изданными словно по трафарету: пользуясь возможностью, он всегда включал в реальные комментарии свои новации, отличающие их от подобных комментариев в других изданиях, даже в академических. Так, например, произошло с трехтомным изданием Сочинений Тургенева, в котором принимал участие Батюто, выходившим в «Художественной литературе» (в т. 3-й вошли три романа писателя — «Отцы и дети», «Дым», «Новь», издан в 1988 г.). Комментарий к роману «Отцы и дети» заметно отличается от помещенного в т. 7 академического

издания и значительно расширен. В томе была также опубликована статья ученого «На путях воспроизведения истины». Ко всему прочему были присланы чистые листы, в которые кроме поправок многочисленных опечаток (!) Батюто внес дополнительную обширную правку в статью (не учтенную, по понятным причинам, в издании). В 1991 г. учёный скончался.

Между тем время шло и как будто ничего не происходило. С академиком Лихачёвым и вовсе произошли метаморфозы: из кабинетного учёного он всё более превращался в общественного деятеля и чуть ли не в проповедника: ему предоставляли эфирное время радиостанции и Центральное телевидение России. Широкую известность получила передача из Концертной студии в Останкино. Стали появляться сведения о том, что над черновой рукописью романа Тургенева в Пушкинском Доме работают, её изучают и дело даже движется к тому, что её якобы хотят опубликовать в серии «Литературные памятники». Всё это побудило меня обратиться с письмом к академику Лихачёву. Привожу его по второму машинописному экземпляру, сохранившемуся в домашнем архиве.

Многоуважаемый Дмитрий Сергеевич!

Обратиться к Вам меня побудили следующие обстоятельства.

До меня дошли сведения, что в серии «Литературные памятники» собираются издать роман И. С. Тургенева «Отцы и дети».

Являясь многолетним председателем редколлегии серии «Литературные памятники», Вы не можете не знать, что неоднократные попытки Григория Абрамовича Бялого, а затем Анатолия Ивановича Батюто подготовить к изданию в этой серии роман «Отцы и дети» успехом не увенчались.

Благодаря Вашему активному участию черновая рукопись романа «Отцы и дети» ныне находится в ИРЛИ. Решение издать «Отцов и детей» в серии «Литературные памятники» наконец-то принято.

Известно, что труды А. И. Батюто в области тургеневедения занимают достойное место. Анатолий Иванович, защитивший в 1952 г. кандидатскую диссертацию по «Отцам и детям», был затем приглашён М. П. Алексеевым в тургеневскую группу и привлечен к подготовке академического издания собрания сочинений и писем И. С. Тургенева. Ныне завершается выход уже второго академического издания. В обоих активное участие принимал А. И. Батюто, а роман «Отцы и дети» прокомментирован именно им. Анатолий Иванович является автором двух капитальных монографий («Тургенев-романист», «Творчество И. С. Тургенева и критико-эстетическая мысль его времени»). В своих статьях о романе «Отцы и дети» А. И. Батюто сделал и открытия — о прототипах образа Базарова. Они были подтверждены… самим Тургеневым (в настоящее время опубликованы т.н. «Подготовительные материалы» к роману; они, кстати, также прокомментированы А. И. Батюто совместно с П. Уоддингтоном). В большинстве массовых изданий романа «Отцы и дети» советского периода опубликованы статьи и комментарии А. И. Батюто.

По каким-то необъяснимым причинам уважаемая редколлегия серии «Литературные памятники» приняла решение заключить договор на подготовку к изданию «Отцов и детей» с Н. С. Никитиной. Публикация черновой рукописи романа бесспорно поможет окончательно решить многие текстологические вопросы. (В этой связи участие зав. Тургеневской группой ИРЛИ Н. С. Никитиной в качестве публикатора и комментатора черновой рукописи выглядит вполне логичным.) Поручение же ей написать статью о романе «Отцы и дети» и комментарий к нему вызывает недоумение

и порождает неизбежные вопросы. Разве работы Анатолия Ивановича в чем-то устарели или они нуждаются в кардинальном пересмотре? Нет и ещё раз нет. Возможно, они в чём-то несут на себе отпечаток времени, когда гласность и свобода слова не были столь привычными, как в наши дни? И это не так. Именно оригинальность, новаторский, нетрадиционный подход характерен для работ А. И. Батюто. Конечно, обновление библиографической части в этих работах дело неизбежное, и мною подобная работа уже выполнена. Более того. Мною осуществлена редактура статьи Анатолия Ивановича «На путях воспроизведения истины», посвящённой «Отцам и детям», с учётом поправок автора по имеющейся 3-й корректуре (эти поправки были сделаны уже после выхода в свет статьи); также существенно дополнен реальный комментарий (с учетом вышедшей прижизненной монографии 1990 г. «Творчество И. С. Тургенева и критико-эстетическая мысль его времени»).

Увидеть роман И. С. Тургенева «Отцы и дети» изданным в серии «Литературные памятники» было заветной мечтой Анатолия Ивановича Батюто. Фактически все материалы, за исключением черновой рукописи романа, для «Литературных памятников» подготовлены и прокомментированы им. Восстановление справедливости — именно в этом я вижу свой сыновний долг — побудило меня направить это письмо Вам, многоуважаемый Дмитрий Сергеевич. Просил бы рассмотреть мое предложение о включении материалов А. И. Батюто в указанное издание наряду с публикацией текста черновой рукописи романа. Последняя, повторяю, не исключает, а предполагает сотрудничество Н. С. Никитиной. Но оно, это сотрудничество, предполагает — во имя научной и человеческой этики — соблюдение необходимых приоритетов. А приоритет Анатолия Ивановича Батюто в изучении романа «Отцы и дети», а также в комментировании его неоспорим.

С неизменным уважением и пожеланием долгих лет жизни и дальнейших творческих успехов в научной деятельности

С. А. Батюто

16 февраля 1996 г.

г. Санкт-Петербург

Мои координаты:

Батюто Сергей Анатольевич

189646 г. Санкт-Петербург, п. Песочный-2, ул. Ленинградская, д. 70, корп. 1, кв. 46. Тел. дом. 437–84–97

Письмо было передано референту Лихачева Ирине Анатольевне Лобаковой, которая предложила мне принести статью для передачи академику, что я и сделал. А потом началось необъяснимое продолжительное ожидание. Выяснилось, что статью где-то потеряли (со слов Лобаковой, академик будто бы потерял её в машине по дороге на дачу в Комарово), но потом очень нескоро она нашлась. Несколько раз мне пришлось звонить по указанному телефону приёмной, и всякий раз трубку брал Дмитрий Сергеевич и говорил: «Лихачёв слушает». Наконец было назначено время, когда академик меня примет.

И вот в назначенный день я оказываюсь в ИРЛИ. Во время подъёма по парадной лестнице с канделябрами на второй этаж меня молодцевато обогнал кто-то из посетителей. Я не обратил на него особого внимания. Институт в то время ещё не был отремонтирован, на втором этаже, заставленном шкафами, где располагался кабинет-приёмная Лихачева, было полутемно. На двери кабинета красовалась довольно большого — уличного — формата красного цвета вывеска:

Председатель Советского фонда культуры академик Дмитрий Сергеевич Лихачев.

Здесь же находился обогнавший меня на лестнице посетитель, спешно достававший и прикреплявший

к своему пиджаку Золотую Звезду Героя народный артист СССР Кирилл Юрьевич Лавров. После смерти Г. А. Товстоногова он был художественным руководителем БДТ им. Горького. Поздоровались, и он объявил мне, что зайдет в кабинет первым, хотя ему и не было назначено. Я не возражал. Ждать пришлось недолго.

И вот я в кабинете. Он оказался вытянутым, но довольно просторным и полупустым: ближе к двери стояли стол с зеленым верхом и телефоном, стул для хозяина и второй для посетителя по другую сторону стола. У окна в углу стояли стол и стул референта. Ни шкафа с книгами, ни полки на стене — ничего в кабинете больше не было. Рабочий кабинет академика, как известно, был на третьем этаже, у «древников», а этот был в прямом смысле приёмной.

Академик поднялся, мы поздоровались, и он передал мне прозрачную папку со статьей отца.

— Не подходит, — коротко и без всяких объяснений сказал он.

Никакой фамилии при этом названо не было, и я подумал, что не обманулся в своих предчувствиях. Мы попрощались. Возражать было бессмысленно. Мне показалось, что Дмитрий Сергеевич даже не читал статьи.

Мной была предпринята попытка позвонить заместителю председателя редколлегии «Литературных памятников» Борису Фёдоровичу Егорову, но тот тогда только повторил лихачёвскую формулу отказа: «Не подходит».

В 1997 г. я предложил отцовские материалы по «Отцам и детям» в петербургское издательство «Академический проект», которое размещалось тогда в Пушкинском Доме и которое возглавлял в ту пору И. В. Немировский, работавший в ИРЛИ в группе пушкиноведения, еще не уехавший в США. Издательство выпускало серию «Русская классика с комментариями».

Серия была мне знакома: мне довелось редактировать «Героя нашего времени» М. Ю. Лермонтова, которого для этой серии готовила О. В. Миллер (с комментариями своими и В. А. Мануйлова; причём печатное издание комментария В. А. Мануйлова было буквально перепахано Ольгой Валентиновной с учётом вышедшей новой литературы). Литературно-редакторской частью заведовал В. Н. Сажин, знакомый мне ещё по работе в Публичной библиотеке. Со мной заключили авторский договор на издание «Отцов и детей» с отцовскими статьей и комментариями, в котором был прописан гонорар. Затем произошли известные события 1998 г. (дефолт). Немировский уехал-таки в США, а Сажин ушёл из издательства. (Напоследок выяснилось, что по инициативе последнего в книгу в качестве приложения были включены статьи Д. И. Писарева «Базаров» и М. А. Антоновича «Асмодей нашего времени», которые он предложил мне прокомментировать. Я отказался, ибо никогда не занимался ни Писаревым, ни Антоновичем. Корректуру этих двух статей я не держал. От всего этого остался неприятный осадок.) На смену ему пришёл А. Е. Барзах. Книга наконец-то была издана в 2000 г., при этом Барзах почему-то намекнул мне, что от гонорара было бы лучше отказаться. Мне это не понравилось, о чем я не преминул ему сказать. В конце концов гонорарный вопрос был решен положительно.

Академика Лихачёва не стало в 1999 г., и всеми делами, связанными с «Литературными памятниками», по крайней мере в Петербурге, стал заниматься Б. Ф. Егоров. По всей вероятности, материалы, которые ему передала Н. С. Никитина, для публикации оказались неподходящими: черновая рукопись нуждалась в комментировании, но именно комментария Никитина сделать не смогла, и не мудрено: все известные

до этого времени рукописные материалы по «Отцам и детям» были прокомментированы Батюто. И тут вдруг выяснилось, что издательство «Академический проект», в котором Егоров даже входил в состав редколлегии, выпустило «Отцов и детей» со статьей и обширными комментариями Батюто. Книга уже успела разойтись, но Барзах раздобыл где-то экземпляр для Егорова. Ознакомившись с материалами Батюто, включенными в книгу, Егоров справедливо посчитал, что они подходят и для «Литературных памятников», тем более, как заметил он, реальный комментарий значительно превышал опубликованный в т. 7 Сочинений из второго издания академического Полного собрания сочинений и писем Тургенева. «Лихачёв дал маху!» — только и нашёл он что сказать мне.

Мне даже пришлось побывать у Б. Ф. Егорова на даче в Вырице в мае месяце 2006 г. Из-за сбоя в движении поездов из Чащи, где я летом жил, в сторону Петербурга приехал в неурочное время, намного позже запланированного, днём. Не предупрежденный о том, что высадка пассажиров из электрички в сторону Посёлка на остановке «1-я платформа» осуществляется только из первых трёх вагонов, я проехал нужную мне остановку, потому что ехал в последних вагонах; на «2-й платформе» пришлось уже с велосипедом в руках прыгать прямо на землю. Но зато добираться до нужного адреса по улице Рубинштейна, 22, оказалось недалеко. Дом располагался в глубине участка в густой зелени, на участке росли сосны, ирга и местами виднелись обработанные клумбы с кустами клубники и цветами. Бочки у дома стояли наполненные дождевой чистой водой (колодца на участке не было). В небольшом доме многое было сделано руками хозяина: стояла выполненная им компактная печка, переделанная из старой, но неудобной и большой, стол

представлял собой половину раздвижного круглого и откидывался от стены: было уютно. Меня принимали в кухне с откидным столом, в просторной большой комнате стоял включённый компьютер: Борис Фёдорович и его жена Софья Александровна Николаева работали над комментариями к письмам Ю. М. Лотмана (свои письма к Лотману Егоров ездил читать и набирать в Таллинн, где они хранились). Переписка издана.

…Было решено, что в издание включат варианты черновой рукописи, подготовленные Н. С. Никитиной, её статью «Черновой автограф романа И. С. Тургенева “Отцы и дети”» и обзорную статью, специально заказанную В. М. Марковичу, о результатах изучения «Отцов и детей» за последние более чем 50 лет («Роман И. С. Тургенева “Отцы и дети” в отечественном литературоведении 1952–2006 годов»). Обзорную статью об изучении «Отцов и детей» отечественными тургеневедами Маркович писал неспешно, хотя, кажется, основной материал был ему знаком. Статья Батюто «На путях воспроизведения истины» оказалась более чем подходящей; Егоров даже предложил дополнить издание давней статьей этого же автора «Из наблюдений над языком и стилем романа И. С. Тургенева “Отцы и дети”», знакомой ему раньше как вузовскому преподавателю. Комментарии Батюто, естественно, нашли здесь своё законное место. Все эти намётки Егоров записал мелким почерком на небольшом листке бумаги, чтобы потом свериться с ним. Второй научный редактор тома — Инна Александровна Битюгова (к сожалению, ее имя отсутствует на титуле издания, что следует признать досадной оплошностью издательства) должна была взять на себя редактуру вариантов черновой рукописи «Отцов и детей» (к которым у неё оказалось много претензий как у опытного текстолога) и статьи

Н. С. Никитиной о черновом автографе рукописи (статья была фактически переписана заново научным редактором, потому что у её автора к тому времени оказалась парализованной правая часть тела).

Некоторые несуразицы, — граничащие с юридической безграмотностью, — в издании «Отцов и детей» остались. Мне казалось естественным указать, что готовил том для «Литературных памятников» многолетний исследователь тургеневского романа А. И. Батюто. Однако на момент выхода издания в свет Анатолия Ивановича уже не было в живых. И на титульном листе появились две фамилии — моя и Н. С. Никитиной. Причем юрисконсульт издательства особенно упирала на то обстоятельство, что гонорар Никитиной в сложившихся обстоятельствах — из-за минимума ее участия в издании — оказывался крайне невысоким. Но ведь кроме представленных вариантов черновой рукописи и статьи о ней Никитина никак больше в подготовке тома не участвовала (тем более в подготовке текста романа и комментировании его). В сведениях об ответственности (иначе говоря, копирайтах) на обороте титульного листа мы видим целый ряд фамилий без указания на конкретные статьи, которые должны сопровождаться знаком охраны авторского права. Так, получилось, что у всех участников издания (за исключением меня) указано по одной статье (в то время как у А. И. Батюто их напечатано было две). Оставляем все эти «погрешности» на совести бывшей зав. редакцией гуманитарной литературы издательства «Наука СПб.» Н. А. Никитиной и юрисконсульта издательства. Моя фамилия указана как издательского редактора книги, но внештатного: до всех этих «тонкостей» при оформлении титульного листа и его оборота меня не допустили.

В двадцатых числах января 2008 г. в Доме-музее А. Ахматовой на Литейном проспекте состоялся творческий вечер Бориса Фёдоровича. Он пригласил меня, обещая свести с одним из редакторов «Звезды» Я. А. Гординым: в то время возникла идея опубликовать в журнале фрагменты «Дневника» А. И. Батюто (выбранный мной фрагмент «Дневника» за военные годы Егоров прочитал и одобрил). Однако Гордина на вечере не оказалось, хотя там было много узнаваемых лиц: Б. В. Аверин, М. Н. Виролайнен, Е. И. Анненкова и другие (которые делились своими впечатлениями по поводу выпущенной ранее «Искусством СПб.» книги Егорова «Российские утопии»). Присутствовала и выступала также главный редактор, рассказавшая об Егорове как авторе издательства; в то время «Искусство» ещё держалось на плаву (закрытие издательства произошло позже, в 2014 г.).

Мы с Софьей Александровной тепло приветствовали друг друга как старые знакомые, и она даже показала мне на место во втором ряду прямо за собой. Не могу не сказать об одном удивившем меня обстоятельстве: Борис Фёдорович, сидевший за столом председателя собрания, внимательно выслушивал выступавших и что-то быстро записывал для себя, однако в конце обсуждения, подводя итоги, не ответил ни на одно замечание, сославшись на то, что высказанные суждения побуждают его к дальнейшему размышлению над ними. Мне это показалось немного странным.

Вскоре с Софьей Александровной случилось несчастье, она попала в больницу и скончалось. Но я запомнил её в приподнятом настроении и довольной прошедшим вечером в Доме-музее Ахматовой.

В заключении своей преамбулы «Новое в истории создания и изучения тургеневского романа» (с. 5–6) один из заместителей председателя редакционной кол-

легии серии «Литературные памятники» Б. Ф. Егоров отметил: «Не нашелся и специалист, который мог бы подготовить рукопись для публикации в печатном воспроизведении. Приходится ограничиться полным списком всех вариантов черновой рукописи» (с. 6). Думается, фраза эта нуждается в уточнении: на момент появления черновой рукописи в ИРЛИ (Пушкинском Доме) такой высококвалифицированный специалист имелся — Батюто Анатолий Иванович (1920–1991), который готовил текст тургеневского романа для публикации в обоих академических изданиях Полного собрания сочинений и писем И. С. Тургенева в 28-ми и 30-ти т. (соответственно, т. 8 и 7, а также 12) и комментировал его. Не знать об этом академик Лихачев как член Ученого совета ИРЛИ не мог. Этих тонкостей, касающихся текстологических вопросов и комментирования тургеневского романа, возможно, не знал Егоров.

Если посмотреть на состав редколлегии второго академического Полного собрания сочинений и писем И. С. Тургенева в 30-ти т., например, т. 7, в котором был опубликован роман «Отцы и дети», то в ее составе указаны: М. П. Алексеев (главный редактор), В. Н. Баскаков (зам. главного редактора), А. С. Бушмин, Н. В. Измайлов, Н. С. Никитина. Мы не обнаруживаем в ней Д. С. Лихачева. И не удивительно: Тургенев не был предметом его научного интереса или увлечения. Том, повторяем, вышел из печати в 1981 г. Н. С. Никитина присутствует в составе редколлегии исключительно в силу своего официального статуса как зав. Тургеневской группой: ее имя отсутствует также в перечне лиц, готовивших текст и примечания к тому. Но к 1986 г., времени выхода в свет т. 12 Сочинений, куда вошли Подготовительные материалы к роману «Отцы и дети», которые прокомментированы А. И. Батюто совместно

с П. Уоддингтоном, в составе редколлегии произошли изменения: не стало М. П. Алексеева, А. С. Бушмина, Н. В. Измайлова. Это обстоятельство чрезвычайно важно для понимания дальнейших событий.

18 мая 1989 г. в Лондоне на аукционе «Sotheby`s» собирались выставить на продажу черновую рукопись романа «Отцы и дети» по цене полмиллиона фунтов стерлингов. Она была подвергнута тщательной экспертизе, и ее аутентичность сомнений не вызывала. Специалисты отмечали, что она представляет собой рабочий материал с многочисленными поправками и вставками. Но ее последний владелец лорд Пармур поставил условие, что она должна оказаться на родине писателя, в России. При активном участии Д. С. Лихачева (не будем забывать, что супруга Генерального секретаря ЦК КПСС Р. М. Горбачева являлась членом Советского фонда культуры) рукопись была приобретена советским правительством значительно дешевле объявленной первоначальной цены, минуя аукцион. В качестве текстолога эксперта перед её покупкой была отправлена в Лондон зав. Тургеневской группой Н. С. Никитина. (Обо всем этом она опубликовала в следующем году статью в журнале Советского фонда культуры и Госкомиздата «Наше наследие».)

По ее возвращении Лихачев как председатель редколлегии серии «Литературные памятники» решил, что именно она будет готовить черновую рукопись к изданию (читать и комментировать). Иначе как волюнтаризмом это решение назвать нельзя. Парадокс заключается в том, что сам академик был автором широко известной «Текстологии (на материале русской литературы X–XVII вв.)» (первое изд. — 1962; и посмертное — 2001 при участии А. А. Алексеева и А. Г. Боброва) и текстологом, как из этого следует, являлся. Никитина, одна-

ко, текстологом не была. Остается только предполагать, как она собиралась читать черновую рукопись и комментировать текст тургеневского романа. Лихачев почему-то решил, что Никитина с этим делом справится. Выбор исполнителя для такой сложной работы оказался неверным: прочитать и прокомментировать черновую рукопись романа «Отцы и дети» Никитиной и спустя два десятилетия не удалось. Ею были составлены только варианты черновой рукописи, которые были доведены до кондиции опытным текстологом И. А. Битюговой и включены в состав тома «Литературных памятников» с «Отцами и детьми».

История с черновой рукописью умалчивает, по каким причинам не был допущен к ней многолетний исследователь творчества Тургенева и комментатор текста «Отцов и детей» А. И. Батюто. До 31 декабря 1990 г. он работал в ИРЛИ. Когда в 1996 г. нами была предпринята попытка прояснить ситуацию и представить Лихачеву имевшуюся у Батюто статью, подходившую для «Литпамятников» и прошедшую апробацию (она была опубликована в т. 3 «Сочинений» Тургенева в 1988 г.), академик посчитал ее «неподходящей». Никаких аргументов для ее отклонения при этом названо не было.

Издание «Отцов и детей» в серии «Литературные памятники» увидело свет в 2008 г., к 190-летию со дня рождения И. С. Тургенева. Черновая рукопись романа «Отцы и дети» до сих пор не издана.

---

[1] См.: Известия. 19.03.1989. С. 5.

[2] *Никитина Н.* Новая встреча с романом Тургенева // Наше наследие. 1990. III (15). С. 55–58.

В. Е. Ветловская

Заметки комментатора к последнему роману Достоевского «Братья Карамазовы»

Памяти Анатолия Ивановича Батюто

С Анатолием Ивановичем Батюто я познакомилась во время нашей общей работы над Полным академическим собранием сочинений Ф. М. Достоевского в 30-ти томах (Л.: «Наука», 1972–1990). Как ученый, как личность он был мне глубоко симпатичен. Сдержанный, замкнутый, немногословный, он не любил пустых разговоров и споров. Русская литература стала его страстью, которая захватила его жизнь, казалось, без всякого остатка. Будучи требовательным к себе, он не терпел халтуры, и никакие планы, сроки, отчеты не могли его заставить сдать недоделанную, недодуманную книгу, статью или комментарий. Если мнение ученого не совпадало с мнением, которое ему пытались навязать, он был очень неуступчив. Уломать его и сдвинуть с его точки было невозможно. В крайнем случае он просто уходил в сторону, оставляя возможность другим заниматься тем, что им представляется правильным, без его участия. Мы были людьми разных поколений и жизненного опыта, поэтому держались на заметной дистанции по отношению друг к другу. Это не мешало мне с большим вниманием знакомиться с его научными сочинениями, которые иногда, в силу обстоятельств, тесно увязывались с моими. Так, по предложению Г. М. Фридлендера, мне пришлось продолжить работу над реальным комментарием к последним выпускам «Дневника писателя» за 1877 год (ноябрь, декабрь), когда Анатолий Иванович Батюто

на октябрьском выпуске «Дневника» эту работу закончил. Надо сказать, она требовала особых усилий. Следить за вестями с фронта Русско-турецкой войны, перипетиями военных действий, тяжелыми подробностями кровавой кампании по страницам пыльных газет и журналов тех лет — не самое увлекательное занятие для комментатора-филолога (историк воспринял бы эту работу, по-видимому, иначе). Поскольку я вынуждена была погрузиться в тот же материал и те же проблемы, я смогла вполне оценить нелегкий труд, самоотверженно проделанный моим ближайшим предшественником, ведь реальный комментарий к основному тексту «Дневника писателя» за 1877 год (за исключением рассказа «Сон смешного человека» и последних месяцев издания), а также ко многим черновым наброскам «Дневника» за этот год был подготовлен Анатолием Ивановичем Батюто.

В знак искреннего уважения к этому и другим трудам ученого мне хотелось бы предложить объяснения нескольких мотивов и комплексов мотивов романа «Братья Карамазовы», работа над которым заставила Достоевского на время отложить свой «Дневник».

Первое. В книге третьей первой части «Братьев Карамазовых» («Сладострастники». Глава VI. «Смердяков») после скандального посещения монастыря Федор Павлович Карамазов приглашает навестившего его Алешу к обеденному столу, где ему и Ивану прислуживают лакеи — Григорий и Смердяков. Алеша соглашается выпить кофе, и пьяненький Федор Павлович радостно восклицает: «— Милый! Молодец! Он кофейку выпьет. <…> Кофе знатный, смердяковский. На кофе да на кулебяки Смердяков у меня артист, да на уху еще, правда. Когда-нибудь на уху приходи, заранее дай знать…»[1]

Когда Алеша приходит к отцу в следующий раз (книга четвертая второй части «Надрывы», глава II «У отца»), он застает старика в раздраженном состоянии духа: «— Кофе холодный, — крикнул он резко, — не потчую. Я, брат, сам сегодня на одной постной ухе сижу и никого не приглашаю» (14; 157). Но, тронутый прощальным поцелуем сына, опять собирается угощать его смердяковской ухой: «— Слышь ты, слышь <…> приходи когда-нибудь, поскорей, и на уху, уху сварю, особенную, не сегодняшнюю, непременно приходи! Да завтра, слышишь, завтра приходи!» (14; 160). В тот же день Алеша успел повидаться с братом Иваном в трактире (книга пятая второй части, глава III «Братья знакомятся»). Иван говорит: «— Прикажу я тебе ухи аль чего-нибудь, не чаем же ведь ты одним живешь, — крикнул Иван, по-видимому ужасно довольный, что залучил Алешу. <…>

— Ухи давай, давай потом и чаю <…>.

Иван позвонил полового и приказал уху, чай и варенья» (14; 208).

Мотив «ухи» подозрительно повторяется. Как правило, повторяющийся мотив наделен особым значением.

Заметим, что «завтра» Алеша не смог прийти к отцу: умер старец Зосима. Не смог он повидать и брата Дмитрия, как приказывал ему старец (14; 155, 258). Иван тем временем уехал, оставив все заботы об отце и Дмитрии, несмотря на мрак и скорбь, охватившие по отъезде его сердце так, как ранее с ним никогда не бывало: «Он продумал всю ночь <…> и только на рассвете, уже въезжая в Москву, он вдруг как бы очнулся.

— Я подлец! — прошептал он про себя» (14; 255).

В эту ночь Федор Павлович остался дома один и без всякой защиты. Именно тогда, воспользовавшись удоб-

ными обстоятельствами и не дожидаясь рассвета, Смердяков приготовил своему благодетелю и, может быть, отцу настолько «особенную» уху, что у старика раз и навсегда пропало желание, да и возможность, испытать удовольствие от кулинарных способностей лакея. Смердяков убил благодетеля, который ему доверял и к которому он, как выяснилось, относился так же, как к своим воспитателям, Григорию и Марфе Игнатьевне, — «безо всякой благодарности» (14; 114). Причем убил старика из корысти (15; 65–66, 67, 68), хотя тот свято верил в его честность (и, кажется, всю свою жизнь только в это и верил).

Именно на способность лакея к мошенничеству и злодейству и намекает мотив «ухи». Скорее всего, он восходит к роману Вс. В. Крестовского (1840–1895) «Петербургские трущобы» (1864–1867), отрывок из которого под названием «Ерши» был опубликован в журнале братьев Достоевских «Эпоха» за 1864 г. (№ 1 и 2, январь и февраль; сдвоенная книга, с. 522–575).[2] В письме к М. М. Достоевскому, готовившему к публикации эти номера, среди других понравившихся ему материалов Ф. М. Достоевский похвалил и «Ерши»: «…мне очень понравились» (28_2; 73). В этом отрывке встречаем интересующий нас мотив. Здесь будочник, городской страж порядка, торгуясь, указывает одному из мошенников дорогу в воровской и бандитский притон под именем «Ерши» и говорит: «А ты дай на уху, так скажу, где ерши водятся».[3]

Название притона автор объясняет: «Генеалогию свою неофициальное название это ведет, по сказанию одних, от той причины, что “растерация” (так обозначалось заведение на полинявшей вывеске. — *В. В.*) некоторое время славилась своею дешевою и отменною ухою из ершей, которых она, будто бы, даже под-

жаривала каким-то особенным образом; по сказанию других — название “Ерши” имеет смысл метафорический, происходящий оттого, что ершовские habitués, или завсегдатаи, больно уж были щетинисты и на язык и на кулаки с теми, кого они в особой потаенной комнате, известной у них под именем “квартиры”, лущили в карты и кто вздумывал протестовать против этого очевидного лущения».[4] Далее, знакомя читателей с воровским и бандитским жаргоном, автор использует выражение *варить уху*, которое на языке отпетой публики заменяет понятие *мошенничать*. Один из героев Вс. В. Крестовского говорит другому (тому, кто искал притон «Ерши» и наконец нашел): «Вместе уху станем стряпать — вместе хлебать: значит, дело товарищеское».[5] Не только «хлебать», но иногда и *расхлебывать*. Ту «уху», которую вместе со Смердяковым «стряпают» старик Карамазов, Иван, Дмитрий (своим бездействием даже Алеша), расхлебывают в большей или меньшей степени они все.

К тем же мрачным ассоциациям, уже независимо от Вс. В. Крестовского, ведет в контексте «Братьев Карамазовых» само слово «уха» в одном из своих возможных значений.

В. И. Даль поясняет: «**Уха**, *ушица* <…> мясной и вообще всякий взвар, похлебка <…> // ныне: рыбий навар, похлебка из рыбы <…> *Я им заварил ушицу* (или *кашицу*), *пусть расхлебывают*».[6] А также: «**Юха** <…> навар мясной, рыбий, вообще похлебка <…>. **Юшка** <…> то же, всякий взвар, особ. рыбий <…>. **Юшник** <…> похлебка из гусиной или свиной крови и рассола из-под бураков».[7]

Ср.: «**Уха** <…>. Жидкое кушанье, отвар из свежей рыбы».

«**Юшка** <…>.

1. Навар, похлебка (обычно из рыбы); жидкая часть всякого кушанья <…>. 2. *перен. Шутл.* Кровь. — *А ну, толканите-ка его, чтобы у него юшка из носу брызнула!* Шолохов. Поднятая целина».[8]

Переносное значение слова «уха» в форме «юшка», т.е. **кровь**, прямо связано с соответствующим мотивом в «Братьях Карамазовых». Мастер стряпать «особенную» уху, Смердяков наконец и в самом деле очень ловко (без следов и улик) состряпал нечто особенное (часть четвертая, книга одиннадцатая, глава VIII «Третье, и последнее, свидание со Смердяковым»): «Я тут схватил это самое пресс-папье чугунное <…>, размахнулся, да сзади его в самое темя углом. Не крикнул даже. Только вниз вдруг осел, а я в другой раз и в третий. На третьем-то почувствовал, что проломил. Они вдруг навзничь и повалились, лицом кверху, все-то в крови. Осмотрел я: нет на мне крови, не брызнуло…» (15; 64–65). Одним словом, и впрямь — «артист».

Второе. Ситуация, в которой рассказано о том, как Алеша Карамазов по поручению Катерины Ивановны навещает штабс-капитана Снегирева в его «недрах», чтобы ему помочь (часть вторая, книга четвертая «Надрывы», главы VI «Надрыв в избе» и VII «И на чистом воздухе»), соотносится с подобной ситуацией в романе Диккенса «Холодный дом» (1853). Здесь лица привилегированного сословия, посещая нищее семейство с благотворительной целью, вместо благодарности встречают грубость и насмешки.[9] Роман «Холодный дом» среди других романов Диккенса Достоевский рекомендовал для чтения подросткам. (См.: письмо неустановленному лицу от 19 декабря 1880 г. (30_1; 237–238)).

Третье. Т. 14. С. 472. *Жучка исчезла во мраке неизвестности.* — Мрак неизвестности — литературный штамп, не раз встречающийся у Достоевского. Ср. так-

же у Пушкина, например, в «Истории села Горюхина» (1830): «Мрак неизвестности окружал его как некоего древнего полубога…» (речь идет о Н. Курганове, составителе «Новейшего письмовника», 1769).[10]

— *Школьник, гнушайся лжи…* — Коля иронизирует над истинами, заключенными в школьных прописях и заимствованными из моральных поучений. Например, «Поучение о том, с каким расположением нужно начинать и препровождать Новый год (Из Синодского поучения 1786 года, л. 22): «Каждый пусть чтит своих родителей и начальников. Затем нужно быть человеколюбивым <…>, делать каждому только добро, даже и скотов миловать, а времени в праздности, пьянстве и других бесчинных забавах не проводить; говорить только правду, а лжи удаляться…»[11]

Четвертое. Коля Красоткин в разговоре с Алешей Карамазовым (часть четвертая, книга десятая, глава VI «Раннее развитие»), ссылаясь на слова Наполеона, говорит: «Я признаю, что женщина есть существо подчиненное и должна слушаться. Les femmes tricottent,* как сказал Наполеон, — усмехнулся почему-то Коля, — и по крайней мере в этом я совершенно разделяю убеждение этого псевдовеликого человека» (14; 501). Коля (или источник, из которого он черпает свои сведения), по-видимому, имеет в виду одну из заметок графа де Лас Каза, записывавшего высказывания Наполеона на о. Св. Елены: «Говорили, будто я оскорбил королеву Пруссии, вовсе нет. Я только сказал ей: “Женщина, возвращайся к своей прялке и хозяйству”. Мне не в чем себя упрекнуть».[12]

Однако слова Наполеона не оригинальны, они, в свою очередь, восходят к любопытному эпизоду борь-

---

*Дело женщины — вязанье (*франц.*).

бы католической церкви с ересью катаров («чистых»): «В 1207 г. на богословский диспут в Памье, организованный Эсклармондой, приглашены были папские легаты, представители католического духовенства и самые известные философы-еретики <…>. Известно, что раздосадованные клирики не смогли найти веских аргументов в споре и перешли к прямой грубости. На вопрос Эсклармонды, который очередной раз поставил их в тупик, один священник (Этьен де Минье. — *В. В.*) раздраженно предложил ей не мешаться в мужские дела, а отправляться, как подобает честной женщине, к своему веретену».[13]

Эсклармонда (иногда — Эсклармунда; от Es clara e munda, т.е. несущая свет миру), графиня де Фуа, в замужестве де л'Иль-Журден (XII–XIII вв.), знаменитая еретичка, разделявшая верования катаров, и одна из знатнейших дам Юга Франции (там же).

Прялка и веретено как необходимые знаковые атрибуты сопутствуют европейской женщине с античных времен. Они присутствовали в брачной церемонии Древнего Рима, как ее описывают историки: «Пару отводили в дом мужа в сопровождении насмешливых, а также непристойных песен (возможно потому, что считалось, что они оберегают от колдовства)… Невесту вели за руки двое мальчиков, третий нес перед ней факел из терновника, который зажигали от огня на очаге дома невесты. За невестой несли прялку и веретено как символы женских занятий в доме мужа. Прохожим раздавали орехи как знак плодородия, которые должны были обеспечить новой семье обильное потомство… На следующий день жена появлялась впервые в наряде матроны и еще раз приносила жертвы ларам и пенатам (богам домашнего очага и хозяйства. — *В. В.*), а также получала подарки от мужа. В этот день молодая семья

устраивала праздничное застолье у себя дома в кругу близких родственников и друзей».[14]

Пятое. В начале романа «Братья Карамазовы» (часть первая, книга первая «История одной семейки», глава IV «Третий сын Алеша») говорится о том, что младший сын старика Карамазова, едва появился у отца и навестил могилу покойной матери, решил уйти в монастырь. Он объяснил Федору Павловичу, что «это чрезвычайное желание его и что испрашивает он у него торжественное позволение как у отца. Старик уже знал, что старец Зосима, спасавшийся в монастырском ските, произвел на его “тихого мальчика” особенное впечатление» (14; 23).

Хорошо известно, что основным прототипом старца Зосимы был оптинский старец Амвросий (в миру Александр Михайлович Гренков, 1812–1891; канонизирован в 1988 г.), с которым писатель познакомился во время поездки в Оптину пустынь, куда он отправился вместе с Вл. С. Соловьевым вскоре после смерти сына Алеши. 25–27 июня 1878 г. они оставались в Оптиной.[15] А. Г. Достоевская писала: «С тогдашним знаменитым “старцем”, отцом Амвросием, Федор Михайлович виделся три раза: раз в толпе, при народе, и два раза наедине, и вынес из его бесед глубокое и проникновенное впечатление <…>. Из рассказов Федора Михайловича видно было, каким глубоким сердцеведцем и провидцем был этот всеми уважаемый “старец”».[16]

Впечатления от посещения Оптиной пустыни и знакомства со старцем Амвросием отразились в «монастырских» главах последнего романа. По утверждению К. Н. Леонтьева (постоянного и непримиримого оппонента Достоевского в вопросах православного вероучения), высказанному в его поздних работах и переписке с В. В. Розановым, «насельники Оптиной критически от-

неслись к картине монастырской жизни в “Братьях Карамазовых”».[17] Утверждение это было подхвачено и широко растиражировано; время от времени оно повторяется до сих пор — в том числе в сочинениях, не имеющих отношения к художественной литературе. Так, в одном из них говорится: «Овеянный Оптинским духом, великий писатель-психолог написал свой известный роман “Братья Карамазовы”. Тот, кто жил в Оптиной пустыни и Козельске, сразу узнает в этом романе описание города, монастыря и Скита. Старец Амвросий послужил писателю прототипом для создания им образа старца Зосимы. Но типичные черты старца Амвросия ускользнули от писателя. Он не смог передать их (совершенно ясно, что автор этих слов не видит разницы между фотографией и художественным изображением. — *В. В.*). В музее хранилась фотокарточка некоего монаха Филарета, бывшего фельдшера монастырской больницы, с молодым, красивым, одухотворенным лицом. Ф. М. Достоевский видел его совсем юным послушником и, восхищенный его обаятельной наружностью, взял его для создания образа Алеши Карамазова, одного из самых симпатичных героев романа».[18] К сказанному нет фактического комментария и каких бы то ни было отсылок.

Ввиду того, что мнение К. Н. Леонтьева многим кажется убедительным и, как правило, не вызывает возражений, чрезвычайно важен документ, недавно замеченный и перепечатанный А. П. Дмитриевым из газеты Н. П. Гилярова-Платонова «Современные известия» от 9 февраля 1881 г., т.е. почти сразу после смерти Достоевского. Приведем его целиком вместе с пояснениями, которые А. П. Дмитриев счел нужным сделать:

«Это письмо из Оптиной пустыни, напечатанное как корреспонденция с редакционным, по видимости, названием.

“Из Козельска Калужской губ.
5 февраля

Памяти Ф. М. Достоевского

Какое светлое впечатление оставил Ф. М. Достоевский в бытность свою в Оптиной пустыне, Козельского уезда! Это было три года тому назад, когда он приехал с В. С. Соловьевым, доктором философии, сыном известного историка, погостить в нашу обитель. Прожили дня четыре (в действительности — три дня. — *В. В.*). Федор Михайлович познакомился между прочим с уважаемым известным многим старцем о. Амвросием и некоторыми монахами. О. Амвросий — это одно из действующих лиц в «Братьях Карамазовых». Достоевский описал его так верно и правдиво, что многие, знающие Амвросия, узнавали его в образе художника.

Когда дошла до нас весть о кончине Федора Михайловича, мы истинно пожалели писателя-психолога, симпатичного человека и истинного христианина. Монастырское начальство, узнав о смерти Достоевского, распорядилось поминать его на литургии, и мы в обедню на Сретение услышали ектенью протодиакона, молившегося о рабе Божием Феодоре, и многие, знавшие, кого поминают, и хотя несколько слышавшие о нем, усердно молились. Горько, горько мне стало за обедневшую семью наших писателей, лишившуюся таких столбов (столпов. — *Ред.*) русской литературы, как Писемский и Достоевский. С каждым годом все уменьшается эта семья”.

Как видим, эта корреспонденция, составленная от имени всей братии Оптиной пустыни и, вероятно, с благословения настоятеля обители, содержит уникальное свидетельство о том, как в знаменитой обители восприняли кончину Достоевского, и дает основание заподозрить в определенной пристрастности К. Леонтьева, а также исследователей, развивавших и пропагандировавших его суждения на сей счет, прежде всего Н. А. Бер-

дяева, протоиерея В. В. Зеньковского, Л. А. Зандера, К. В. Мочульского, И. М. Концевича, В. М. Лурье <…>.

Позиция Гилярова, убеждения которого основаны на прочном фундаменте традиционного богословского образования, кажется нам особенно плодотворной на фоне высказываний духовных писателей и церковных публицистов о Достоевском в первое десятилетие по его кончине. Гиляров, как никто другой из них, сумел деликатно и в меру церковную оценить реальный вклад почившего в духовную жизнь России, не превращая того в некоего новоявленного "Отца Церкви" или "мирского святого", но и не умаляя значение его религиозного вдохновения подозрением в инославном еретичестве».[19]

---

[1] *Достоевский Ф. М.* Полн. собр. соч.: В 30-ти т. Л.: Наука, 1976. Т. 14. С. 113. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте статьи с указанием тома и страницы в круглых скобках.

[2] Братья Достоевские были знакомы с Вс. В. Крестовским с самого конца 1850-х годов, с тех пор, как автор «Петербургских трущоб» стал собирать материал для своего знаменитого романа. См. об этом: *Орнатская Т. И.* Редакционный литературный кружок Ф. М. и М. М. Достоевских (1860–1865 гг.) // Достоевский. Материалы и исследования. Л.: Наука, 1988. Т. 8. С. 247–262; *Орнатская Т., Туниманов В.* Альбом племянницы Ф. М. Достоевского // Ленинградская панорама. Литературно-критический сборник. Л.: Сов. писатель, 1988. С. 351, 360–361.

[3] *Крестовский В. В.* Петербургские трущобы. Книга о сытых и голодных. М.: Правда, 1990. Т. 1. С. 72.

[4] Там же. С. 73.

[5] Там же. С. 90.

[6] *Даль В.* Толковый словарь живого великорусского языка. М.: Рус. язык, 1980. Т. 4. С. 523–524.

[7] Там же. С. 670.

[8] Словарь русского языка: В 4 т. 2 изд., испр. и доп. М.: Рус. язык, 1984. Т. 4. С. 538, 776.

[9] См.: *Диккенс Ч.* Собр. соч.: В 30 т. М.: ГИХЛ, 1960. Т. 17. С. 144 и сл.

[10] *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч.: В 16 т. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1948. Т. 8₁. Романы и повести. Путешествия. С. 127.

[11] День за днем. 2000. Православный календарь. Месяцеслов с поучениями Святых Отцов и учителей Церкви во спасение души на каждый день года. С. 6.
[12] Максимы и мысли узника Святой Елены. Рукопись, найденная в бумагах Лас Каза. СПб.: Инапресс, 1995. С. 35. Первое издание этой книги вышло в Лондоне в 1820 г. на английском языке и почти сразу — в Париже, на французском.
[13] *Майорова Е. И.* Хранители Грааля. Катары и альбигойцы. М.: Вече, 2013. С. 121.
[14] Загадки истории. 2017. № 34. С. 30.
[15] См.: Летопись жизни и творчества Ф. М. Достоевского. 1821–1881. СПб.: Академический проект, 1995. Т. 3 (1875–1881). С. 278–279.
[16] *Достоевская А.* Воспоминания. СПб.: Азбука, 2011. С. 344.
[17] См. об этом: *Дмитриев А. П.* Н. П. Гиляров-Платонов и русская литература 1850–1880-х годов. СПб.: Родник, 2018. С. 442. Обзор свидетельств о пребывании Достоевского в Оптиной пустыни см.: *Священник Геннадий (Беловолов).* Оптинские предания о Достоевском // Статьи о Достоевском: 1971–2001. СПб., 2001. С. 165–174.
[18] *Монахиня Мария (Добромыслова).* Житие Оптинского старца Никона. Изд. Введенской Оптиной пустыни, 1996. С. 268.
[19] *Дмитриев А. П.* Н. П. Гиляров-Платонов и русская литература 1850–1880-х годов. С. 442–443. Здесь же указана новейшая литература на поднятую автором тему.

Л. А. Балыкова

Журнал «Пропилеи» из мемориальной библиотеки И. С. Тургенева

(заметки комментатора)

История формирования книжного собрания И. С. Тургенева до сих пор оставляет немало вопросов, которые в своё время пытались разрешить исследовавшие её учёные.[1] Основополагающий документ — Каталог библиотеки писателя, составленный дальними родственниками после его смерти, грешит большим

количеством неточностей и пропусков.[2] Немало спорных моментов возникает в процессе атрибуции книг библиотеки В. Г. Белинского, доставленных в Спасский дом Тургенева в 1854 г. Значительное количество изданий, там находившихся, были впоследствии утрачены: потеряны, «зачитаны», наконец, украдены или погибли, иные разделили судьбу книг из разграбленных в годы смут библиотек бывших дворянских гнёзд. Одни утрачены для исследователя — с их особенной историей, следами чтения, связанными с ними воспоминаниями. У других более счастливая судьба, бывает, они возвращаются на свои полки; тогда заполняются лакуны, открываются новые страницы истории читателя. Одним из таких изданий, непростыми путями вернувшихся в тургеневское книжное собрание, является журнал или, вернее, сборник статей по классической литературе «Пропилеи», вышедший в Москве в 1851 г. Он совершил не одно путешествие, прежде чем вновь очутился на книжной полке тургеневской библиотеки. О его приключениях свидетельствует внешний вид: переплёт потёрт, сбиты уголки, на листах следы сырости, грязь. О прежних владельцах напоминают автографы: на переднем форзаце чёткая надпись: «Тургенев». На обороте передней крышки переплёта запись дарителя: «В Орловский музей И. С. Тургенева от А. А. Жуковского. Ленинград. 6 августа 1928 года». Далее следует пояснение дарителя: «Книга до 1890 года находилась в библиотеке Е. М. Кудряшовой, крестницы Тургенева, проживавшей в Воронеже».

До сих пор остаётся загадкой личность дарителя. Те, кто общался с ним в конце 1920-х годов и могли бы что-то прояснить на сей счёт, давно ушли в мир иной. Ясно, что этот человек имел какое-то отношение к Тургеневу, возможно, был связан с ним семейными пре-

даниями. Можно предположить, что речь идёт о сыне великого князя Алексея Александровича и фрейлины Александры Васильевны Жуковской (дочери В. А. Жуковского) графе Алексее Алексеевиче Белёвском-Жуковском (1871–1932), проживавшем после Октябрьской революции в Ленинграде и репрессированном в 1932 г.[3] Остаётся неизвестным, каким образом книга попала в руки дарителя. Передавая журнал в Орловский музей, Жуковский, вероятно, хотел таким образом почтить память Тургенева в его 110-летний юбилей.

Более известно биографам писателя имя прежней владелицы «Пропилеев» — Елены Матфеевны Кудряшовой, судя по всему, личности незаурядной, о чём Тургенев не преминул заметить в письме к Д. Я. Колбасину от 18 (30) октября 1854 г.: «Порфирий (П. Т. Кудряшов — домашний врач Тургеневых. — *Л. Б.*) женился на прехорошенькой и преумненькой дочери одного управителя — к тому же она артистка — занимается живописью, пишет портреты — и лицом похожа на Ж<орж> Занд».[4] Такая аттестация свидетельствовала о живой заинтересованности писателя в личности и судьбе молодой женщины. Он радовался её благотворному влиянию на мужа. Может быть, именно в эту пору Тургенев передал Елене Матфеевне первый выпуск журнала «Пропилеи», который, возможно, заинтересовал бы её и способствовал её художественному развитию. Такому «правильному» развитию, на взгляд писателя, могли способствовать высокие образцы античного искусства и литературы. Он не упускал случая поделиться своей любовью к ним с близкими духовно людьми. Так, он советовал М. А. Маркович (Марко Вовчок) в письме от 6 (18) января 1860 года: «Читайте Гёте, Гомера, Шекспира — это лучше всего» (*ПССиП (2), Письма.* М., 1987. Т. 4. С. 136).

Тургенев и в дальнейшем не оставлял вниманием чету Кудряшовых: в 1855 и 1858 гг. он крестил их детей Софию и Ивана, впоследствии принимал участие в судьбе их старшего сына Александра. В 1861 г. семья переехала в Воронеж, где, после развода с мужем, Елена Матфеевна, по-видимому, проживала до конца дней.[5] Книжка «Пропилеев» должна была напоминать ей о встречах с писателем в Спасском.

Надо думать, этот первый выпуск журнала сам Тургенев получил от одного из его авторов во время пребывания в Москве в 1851 или 1852 гг., возможно, от М. Н. Каткова, которого автор «Записок охотника» знал едва ли не со времён учёбы в Московском университете. Появление журнала замышлялось как своего рода манифест приверженцев классического образования в России. Собрание статей по классической древности, выпущенное профессором Московского университета по кафедре античной словесности П. М. Леонтьевым с помощью и при участии М. Н. Каткова, П. Н. Кудрявцева, Ф. И. Буслаева и других, было задумано «в самый разгар разгрома нашей учёной школы», когда «древние языки почти вовсе были изгнаны из гимназий».[6] Журнал должен был поддержать интерес в публике к изгнанным из школы предметам классической филологии, «знакомить с событиями, данными историей, и с воззрениями, уже выработанными в науке».[7]

В дошедшем до нас выпуске «Пропилеев» помещены статьи И. К. Бабета («О Саллюстии и его сочинениях» — вышла с посвящением Т. Н. Грановскому), Н. М. Благовещенского («О гиератии в древнем греческом искусстве»), Ф. И. Буслаева («Женские типы в изваяниях греческих богинь»), А. И. Георгиевского («Сведения о трудах новейших учёных по части классической древ-

ности»), П. Н. Кудрявцева («Римские женщины по Тациту»), П. М. Леонтьева («Венера Таврическая», «Эгинские мраморы Мюнхенской гипотеки», «Бакхический памятник графа С. С. Уварова», «О новой теории греческой архитектуры», «Обзор исследований о классических древностях северного берега Чёрного моря», «О различии стилей в греческом ваянии»), Б. И. Ордынского («Занятия молодого афинянина»), С. Д. Шестакова («О роли параситов в древней комедии»). Статья «Венера Таврическая» напечатана в сборнике под псевдонимом «П. Л.». Большая часть публикаций принадлежит его инициатору — П. М. Леонтьеву.

Многочисленные пометы в издании, характерные для читательской манеры Тургенева, свидетельствуют об его особенном интересе к представленным в нём статьям. Воспитанный на образцах античной литературы, обучавшийся у лучших профессоров классической филологии, мечтавший одно время посвятить себя изучению и переводу древних поэтов, Тургенев на протяжении всей жизни испытывал пиетет к античному наследию.[8] Тема «вечной красоты» произведений античного искусства присутствует уже на первом этапе творчества писателя, многочисленные цитаты, реминисценции из античных авторов в переписке и в сочинениях Тургенева являются характерной чертой его стиля.[9] Античные образы, возникающие на страницах произведений Тургенева, способствуют прояснению и углублению авторского замысла, придают ему вневременное, универсальное звучание. Вслед за А. И. Батюто ориентацию Тургенева на античность в построении трагических коллизий при воссоздании современной истории и современного человека подчеркивают Н. П. Генералова, А. В. Успенская.[10] Античные образы стоят у истоков многих «Стихотворений в прозе». Чте-

ние древних, подобно чтению Шекспира, Гёте, Пушкина, всегда благотворно действовало на Тургенева, придавало силы, побуждало к творчеству. Тягу к созданиям Гомера он объяснял желанием души «поплавать в эпическом море». Когда осенью 1848 г., после драматических событий июльского восстания в Париже, Тургенев намеревался совершить путешествие на юг Франции, к Средиземному морю, он писал П. Виардо 8 (20) октября 1848 г.: «Кстати о древних: я собираюсь как-нибудь на днях отправиться на один из островов с “Одиссеей” и пробыть там неопределенное время…» (*ПССиП, Письма,* 1, 274, 401). В написанном вскоре после приезда из Гиера очерке «Лес и степь» будто слышится музыка родных просторов в волнообразных ритмах…

В чтение «Пропилеев» Тургенев, как видно, погружается в пору спасской ссылки, когда, как он утверждал, работалось особенно легко. Возвращение к античности совпало с временем поиска «новой манеры», будто с чистого листа, — к поиску новых идей, тем, образов и форм. Чтение способствовало этому процессу: тогда перечитываются Пушкин, Гоголь, вновь открываются русские летописи. Штудирование «Пропилеев», надо думать, немаловажная часть этих чтений. Примечательно, что античная тема заявлена в нескольких творческих замыслах этого времени. В 1852 г. задумана статья «О Андрее Шенье и подражателях древним». Осенью 1853 г. Тургенев обещал А. А. Краевскому рецензию на русский перевод «Лаокоона» Лессинга для «Отечественных записок».[11] Тогда же писатель прочитывает переведённые А. А. Фетом «Оды» Горация и вносит свои правки. Отметим, что два первых замысла осуществлены не были; кажется, предмет был для него слишком важен, чтобы полагаться на эрудицию и умозрительные заключения, — вероятно, следова-

ло «апробировать» их в собственной художественной практике. Как бы то ни было, чтение «Пропилеев» пришлось тогда весьма кстати.

Непосредственным откликом писателя на чтение журнала видится нам реминисценция из вступительной статьи к нему (без подписи) в письме к С. А. Миллер от 12 (24) октября 1853 г.: «“Пропилеи” приглашали читателя “взойти в храм классической <…> древности”, “в тот изящный и стройный мир, в котором человек впервые начинал жить по-человечески и наслаждаться жизнью, в котором впервые начинало являться миросозерцание собственно человеческое и являлось со всею обаятельной свежестью первой цветущей молодости”» (Пропилеи, с. II). Рекомендуя С. А. Миллер прочесть (или перечесть) «Одиссею» Гомера в немецком переводе Фосса, Тургенев развивает образ из процитированной статьи: «*Эта молодость* и *свежесть* (выделено нами. — *Л. Б.*), эта словно вечно смеющимся солнцем озарённая жизнь — вся эта прелесть первого появления поэзии в устах бессмертного и счастливого народа — лучше всего отвратит вас от той полусентиментальной, полуиронической возни с своей больною личностью, которой, посреди всех новейших писателей, отличается и Жан Поль» (*ПССиП(2), Письма,* 2, 260). Те же определения Тургенев использует в рецензии на «Записки ружейного охотника Оренбургской губернии» С. Т. Аксакова (1852): «…ничего не может сравниться с бессмертной *молодостью, со свежестью* и силой первых впечатлений, которыми веет нам от песней Гомера» (*ПССиП(2), Соч.,* 4, 520).

Противопоставляя «свежесть и силу» древних новейшим писателям, Тургенев утверждает античных мастеров в качестве «настоящего, даже единственного образца», умаляет на этом фоне себя и своих совре-

менников. В письме к П. Виардо он указывает на Гомера как на источник вдохновения и недосягаемый образец: «…нам, маленьким литераторам ценой в два су, нужны крепкие костыли для того, чтобы двигаться» (*ПССиП(2), Письма,* 2, 63, 365). У Гомера русский писатель находит идеальное изображение народной жизни, «простоту, силу, вдохновение, привлекательнейшие описания древних нравов и обычаев, самое живое описание битв и многое другое <…>»[12]

Таков, в общих чертах, контекст, сопутствовавший чтению журнала, собравшего лучших представителей отечественной филологии. В их статьях обсуждались актуальные для своего времени научные проблемы, были представлены новые данные археологии. Как уже отмечалось, пометы, обнаруженные на страницах издания, характерны для читательской манеры Тургенева: они позволяет выявить наиболее значимые для него темы. Позволим себе обратить внимание на некоторые из них.

Прежде всего, отметим интерес писателя к общетеоретическим вопросам. Так, на полях статьи Н. М. Благовещенского «О гиератии в древнем греческом искусстве» выделен фрагмент, повествующий о религиозных истоках искусства. Эту мысль годы спустя Тургенев повторит в очерке «Пергамские раскопки», говоря о связи религиозных мифов со светоносными творениями древних: «<…> какое счастье для народа обладать такими поэтическими, исполненными глубокого смысла религиозными легендами, какими обладали греки, эти аристократы человеческой породы» (*ПССиП (2), Соч.*, 10, 327). Ряд помет на полях журнального текста (крестики, скобки, отчеркивания) относятся к истории возникновения самобытной «греческой пластики». Отмечены фрагменты статьи Благовещенского о пер-

воначальной «мертвенности», «восточной неподвижности», «какой-то нелюбви к новизне», характеризующие ранние творения греческих ваятелей. На том этапе «антропоморфная статуя является у греков не разом, но возникает постепенно, по частям» (Пропилеи, с. 7). Важным фактором, способствовавшим рождению самобытной греческой скульптуры, по мысли автора, была поэзия: «С самого начала фантазия греков опережала их искусство» (Там же, с. 6).

Недостатки в украшении храмов и внешний вид идолов вознаграждались в гомерических песнях, «хотя описания Гомера имели мало общего с действительностью». Автор приводит в качестве примера подробное описание щита Ахиллеса, на котором Гефест изобразил «…и землю, и небо, и море < …>» (Там же, с. 10), останавливается на поразившем Улисса своим великолепием описании дворца Алкиноя или замечательного кубка, коих немало встречается на страницах «Илиады». Читательской пометой выделен фрагмент о вышивках и тканях, «замечательных по своему характеру и сложности изображений, о которых нередко упоминается в песнях Гомера» (Там же, с. 13).

Читатель не обойдёт вниманием фрагмента, повествующего об этапе слепого, рабского подражания природе в истории пластического искусства греков.

В статье Благовещенского Тургенев особо отметит пассаж о значении гимнастики, занимавшей первое место в воспитании, для развития греческой скульптуры. Мало-помалу человеческие фигуры под резцом древних ваятелей обретут естественность и изящество. Читательские пометы в журнале дают представление об интересе к истории и особенностях становления греческого искусства и одной из древних его ветвей. По-видимому, Тургенева занимает прежде всего самый

процесс. Понятно, эпоха шедевров не возникает вдруг, она готовится трудами поколений, при этом ветви искусства развиваются неравномерно, испытывая взаимовлияние. Судя по оставленным в журнале пометам, Тургенев вряд ли мог согласиться с утверждением И. И. Винкельмана и его последователей, отрицавших существование искусства в Греции почти до начала V века до н.э. (Пропилеи, с. 9). В романе «Дым» устами Потугина Тургенев заметит, что «в самом Гомере уже заметны следы цивилизации утонченной и богатой» (*ПССиП(2), Соч.,* 7, 329). Высоко ценивший пластическое искусство древних греков писатель с особой силой выразил своё восхищение в очерке «Пергамские раскопки» (1880): «Как я счастлив, что я не умер, не дожив до последних впечатлений, что я видел все это!» (*ПССиП(2), Соч.,* 10, 330).

Пластическое начало недаром играет важную роль в эстетике самого Тургенева, прежде всего в обрисовке женских образов. На наш взгляд, существенное значение для него имело знакомство со статьёй Ф. И. Буслаева «Женские типы в изваяниях греческих богинь» в рассматриваемом здесь журнале «Пропилеи». Обращает на себя внимание помета в начале текста: энергично отчеркнута полностью первая страница — указание на сугубую важность всей статьи целиком для её читателя. Представляется, что Тургенева привлекла типология изваяний богинь, созданных древними скульпторами.

По мысли автора статьи, именно изображения богинь получили в греческой скульптуре «окончательную и совершенную форму» (в конце журнала в качестве иллюстрации приложены рисунки — изваяния греческих богинь на фоне античного портала). Для древнего грека богини «были высшим идеалом, его мечтой о красо-

те и совершенстве» (Пропилеи, с. 99). При этом совершенное творение «должно было производить на душу успокоительное и стройное впечатление < ...> даже самое сильное волнение страсти пластическое искусство облекло безмятежной тишиной» (Там же, с. 100).

Представляется, что критерий воплощения женственного начала Тургенев вырабатывает с учётом указанной античной традиции. В какой-то мере эти подходы можно обнаружить в образах тургеневских героинь. Так, в Вере Ельцовой («Фауст») привлекает «спокойствие всех её движений и речей», Лиза Калитина («Дворянское гнездо») пленяет стройностью облика, тихим светом глаз, Елену Стахову («Накануне») характеризуют чистые, строгие (как у статуи) линии.

Буслаев в своей статье недвусмысленно противопоставляет античный идеал красоты эстетике нового времени: «Новый художник редко умеет давать надлежащую меру своему идеалу: он выскажет более, нежели сколько нужно, и тем расстроит гармонию целого» (Там же, с. 101). При этом он указывает на некий канон в изображении главных богинь греческого Пантеона: они «навсегда установились» в определённых типах; в них скульптор «умел извлечь <...> только то, что было существенного в каждом характере» (Пропилеи, с. 99). В статье выделено четыре типа женственности в скульптурных созданиях древних греков: Артемида, Афина, Гера и Афродита. При этом ваятель «понял женщину со стороны её чувства, в отношении того нежного влечения, по которому она становится и любящей и любимою». Женскую натуру, «которой ещё не пришло время ею быть, или которая силою воли не допускает к себе это чувство, выразил он в идеалах Артемиды и Паллады, женщину любящую — в Гере и Афродите» (Там же, с. 110). В чертах Артемиды под-

чёркнута простодушная грация, непорочная свежая красота юности, Афине свойственна девственная непорочность, одержавшая победу над чувственной природой. В Гере воплотился образ окончательно развитой женской природы — величие олимпийского божества, власть и могущество. Но только Афродита из всех богинь — женщина в полном смысле слова: «В Афродите ничего, кроме женщины, с её заветным чувством любви» (Там же, с. 120).

Тургенева, как видно, заинтересовала в статье Буслаева типология женских образов в античной скульптуре. Можно думать, что она будет учтена писателем в пору поисков своей манеры при создании образа современной женщины. Её сущность также станет понятна «со стороны любовного чувства». Тургенев порой даже несколько демонстративно отсылает своих героинь к скульптурным прототипам в античном Пантеоне. В портрете Марьи Павловны («Затишье») он подмечает черты Цереры или Юноны так, как они явлены в созданиях первых ваятелей: в её глазах «было что-то дикое, красивое и тупое, напоминавшее взор лани» (*ПССиП(2), Соч.,* 4, 390). Она так хороша во время свидания с Веретьевым, что он невольно сравнивает её с «Милосской Кипридой». Позже, в порыве увлечения, он обращается к ней как к своей владычице — богине Гере. Отсылки к античности возводят героиню на пьедестал идеальной женственности. Разумеется, автор в этом случае следует пушкинской традиции,[13] однако у Тургенева вечные, вневременные начала женственной природы вступают в сложные, драматические отношения с современным миром — автор запечатлеет свою героиню в новых обстоятельствах.

Он прозревает черты «вечной женственности» в изменчивой, непредсказуемой Асе из одноименной пове-

сти. Девушка преображается в момент решительного свидания с возлюбленным. Зыбкость, неуловимость её образа уступает место скульптурной чистоте линий: «Выражение страха исчезло… взор ушёл куда-то далеко <…> губы слегка раскрылись, лоб побледнел, *как мрамор*, и кудри отодвинулись назад, как будто ветер их откинул» (*ПССиП(2), Соч.,* 5, 187. Здесь и далее курсив наш. — *Л. Б.*). Неуловимый образ Елены («Накануне»), приводивший в отчаяние скульптора Шубина, приобретает определённость, когда к девушке приходит любовь. Лики «цветущей женственности» пленяют в героинях романов «Отцы и дети», «Дым» и «Новь». Литвинов («Дым»), встретив Ирину в курортном Баден-Бадене, поражён произошедшей с ней переменой: «Её тонкий стан развился и расцвёл, очертания некогда сжатых плеч напоминали теперь богинь, выступающих на потолках старинных итальянских дворцов» (*ПССиП(2), Соч.,* 7, 297). В облике Марианны («Новь») автор подмечает что-то «сильное и смелое», «стремительное и страстное»: «…её крепко и гибко сложенное маленькое тело напоминало флорентийские *статуэтки* XVI века < …>» (*ПССиП(2), Соч.,* 9, 165). Образ, в котором угадыватся черты Артемиды, Дианы…

Момент расцвета любви — момент преображения, явленной женственности тургеневской героини. Писатель прибегает тогда к сравнению её с ожившим камнем. Напротив, утрата любви способна придать героине образ застывшей статуи. Так, Татьяна в романе «Дым» узнав об измене жениха, вдруг становится похожа в его глазах на древнее изваяние: «<…> лицо величаво *окаменело, как у статуи;* <…> платье, одноцветное и тесное, *как хитон,* падало прямыми, длинными складками *мраморных* тканей к её ногам <…>». Взгляд девушки, «ровный и холодный, был также взглядом *статуи*»

(*ПССиП(2), Соч.,* 7, 382). Недаром Литвинов испытывает в эти мгновения нечто вроде мистического ужаса — будто сама Афина стояла перед ним.

В тургеневских героинях воплотился чаемый самим автором идеал женщины и женственности.[14] Свою роль в создании этих образов сыграла актуализация античной традиции. Надо думать, статья Буслаева в своё время способствовала кристаллизации художественного метода, позволившего утвердить незыблемость женственного начала в представительницах эпохи народившейся эмансипации. Тургенев стремился открыть в своих современницах черты совершенства, которым он, подобно Пигмалиону, не уставал восхищаться. Вот почему эти обаятельные образы на протяжении долгого времени формировали идеал женственности в русской литературе и в обществе, которое они облагораживали.

Судя по всему, публикации журнала обсуждались в кругу литературных друзей Тургенева. Так, В. П. Боткин, после того как «с изумлением» прочёл в «Пропилеях» статью П. Н. Кудрявцева «Римские женщины по Тациту» (с. 257–288), пожелал справиться у Тургенева, насколько заявленный сюжет в трактовке Кудрявцева соответствует первоисточнику.[15] Возможно, статьи журнала побудили Тургенева к чтению древних авторов в 1850-е годы: осенью 1856 г. он читает Светония, Саллюстия, Тацита, Тита Ливия и находит этих авторов «весьма современными» (*ПССиП(2), Письма, 3, 153*).

Одна из тем общественных дискуссий той поры — проблема образования. Неслучайно целый ряд читательских помет в журнале обнаружен на страницах статьи Б. И. Ордынского «Занятия молодого афинянина» (с. 153–178). Пометами отмечены фрагменты тек-

ста, которые относятся к особенностям формирования афинского гражданина с детских лет до поры зрелости.

Тургенева, по-видимому, заинтересовали обстоятельства, в которых воспитывался афинский юноша. Окружающая среда оказывала на него несравненно большее влияние, чем школа. Народная мудрость передавалась молодому поколению в остатках древней философии, в баснях Эзопа, в песнях и поговорках. Гимнастические упражнения позволяли юношам поддерживать физическое здоровье и красоту тела. Юный афинянин учился не столько из книг, сколько из няниных сказок, из бесед с мудрыми людьми и созерцания памятников искусства. Читатель отчеркнул волнистой чертой пассаж о значении Гомера в воспитании юношества: его изучали и позднее почти наравне с Библией. Большое место уделялось театральным зрелищам. При этом культивировалась умеренность в пище, чувство меры в труде и заботах. Отметил Тургенев-читатель фрагмент (с. 175), характеризующий непрерывность процесса обучения, которое продолжалось и в зрелом возрасте. Тяга к учению у софистов была так сильна, что люди работали по ночам в садах и на мельнице, чтобы заплатить наставнику (с. 177).

Приходит на ум, что в своём домашнем обиходе, в общении с близкими людьми, с окружающей молодёжью Тургенев, может быть, неосознанно, ориентировался на уроки «афинской школы», культивируя непринуждённость, разнообразие, содержательность в занятиях. Садовые работы, домашний театр, музицирование, «игра в портреты», чтение за семейным столом, рождественские ёлки, «послеобеденные сказочки» для детей — обо всём этом сохранились свидетельства в письмах и мемуарах современников Тургенева.[16] Какой контраст с многочасовым сидением за компьютером нашей молодёжи!

Наконец, обратим внимание на отрывок статьи Ордынского, полностью отчёркнутый Тургеневым в журнале. Это реплика Эсхила, спорившего с Эврипидом о назначении поэзии. Эсхил высказывает мысль об ответственности поэта за свои творения: он «заслуживает похвалы только тогда, когда он воспитывает граждан на добрые дела» (с. 170). Развивая свою мысль, Эсхил утверждает: «Поэт не всё что есть или было в самом деле, должен выводить в своих произведениях. Худое следует ему скрывать, а не выводить на сцену, не учить ему. Мальчиков учит учитель, взрослых — поэты» (Там же). Древний автор постулирует принцип нравственной пользы в творениях искусства. Тургенев-читатель выделяет тезис о воспитательном значении поэзии в общественной жизни древних Афин.

Вопрос о «пользе искусства», о его назначении вновь приобретает актуальность в русской критике в середине 1850-х годов. В. П. Боткин в письме к Тургеневу от 10 (22), 14 (26) июля 1855 г. писал: «…неоспоримо и то, что прежние понятия об искусстве — очень обветшали и никуда не годятся, вследствие нашего воззрения на природу и действительность».[17] В полемике между «утилитаристами» и сторонниками «чистого искусства» Тургенев занимал особую позицию. Он продолжал верить в животворную силу античного наследия. В очерке «Пергамские раскопки» писатель призывает современного служителя искусства проникнуться «высшим порядком и ясным строем высокохудожественной, идеальной мысли» древних мастеров, «преклонить голову и учиться — учиться снова, перестроив всё, что он до сих пор считал основной истиной своих соображений и выводов» (*ПССиП(2), Соч.,* 10, 303). Заключение, ставшее итогом долгих раздумий над чтением древних, в том числе журнала «Пропилеи».

[1] См.: *Португалов М. В.* Предки Тургенева в качестве читателя // Тургениана. Орёл, 1922; *Путинцев А. М.* Библиотека В. Г. Белинского // Лит. наследство. Т. 19–21. М.: Жур.-газ. объединение, 1935. С. 603–616; Библиотека Белинского / Предисл. и публ. Л. Р. Ланского // Там же. Т. 55 (I). М.: Изд-во АН СССР, 1948. С. 431–572; *Богданов Б. В.* Родовая библиотека И. С. Тургенева. Машинопись. 1951. ОГЛМТ. Инв. № 24 нв.; Библиотека И. С. Тургенева. Ч. I. Книги на русском языке / Сост. и авт. вступ. ст. Л. А. Балыкова. Орёл.: Изд. ОГТРК, 1994.

[2] Каталог библиотеки И. С. Тургенева, составленный в 1885 г. ОГЛМТ. Инв. № 172 оф.

[3] Тургенев познакомился с его матерью в феврале 1871 г. в салоне великой княгини Елены Павловны, был дружен с его дядей — художником Павлом Васильевичем Жуковским. Сведения об А. А. Белевском-Жуковском см.: http: // regiment. ru / bio / B/ 249. h t m (дата обращения 24.05.2020)

[4] *Тургенев И. С.* Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. 2 изд., испр. и доп. Письма в 18 т. М., 1982. Т. 1. С. 274, 401. В дальнейшем ссылки на это издание приводятся сокращённо *ПССиП(2), Письма* или *ПССиП(2), Соч.* в скобках с указанием тома и страницы арабскими цифрами.

[5] *Митракова Л. А.* Материалы к Тургеневской энциклопедии: Кудряшова Елена Матфеевна // И. С. Тургенев. Новые исследования и материалы. Вып. I / Отв. ред. и сост. Н. П. Генералова, В. А. Лукина. М.; СПб: Альянс-Архео, 2009. С. 367–368.

[6] Цит. по: *Катков М. Н.* Собр. соч. в 6 т. / Под ред. А. Н. Николюкина. СПб.: Росток, 2010. Т. 1. С. 671.

[7] Пропилеи. Кн. 1. С. I (далее отсылки см. в тексте: Пропилеи, страница).

[8] В книжном собрании Тургенева рано сформировался раздел, представляющий античных авторов в оригинале и в переводах, многие издания — с автографом владельца. В коллекции сочинения Гомера, Софокла, Платона, Анакреона, Теренция, Пиндара, Каллимаха, Ювенала, Фукидида, Саллюстия, Тацита, Тита Ливия, Светония и др.

[9] См.: *Zekulin N. G.* «Сейчас видно, что в своё время сильный был латинист!»: Turgenev and the Ancient Classical World // Russian Text 19th century and Antiquity / Ed. K. Kroo, P. Torep. Budapest; Tartu, 2008. P. 169–206; *Головко В. М.* О некоторых реминисценциях в «Стихотворениях в прозе» И. С. Тургенева // Четвёртый межвузовский тургеневский сборник. Орёл, 1975. С. 285–304; *Вулих Н. В.* Античные мотивы и образы в лирических стихотворениях и «Стихотворениях в прозе» Тургенева // И. С. Тургенев. Проблемы мировоззрения и творчества: межвуз. сб. науч. трудов / Калмыцкий гос. ун-т; отв. ред. Г. Б. Курляндская. Элиста, 1986. С. 84–96; *Névérov O.* I. S. Tourguéniev et l'art antique // Cahiers Ivan Tourguéniev, Pauline Viardot, Maria Malibran. N19. Paris, 1995. P. 3–15.

[10] *Батюто А.* Тургенев-романист. Л.: Наука, 1972. С. 140; *Генералова Н. П.* И. С. Тургенев: Россия и Европа. Из истории русско-европейских лите-

ратурных и общественных отношений. СПб.: Изд-во РХГИ, 2003. С. 272; *Успенская А. В.* Тургенев и античность // И. С. Тургенев. Новые исследования и материалы. Вып. II И. С. Тургенев и мировая литература (К 190-летию со дня рождения И. С. Тургенева) / Отв. ред. Н. П. Генералова, В. А. Лукина. М.; СПб.: Альянс-Архео, 2011. С. 139–144.

[11] *Лессинг Г. Э.* Лаокоон или о границах живописи и поэзии с попутными объяснениями различных вопросов истории древнего искусства. Первый полный русский перевод вышел в 1859 (перевёл Е. Н. Эдельсон).

[12] Письменные ответы Тургенева на магистерском экзамене // Тургеневский сборник / Ред. Н. В. Измайлов, Л. Н. Назарова. Вып. II. М.; Л.: Наука, 1966. С. 104.

[13] См.: *Dmitriéva Nina.* Les demoiselles de Pouchkine et les jeunes filles de Tourguéniev // Cahiers Ivan Tourguéniev, Pauline Viardot, Maria Malibran. 1999. N23. P. 113–120.

[14] *Сальникова О. М.* «Жертва — это сапоги всмятку»? К вопросу о типологии женских характеров у И. С. Тургенева и Ф. М. Достоевского // Тургеневские чтения / Сост. и ред. Е. Г. Петраш. М.: Русский путь, 2009. С. 161.

[15] Письмо В. П. Боткина И. С. Тургеневу от 30 марта (11 апреля) 1856 г. см.: Летопись жизни и творчества И. С. Тургенева (1818–1858) / Отв. ред. В. И. Баскаков. СПб.: Наука, 1995. С. 327.

[16] См.: *Жекулин Н. Г.* Тургенев в кругу семьи Виардо // И. С. Тургенев. Новые исследования и материалы. Вып. III К 150-летию романа «Отцы и дети»/ Отв. ред. Л. А. Балыкова, Н. П. Генералова, В. А. Лукина. М.; СПб.: Альянс-Архео, 2012. С. 5–72.

[17] Переписка И. С. Тургенева. В 2 т. Т. 1. М.: Худож. лит., 1986. С. 354–355.

Н. П. Генералова

Скрещенье поэтических судеб: Жуковский и Фет

(Из комментариев к «Ранним годам моей жизни»)

Афанасий Фет никогда не встречал своего старшего современника В. А. Жуковского, хотя, как свидетельствует он сам, хорошо знал это имя с детства. Вот как излагает Фет в своих воспоминаниях один из эпизо-

дов, связанных с именем Жуковского: «Помню, как однажды доктор Вейнрейх, войдя в гостиную, положил перед матерью захваченный с почты последний номер “Московских Ведомостей”, прибавив: “Здесь прекрасное стихотворение Жуковского на смерть императрицы Марии Федоровны”. И он стал читать:

Итак твой гроб с мольбой объемлю.

— Das ist in Iamben,* — сказал Вейнрейх.

Это замечание осталось мне на всю жизнь самым твердым уроком. Позднее я слушал метрику в Московском университете у незабвенного Крюкова, но не помню ни одного слова из его лекций. Зато поныне узнаю ямб, прикидывая его к стиху:

Итак твой гроб...

Могу сказать, что я с детства был жаден до стихов, и не прошло часу, как я знал уже наизусть стихотворение Жуковского».[1]

Точное указание на газету, кстати, дает возможность определить время этого события, поскольку указанное стихотворение было напечатано в номере газеты от 24 ноября 1828 г. Мальчику, таким образом, едва исполнилось восемь лет.

Однако не только своими начальными познаниями в стихосложении Фет оказался обязан Жуковскому. Через несколько лет, когда ему и его сестре Любиньке пришло время продолжить учебу в каких-либо казенных заведениях, А. Н. Шеншин обратился за советом к доброму соседу по имению, владельцу села Первый Воин Петру Петровичу Новосильцову (1797–1869), служившему в то время адъютантом московского генерал-губернатора Д. В. Голицына. Видное место в тогдашней иерархии занимал и его старший брат Николай Петрович Ново-

*Это написано ямбами *(нем.)*.

сильцов (1789–1856), с 1821 г. исполнявший обязанности товарища министра внутренних дел В. П. Кочубея, а к 1828 году ставший сенатором и статс-секретарем Александра I. Богатые Новосильцовы, возвысившиеся при дворе благодаря браку их отца Петра Ивановича Новосильцова (1744–1805) с Е. А. Торсуковой (1755–1842), родной брат которой был женат на племяннице камер-юнгфрау Екатерины II и ее наперсницы М. С. Перекусихиной (1739–1824), дамы, сохранившей влияние и после смерти своей покровительницы, сделали успешную карьеру при дворе, как впоследствии и сын П. П. Новосильцова Иван Петрович, ставший до конца жизни одним из преданных друзей Фета.[2]

Задумав поместить детей в петербургские учебные заведения, Афанасий Неофитович в начале февраля 1835 года пустился в путь и сначала заехал к младшему Новосильцову, «светскому красавцу», имевшему в Москве собственный дом у Харитония в Огородниках. Этот визит подробно описан Фетом в «Ранних годах моей жизни». Здесь он впервые увидел шестилетнего сына Новосильцева Ваничку, с которым будет впоследствии связан сердечной дружбой. «Если вы хотите послушать моего совета, — говорил за обедом Петр Петрович, — то не останавливайтесь с детьми в Москве; тут вам их поместить некуда. И вы, так же как и я, не располагаете отдать сына в кадетский корпус, да и женские институты наилучшие в Петербурге. Поэтому поезжайте в Петербург и обратитесь там к брату Николаю Петровичу; он заведует институтами и будет сердечно рад служить вам, а насчет сына обратитесь к нашему земляку Жуковскому; он тоже даст вам наилучший совет и сделает все от него зависящее».[3]

Возникает вопрос: почему по поводу судьбы будущего поэта Петр Петрович посоветовал обратиться имен-

но к Жуковскому. Неужели влиятельный Николай Петрович мог дать совет А. Н. Шеншину только по поводу Любиньки, которая в конце концов была определена в Екатерининский институт благородных девиц? Думается, что Петр Петрович Новосильцов, хорошо зная семейные обстоятельства Шеншиных, знал и о поэтических наклонностях юного Афанасия. Именно поэтому он предложил обратиться именно к «земляку» Жуковскому. Но не только поэтому.

Надо сказать, что отец Фета серьезно подготовился к поездке. Отправляясь в путь, А. Н. Шеншин имел на руках все необходимые для устройства детей в учебные заведения документы. Еще 5 декабря 1834 г. он обратился к Орловскому дворянскому депутатскому собранию с просьбой о внесении его и пятерых его детей (Любовь, Василий, Анна, Надежда и Петр) в шестую часть дворянской родословной книги, а 28 января 1835 года уже получил соответствующее подтверждение.[4] Но имени Афанасий среди перечисленных детей не было. По-видимому, тогда же А. Н. Шеншин обратился в Орловскую духовную консисторию за получением свидетельства о рождении пасынка. Таковое свидетельство за № 277 было выдано из Орловской духовной консистории 21 января 1835 г. и звучало оно следующим образом: «мценскому помещику ротмистру Афанасию Неофитовичу Шеншину по прошению его о рождении и крещении сына жены его Елисаветы Петровой, Афанасия, рожденного от первого брака с мужем ее амт-асессором Фет, на случай определения его Афанасия в какое-либо казенное учебное заведение для продолжения наук».[5]

Из документа следовало, что Фет был по ошибке записан сыном Шеншина в метрической книге Мценской округи села Успенского, что на Ядрине, 1820 года 29 но-

ября, а крещен 30 числа о. Иаковом Васильевым, а восприемником его был указан не Петр Неофитович, как считал Фет, а Иван Неофитович Шеншин. Допрошенные церковнослужители показали, что записали ребенка в метрическую книгу сыном ротмистра Шеншина «по уважению, оказываемому в оном доме», а когда узнали впоследствии, что «оный ротмистр Шеншин 1822 года 4-го сентября женился на матери оного младенца», то метрические книги уже были к тому времени представлены в Духовное правление и Консисторию и исправить ошибку «не имели средства».[6] В свидетельстве отмечалось, что Консистория определением своим, утвержденным епископом Орловским и Севским Никодимом, заключает, что сын Елизаветы Петровны рожден до брака с Шеншиным, а потому признан его сыном быть не может. Отмечено было также, что следовало бы наказать священно- и церковнослужителей за допущенную ошибку и исправить ее в копии села Успенского.[7] Аналогичный документ за № 270 от того же 21 января 1835 г. был выдан Орловским губернским правлением и самой Е. П. Шеншиной. В нем, кроме того, было зафиксировано официальное подтверждение опекунами оставленной в Германии ее дочери Лины Фет, что Афанасий является сыном «умершего в Дармштадте асессора велико-герцогского городового суда Фета и его жены бывшей Шарлоты, а нынешней Елисаветы Шеншиной».[8] Таким образом, ко времени поездки в Москву и Петербург по поводу устройства детей А. Н. Шеншина никакой тайны происхождения Фета не существовало. Не приходится сомневаться в том, что, ходатайствуя за сына, А. Н. Шеншин не скрывал имеющихся на его руках документов ни перед братьями Новосильцовыми, ни перед В. А. Жуковским.

Нельзя не согласиться с И. А. Кузьминой в том, что упомянутое Н. Н. Черногубовым и не дошедшее до нас «некое “дело о усыновлении от 4 ноября 1834 года, за № 1135”», открытое Орловским губернским правлением, было делом «по заявлению Е. П. Шеншиной, а в качестве усыновителя рассматривался покойный Иоганн Фёт».[9] Собственно, с самого начала всей истории речь и шла о том, что родившийся в Новоселках мальчик должен быть признан своим дармштадтским отцом, хотя он был записан в метрических книгах сыном А. Н. Шеншина. Сам Шеншин, давая мальчику родовое имя Афанасий, не отказывался от ребенка, приняв его как сына любимой женщины и воспитывая наравне с родными детьми. По существу, он и был настоящим родителем будущего поэта, который с полным правом называл его отцом. Можно спорить о том, правы или неправы были Шеншины, отказавшись «купить» в 1823 году «усыновление» трехлетнего Афанасия посредством оплаты долгов Иоганна Фёта, как то предлагал сделать своей бывшей жене запутавшийся в долгах биологический отец ребенка,[10] но факт остался фактом: отказавшийся признать Афанасия своим сыном И. Фёт сумел отомстить бывшей жене, лишив ребенка законного имени. Как писала уже после его смерти, последовавшей 1 ноября н. ст. 1825 года, брату Эрнсту Е. П. Шеншина, «чтобы отомстить мне и Шеншину, он забыл собственное свое дитя, лишил его наследства и наложил на него пятно… Попытайся, если это возможно, упросить нашего милого отца, чтобы он помог вернуть этому ребенку его права и честь; должен же он получить фамилию».[11]

По-видимому, Карл Беккер не успел ничего сделать для внука, поскольку умер через два месяца после написания этого письма, 31 мая 1826 года.[12] Дело с «усыновлением» Фета затянулось. Возможно, оно завершилось

до конца1830 года, срока выплаты А. Н. Шеншиным целиком и с процентами суммы (10 000 гульденов), предназначенной для воспитания оставленной в Дармштадте сестры Фета Лины. Как бы то ни было, к 1834 году 14-летний Фет, родившийся до венчания бывшей Шарлоты Фёт и ротмистра Шеншина, не мог быть официально признан ни сыном Шеншина, ни сыном Иоганна Фёта. В этой ситуации супруги Шеншины могли добиваться только одного — признания Афанасия сыном амт-асессора И. Фёта, что и было сделано.

Но почему все-таки П. П. Новосильцов посоветовал А. Н. Шеншину обратиться именно к В. А. Жуковскому, а не к кому-либо еще? Думается, ответ на этот вопрос очевиден. Именно Жуковский, будучи сам «незаконнорожденным» и претерпевший в связи с этим немало трудностей, как никто другой мог понять все неудобства, с которыми придется столкнуться в жизни талантливому юноше. Характерно, что, отправляясь к Жуковскому, А. Н. Шеншин не взял с собой сына, хотя по договоренности с Николаем Петровичем Новосильцовым, у которого должен был отобедать, собирался представить Фета знаменитому поэту. Правда, сам Фет чуть не опозорился на этой предполагаемой встрече. Накануне отец подарил ему черный шелковый шейный платок и пеструю летнюю шейную косынку, желая тем самым подчеркнуть, что юноше уже не пристало носить отложные воротнички. На радостях Фет надел к фрачной паре пеструю летнюю косынку, чем вызвал недовольство отца, а потому посчитал отсутствие Жуковского на этом «блестящем вечере» счастливым случаем. По-видимому, Шеншин собирался поговорить с Жуковским в отсутствие Афанасия, наказав тому приехать в дом Новосильцевых на Миллионной к 8 часам вечера. Поскольку на этот раз встреча не удалась,

он сам поехал к поэту и, конечно, ознакомил его с документами, из которых истинное положение Афанасия было совершенно ясным.

«В непродолжительном времени Любиньку отвезли в Екатерининский институт, — пишет Фет, — а по отношению ко мне Жуковский, у которого отец был без меня, положительно посоветовал везти меня в Дерпт, куда дал к профессору Моеру рекомендательное письмо».[13]

Кто же был профессор Моер, от которого отныне зависела судьба Фета? Иван Филиппович Мойер (Johann Christian Moier; 1786–1858) был не только выдающимся хирургом, основателем Дерптской хирургической школы (среди его учеников и преемников были Н. И. Пирогов, Ф. И. Иноземцев, В. И. Даль), заведовал хирургической клиникой и был деканом медицинского факультета Дерптского университета. Он был мужем Марии Андреевны Протасовой (1793–1823), той самой Машеньки Протасовой, в которую долгие годы был влюблен Жуковский. Дочь единокровной сестры Жуковского Е. А. Протасовой (урожд. Буниной), Машенька была не только племянницей, но и воспитанницей поэта. Браку с юной М. А. Протасовой препятствовало близкое родство, и в конце концов поэт вынужден был отступиться. А в 1817 году Маша Протасова вышла замуж за профессора Дерптского университета Мойера. Узнав об их помолвке, Жуковский приехал в Дерпт и прожил там около года. Знакомство с Мойером переросло в добрые отношения, которые продолжились и после скоропостижной смерти Машеньки в 1823 году, вот почему Жуковский вправе был рассчитывать на участие Мойера в судьбе рекомендованного им юноши. Мы не знаем текста рекомендательного письма Жуковского к Мойеру, занимавшему в это время должность ректора Дерптского университета,

но можно не сомневаться в том, что и Мойер был ознакомлен при встрече с А. Н. Шеншиным с документами, касающимися гражданского статуса Фета.

«Старик Моер, — вспоминал Фет, — принявший нас весьма радушно, высказал мнение, что для воспитанника, до такой степени отрываемого от семейного надзора, Дерпт по шумной студенческой жизни не представляет достаточно благонадежного приюта и что следует попытать счастья, не согласится ли его приятель, директор учебного заведения в соседнем городке Верро, принять меня в свою школу».[14] Списавшись со своим приятелем Генрихом Крюммером, директором частного пансиона в небольшом лифляндском городке Верро (ныне г. Выру), Мойер вскоре получил от него благоприятный ответ. Таким образом, судьба юного Фета на ближайшие три года была решена.

Стоит ли говорить, что совет братьев Новосильцовых относительно обращения А. Н. Шеншина к В. А. Жуковскому был дан людьми сведущими как относительно семейных дел Шеншиных, так и семейного положения «земляка» Жуковского. В дальнейшем Фет нередко вспоминал с благодарностью строгие правила пансиона Крюммера, давшего ученикам твердые знания и привычку к постоянному труду. И конечно, он никогда не забывал, что именно В. А. Жуковский определил его судьбу в непростое для него время.

Есть что-то глубоко символичное в том, что поэт, чье имя было известно каждому, помог будущему поэту, который вскоре выступит его достойным продолжателем.

---

[1] *Фет А.* Ранние годы моей жизни. М., 1893. С. 32. Далее сокращенно: РГ.

[2] О семье Новосильцовых (или, как позднее их стали называть, Новосильцевых) и об усадьбе Воин см.: *Ашихмина Е. Н.* Мценские родственники,

друзья и соседи Фета на страницах воспоминаний «Ранние годы моей жизни» // А. А. Фет: Материалы и исследования. Вып. 2. СПб., 2013. С. 96–100. Далее сокращенно: *ФетСб(2).*

[3] *РГ.* С. 78–79.

[4] РГИА. Ф. 1343. Оп. 33. № 1077. Л. 496–499 об. См. об этом: *Кузьмина И. А.* Еще раз о том, почему Афанасий Шеншин стал Афанасием Фетом // *ФетСб(2).* С. 177.

[5] *Черногубов Н.* Происхождение А. А. Фета // Русский архив. 1900. № 8. С. 523.

[6] Там же. С. 523–524.

[7] Там же. С. 524.

[8] Там же.

[9] *Кузьмина И.* Еще раз о происхождении А. Фета // Русская словесность. 2020. № 2. С. 19.

[10] Эти сведения содержались в не дошедшем до нас письме от 7 ноября 1823 г. Е. П. Шеншиной к брату Эрнсту Беккеру. См.: *Блок Г. П.* Летопись жизни А. А. Фета / Публ. Б. Я. Бухштаба // А. А. Фет. Проблемы изучения жизни и творчества. Курск, 1994. С. 280.

[11] Там же. С. 281. Письмо от 18–22 марта 1826 г.

[12] Там же.

[13] *РГ.* С. 81.

[14] Там же.

А. Г. Гродецкая

«…Невинно, как сказка о Красной Шапочке»

(О несостоявшейся Тургеневской речи Толстого)

16 сентября 1883 года в Обществе любителей российской словесности в Москве было принято решение почтить торжественным заседанием память ушедшего из жизни Тургенева.[1] Председатель Общества С. А. Юрьев обратился к его близким друзьям Я. П. Полонскому, П. В. Анненкову и Л. Н. Толстому с просьбой на этом заседании выступить. В начале

октября сообщения о готовящемся выступлении Толстого появились в газетах, и С. А. Толстая сообщала Т. А. Кузминской: «23 октября Левочка будет публично читать о Тургеневе, это теперь уже волнует всю Москву, и будет толпа страшная в актовом зале университета».[2] Выступление Толстого не могло не волновать и власти. Начальник Главного управления по делам печати Е. М. Феоктистов писал Д. А. Толстому, министру внутренних дел: «Л. Н. Толстой — человек сумасшедший; от него следует всего ожидать; он может наговорить невероятные вещи — и скандал будет значительный».[3] Московский генерал-губернатор В. А. Долгоруков распорядился объявить заседание «под благовидным предлогом отложенным на неопределенное время».[4]

Выступление не состоялось, и 24 октября, на следующий день после объявленной даты, С. А. Толстая снова писала сестре: «Чтение в память Тургенева запретили из вашего противного Петербурга. Говорят, что это министр Толстой запретил; ну, да что от него может быть, как не бестактные, неловкие выходки. Представь себе, что это чтение должно было быть самое невинное, самое мирное; никто не только не думал о том, чтобы выстрелить какой-нибудь либеральной выходкой, — но даже все страшно удивились, что же могло быть сказано? Где могла бы быть противоправительственная опасность? Теперь, конечно, все могут предположить. Публика взволнована, подозревают чуть ли не целый замысел целой революционной выходки. / Левочка говорил, что ему *писать* речь некогда, но что он будет говорить, и то, *что* он хотел сказать, так же невинно, как сказка о Красной Шапочке. / Но мне и всей Москве было ужасно досадно. Озлоблены все, все без исключения, кроме Левочки, который, кажет-

ся, даже рад, что избавлен явиться к публике: это ему так непривычно».[5] Об удивившем Толстого запрете его речи Софья Андреевна вновь вспомнила и много позднее, в 1913 году, накануне тридцатилетия со дня смерти Тургенева, в беседе с корреспондентом «Русского слова» Б. П. Брио, передав слова Толстого: «Почему не разрешили? То, что я предполагал говорить о дорогом мне Иване Сергеевиче, было так же невинно, как Красная Шапочка…».[6]

Несостоявшуюся Тургеневскую речь (или лекцию, или публичное чтение) можно признать явлением уникальным в биографии Толстого, зная о его последовательной позиции устранения от участия в каких бы то ни было публичных торжествах и чествованиях. Известно, что в 1880 году Толстой не принял участия в Пушкинских торжествах и позднее, возражая против церемоний по поводу собственного 80-летия в открытом письме «В редакции газет», свое нежелание объяснял так: «…я никогда не смотрел на такого рода чествования с сочувствием; мне казалось, что выражение сочувствия и любви к деятельности человека может выразиться никак не внешним образом, а близким соединением чувствами и мыслями с тем, к кому относятся эти мысли и чувства. Вспоминаю, как давно уже, лет около тридцати тому назад, во время чествования Пушкина и поставления ему памятника, милый Тургенев заехал ко мне, прося меня ехать с ним на этот праздник. Как ни дорог и мил мне был тогда Тургенев, как я ни дорожил и высоко ценил (и ценю) гений Пушкина, я отказался; я знал, что огорчал Тургенева, но не мог сделать иначе, потому что и тогда уже такого рода чествования мне представлялись чем-то неестественным и, не скажу ложным, но не отвечающим моим душевным требованиям».[7] Не участвовал Толстой в январе

1889 года и в праздновании 50-летия литературной деятельности Фета (на юбилее присутствовала только Софья Андреевна), записав в дневнике 14 января, незадолго до юбилейной даты: «…жалкий Фет с своим юбилеем. Это ужасно!» (50; 23).

Разумеется, одно дело — чествование живых и совсем иное — поминальное слово о только что ушедшем из жизни (22 августа (3 сентября) 1883 года), долго и тяжело болевшем, мучительно умиравшем современнике и друге.

Для выступления с речью о Тургеневе у Толстого, судя по всему, были особые причины. За его решением стоит вся сложная история их взаимоотношений, ссора в имении Фета Степановке 27 мая 1861 года, чуть не кончившаяся дуэлью, прервавшая общение и переписку на 17 лет, после чего Тургенев писал Фету: «Нам следует жить, как будто мы существуем на различных планетах или в различных столетиях»,[8] и возобновление отношений в 1878 году после письма Толстого с просьбой о примирении. По свидетельству П. В. Анненкова, об этом письме Тургенев помнил до последнего дня «как о трогательнейшем сердечном вопле человека, призывающего старые, простые, дружеские связи и сношения».[9]

Смерть Тургенева Толстой переживал тяжело, и надо признать, она стала причиной кардинального переосмысления многих его сложившихся и не раз ранее высказанных суждений и о личности Тургенева, и о его творчестве.

24–25 августа 1883 года, когда еще не дошло до Ясной Поляны известие о смерти Тургенева, гостивший там Г. А. Русанов записал слова Толстого: «Тургенев — хороший человек, огромный ум, гуманный…». И еще: «О Тургеневе сохранится память, похожая на ту, какую

оставил по себе Жуковский».[10] После смерти Тургенева его значение для русской культуры Толстой будет определять иначе, подчеркнув в известном письме к А. Н. Пыпину от 10 января 1884 года, что «после его смерти только оценил его, как следует» (63; 149). Получив известие о его кончине, он писал Страхову 2 сентября 1883 года: «Смерть Тургенева я ожидал, а все-таки очень часто думаю о нем теперь» (63; 138). «Вы пишете, что Вам думается о нем, — отвечал Страхов 16 сентября, — конечно, Вы понимаете его и его смерть лучше, чем кто-нибудь».[11] И позднее в переписке Толстого и Страхова, работавшего над статьей о Тургеневе, продолжатся размышления и о его личной судьбе, и о его исторической роли.

В сентябре-октябре 1883 года Толстой, готовясь к лекции в ОЛРС, перечитывает «всего Тургенева», об этом сохранилось свидетельство Ильи Львовича: «В 1883 году папá получил от Ивана Сергеевича его последнее, предсмертное письмо, написанное карандашом, и я помню, с каким волнением он его читал. А когда пришло известие о его кончине, папá несколько дней только об этом и говорил <…> когда вся наша семья переехала на зиму в Москву, отец остался в Ясной Поляне один <…> и начал усиленно перечитывать всего Тургенева».[12] О чтении «всего Тургенева» сохранилось несколько признаний Толстого в письмах жене от сентября-октября 1883 года из Ясной Поляны в Москву. Так, 30 сентября он писал ей: «О Тургеневе все думаю и ужасно люблю его, жалею и все читаю. Я все с ним живу. Непременно или буду читать, или напишу и дам прочесть о нем. Скажи так Юрьеву…». И ниже: «…я в хорошем духе, и всех люблю <…>. Сейчас читал Тургеневское “Довольно”. Прочти, что за прелесть». Через день, 1 октября: «Вчера очень долго не мог заснуть —

читал Тургенева», и 4 октября: «...читаю Тургенева» (83; 397, 399, 402).

Осенью 1883 года Толстой читал имевшееся в яснополянской библиотеке последнее прижизненное 10-томное Собрание сочинений Тургенева (издание 1880 года), оставив на полях значительное количество помет. Анализу этих толстовских маргиналий посвящена большая работа Т. Н. Архангельской, где она, в частности, отметила обилие толстовских отчеркиваний на полях текста «Довольно».[13]

И все же вопрос остается — почему решается Толстой на «непривычное» для него, по словам С. А. Толстой, публичное выступление с обобщающей оценкой тургеневского творчества?

История биографических и творческих контактов Толстого и Тургенева подробно документирована и изучена, достаточно глубоко исследованы и причины их идейно-эстетических сближений и расхождений. Можно назвать десятки имен, начиная с Н. Н. Страхова, Д. С. Мережковского, Ю. И. Айхенвальда, М. П. Неведомского, М. В. Португалова, Н. Н. Апостолова, многочисленные классические биографические работы и работы, специально посвященные этой проблеме (Г. Б. Курляндской, Н. П. Лощинина, Л. Д. Громовой-Опульской и другие).[14] Вместе с тем восприятие Толстым литературной позиции, художественных принципов, поэтики старшего современника остается, пожалуй, перспективной проблемой для изучения, особенно если учитывать «последовательную непоследовательность»[15] его суждений и литературных предпочтений и специфику самих толстовских критериев оценки литературных текстов, выходящих, как правило, за грань эстетики — в область психологии, морали, общего жизненного и творческого целеполагания.

Краткие отзывы Толстого о тургеневских произведениях в Дневнике и более пространные в переписке, записях собеседников и мемуаристов отмечены характерной для него резкой субъективностью, пристрастностью, полемичностью.

Высоко ценя талант Тургенева, Толстой видел в нем представителя иного, нежели он, литературного поколения, литератора «старой» школы, литератора-профессионала, в его текстах искал и находил элементы литературной условности, сюжетные и персонажные стереотипы, шаблонные изобразительные приемы, сам же он шел к литературе, по известной формуле Б. М. Эйхенбаума, «так, как будто ее еще никогда не было».[16] Новый художественный язык Толстого формировался через «сопротивление тургеневскому роману».[17] При всей полемичности толстовских оценок тургеневской прозы (хорошо известных), предшествовавших 1883 году, в них есть своя логика. Так, Толстой очевидно предпочитал тургеневскую «малую прозу» его романам (романы Тургенева, как свидетельствовал С. Л. Толстой, «отец ставил ниже его рассказов»), в последней неизменно выделял, любя их, «Записки охотника», повести «Затишье», «Первая любовь», «Фауст», статью «Гамлет и Дон-Кихот» и лирическую исповедь «Довольно».[18]

Возвращаясь к событиям осени 1883 года, стоит вспомнить известные слова из предсмертного тургеневского письма Толстому от 29 июня (11 июля): «Пишу же я Вам, собственно, чтобы сказать Вам, как я был рад быть Вашим современником — и чтобы выразить Вам мою последнюю искреннюю просьбу. Друг мой, вернитесь к литературной деятельности! Ведь этот дар Вам оттуда же, откуда всё другое. <…> Друг мой, великий писатель русской земли, внемлите

моей просьбе. Дайте мне знать, если Вы получите эту бумажку, и позвольте еще раз крепко-крепко обнять Вас, Вашу жену, всех Ваших. Не могу больше, устал».[19] И предшествующее письмо, написанное тяжело больным Тургеневым, содержало тот же призыв: он писал Толстому 14 (26) мая 1882 года, сообщая о ходе своей болезни: «…моя песенка уже спета; вот Вам надо еще долго жить — и не только для того, что жизнь все-таки дело хорошее — а для того, чтобы окончить то дело, к которому вы призваны — и на которое, кроме вас, у нас мастера нет».[20]

Исследователи Толстого не раз задавались вопросом, почему он не ответил на последнее тургеневское письмо. На призыв Тургенева «вернуться к литературной деятельности» Толстой отвечал неоднократно. Видевший в литературной деятельности и призвание, и профессию, и общественно-гражданский долг, всегда признававший первенство Толстого среди современных литераторов, Тургенев свой обращенный к нему призыв оставить ради литературы иные занятия — военную службу, хозяйственную деятельность, педагогику и прочие «чудачества» вплоть до богословия и религиозной проповеди, повторял из письма в письмо на протяжении всей переписки с Толстым, начиная с первого письма от 3 октября 1855 года, написанного по прочтении посвященного ему рассказа «Рубка леса». «Вы достаточно доказали, что Вы не трус, — писал Тургенев, — а военная карьера все-таки не Ваша. Ваше назначение — быть литератором, художником мысли и слова» (*ПССиП(2), Письма* 3; 63). Хорошо известно признание Толстого в письме к В. П. Боткину от 21 октября–1 ноября 1857 года: «Слава Богу, я не послушал Тургенева, который доказывал мне, что литератор должен быть только литератор. Это было не в моей натуре.

<…> *Наша* литература, т.е. поэзия, есть, если не противузаконное, то ненормальное явление <…>, и поэтому построить на нем всю жизнь — противузаконно» (60; 234). Тургенев в письме к Толстому от 17 (29) января 1858 года пояснял свою мысль: «Я хотел только сказать, что всякому человеку следует, не переставая быть человеком, быть специалистом; специализм исключает дилетантизм (извините все эти “измы”), — а дилетантом быть — значит быть бессильным. До сих пор в том, что Вы делали — всё еще виден дилетант, необычайно даровитый, но дилетант; мне бы хотелось видеть Вас за станком, с засученными рукавами и с рабочим фартуком» (*ПССиП(2), Письма* 3; 291). И вновь тот же призыв звучал в письме от 14 (26) марта 1861 года: «В особенности меня порадовало известие, что Вы возвращаетесь к искусству: каждый человек так создан, что ему одно дело приходится делать; специальность есть признак всякого живого организма, — а Ваша специальность все-таки искусство…» (*ПССиП(2), Письма* 4; 307).

Молодой Толстой «охвачен пафосом открытия общих “моральных истин” и усовершенствования человеческой жизни», идеями «перестройки мира»,[21] литературная деятельность представлялась ему не только недостаточной, но и противоестественной и «противузаконной». Характерна его запись в Записной книжке от 31 июля 1856 года: «Тургенев ничем не хочет заниматься под предлогом, что художник неспособен. — Нет человека, который бы мог обойти матерьяльную сторону жизни, а у нас она — мужики, так же как англичанину банк» (47; 189–190). Свои взгляды, не высказанные открыто в письмах к Тургеневу, Толстой в резкой форме изложил в письме к Б. Н. Чичерину от 1 марта 1860 года, призывавшему его, как и Тургенев, целиком посвятить себя литературе: «…по моему убежденью, в наши года

и с нашими средствами, шлянье вне дома или писанье повестей, приятных для чтения, одинаково дурно и неблагопристойно. В наши года, когда уж не одним путем мысли, а всем существом, всей жизнью дошел до сознанья бесполезности и невозможности отыскиванья наслажденья, когда почувствуешь, что то, что казалось мукой, сделалось единственной сущностью жизни — труд, работа, тогда неуместны и невозможны искания, тоски, недовольства собой, сожаленья и т.п. атрибуты молодости, не скажу нужно работать, а нельзя не работать <…>. Кто пахать землю, кто учить молодежь быть честной и т.д. Самообольщение же так называемых художников <…> есть мерзейшая подлость и ложь. Всю жизнь ничего не делать и эксплуатировать труд и лучшие блага чужие, за то, чтобы потом воспроизвести их — скверно, ничтожно, может быть, есть уродство и пакость, которой я слишком много видел вокруг себя мерзких примеров…» (60; 327).

Настойчивая назидательность Тургенева стала одной из причин возраставшей от встречи к встрече конфликтности в их отношениях, разрешившейся ссорой в Степановке. Т. Л. Сухотина-Толстая вспоминала: «Как часто я себя спрашивала <…>, какая могла быть причина частых ссор отца с Тургеневым? / О литературном соревновании, мне кажется, не могло быть и речи. Тургенев с первых шагов моего отца на литературном поприще признал за ним огромный талант и никогда не думал соперничать с ним. <…> Мне кажется, что Тургенев, как художник, видел в моем отце только его огромный литературный талант и не хотел признавать за ним никакого *права* быть чем-либо другим, кроме как художником-литератором. Всякая другая деятельность отца точно обижала Тургенева, — и он сердился на отца за то, что отец не слушался его

советов и не отдавался исключительно одной литературной деятельности. Он был много старше отца, не побоялся считать себя по таланту ниже его, и только одного от него требовал: чтобы отец положил все силы своей жизни на художественную деятельность. / А отец знать не хотел его великодушия и смирения, не слушался его, а шел той дорогой, на которую указывали ему его духовные потребности. Вкусы же и характер самого Тургенева были совершенной противоположностью характеру отца. Насколько борьба вообще воодушевляла отца и придавала ему сил, — настолько она была несвойственна Тургеневу».[22]

Нелегко представить, что к 1859 году, по истечении всего четырех лет знакомства (в ноябре 1855-го), и Тургенев, и Толстой отчетливо сознавали, что они, по словам Тургенева, «созданы противоположными полюсами» (письмо Боткину от 12 (24) апреля 1859 года), что в них «слишком различны стихии», что они «из разной глины слеплены» (Фету от 16 (28) июля и от 9 (21) октября), «созданы совершенно антиподами» (М. Н. Толстой от 7 (19) ноября — *ПССиП(2), Письма* 4; 38, 67–68, 92, 106). Толстой после встречи с Тургеневым писал Дружинину в том же 1859 году, 9 октября: «…в нынешний его приезд я окончательно убедился, что он и умный, и даровитый человек, но один из самых несноснейших в мире» (60; 308–309).

С этим убеждением Толстой читал и опубликованное в «Современнике» (1859. № 1) «Дворянское гнездо», не удостоив его отдельного отзыва и лишь отметив в письме к Фету от 23 февраля 1860 года, что «“Накануне” много лучше “Дворянского гнезда”» (60; 325), и напечатанный год спустя в «Русском вестнике» (1860. № 1) роман «Накануне», о котором в том же письме Фету (много раз цитированном) высказался достаточно под-

робно: «Прочел я “Накануне”. Вот мое мнение: писать повести вообще напрасно, а еще более тем людям, которым грустно и которые не знают хорошенько, чего они хотят от жизни». «Вообще меня всегда удивляет в Тургеневе, — продолжал Толстой, — как он с своим умом и поэтическим чутьем не умеет удержаться от банальности, даже до приемов. — Больше всего этой банальности в отрицательных приемах, напоминающих Гоголя. Нет человечности и участия к лицам, а представляются уроды, которых автор бранит, а не жалеет. Это как-то больно жюрирует с тоном и смыслом либерализма всего остального. Это хорошо было при царе Горохе и при Гоголе (да и еще надо сказать, что, ежели не жалеть своих самых ничтожных лиц, надо их уж ругать так, чтобы небу жарко было, или смеяться над ними так, чтобы животики подвело, а не так, как одержимый хандрою и диспепсией Тургенев)» (60; 324–325). Любопытен ответ Фета в письме от 28 февраля: «Много хорошего, хотя причудливо-капризно-носовздернутого сказали Вы о “Накануне”».[23]

Сложность отношений с Тургеневым отразили и другие толстовские суждения о его прозе, прежде всего романной. Показательна его оценка «Рудина», известная в поздней записи (1894) В. Ф. Лазурского: «… Тургенев произвел на меня сильное впечатление “Записками охотника”. Потом я слушал “Рудина”; <…> я был удивлен, как это — Тургенев, и мог написать такую фальшивую, придуманную вещь».[24] Характерно и его позднее высказывание, зафиксированное П. А. Сергеенко: «Тургенев как романист мне никогда особенно не нравился, даже и во дни моей молодости. Иногда я даже удивлялся, как мог такой многосторонне образованный и талантливый человек, как Тургенев, писать такие незначительные вещи, как некоторые его повести».[25]

Крайне сдержанно Толстой отозвался об «Отцах и детях» — в письме к П. А. Плетневу от 1 мая 1862 года: «Тургеневский роман меня очень занимал и понравился мне гораздо меньше, чем я ожидал. Главный упрек, который я ему делаю — он холоден, холоден, что не годится для тургеневского дарованья. Всё умно, всё тонко, всё художественно, <…> но нет ни одной страницы, которая бы брала за душу» (60; 423). Сохранился и еще один поздний отзыв об «Отцах и детях» в записи Д. П. Маковицкого: «…там любовь Базарова к женщине излишня. Писано по шаблону, что в каждом романе должна быть любовь».[26] Кратким и незаинтересованным, характерным с точки зрения толстовских критериев оценки текста, был и его отзыв о «Дыме» в письме к Фету от 28 июня 1867 года: «В “Дыме” нет ни к чему почти любви и нет почти поэзии. Есть любовь только к прелюбодеянию легкому и игривому, и потому поэзия этой повести противна. <…> Я боюсь только высказывать это мнение, потому что я не могу трезво смотреть на автора, личность которого не люблю…» (61; 172). Любопытно, что из всех романов Тургенева Толстой выделял «Новь», считая, вопреки общему мнению, что это «лучшая вещь Тургенева, лучше “Рудина” и других его романов; что она отличается цельностью, верно рисует время и верно изображает типы».[27]

Не только тургеневские романы, но и произведения малой формы далеко не всегда вызывали одобрение Толстого. Прочитав «Дневник лишнего человека», он отметил в Дневнике 17 мая 1856 года: «Ужасно приторно, кокетливо, умно и игриво» (47; 73). «Асю» он оценил как «самую слабую вещь» из всего написанного Тургеневым (60; 252). После одобрения «Первой любви» литературным «ареопагом» (Островский, Писемский, Анненков, Дружинин, Майков) Тургенев писал Фету

13–16 (25–28) марта 1860 года: «Единственный человек, которого я совершенно отчаиваюсь удовлетворить когда-нибудь — Лёв Толстой». Узнав от Фета о положительном отзыве, Тургенев признался ему в письме от 1 (13) июня: «Мне приятно, что “Первая любовь” нравится Толстым: это ручательство» (*ПССиП(2), Письма* 4; 173, 201).[28] И напротив, сюжет «Вешних вод» Толстому казался «выдуманным»: «…все выдуманное, хотя хорошо выдуманное».[29] Резко отрицательным был и первый отзыв Толстого о тургеневском «Довольно», он писал Фету 7 октября 1865 года: «“Довольно” мне не понравилось. Личное, субъективное хорошо только тогда, когда оно полно жизни и страсти, а тут субъективность, полная безжизненного страдания» (61; 109). В поздние годы лирическая исповедь «Довольно», созвучная его собственным мыслям, станет одним из любимых тургеневских произведений Толстого.

Как развивались события после запрета Тургеневской речи?

С. А. Толстая сообщала Т. А. Кузминской 29 октября 1883 года: «…Левочка для речи ничего не написал, хотел только говорить, вероятно, накануне набросал бы, но так как запретили, то так и не написалось и не сказалось. О Каткове он упомянул бы, но в смысле, что не все мыслящие и пишущие люди свободны от подслуживания властям и правительству, а что Тургенев был вполне свободный и независимый человек и служил только делу (cause), а дело его была литература; мысль свободная и слово свободное, откуда бы оно ни шло…».[30] Это письмо проясняет ряд конкретных деталей ненаписанной толстовской речи, и упоминание М. Н. Каткова здесь представляет несомненный интерес, как и сама достаточно широкая и, признаться, малоисследованная тема отношений с издателем «Мо-

сковского вестника» и «Московских ведомостей» как Тургенева, так и Толстого.

Осенью 1883 года Толстой не оставляет намерения написать о Тургеневе уже не речь, но большую, итоговую статью. «Написал, — сообщает ему Страхов 28 ноября, — несколько страниц об Тургеневе (для *Руси*), но неужели Вы ничего не напишете? Ведь во всем, что писано, такая фальшь, холод! А я с ним помирился — хоть и не имею права так говорить: не знал его почти вовсе».[31] Толстой отвечает 30 ноября–1 декабря, размышляя и о Тургеневе, и о только что изданной Страховым «Биографии» Достоевского:[32] «Бывают лошади — красавицы: рысак цена 1000 рублей, и вдруг заминка, и лошади-красавице, и силачу цена — грош. Чем я больше живу, тем больше ценю людей без заминки. Вы говорите, что помирились с Тургеневым. А я очень полюбил. И забавно, за то, что он был без заминки и свезет, а то рысак, да никуда на нем не уедешь, если еще не завезет в канаву». И если Достоевский, по Толстому, — рысак «с заминкой», то «Тургенев и переживет Достоевского, и не за художественность, а за то, что без заминки» (63; 142). Страхов в следующем письме, от 12 декабря, убеждал Толстого: «Если так, то напишите же, бесценный Лев Николаевич, о Тургеневе. Как я жажду прочесть что-нибудь с такою глубокою подкладкою, как Ваша!»[33]

Наконец, главные положения несостоявшихся речи и статьи о Тургеневе Толстой изложил в известном письме от 10 января 1884 года к А. Н. Пыпину, работавшему в это время над историей русской литературы 1840–1850-х годов и обратившемуся к нему с просьбой о присылке писем Тургенева. «Я ничего не пишу о Тургеневе, — признавался Толстой, — потому что слишком много и все в одной связи имею сказать о нем.

Я и всегда любил его; но после его смерти только оценил его как следует <…> Не могу, однако, удержаться не сказать то, что я думаю о нем. Главное в нем это его *правдивость*» (63; 149). И далее: «Тургенев прекрасный человек (не очень глубокий, очень слабый, но добрый, хороший человек), который хорошо говорит всегда *то самое, то,* что он думает и чувствует <…> воздействие Тургенева на нашу литературу было самое хорошее и плодотворное. Он жил, искал и в произведениях своих высказывал то, что он нашел — все, что нашел. Он не употреблял свой талант (уменье хорошо изображать) на то, чтобы скрывать свою душу, как это делали и делают, а на то, чтобы всю ее выворотить наружу. Ему нечего было бояться».

«По-моему, — продолжал Толстой, — в его жизни и произведениях есть три фазиса: 1) вера в красоту (женскую любовь — искусство). Это выражено во многих и многих его вещах; 2) сомнение в этом и сомнение во всем. И это выражено и трогательно и прелестно в “Довольно”, и 3) не формулированная, двигавшая им и в жизни и в писаниях вера в добро — любовь и самоотвержение, выраженная всеми его типами самоотверженных и ярче, и прелестнее всего в Дон Кихоте, где парадоксальность и особенность формы освобождала его от его стыдливости перед ролью проповедника добра» (63; 149–150).

Главное в поздних высказываниях Толстого — признание правдивости, искренности Тургенева, его способности душу «выворотить наружу», мысль, звучащая как своего рода самоопровержение, как отрицание прежних, широко известных обвинений Тургенева в склонности к «фразе», в искусственности, холодности, зафиксированных и в дневниках Толстого, и в его письмах, и в многочисленных записях современников.

Анненков, например, вспоминал, что даже в физиологических особенностях Тургенева Толстой находил «наклонность к эффекту», утверждая, что «он имеет фразистые ляжки».[34] В одном из писем 1859-го года Тургенев с горечью признавался: «…думает же Толстой, что я и чихаю, и пью, и сплю — ради фразы» (*ПССиП(2), Письма* 4; 36). Не менее важно и признание Толстым свободы и независимости Тургенева-художника. Это убеждение, можно предположить, высказывалось им в полемике со Страховым, в своих статьях о Тургеневе настаивавшем на его несамостоятельности, зависимости и от западнической системы ценностей, и от вкусов и мнений образованной «толпы».[35]

Как в своих поздних суждениях и оценках и осуществленных и неосуществленных творческих замыслах, так и в пометах в текстах при чтении «всего Тургенева» в 1883 году, Толстой обращался к тем его произведениям 1850–1860-х годов, которые выделил сразу, при первом чтении. Он любил тургеневское «Затишье», прочитав его впервые в журнальной публикации[36] и позднее выделив (наряду с «Андреем Колосовым» и «Двумя приятелями») при чтении в 1856 году «Повестей и рассказов» Тургенева (60; 104). В «Воскресении» в первый свой приезд к тетушкам Нехлюдов дает читать Катюше повести Тургенева, и «больше всего ей нравилось “Затишье”…» (32; 46). Любопытно, что в ранних редакциях романа упоминалось также «Преступление и наказание», в окончательном тексте осталось только «Затишье». Еще во время работы над 1-й законченной редакцией в 1895 году в Записной книжке Толстой сделал запись: «Она читает Тургенева» (53; 252), то есть образ главной героини был задуман и создавался как ориентированный на тургеневских героинь, созвучный им, воспитанный чтением Тургенева.[37] Особое место

среди пристрастий Толстого занимает тургеневский «Фауст». О чтении повести Толстой оставил запись в Дневнике 28 октября 1856 года: «Прелестно» (47; 96), и, по свидетельству Е. Я. Колбасина, отзывался о нем «с восторгом», считая, что Тургенев «ничего лучше этого не написал».[38] Сюжет повести, как известно, связан с увлечением Тургенева М. Н. Толстой, она считается прототипом главной героини «Фауста» Веры Ельцовой.

В письме Толстого к А. Н. Пыпину названы только два тургеневских текста — статья «Гамлет и Дон-Кихот» (1860) и лирико-философский отрывок, или исповедь (жанр неотчетлив), «Довольно» (1865). Показательно в данном случае его внимание к произведениям вненовеллистическим, созданным в свободной, «парадоксальной», по его определению, форме. Во время работы над главными религиозными трактатами для Толстого была актуальна проблема поиска той свободной повествовательной формы, которая сочетала элементы проповеди — как в «Гамлете и Дон-Кихоте», и элементы исповеди — как в «Довольно». Очевидно, что тургеневское «Довольно» близко толстовской «Исповеди», автобиографический герой которой переживает ситуацию богооставленности, в тургеневской же «исповеди» передано ощущение «космического сиротства».[39] В 1883 году «Исповедь» Толстого уже завершена, начата работа над «Исследованием догматического богословия», «Соединением и переводом четырех Евангелий», трактатом «В чем моя вера?» (в 1883 году работа над трактатом идет в полную силу). К слову, запрещенную цензурой «Исповедь» Толстой в октябре 1882 года успел отправить Тургеневу в Буживаль, а тот успел ее прочитать, признавшись, по воспоминаниям А. Г. Олсуфьевой, что «читал и внутренно бесился. Толстой, который у нас в России такой художник, такой тонкий психолог, который умеет

так в души влезать, и писать такую чепуху…».[40] Толстому свое мнение об «Исповеди» Тургенев, «чтобы не впасть в спорный тон», высказать не решился, а Д. В. Григоровичу писал 31 октября (12 ноября) 1882 года, что прочел ее «с великим интересом: вещь замечательная по искренности, правдивости и силе убежденья. Но построена она вся на неверных посылках — и в конце концов приводят к самому мрачному отрицанию всякой живой, человеческой жизни… Это тоже своего рода нигилизм… <…> И все-таки Толстой едва ли не самый замечательный человек современной России!».[41]

Мысль о написании статьи — уже не обо всем творчестве Тургенева, но о двух его важнейших, на взгляд Толстого, произведениях не оставляет его и спустя десятилетие. Он записывает в Дневнике 7 октября 1892 года: «Тургеневское “Довольно” и “Гамлет и Дон-Кихот” — это отрицание жизни мирской и утверждение жизни христианской. Хорошую можно составить статью» (52, 74). И те же два тургеневских текста Толстой выделяет в 1894 году в беседах с Лазурским, который отмечает 23 июня: «Выше всех он ставит “Довольно” и статью “Гамлет и Дон-Кихот”. Говорил, что писал статью о Тургеневе, где рассматривал эти два произведения в связи одно с другим (настроение разочарования и потом указание пути спастись от сознания пустоты). Хотел читать на тургеневском празднике, но ему “запретили”». Важна и еще одна запись Лазурского, от 5 августа 1894 года: «Я всегда говорю: чтобы понять Тургенева, нужно читать последовательно: “Фауст”, “Довольно” и “Гамлет и Дон-Кихот”. Тут видно, как сомнение сменяется у него мыслью о том, где истина».[42]

Тургеневское «Довольно», что не раз отмечалось, — один из наиболее литературно насыщенных текстов, он буквально соткан из цитат и аллюзий, от антич-

ной литературы и философии до Шиллера, Гете, Шекспира, Паскаля, Шопенгауэра. Шекспировский текст чрезвычайно плотен в «Довольно», оно и завершается цитатой из «Гамлета». Шекспировская проблематика, а внутри нее гамлетовская, актуальная для Тургенева на всем протяжении творчества, Толстому была очевидно чуждой. Выделяя и сближая две сверхлитературные по своей семантической природе и, кроме того, «шекспировские» вещи Тургенева, Толстой, несомненно, сознавал их специфическую органичность для тургеневского творчества. И возможно, именно эта откровенно нетолстовская художественная природа двух тургеневских текстов стала одной из причин того, что статья, им посвященная, написана не была. Кроме того, литературно-критическая аналитика, надо это признать, — не вполне толстовский жанр, метафоры и аллегории, как «рысак без заминки», не легко переводятся в дискурсивные формы. Во многих своих суждениях и оценках Толстой остался «причудливо-капризным», по приведенному выше определению Фета.

В целом же весь комплекс толстовских мыслей, переживаний, творческих планов, связанных с осмыслением смерти Тургенева и его роли в истории русской литературы, представляет материал выдающейся исторической и человеческой ценности.

---

[1] См. об этом: *Гусев Н. Н.* Лев Николаевич Толстой: Материалы к биографии с 1881 по 1885 год. М., 1970. С. 207–213; *Громов В. А.* К истории запрещения речи Л. Н. Толстого об И. С. Тургеневе // Яснополянский сборник. 1988. Тула, 1988. С. 43–53; *Кулаева Л. М.* Несостоявшееся заседание // Тургениана: сб. статей и материалов. Вып. II-III: Иван Тургенев и Общество любителей российской словесности. Орел, 2009. С. 231–235.

[2] *Гусев Н. Н.* Лев Николаевич Толстой: Материалы к биографии с 1881 по 1885 год. С. 209.

[3] Там же. С. 210; ср.: *Громов В. А.* К истории запрещения речи Л. Н. Толстого об И. С. Тургеневе. С. 47.
[4] *Н<иколь>ский Б.* Л. Н. Толстой и департамент полиции // Былое. 1918. № 3. С. 207.
[5] *Гусев Н. Н.* Лев Николаевич Толстой: Материалы к биографии с 1881 по 1885 год. С. 211–212.
[6] Толстой и Тургенев (Из воспоминаний С. А. Толстой) // Русское слово. 1913. № 193; 22 авг. (подпись: Б. П.). В дневнике С. А. Толстой имеется запись от 13 августа 1913 года об этой беседе: «Был корреспондент "Русского слова" Борис Петр. Брио, просил сведения о Тургеневе» (*Толстая С. А.* Дневники. М., 1978. Т. 2. С. 395; примеч.: С. 573). О запрете вспоминал и сам Толстой: «Когда Тургенев умер, я хотел прочесть о нем лекцию. Мне хотелось, особенно ввиду бывших между нами недоразумений, вспомнить и рассказать все то хорошее, чего в нем было так много и что я любил в нем. Лекция эта не состоялась. Ее не разрешил Долгоруков» (*Гольденвейзер А. Б.* Вблизи Толстого. М., 1959. С. 62).
[7] *Толстой Л. Н.* Полн. собр. соч.: в 90 т. М., 1956. Т. 78. С. 105. Далее ссылки на это издание даются в тексте сокращенно, с указанием тома и страницы.
[8] *Тургенев И. С.* Полн. собр. соч. и писем: в 30 т. 2-е изд., испр. и доп. Письма: в 18 т. М., 1987. Т. 4. С. 395 (письмо от 26 дек. 1861 г.). Далее ссылки на письма Тургенева (до 1879 года) даются по этому изданию в тексте сокращенно: *ПССиП(2), Письма,* с указанием тома и страницы.
[9] *Анненков П. В.* Литературные воспоминания. М., 1983. С. 463.
[10] *Русанов Г. А., Русанов А. Г.* Воспоминания о Льве Николаевиче Толстом. 1883–1901 гг. Воронеж, 1972. С. 28, 32.
[11] Л. Н. Толстой — Н. Н. Страхов. Полное собрание переписки: в 2 т. Оттава; М., 2003. Т. 2. С. 650.
[12] *Толстой И. Л.* Мои воспоминания. М., 1969. С. 155–156. Ср. свидетельство Сергея Львовича (*Толстой С. Л.* Очерки былого. 2-е изд. М., 1956. С. 318).
[13] *Архангельская Т. Н.* Л. Н. Толстой за чтением сочинений И. С. Тургенева в издании 1880 г. (По материалам библиотеки Л. Н. Толстого в Ясной Поляне) // Спасский вестник. 2003. № 10. С. 119–132.
[14] См.: *Неведомский Мих.* Два начала. (Об Л. Толстом и Тургеневе) // Неведомский Мих. Зачинатели и продолжатели. Пг., 1919. С. 50–94; *Португалов М.* Тургенев и Лев Толстой (Литературно-психологическая параллель) // Португалов М. Тургениана. Статьи и библиография. Орел, 1922. С. 29–81; *Апостолов Н. Н.* (*Арденс Н. Н.*) Лев Толстой и его спутники. М., 1928. С. 91–130; *Курляндская Г. Б.* 1) Тургенев и Толстой: Учеб. пособие. Курск, 1976; 2) И. С. Тургенев и русская литература. М., 1980; *Лощинин Н. П.* Л. Н. Толстой и И. С. Тургенев: К вопросу о творческих и личных отношениях. Тула, 1982; *Пузин Н. П., Архангельская Т. Н.* Вокруг Толстого. 2-е изд. Тула, 1988. С. 42–78; *Громова-Опульская Л. Д.* Тургенев и Лев Толстой (История дружбы и полемики) // И. С. Тургенев и современность. М., 1997. С. 11–19; и др.

[15] Цитирую Г. Я. Галаган, отметившую, что Толстой «последователен даже в своей непоследовательности» (*Галаган Г. Я.* Л. Н. Толстой // История русской литературы: в 4 т. Л., 1982. Т. 3. С. 797).
[16] *Эйхенбаум Б. М.* Лев Толстой: Исследования. Статьи. СПб., 2009. С. 166.
[17] *Чичерин А. В.* Идеи и стиль: О природе поэтического слова. 2-е изд. М., 1968. С. 229.
[18] *Толстой С. Л.* Очерки былого. С. 302.
[19] *Тургенев И. С.* Полн. собр. соч. и писем: в 28 т. Письма: в 13 т. Л., 1968. Т. 13. Кн. 2. С. 180.
[20] Там же. Т. 13. Кн. 1. С. 256. Тургенев откликнулся на письмо Толстого от 1–5 мая, в котором звучала глубокая тревога о его здоровье: «Известия о вашей болезни, о которой мне рассказывал Григорович и про которую потом стали писать, ужасно огорчили меня, когда я поверил, что это серьезная болезнь. Я почувствовал, как я вас люблю. Я почувствовал, что, если вы умрете прежде меня, мне будет очень больно. <…> В первую минуту, когда я поверил — надеюсь напрасно — что вы опасно больны, мне даже пришло в голову ехать в Париж, чтобы повидаться с вами. Напишите или велите написать мне определительно и подробно о вашей болезни. Я буду очень благодарен. Хочется знать верно. / Обнимаю вас, старый милый и очень дорогой мне человек и друг. / Ваш Толстой» (63; 95–96).
[21] *Эйхенбаум Б. М.* Лев Толстой: Исследования. Статьи. С. 781.
[22] *Сухотина-Толстая Т. Л.* Воспоминания. М., 1980. С. 244–246. Ср. свидетельство С. Л. Толстого: «Равнодушие Тургенева к вопросам религии и нравственности были не по нутру моему отцу. Ему нужны были жизненные радикальные ответы на мучившие его вопросы. <…> Тургенев требовал от Льва Николаевича, чтобы он был чуть ли не исключительно литератором, и пренебрежительно относился ко всяким другим его занятиям хозяйством, училищами и в особенности философией» (*Толстой С. Л.* Очерки былого. С. 300–301).
[23] *Толстой Л. Н.* Переписка с русскими писателями. 2-е изд., доп. М., 1978. Т. 1. С. 341.
[24] *Лазурский В. Ф.* Дневник // Л. Н. Толстой в воспоминаниях современников: в 2 т. М., 1978. Т. 2. С. 54.
[25] *Сергеенко П. А.* Как живет и работает гр. Л. Н. Толстой // Л. Н. Толстой в воспоминаниях современников. Кн. 2. С. 149.
[26] Лит. наследство. М., 1979. Т. 90. Кн. 2. С. 526.
[27] *Лазурский В. Ф.* Дневник. С. 68.
[28] Речь идет о братьях Льве и Николае Толстых.
[29] *Лазурский В. Ф.* Дневник. С. 54.
[30] *Толстой И. Л.* Мои воспоминания. С. 421.
[31] Л. Н. Толстой — Н. Н. Страхов. Полное собрание переписки. Т. 2. С. 653.
[32] Речь идет об издании: Биография, письма и заметки из записной книжки Ф. М. Достоевского. СПб., 1883.

[33] Л. Н. Толстой — Н. Н. Страхов. Полное собрание переписки. Т. 2. С. 660.
[34] *Анненков П. В.* Литературные воспоминания. С. 390–391.
[35] См., например: *Страхов Н. Н.* Поминки по Тургеневе // Страхов Н. Н. Критические статьи об И. С. Тургеневе и Л. Н. Толстом (1862–1885). СПб., 1885. С. 167–182.
[36] См. об этом мемуарную запись С. И. Танеева: *Тургенев И. С.* Полн. собр. соч. и писем: в 30 т. 2-е изд., испр. и доп. Соч.: в 18 т. М., 1980. Т. 4. С. 636–637.
[37] См.: *Гродецкая А. Г.* Тургеневское «Затишье» в толстовском «Воскресении» (ситуация чтения в структуре текста) // И. С. Тургенев: Новые исслед. и материалы. М.; СПб., 2012. Вып. 3. С. 204–213.
[38] Тургенев и круг «Современника»: неизданные материалы, 1847–1861. М.; Л., 1930. С. 298.
[39] *Маркович В. М.* Человек в романах И. С. Тургенева. Л., 1975. С. 149.
[40] *Олсуфьев М. В.* Воспоминания об И. С. Тургеневе // Исторический вестник. 1911. № 3. С. 861.
[41] *Тургенев И. С.* Полн. собр. соч. и писем: в 28 т. Письма: в 13 т. Т. 13. Кн. 2. С. 89.
[42] *Лазурский В. Ф.* Дневник. С. 54, 77.

Б. Ф. Егоров

Сходство и отличие Гёте и Тургенева
(характеры и поведение)

Тема «Гёте и Тургенев» не нова, ей посвящен ряд статей и даже целая книга.[1] Во многих работах о Тургеневе гётевская тема также нередко присутствует.[2] В то же время главным образом рассматривались мировоззренческие и художественные аспекты — обобщенно это можно сформулировать как «Гёте в жизни и творчестве Тургенева». Личности же великих писателей, в их сходстве и отличиях, практически не изучались.

Натуры обоих довольно наглядно демонстрируют общие мировоззренческие черты, многие из которых вообще показательны для либеральных деятелей культуры разных стран и времен: свободолюбие, доброта

и внимание к людям, неприятие деспотизма и социального неравенства, мечты о всеобщем свободном труде на свободной земле, а с другой стороны, — нелюбовь к крайностям, социально-политическому экстремизму низов, жестокости, кровавым революциям (впрочем, юный Гёте бывал и «экстремистом»!), отсутствие идеализации народа, раздражение от пошлости, своекорыстия, невежества масс; пантеистическая любовь к природе и равнодушие к религии; большая роль, отводимая искусству и красоте.

Есть сходные черты и в психофизиологических особенностях писателей, особенно в их постоянной тяге к женщинам, в их влюбчивости, причём влюбчивости до самой старости: широко известны поэтический и «платонический» роман Тургенева и М. Г. Савиной, начавшийся в 1879 г. и продолжавшийся почти до кончины писателя в 1883 г., и пылкая влюбленность стареющего Гёте: 74-летний поэт страстно увлекся 17-летней Ульрикой фон Левецов и даже надеялся на брачные узы, но годичная отсрочка свадьбы, которую потребовали родные невесты, обидела Гёте, он воспринял её как отказ.

Оба писателя понимали любовь как могучую природную, иррациональную силу, захватывающую человека. Почти всё творчество Тургенева посвящено этой теме; наиболее явно она присутствует в повести «Переписка» (1854): «Любовь даже вовсе не чувство; она — болезнь, известное состояние души и тела; она не развивается постепенно; [...] обыкновенно она овладевает человеком без спроса, внезапно, против его воли, — ни дать ни взять холера или лихорадка».[3] Да и Гёте, при всём богатстве его магистральных тем, изобразил силу всепоглощающей любви в «Страданиях юного Вертера» и «Фаусте». Типично тургеневский

образ демонической женщины, обретающей власть над сердцем и волею героя («Переписка», «Вешние воды»), имеет аналогию, хотя и редкую, и в наследии Гёте: в драме «Гец фон Берлихинген» изображена коварная Адельгейда фон Вальдорф, покоряющая благородного Вейслингена.

Всё-таки сам Гете вряд ли мог так грандиозно увлечься, чтобы покориться власти любимой, а Тургенев мог. Ведь фактически почти вся его сознательная жизнь протекала под властью Полины Виардо. А она, при любви к нему, всё же не порывала с мужем, оставалась в своей семье, и Тургенев много лет был как бы «третьим лишним», гостем (лишь в последние годы его жизни это «приживание» ослабело). Несомненно, для гордого Гёте подобное было бы абсолютно невозможно. Здесь видно значительное различие в психологии и характерологии.

При всей утончённости Гёте и Тургенева притягивали к себе простолюдинки, которые и дали писателям потомство. У Тургенева связь с белошвейкой Авдотьей Ивановой, работавшей при его матери, была относительно мимолётной (начало сороковых годов), зато Гёте полюбил Христиану Вальпиус всерьёз: сближение произошло в 1788 г., а в 1806 г. он официально оформил брак. Именно эта женщина послужила прототипом образа возлюблённой в замечательном стихотворном цикле Гёте «Римские элегии», столь восхищавшем Тургенева (см. его письмо к Т. Н. Грановскому от 4 декабря 1839 г.).

«Римские элегии» с их мажорной чувственностью, наверное, покоряли Тургенева, помимо других причин, и немецкой раскованностью и полной невозможностью русских аналогий. Ведь в немецкой культуре обращение к физиологии, в том числе и в эротическом

плане, было значительно менее запретно для художественного воплощения, чем в русской (впрочем, в России широко распространялись непечатные эротические тексты, вспомним хотя бы поэмы юных Пушкина и Лермонтова). Например, строка из V Римской элегии, где лирический герой проводит рукой вниз по бедрам любимой («Die Hand leite die Hüften hinab»), конечно, немыслима была в классической русской поэзии XIX в. Как немыслимо было бы и сочетание чувственности с рационалистичностью — в той же V элегии повествуется, как любимая засыпает в объятиях героя, а он в это время сочиняет гекзаметры и отсчитывает ритм стихов, постукивая пальцами по её спине (Аполлон Григорьев ярился от этого отсчёта!).

В любовных чувствах и ситуациях у Гёте и Тургенева есть одна общая любопытная черта: ускользание от решительных шагов, когда они могут стеснить свободу личности (очевидно, этому сопутствовало и угасание любовных чувств). Гёте дважды «убегал» от своих пассий, даже в другие города: в 1772 г. он порвал отношения с милой девушкой Фредерикой Брион и уехал из Страсбурга, а в 1775 г. — с уже невестой (была помолвка!) Лили Шенеман и опять же покинул Франкфурт.

Тургенев в 1841–1843 гг. переживал «премухинский роман» (назван так по имению Бакуниных Премухино) с сестрой известного Михаила Бакунина Татьяной Александровной: экзальтированная романтическая девушка слишком теребила Тургенева, лишала его покоя, и свободолюбивый юноша ускользнул от этой любви. История, видимо, так ранила душу впечатлительного молодого человека, что он осмелился на поступок, не совсем достойный с этической точки зрения: в 1847 г. в рассказе «Татьяна Борисовна и её племян-

ник» вывел карикатурный образ «старой девы», пристающей с дружескими чувствами к студентам.

Вероятно, историй с побегами от любви в жизни Тургенева было несколько, ибо хорошо его знавший П. В. Анненков так характеризовал приятеля в своих воспоминаниях: «[…] стыдливый Дон-Жуан, готовый всегда убежать от затеянного им дела».[4]

Оба писателя совершали «побеги» не только из-за любовных историй. Известно неожиданное для всего веймарского двора и даже для близких людей тайное бегство министра Гёте в Италию в 1786 г. и затем вроде как разрешенное герцогом пребывание там в течение двух лет. И совсем уж непоседлив был Тургенев, всю свою жизнь колесивший по Европе (его путешествия можно рассматривать как расширенный вариант многодневных пеших походов охотника по Орловщине в молодые годы); он даже мог неожиданно покинуть на немецком курорте опекаемого В. Г. Белинского (1847) и укатить в Париж. Помимо других причин, передвижения в пространстве стимулировались кризисом, заторможенностью творческого процесса у художников, т.е. своеобразной остановкой развития во времени (как и, наоборот, пространственные ограничения у заключённых или больных, прикованных к постели, компенсируются мысленными «кинофильмами», «разверткой» прошлых или ожидаемых событий во времени). Пространственные ограничения компенсируются временем, а временные — пространством.

Любопытно, что оба писателя создали и художественные образы «бродяг»: у Гёте это прежде всего Вильгельм Мейстер («Годы странствий Вильгельма Мейстера»), у Тургенева особенно показателен Рудин, который не только бродяжничал, но и в кульминационный момент романа убежал от любовной развязки.

В связи с образом Вильгельма Мейстера стоит отметить характерную черту Гёте, видимо, отразившую не только его личное своеобразие, но и особенности германского менталитета: любовь к ремеслам, к практическому бытовому творчеству (ремесленническая деятельность обобщенно связывалась Гёте с социально-экономической свободой человека: ремесленник при любых политических бурях может свободно странствовать и находить себе работу). У писателя даже богатые и титулованные дворяне (например, в романе «Избирательное сродство») прекрасно разбираются в науке и её практическом применении, они знатоки в химии, математике, строительстве, садоводстве.

Во всём этом отразилась склонность самого Гёте к естественнонаучным занятиям (конечно, Тургенев здесь полная противоположность «немцу»: немыслимо представить, чтобы наш классик занимался химией, ботаникой, минералогией, физиологией и анатомией; Тургенев как охотник и деревенский житель хорошо разбирался в растениях и животных, но научные исследования в областях естествознания ему были чужды; следует отметить, что среди русских писателей есть любители естественнонаучной сферы, в первую очередь — кн. В. Ф. Одоевский и Н. П. Огарёв).

Вообще, пафос практической деятельности был чрезвычайно значим для Гёте. В первой части «Фауста» одна из заметных сцен — размышления героя над Библией, над евангельским стихом «В начале было Слово». Фауст начинает сомневаться в истинности этой фразы и заменять «Слово» другими понятиями: «Смысл», «Сила», пока не останавливается на окончательной формуле: «Im Anfang war die Tat», т.е. в начале было действие, деяние.

Сам Гёте был великий труженик (возникавшие иногда периоды опустошения, прострации — не в счёт) до последних своих дней. Тургенев же, проявляя исконные барские черты, был более экстенсивен, даже леноват. Людвиг Пич прямо заявлял в своих воспоминаниях: «[…]он был по природе ленив: в его крови глубоко жила “обломовщина”» (*Восп.*, 2, 265). Сказано резко, но частичная правда тут есть. Характерно, что в дореформенное время в произведениях Тургенева почти нет образов тружеников, разве что он ярко показал хозяйственного Хоря («Хорь и Калиныч»), которого сравнил, кстати сказать, в первой публикации с Гёте. И лишь образ Базарова («Отцы и дети») открыл редкую галерею тружеников; из них наиболее «гётевский» — образ культурного ремесленника Соломина в романе «Новь».

Практичный Гёте был эмпириком, «космических» философских абстракций не любил. Тургенев же и сам был философом, пусть и не состоявшимся, и в «Дворянском гнезде» вывел совсем другой, нежели Гёте, тип немецкого музыканта и поэта Лемма, который в главе XXII рассказывает Лаврецкому содержание вырисовывавшегося в душе романса: «Вы, звёзды, чистые звёзды […] Вы взираете одинаково на правых и на виновных… но одни невинные сердцем […] вас понимают, […] вас любят».[5] Однако поэтический талант Гёте приводил его к обобщающим прозрениям, иногда гениальным (например, мысль о происхождении черепа из верхнего позвонка).

Деятельный характер проявлял Гёте и в любовной сфере. Он и сам был мужественным и активным и в таком же духе воплощал свой идеал в творчестве. В IV Римской элегии повествуется, что женская натура издевается (necket) над дремлющим (schlummernde)

кавалером, но охотно покоряется лишь скорому на действие мужчине (Gern ergiebt sie sich nur den raschen thätigen Manne...). Опять на первое место выдвигается действие, die Tat.

А Тургенев был женствен и робок. П. В. Анненков откровенно признавался: «Для торжества при столкновениях страсти ему недоставало наглости, безумства, ослепления» (*Восп.*, 1, 108). В 1851 г. Тургеневы (Иван и его брат Николай) приютили в своём доме кузину Е. А. Хрущёву, молодую, красивую, умную вдову. Посещавший Тургенева В. П. Боткин, известный ловелас, быстро соблазнил постоялицу, связь открылась. Хрущёва со скандалом была изгнана, а Тургенев с несвойственной ему страстной яростью стал обзывать родственницу неприличными словами и изображать её чуть ли не проституткой. Я убежден, что всё это объяснялось возраставшей любовью писателя к кузине, но он медлил с «действием», а Боткин пришёл — увидел — победил, и это не могло не потрясти оставшегося с носом.

Гёте, по натуре склонный к гармонии, порядку, спокойно-величественному состоянию, считал, что и в любви возможна гармония (в «Избирательном сродстве» он даже подвёл под эту идею «химическую» базу: подобно химическим веществам, имеющим соответствующие «пары» для благополучного слияния воедино, и люди должны искать сродных напарников для совместной гармонической жизни), хотя и понимал, что в сложном мире всё обстоит совсем непросто, и чаще возможны драматические коллизии, чем тихое равновесие. А Тургенев в глубинных основах жизни видел трагические неурядицы: самой большой трагедией для него всегда была серьезная и глубокая любовь. Поэтому общение человека с человеком или человека

с природой для нашего писателя изначально было драматичным.

Поэтому же оба писателя, хорошо понимавшие трагическую неустроенность реальной жизни, так часто прибегали к тяжёлым развязкам своих сюжетов: самоубийства, убийства, смерть от страдания и истощения… Несмотря на довольно равнодушное отношение к религии, оба они останавливались на идее монастыря как врачующего мирские страдания. Гёте подводил к монастырю героиню «Избирательного сродства» Оттилию, и лишь её ранняя смерть помешала такому исходу, а тургеневская Лиза («Дворянское гнездо») твёрдо решила пойти по этому пути. Характерно, что главной причиной, побудившей героинь избрать монастырский путь, были драматические препятствия, мешавшие гармоническому слиянию любящих сердец.

Вообще, в любовной сфере, в понимании любви и в её переживании, вероятно, можно найти больше всего сближений у Гёте и Тургенева.

---

[1] *Schulz K.* Das Goethebild Turgenevs. Bern, 1952.

[2] См., например: *Тиме Г.* Немецкая литературно-философская мысль XVIII–XIX веков в контексте творчества И. С. Тургенева (генетические и типологические аспекты). München, 1997.

[3] *Тургенев И. С.* Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. 2 изд., испр. и доп. Соч.: В 12 т. М., 1980. Т. 5. С. 47.

[4] И. С. Тургенев в воспоминаниях современников: В 2 т. М., 1969. Т. 1. С. 107 (далее в тексте *Восп.*, с указанием тома и страницы).

[5] *Тургенев И. С.* Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. Соч. М., 1981. Т. 6. С. 69.

В. А. Лукина

Еще раз о наследстве Николая Тургенева

(Дополнение к Полному собранию сочинений и писем И. С. Тургенева в 30 томах)[1]

Когда в феврале 1879 года, после скоропостижной смерти старшего брата Николая, умершего 7 января от отека легких у себя дома в с. Тургеневе, И. С. Тургенев собрался отправиться в Россию по делам наследства, его ожидали несколько неприятных известий. Не только родовое отцовское имение, но и практически все недвижимое имущество, включая московский дом, отходили к родственникам покойной жены брата — членам семьи П. К. Маляревского, женатого на племяннице жены брата — Н. А. Маляревской, урожд. Федоровой. На протяжении целого ряда лет он исполнял обязанности управляющего и поверенного Н. С. Тургенева и был, после смерти жены Анны Яковлевны, урожденной Шварц, последовавшей в 1872 году, самым близким ему человеком. К тому же, сумма в 100 000 руб., на которую небезосновательно «рассчитывал» писатель, находившийся в стесненных обстоятельствах в связи с разорением семьи дочери, оказалась урезана почти вдвое и составила лишь 55 000.

С текстом последнего завещания брата, оформленного им за год с небольшим до смерти — 14 ноября 1877 года, Тургенев впервые ознакомился накануне своего отъезда из Парижа. Нотариально заверенную копию ему 25 января 1879 года предусмотрительно выслал П. К. Маляревский, являвшийся душеприказчиком усопшего. К своему письму (РГАЛИ. Ф. 509. Оп. 1. № 114)[2] он также приложил заверенные копии двух подготовленных к тому времени описей имущества, оставшегося после смерти

Н. С. Тургенева, — в его доме в с. Тургеневе (копия ныне хранится в Орловском государственном литературном музее И. С. Тургенева — ОГЛМТ) и в доме на Пречистенке в Москве (текст ее неизвестен).

На момент подписания завещания в 1877 году общая сумма наличного и долгового капитала Н. С. Тургенева исчислялась 502 000 руб. (причем наличный капитал составлял только десятую часть от этой суммы), из них более 320 000 доставались супругам Маляревским. Не были обойдены и другие родственники жены Николая Сергеевича А. Я. Тургеневой: ее родной сестре Ю. Я. Федоровой (матери Н. А. Маляревской) выделялось 19 500 руб., брату Е. Я. Шварцу и его детям — 50 000, столько же предназначалось еще одной родственнице усопшей жены — Е. И. Шварц и ее дочерям.

Брату по завещанию 1877 года Н. С. Тургенев оставлял, как уже упоминалось, 55 000 руб., из которых только 22 200 наличными. Оставшуюся же часть представляли собой долговые обязательства: 22 800 руб. по контракту на рубку леса с чернским купцом А. В. Чедаевым и 10 000 руб. по долговому векселю С. О. Бородаевского. В завещании Тургенев был упомянут первым, в нем говорилось: «…предоставляю после смерти моей получить в полную собственность: а) коллежскому секретарю Ивану Сергеевичу Тургеневу наличного капитала двадцать две тысячи двести рублей, еще по контракту на рубку леса в селе Сомове, заключенному с купцом Чедаевым, двадцать две тысячи восемьсот рублей и вексель Бородаевского на десять тысяч рублей, всего пятьдесят пять тысяч рублей <…>».[3]

К 7 января 1879 года, однако, состояние Н. С. Тургенева немного увеличилось, довольно существенно изменилось также соотношение наличного и долгового капитала, прежде всего за счет частичного пога-

шения долговых обязательств. Кроме того, обнаружилось имущество, относительно которого в завещании не было оставлено никаких распоряжений. Таким образом, возросла и общая сумма, причитавшаяся в итоге И. С. Тургеневу, хотя и весьма незначительно. Обо всех изменениях ему подробно поведал Маляревский в упомянутом выше письме от 25 января 1879 года, где привел предварительный тщательный расчет всего имущества, оставшегося после смерти «дяди», а также той части, которая предназначалась писателю и на которой хотелось бы остановиться подробнее.

Резюмируя в конце своего письма вновь возникшие изменения, Маляревский заключал:

Из всего вышепоясненного следует, что Вы получаете в наследство после Николая Сергеевича *состоятельных платежей*:

По духовной наличного и долгового капитала	57 340 р.	76
Помимо духовной Ваши расписки на	15 000	00
Выкупной ссуды сельца Долгого Мцен. уезда пример.	5 660	24
ВСЕГО — 78 001 р.[4]		

О чем же шла речь? Во-первых, изменилась общая стоимость 10-летнего контракта с Чедаевым — он был заключен П. К. Маляревским (как доверенным лицом Н. С. Тургенева) 22 декабря 1875 года на сумму в 28 500 руб. (с ежегодным платежом 10 января) и после выплат за 1876 и 1877 годы внесен в завещание с обозначенной стоимостью в 22 800, которая — согласно расчетам Маляревского — понизилась еще на 2850 руб., уплаченных Чедаевым за 1878 год, и составила 19 950. На те же 2850 руб. увеличивался, соответственно, наличный капитал, отходивший по наследству И. С. Тургеневу.

Некоторое недоразумение в расчетах по этому контракту возникло из-за выплат за 1879 год. Перво-

начально Маляревский сообщил писателю о том, что ввиду смерти Н. С. Тургенева Чедаев, «по слухам», произвел платеж в Тульский окружной суд, откуда его и предстояло истребовать Тургеневу после вступления в наследство. На деле же выяснилось, что деньги за 1879 год Чедаев внес ранее установленного срока — еще в ноябре 1878 года, чтобы после первого снега иметь возможность как можно раньше начать вывозить заготовленный лес. Для взыскания этих 2850 руб. с Маляревского в мае 1879 года Тургенев заключил договор с адвокатом Н. П. Черносвитовым.[5] Тем не менее дело было урегулировано в досудебном порядке, после того как в мае Маляревский произвел перерасчет по контракту Чедаева, в результате которого долговой капитал по нему упал до 17 100, а Тургеневу причитались дополнительные 2850 наличными (т.е. в общей сложности 5700), а также проценты в 48 руб. 68 ½ коп. с недополученного капитала (за 4 месяца и 3 дня, прошедшие со смерти Н. С. Тургенева до перерасчета).

Во-вторых, вексель С. О. Бородаевского был заменен закладной на ту же сумму в 10 000 руб. со сроком платежа 10 февраля. По этой закладной он мог в течение 9 последующих лет 10 декабря каждого года, т.е. за два месяца до установленного срока, просить отсрочку на год, предварительно оплатив проценты. Поскольку по договоренности с Н. С. Тургеневым за 1879 год необходимая сумма уже была внесена, то следующий срок погашения наступал только 10 февраля 1880 года; в случае отказа в отсрочке и неуплаты платежа предполагалась неустойка в 3000 руб. Маляревский выступил с предложением обменять закладную на чистый капитал, на что писатель впоследствии согласился.

Следует прибавить, что Тургеневу как единственному прямому наследнику отошли несколько денежных

документов, не зафиксированных в завещании: это четыре векселя Огаревой[6] на общую сумму 2632 руб., оформленные еще на имя А. Я. Тургеневой, а также вексель некоего Рейнштейна на 24 руб. Однако уже в своем письме Маляревский признал все эти бумаги «совершенно безнадежными». Первые — «по бедности Огаревой»: «По ним я и адвокаты пробовали вчинять иск, но убедились, что в результате будет только трата на гербовую бумагу. — Их теперь 4, а было 5; — с одним из них, раз, я, как с подарком от Николая Сергеевича крестнице его, внучке Огаревой, ездил — но и от них даже не привез обычной благодарности». Вексель же Рейнштейна не только не был «протестован», но и место жительства должника оставалось неизвестным.[7] Поэтому данные документы при подсчетах Маляревским не учитывались.

В-третьих, на 21 364 руб. 79 коп. увеличилась общая сумма наличного капитала Н. С. Тургенева — из них на долю И. С. Тургенева после пропорционального раздела между сонаследниками пришлось 2340,76. Таким образом, на 25 января 1879 года итоговая сумма в этой части, по подсчетам Маляревского, достигла 27 390 руб. 76 коп.

К долговому капиталу, отходящему в пользу писателя, не забыл Маляревский приплюсовать и две собственные расписки Тургенева на общую сумму в 15 000 руб. Обе они упомянуты в Описи имущества, оставшегося после смерти Н. С. Тургенева в с. Тургеневе,[8] и ранее считались утраченными, однако были недавно обнаружены С. А. Ипатовой в Отделе письменных источников Государственного исторического музея (ОПИ ГИМ) в Москве вместе с доверенностью Тургенева на имя Н. А. Щепкина от 17 (29) января 1879 года[9] и упоминавшимся выше договором с Н. П. Черносвитовым.

Первая относится к 1875 году, когда в связи с покупкой дачи в Буживале и планируемым строительством там шале писатель обратился к брату с просьбой одолжить ему, «разумеется, не иначе как по годовому векселю и за проценты» 10 000 руб. серебром. «Если можешь, — писал он 25 января (6 февраля), — ты меня весьма обяжешь — а я, разумеется, тебе через год всё возвращу. В случае твоего согласия прошу сделать это не мешкая — и выслать мне бумагу векселя (т.е. бланк) вместе с текстом. <…> Не церемонься, пожалуйста, брать с меня вексель и проценты: этим ты все-таки мне окажешь истинно братскую услугу».[10] Николай Сергеевич в скором времени откликнулся, за что писатель благодарил его 5 (17) февраля, повторяя просьбу поторопиться с высылкой вексельного бланка.[11] Условия займа (годовой вексель под 9 %) были предложены самим И. С. Тургеневым, рассчитывавшим расплатиться в течение года. 18 февраля (2 марта) деньги (за вычетом процентов) были получены, о чем Тургенев в тот же день известил брата: «Душевно благодарю тебя за твою истинно братскую услугу. Вексель мною от Ахенбаха сегодня же получен — и уже деньги от Ротшильда поступили сполна. Прилагаю при сем расписку».[12] Приводим текст данной расписки, ранее считавшийся неизвестным и потому не включенный в раздел «Официальные письма и деловые бумаги» в соответствующем томе Полного собрания сочинений и писем Тургенева в 30 томах:

1
РАСПИСКА Н. С. ТУРГЕНЕВУ

18 февраля (2 марта) 1875 года. Париж

Я, нижеподписавшийся, сим свидетельствую, что занял у брата моего надворного советника Ник<олая> Сергеевича

Тургенева сумму в десять ты<сяч> (10 000) рублей серебром сроком по 15-е февр<аля> 1876-го года, которую обязываюсь уплатить в самый этот срок.

Коллежский секретарь Иван Сергеев Т<ургенев>.

Париж.

18-го февраля 1875-го года.[13]

Однако в феврале 1876 года финансовое положение писателя, еще более поколебленное в результате мошеннических действий его управляющего Н. А. Кишинского, не позволило ему, по всей видимости, в годовой срок рассчитаться по векселю. Тем не менее проценты по долгу были им выплачены: просьбу о выделении брату 900 руб. (что составляло 9 % от 10 000) он направил Кишинскому еще 18 (30) ноября 1875 года.[14] В начале 1876 года Тургенев, очевидно, обратился к брату за отсрочкой долга еще на год и одновременно просил дополнительно ссудить ему 5000 руб. Хотя переписка по этому поводу неизвестна, данный факт подтверждается «простой распиской» от 3 (15) февраля 1876 года, текст которой впервые приводим ниже:

2
РАСПИСКА Н. С. ТУРГЕНЕВУ

3 (15) февраля 1876 года. Париж

Я, нижеподписавшийся, сим свидетельствую, что занял у брата моего надворного советника Николая Сергеевича Тургенева пять тысяч (5000) рублей серебром, которые обязываюсь возвратить ему при первом востребовании.

Коллежский секретарь Иван Тургенев.

Париж.

50, Rue de Douai.

15/3-го февраля 1876.[15]

Кроме того, Тургеневу как единственному прямому наследнику отходило село Долгое — Долгий Колодезь, Никуличи[16] тож, Мценского уезда Орловской губернии (располагавшееся в 56 верстах от Мценска между Ливенским и Орловско-Новосильским трактами), насчет которого не было оставлено никакого завещательного распоряжения. Отсутствие упоминания о Долгом было, по всей видимости, обусловлено тем, что на него не удавалось оформить надлежащие документы. «Еще, помимо духовной и ни в какой описи не значащееся, переходит к Вам, говоря языком закона, *населенное имение Мценского уезда сельцо Долгое,* — писал по этому поводу Маляревский, — а попросту неполученная выкупная сумма, за вычетом из которой долга в Опекунский совет (т.е. Московскую сохранную казну. — *В.Л.*), очищается в пользу Вашу около 7000 руб. Выдача ссуды отказана в ноябре 1878 по той причине, что Долгое состоит в не размежеванной между совладельцами даче, хотя они и владеют *особняками*. За долг Опекунскому совету из этих 7000 руб. бежит начету по 82[17] коп. в день. — Если знать да уметь, как за дело взяться, можно кончить к зиме 1879 г. Об этих-то деньгах я и намеревался хлопотать в Петербур<ге>».[18]

Еще в декабре 1878 года Маляревский отправился в столицу, чтобы форсировать завершение выкупного дела по Долгому,[19] переданного в Главное выкупное учреждение орловским губернатором, генералом-майором К. Н. Боборыкиным, в октябре 1877 года. Этим делом Маляревский активно занимался с 1874 года. Доверенность на ведение выкупных сделок по четырем орловским имениям Н. С. Тургенева — в Мценском (село Сомово, Павлищево тож, деревня Оптушка Алексеевка, Горбунцово тож, и Долгое) и Малоархангельском (сельцо Столбецкое) уездах — была оформлена на его имя в Москве 23 октября 1875 года.[20]

Дело об обязательном выкупе земельного крестьянского надела в Долгом было открыто по требованию Московской сохранной казны от 7 марта 1874 года (№ 3670) «за просрочку уплаты долга оной, переведенного на землю крестьянского надела».[21] Как разъяснялось в полученной позже оттуда справке, 30 сентября 1854 года под залог земли, отведенной в надел должанским крестьянам, Н. С. Тургеневым была оформлена ссуда в 11 040 руб., и на 1 августа 1874 года за ним числилось 7941 руб. 5 коп. долга, в том числе капитала 7186 руб. 85 коп. и 754 руб. 20 коп. процентов, «сверх того на снятие с имения запрещения 1 р. 57 к.». Помимо этого, с 1 августа 1874 года на долговую сумму по займу за каждые сутки начислялись проценты в 89 коп.[22] (именно об этом «начете» предупреждал впоследствии И. С. Тургенева Маляревский).[23]

В «выкупном объявлении», которое, согласно установленным правилам, 10 ноября 1875 года Маляревский подал в Орловское губернское присутствие по крестьянским делам, говорилось: «Вследствие требования Московской сохранной казны и согласно 35 ст. о выкупе с дополнительными к оной правилами, я, на основании доверенности, представляю на обязательный выкуп временнообязанным доверителя моего г. Тургенева крестьянам села Долгого, Долгий Колодезь, Никуличи тож, отведенный им надел земли <…>».[24] Далее по пунктам были предоставлены все необходимые сведения о Долгом.

Так, Маляревский сообщал, что «имение это дошло доверителю моему г. Тургеневу по наследству по смерти матери его, помещицы полковницы Варвары Петровной Тургеневой, и по разделу с родным братом его, коллежским секретарем Иваном Сергеевичем Тургеневым, совершенному в Орловской гражданской палате

8 марта 1855 года, которым и введен во владение исправ<ляющим> долж<ность> судебного пристава Орловского окружного суда Лазаревичем 6 числа апреля 1873 года».[25] «По 10-й ревизии» в Долгом числилось 138 душ крестьян. Согласно уставной грамоте, утвержденной и введенной в действие 17 марта 1862 года мировым посредником 3-го участка Мценского уезда А. Н. Меньщиковым (Менщиковым), крестьянам в надел «за издельную повинность, исчисленную по грамоте», каковую они обязаны были отбывать в пользу владельца, было отдано 385 дес. 1327 с., а в случае перехода на оброчную повинность размер ее устанавливался в 1169 руб. 55 коп. в год. Здесь же упомянуто, что должанские крестьяне воспользовались этой возможностью и с 1 октября 1867 года перешли на оброк, «который взносят владельцу исправно».

Сообщал Маляревский и об изменениях в земельном наделе, произошедших по «добровольному условию», заключенному с крестьянами и утвержденному мценским съездом мировых посредников 10 марта 1864 года, в результате которого крестьянские земли были «разверстаны и приурочены к поселку, а также перенесено на новые места 17 крестьянских дворов на левую сторону реки Долгого Колодезя». В 1873 году были произведены необходимые для выкупа замеры, а 2 ноября составлен план к выкупному делу, по которому в найме у крестьян обнаружилось земли больше на 6 дес. 1098 с. (они были переданы Н. С. Тургеневым им в дар). Таким образом, на выкуп предоставлялось 392 дес. 25 с. удобной земли и дополнительно 10 дес. 305 с. неудобной («под улицами, прогонами, проселочными дорогами, оврагами, рытвинами, водотеками, полуводотеками и полуречкою Долгим Колодезем», также переданные безвозмездно) — всего 402 дес.

330 с.[26] К «объявлению» прилагался план выделенной крестьянам земли, с подробным перечислением всех прилегающих имений и их владельцев, среди которых М. М. Хрущов (ему к 1875 году принадлежала большая часть близлежащих земель), А. Н. Меньщиков, княжна М. А. Козловская, временнообязанные крестьяне графини Н. Д. Протасовой и др. В итоге размер выкупной ссуды за Долгое, которую запрашивал от правительства Маляревский, составил 15 594 руб.

Однако на пути к ее получению Маляревскому пришлось столкнуться с непреодолимым препятствием. Дело в том, что выделенный крестьянам надел хоть и находился в одном участке, но был «отведен в 2-х соединенных частях дач: Никулич с д. Покровскою и с. Никольского, Долгий Колодезь тож». Если в отношении первой части (с. Никуличи) размежевание было произведено в 1854 году, о чем имелись соответствующие документы, то с дачей в Никольском (а в ней находилась бóльшая часть предоставлявшегося крестьянам на выкуп надела — 337 дес. 1650 с.) дело оказалось сложнее: после генерального межевания она состояла «в общем владении участвующих в ней лиц»,[27] не была специально размежевана, более того — «содачники не изъявили согласия на выкуп крестьянами надела, предоставляемого помещиком Тургеневым».[28] Так, в ответ на запрос Губернского присутствия по крестьянским делам от 17 июня 1877 года непременный член мценского Присутствия пояснял: «…согласно требования оного (т.е. Губернского присутствия. — *В. Л.*) от 18 августа 1876 г. за № 2858 мною было сообщено поверенному помещика Николая Сергеевича Тургенева Маляревскому о доставлении доказательства о размежевании дачи с. Никольского, Долгий Колодезь тож, но он лично объяснил, что такового не было, и до сего времени сведений не предоставил».[29]

Между тем отсутствие документов о размежевании было единственным препятствием к завершению сделки. Принимая во внимание непрерывный рост задолженности перед Московской сохранной казной, дело было передано из Орла в Главное выкупное учреждение с просьбой пойти на уступку и разрешить выкуп крестьянского надела у Н. С. Тургенева, при этом оставшаяся после погашения долга сумма должна была поступить в Орловское губернское казначейство, где она бы продолжала храниться до окончания размежевания. На этом, однако, дело застопорилось.

Подвижки в нем наметились только после вступления в наследственные права И. С. Тургенева,[30] чему во многом способствовало новое положение, утвержденное 25 декабря 1879 года, по которому допускался выкуп крестьянского надела без размежевания. Дело было возвращено в Орловское губернское присутствие по крестьянским делам, которое поместило соответствующее объявление в Сенатских и Губернских ведомостях, чтобы известить совладельцев неразмежеванных дач и дать им время, «в случае надобности, просить подлежащее судебное место о наложении в установленный для того 6-месячный срок, ареста на просимую г. Тургеневым от Правительства ссуду».[31] По истечении указанного срока и оформлении всех бумаг, которыми занимался поверенный Тургенева Н. А. Щепкин, дело было повторно передано в Главное выкупное учреждение в Петербурге, и 18 августа 1880 года последнее, наконец, вынесло положительное решение.

Среди многочисленных бумаг, подтверждающих право на выкупную ссуду, нередко встречаются знакомые имена соседей Тургеневых по Мценскому уезду, в том числе А. Фета — в качестве мирового судьи 3-го участка подписавшего удостоверение на имя от-

ставного капитана-лейтенанта Владимира Васильевича Хитрово, исполнявшего в то время обязанности непременного члена Уездного присутствия по крестьянским делам в Мценске. Приведем этот небольшой документ целиком:

Мировой судья
Мценского уезда
3-го участка
Ноября 27 дня 1875 г.
№ 988

Господину непременному члену
Мценского уездного
по крестьянским делам
присутствия.

Вследствие отношения Вашего от 12 ноября за № 643, имею честь сообщить Вам, милостивый государь, что, как видно из производившихся у меня дел, на имении мценского помещика Николая Сергеевича Тургенева селе Долгом, Долгий Колодезь Никуличи тож, а равно и на нем лично никаких исков не состоит.

Подлинное подписал мировой судья А. Шеншин.
Верно непременный член В. Хитров.[32]

Примечательно, что за пару лет до этого, в 1873 году, именно часть Долгого Фет на пару со своим соседом отставным гвардии штабс-капитаном М. М. Хрущовым[33] едва не купил у Н. С. Тургенева, однако сделка не состоялась. В «Моих воспоминаниях» поэт красочно описал этот эпизод: «Замечательно, что, по почину одного из близких соседей Х — а, я решился пополам с последним купить землю Николая Сергеевича Тургенева и по этому поводу ездил в Москву, где на словах сошелся по всем подробностям покупки. К назначенному дню для совершения купчей я выехал в Орел, куда приехал в то же время и поверенный Тургенева (А. Ф. Карцев. — *В. Л.*). При пересмотре взаимных ус-

ловий он вдруг ни с того, ни с сего заявил, что желает, вопреки прежнему условию, не сбавляя цены имению, оставить скот за собою, и когда я на это не согласился, то покупка расстроилась. Через несколько дней я узнал, что мой товарищ не стеснился возвышением требования и один купил все 600 десят. при селе "Долгом Колодце". Мог ли я в ту минуту знать, до какой степени судьба заботилась при расстройстве этой покупки о моей свободе при моем стремлении на юг».[34]

Очевидно, переговоры о покупке земли в Долгом начались осенью 1872 года. В бумагах поэта уцелело несколько писем к нему Н. С. Тургенева, раскрывающих новые подробности этой истории.

1

5 ноября 1872 года. Москва

5-го ноября 1872 года.
Воскресенье. Москва.
На Пречистенке в соб. д.

Милостивый государь Афанасий Афанасьевич,

Исполняя желание Ваше, спешу уведомить Вас, что я готов продать Вам должанскую землю, которой фигура, как Вы говорите, по растяжению своему, действительно представляет неудобства для *одноместного* хозяйства, но, будучи *разделена* и прирезана к даче Вашей, а в особенности соседа моего г. Хрущова (около Мишковского поля) — послужит капитальным образом к округлению Ваших владений.

Цена, назначаемая Вами за десятину, давно вошла в норму по всему тамошнему околотку, а доброкачественность грунта Вам хорошо известна, — (но я позволю себе обратить Ваше внимание на то, что при должанском хозяйстве главную рельефную сторону составляют каменные риги и моло-

тильный сарай, снабженный молотильной и веяльной машинами с конными приводами), — постройка каковых в нашей *безлесной* и *бескаменной* местности, — придает ценности имению. Незначительная, впрочем, желаемая мною прибавка к назначенной Вами цене не будет, надеюсь, препятствием к совершению торга, и я уверен, что мы сойдемся в этой безделице в два слова, равно как и в других мелочных оговорках, которые оставляю до свидания в Москве. — Я, признаюсь, очень буду рад услужить Вам продажею моего имения, — которое по сказанному мною приурочению к Вашим дачам действительно представит Вам и г. Хрущову существенную пользу.

Брат был у меня летом, а теперь вернулся в Париж (Rue de Douai, 48, ch<e>z Mme Viardot*) — и на днях писал ко мне, что, может быть, приедет в декабре в Петербург, — но я этому не очень верю.

В ожидании удовольствия видеться с Вами в Москве прошу засвидетельствовать мое почтение супруге Вашей и верить в чувство совершенного уважения

Вашего покорного слуги
и всегда готового на услуги
Н. С. Тургенева.[35]

О намерении Фета купить Долгое Н. С. Тургенев, по-видимому, сообщил брату, который сразу же откликнулся на это известие в письме к поэту от 29 ноября (11 декабря) 1872 года: «Правда ли, что Вы собираетесь купить у моего брата Долгое?».[36] Тем временем в преддверии поездки в Москву, намеченной на середину декабря, Фет успел обменяться еще несколькими письмами с Н. С. Тургеневым, в надежде добиться более выгодных условий будущей покупки.

---

*улица Дуэ, у госпожи Виардо (*франц.*)

2

29 ноября 1872 года. Москва

29-го ноября 1872.
Среда. Москва.
Пречистенка соб. д. № 20-й.

Милостивый государь Афанасий Афанасьевич,

На письмо Ваше от 27-го ч<исла> с<его> м<есяца> спешу отвечать, — что я готов на уступку 500 р. сер. из объявленной мною цены за имение — г. Иосту, единственно из желанья услужить Вам и кончить дело в два слова. Причем считаю нужным — предложить Вам купить у меня Алексеевский хутор, — отстоящий от Долгого всего в шестиверстовом расстоянии. При хуторе 200 десятин совершенно — особняком, отличной земли, а при гумне и лесов. Дача круглая и удобная для устройства фермы.

Так как хуторская земля однокачественна с должанской, — то и цена за десятину одинакова. Я вперед уверен, что Вы не ошибетесь, решившись купить хутор, который, повторяю, — очень удобен для отдельного небольшого хозяйства. Во всяком случае, состоится ли у нас дело или нет, смею уверить Вас, что мне всегда будет приятно видеть Вас у себя.

В ожидании видеться с Вами 15-го декабря, прошу Вас принять уверение в совершенном моем почтении.

Ваш покорный слуга
Н. С. Тургенев.[37]

Очевидно, намеченная на декабрь личная встреча состоялась и сторонам даже удалось договориться, однако далее сделка затормозилась из-за бюрократических проволочек, связанных с оформлением документов о введении Н. С. Тургенева во владение Долгим,

которое было получено им в наследство после смерти матери. Так, 21 февраля (5 марта) 1873 года И. С. Тургенев писал брату: «Я получил от Фета письмо на днях; он все жалуется, что никак не может покончить с покупкой Долгого».[38] Хотя упоминаемое писателем письмо Фета неизвестно, но и в следующем своем письме к нему от 5 (17) марта поэт сетовал, что «покупка Долгого как мокрое горит. Документы не в порядке, а мне огромный убыток».[39] Третье и последнее из сохранившихся писем Н. С. Тургенева к Фету дает представление о том, чем была вызвана задержка.

3

11 февраля 1873 года. Москва

11-го февраля 1873.
Москва. Утро. 10 час.

Милостивый государь Афанасий Афанасьевич,

Письмо Ваше от 9-го числа я только что получил и тотчас же отвечаю. По обещанию моему непременно быть у Вас в Москве, я снова не сдержал, потому что управляющий мой опоздал приехать, а главное никаких положительных сведений о ходе дел в Орле не привез. — Вчера только поверенный его в Орле пишет, что дело о вводе во владение было действительно заслушано 31-го минувшего месяца, но не состоялось за недоставлением каких-то документов; — но каких именно — поверенный от секретаря узнать не мог, что вынуждает г. Карцева ехать в Орел в среду на будущей неделе.

Что же касается до овса — то потребное количество такового — сыромолотного для обсеменения яровых полей будет Вам представлено — не позднее первой недели великого поста, к какому времени г. Карцев непременно будет у Вас в деревне.

Я совершенно Вашего мнения об окружных судах — не дай Бог иметь с ними дела; — формальностям ничтожнейшего содержания конца нет. Спрашивается, в настоящем деле — все документы представлены были при прошении г. председателю — и видно оказывались достаточными, если приняты и назначен срок 31-го дня ввода во владение, — что такое теперь тормозит дело — Богу известно.

Надеюсь, что на первой неделе поста дело кончится, — если сатурналии пройдут благополучно, не переходя на первую неделю, что бывает.

Прося Вас не беспокоиться о семенном овсе, прошу Вас быть уверенным в чувстве уважения Вам готового на услуги

Н. С. Тургенева.[40]

Наконец 7 апреля 1873 года Н. С. Тургенев был введен во владение Долгим, но сделка все равно расстроилась. О причинах Фет откровенно поведал Тургеневу в одном из следующих писем (условно датируется серединой июня 1873 года): «Перехожу к прозе покупки Долгого. Дело у нас было уже слажено с осени с Николаем Сергеевичем на честном слове и очень просто: я плачу 85 руб. за наличную десятину. Цена, по безобразной фигуре имения и отсутствию усадьбы — громадная. Я покупал большую часть для своих *жеребят*. Такова была моя фантазия. Но тут втерся к весне приказчик, кажется из колена Левина, и в минуту совершения купчей, когда наши 55 тысяч были вынуты из помещений и приготовлены, вставил такие новые условия, — на которые я прямо сказал нет, и поверенный уехал, к немалой моей досаде в ту минуту и к великой радости в настоящем».[41]

Примечательно, что соседом по Долгому был еще один хороший знакомый Фета и двоюродный брат М. М. Хрущова — отставной капитан артиллерии Алек-

сандр Николаевич Меньщиков (ок. 1823–1884), в 1861–1867 годы мировой посредник 3-го участка Мценского уезда; в 1867 году вместе с Фетом баллотировался в мировые судьи Мценского уезда, но не прошел и в том же году был избран мировым судьей в Орле (исполнял свои обязанности до 1873 года).[42] Именно у Меньщикова в 1868 году Фет купил 1000 копен соломы, которую вынужден был перевозить из его части имения Долгое в Степановку, а «это не очень близко», как жаловался он В. П. Боткину.[43] Сохранились два письма Меньщикова из Долгого от августа 1868 года, обращенные к Фету как мировому судье (поскольку в ведении его участка находилась Долговская волость, к которой относилось Долгое) и свидетельствующие о некоторой напряженности в отношениях, возникшей после решения поэта избираться в мировые судьи.[44]

---

[1] Подробнее о содержании духовного завещания Н. С. Тургенева и перипетиях в связи с наследством см.: *Генералова Н. П., Лукина В. А.* Дело о духовном завещании Н. С. Тургенева (1879) // Тургеневский ежегодник 2015 года / Сост. и ред. Л. В. Дмитрюхина, Л. А. Балыкова. Орел, 2017. С. 23–48.

[2] Фрагменты опубликованы: *Генералова Н. П., Лукина В. А.* Дело о духовном завещании Н. С. Тургенева (1879). С. 24, 28–31, 37–41.

[3] РГБ. Ф. 306. Карт. 3. № 10. Л. 5.

[4] РГАЛИ. Ф. 509. Оп. 1. № 114. Л. 5 об.

[5] См.: *Тургенев И. С.* Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. Письма: В 18 т. М., 2018. Т. 16. Кн. 2. С. 186. № 45 (раздел «Официальные письма и деловые бумаги»). Далее ссылки на это издание сокращенно — *ПССиП (2). Письма*, с указанием номера тома и страницы.

[6] Очевидно, имеется в виду Юлия Михайловна Огарева (урожд. Арсеньева; 1805– ок. 1889), супруга И. М. Огарева (р. 1795), соседка Тургеневых и Толстых по Тульской губернии.

[7] РГАЛИ. Ф. 509. Оп. 1. № 114. Л. 5–5 об.

[8] ОГЛМТ. Инв. 253 оф. Л. 5. № 147, 148.

[9] См.: *ПССиП (2). Письма.* Т. 16. Кн. 2. С. 179–180.

[10] Там же. Т. 14. С. 18.

[11] Там же. С. 27.

[12] Там же. С. 34.
[13] ОПИ ГИМ. Ф. 83. Оп. 2. № 18. Л. 4.
[14] *ПССиП (2). Письма.* Т. 14. С. 178.
[15] ОПИ ГИМ. Ф. 83. Оп. 2. № 18. Л. 3.
[16] Отметим небольшую неточность, вкравшуюся по нашему недосмотру в изд.: *ПССиП (2). Письма*, где название этого имения дано как «Долгий Колодезь, Никулино тож» (Т. 16. Кн. 2. С. 369, 379).
[17] 82, по всей видимости, исправлено на 89.
[18] РГАЛИ. Ф. 509. Оп. 1. № 114. Л. 5 об.
[19] Документы по выкупному делу с. Долгое см.: РГИА. Ф. 577. Оп. 26. № 2341. За указание на них приношу глубокую благодарность С. А. Ипатовой.
[20] Текст доверенности см.: Там же. Л. 11–12.
[21] Там же. Л. 34.
[22] Там же. Л. 6.
[23] На 1 февраля 1878 года проценты по долгу возросли до 1923 руб. 45 коп., а за каждые сутки начислялось уже по 1 руб. 9 коп. (Там же. Л. 40 об.).
[24] Там же. Л. 8.
[25] Там же. Л. 8 об.
[26] Там же. Л. 8 об. — 9.
[27] В справке, выданной 20 ноября 1875 года посредником по размежеванию земель П. Н. Цуриковым, указывалось, что «дачи Мценского уезда 1-е сельца Никольского Долгий Колодезь, с количеством 2033 десятины 1036 сажен, на основании Высочайшего Указа 12 июля 1850 года оставлены в общем владении гг. владельцев этой дачи и 2-е дача сельца Никулич с количеством 1900 десятин 1997 сажен размежевана на 8 участков в прошлом 1854 году» (Там же. Л. 20). В справке же Орловского губернского межевого архива от 25 августа 1877 года указывалось, что «дача Мценского уезда с. Никольского, Долгий Колодезь тож, генерального межевания состоит в общем владении капитана Александра Иванова Шеншина с прочими, в коей удобной земли 1939 д<есятин> 1798 с<а>ж<ен>, неудобной 29 д<есятин> 836 с<а>ж<ен>, а всего 1969 д<есятин> 234 с<а>ж<ен>» (Там же. Л. 27).
[28] Там же. Л. 34 об.
[29] Там же. Л. 26–26 об.
[30] Решением Московского окружного суда от 17 августа 1879 года он был утвержден в правах на Долгое, а 4 марта 1880 года введен во владение.
[31] РГИА. Ф. 577. Оп. 26. № 2341. Л. 46 об.
[32] Там же. Л. 22.
[33] О М. М. Хрущове, которого Фет знал «еще лихим гвардейским корнетом» и которому посвятил четыре стихотворных послания, подробнее см.: *Фет А. А.* Соч. и письма: В 20 т. М.; СПб., 2015. Т. 5. Кн. 2. С. 391–392.
[34] *Фет А. А.* Мои воспоминания: В 2 ч. М., 1890. Ч. 2. С. 268.
[35] РГБ. Ф. 315. Карт. 12. № 7. Л. 1–2. Данное письмо позволяет уточнить срок начала переговоров о покупке Долгого, указанный в «Летописи жизни

А. А. Фета»: февраль — май 1873 года (см.: А. А. Фет: Проблемы изучения жизни и творчества. Курск, 1994. С. 319).

[36] *ПССиП (2). Письма.* Т. 12. С. 68.

[37] РГБ. Ф. 315. Карт. 12. № 7. Л. 3–3 об.

[38] *ПССиП (2). Письма.* Т. 12. С. 115. Не преминул он слегка укорить брата в завышенных требованиях и в письме от 17 (29) мая: «Продажа моего имения (имеется в виду Любовша. — *В. Л.*) оттого, вероятно, состоится, что она более выгодна для Шатилова, чем твоя для Фета» (Там же. С. 147).

[39] Переписка И. С. Тургенева: В 2 т. М., 1986. Т. 1. С. 451.

[40] РГБ. Ф. 315. Карт. 12. № 7. Л. 5–6 об.

[41] Переписка И. С. Тургенева. Т. 1. С. 453–454.

[42] Подробнее о нем см. в публикации И. А. Кузьминой: Письма И. П. Борисова и П. И. Борисова к Фету и М. П. Фет. Ч. 3: 1866–1868 // А. А. Фет: Материалы и исследования. СПб., 2018. Вып. 3. С. 505, примеч. 7.

[43] См. письмо к В. П. Боткину от 1 (13) ноября 1868 года: Переписка с В. П. Боткиным. 1857–1869 / Вступ. ст., публ. и коммент. Ю. П. Благоволиной // Лит. наследство. М., 2008. Т. 103. Кн. 1. С. 531.

[44] РГБ. Ф. 315. Карт. 9. № 20.

III

С. А. Батюто

К столетию выхода в свет в издательстве «Колос» книги П. А. Сорокина «Система социологии»

В 2020 г. исполняется 100 лет со времени появления первых двух томов труда крупнейшего русско-американского социолога П. А. Сорокина (1889–1968) «Система социологии», впервые увидевшего свет в петроградском кооперативном книгоиздательстве «Колос» под руководством Ф. И. Седенко-Витязева (1886–1938).

В 1903 г. Сорокин окончил Гамскую второклассную школу. Ему предстояла трехлетняя учеба в Хреновской учительской семинарии Костромской губ. В эти годы он примыкает к движению социалистов-революционеров. «Став ревностным социал-революционером, я принялся распространять революционные идеи среди студентов, рабочих и крестьян близлежащих деревень».[1]

В 1906 г. его впервые арестовали. Сорокин провел в заключении четыре месяца, после чего последовало освобождение «под гласный надзор полиции» и «автоматическое» отчисление из школы. Будучи исключенным из «церковно-учительской» школы, молодой человек не посещал гимназию, следовательно, у него отсутствовал аттестат зрелости. Оказавшись в Петер-

бурге и поставив цель поступить в университет, перед Сорокиным встала проблема сдать экстерном экзамены за все восемь классов гимназии. Однако он не знал латинский и древнегреческий, а также французский и немецкий языки (которым обучали в гимназии). Ему удалось реализовать возможность «бесплатно поступить на Черняевские курсы». Основатель курсов Черняев «был выходцем из Вологодской губернии и симпатизировал эсерам, а одним из преподавателей курсов являлся близкий друг Черняева К. Ф. Жаков, первый из Коми, получивший звание университетского профессора».[2] Дружба с последним послужила тому, что помимо сделавшегося реальным бесплатного обучения на курсах Сорокину представилась возможность познакомиться «с кругом философов, литераторов и людей искусства». На одном из литературных вечеров у все тех же Жаковых Сорокин познакомился со своей будущей женой — «юной и красивой студенткой Бестужевских высших женских курсов».[3] Молодой человек подрабатывал репетиторством, что давало возможность столоваться и жить в семьях его учеников.

В 1909 г. в Великом Устюге Сорокин сдал на все пятерки экзамен за гимназический курс, что открывало для него дорогу в университет. В этом же году он поступил в петербургский Психоневрологический институт (в то время располагался по адресу: Английский пр., 32 — в здании Вольной высшей школы и в арендованном помещении по адресу: Невский пр., 104), в котором преподавание, по мнению Сорокина, велось не хуже, чем в университете. Тогда в нем преподавали такие известные профессора, как Е. Де Роберти, М. М. Ковалевский, В. М. Бехтерев. Но весной 1910 г., после года обучения в Психоневрологическом институте, он всё же подал документы в Петербургский университет на юридиче-

ский факультет, где у него не только приняли документы, но и выделили ему стипендию за отличные оценки в аттестате зрелости и на экзаменах в институте. Как вспоминал Сорокин, «стипендии хватало не только на покрытие платы за обучение, но и на жизненные расходы».[4]

Сорокин участвовал в студенческом движении 1910-х гг., но, когда начались репрессии, ему удалось ненадолго уехать за границу и тем самым избежать участи многих — ссылки в отдаленные губернии. Он окончил университет в 1914 г. с дипломом первой степени и получил предложение остаться при кафедре для получения профессорского звания.

В том же 1914 г. Сорокин опубликовал свою первую монографию — «Преступление и кара, подвиг и награда: Социологический этюд об основных формах общественного поведения и морали», написанную во многом на основе полученного тюремного опыта. «С 1915 года молодой ученый преподавал в Психоневрологическом институте [...], в январе 1917 года был утвержден приват-доцентом Петроградского университета и готовился к защите магистерской диссертации. Вместе с К. М. Тахтаревым в 1916 году основал Русское социологическое общество имени М. М. Ковалевского».[5] В 1917 г. Сорокин редактировал эсеровские газеты «Дело народа» и «Воля народа», с середины лета — секретарь по вопросам науки министра-председателя Временного правительства А. Ф. Керенского. В том же году в издательстве социалистов-революционеров «Революционная мысль» увидели свет пять брошюр, автором которых был Сорокин: «Вечный мир и всемирное единение народов», «О свободах. Неотъемлемые права человека и гражданина», «Проблема социального равенства», «Что такое монархия и что такое республика?», «Что такое социализм?».

Отметим, что Февральскую революцию 1917 г. он приветствовал, Октябрьскую не принял. После октября Сорокин продолжал состоять членом партии социалистов-революционеров и активно выступал против большевиков. Будучи уроженцем с. Турья Яренского у. Вологодской губ., он был избран депутатом Учредительного собрания от Вологодской губ. по списку партии эсеров. Уже 2 января 1918 г. был арестован «за подготовку покушения на Ленина» и заключен в Петропавловскую крепость. 23 февраля 1918 г. освобожден.

На протяжении следующих месяцев 1918 г. он активно готовил восстание против большевиков в районе Великий Устюг — Котлас — Архангельск. 30 октября 1918 г. в Великом Устюге сдался ЧК. Чекисты собирались его расстрелять, но находчивый Сорокин попросил разрешения послать телеграмму В. И. Ленину с раскаянием. В газету Северо-Двинского губисполкома «Крестьянские и Рабочие Думы» им было направлено открытое письмо, в котором говорилось об его отказе от членства в партии эсеров и решении отойти от политической деятельности, в том числе о выходе из Учредительного собрания. В декабре Сорокин под конвоем был привезен в Москву и помилован.[6]

После освобождения Сорокин вернулся в Петроград в конце декабря 1918 г. Вместе с женой он поселился в квартире М. Н. Дармолатовой (8-я линия В. О., 31, кв. 5). Но уже весной 1920 г. Сорокины переселились в Детское Село (бывш. Царское Село). «В сельскохозяйственной академии в Царском Селе я и жена получили работу, две маленькие комнаты и клочок земли для палисадника. Здесь мы устроились гораздо удобнее, чем в Петрограде, — читаем в автобиографическом романе. — [...] я не стал регистрироваться в Царском Селе и жил там нелегально. Если за мной придут на кварти-

ру в Петрограде, я получу фору, будучи предупрежден друзьями, и скроюсь [...] В октябре 1920-го “ночные гости” пришли по моему петроградскому адресу и потребовали “товарища” Сорокина. Друзья правдиво отвечали, что я там больше не живу, и они не знают, где я. На вопрос, за что меня разыскивают, им ответили: “За бандитизм”».[7]

Как показывает сохранившееся в Российском государственном архиве литературы и искусства (РГАЛИ. Ф. 106 Ф. И. Витязев. Оп. 1. Ед. хр. 157. Л. 32–32 об.) письмо Сорокина Витязеву от 07.04.1920 г., в котором содержится приглашение посетить его с женой на Пасху, которая в том году отмечалась 11 апреля, и прилагается план следования к месту проживания Сорокиных по адресу: Детское Село, Федоровский городок, около Федоровского собора, семейный флигель, второй этаж, кв. 8; в нем также упоминается заключительный этап его работы над т. II «Системы социологии».[8]

В работе И. А. Голосенко «Питирим Сорокин: судьба и труды»[9] приводится фрагмент письма Витязева, адресованного Сорокину, без указания на его датировку (как нам кажется, вероятная датировка — после 11 июля 1918 г., времени создания книгоиздательства «Колос», в котором Витязев был председателем правления товарищества). Оно имеет прямое отношение к написанию и изданию работы Сорокина «Система социологии». В нём, в частности, говорилось: «В наших обстоятельствах откладывать что-либо на потом — просто глупо. Сегодня ты жив, завтра — мёртв. Лучше опубликовать нужную книгу даже с некоторыми дефектами, чем ждать неизвестно чего. Немедленно приступай к своей “Системе”, и я опубликую её».[10]

Как известно из авторского предисловия к т. I «Системы», Сорокин намеревался опубликовать ее позд-

нее, предполагал поездку за границу для работы в западных книгохранилищах и знакомства с положением преподавания социологии в университетах Европы и Америки. Но ввиду продолжающихся военных действий и крайне тяжелых обстоятельств жизни в России в 1919 г., когда писалась книга, многие черновые заметки, а также выписки и подготовительные материалы для «Системы» или погибли, или оказались вне Петрограда и не могли быть использованы: «[...] В обществе, где жизнь каждого из нас может оборваться в любую минуту, — от голода, от тифа, от произвола — в таком обществе не приходится строить научных планов, рассчитанных на годы; в таком обществе тщательная отделка работы становится неосуществимой роскошью, желание дать хорошо отработанный труд заменяется здесь желанием дать приличный черновик этого труда».[11] Как нетрудно заметить, приведенный фрагмент из предисловия Сорокина перекликается по духу с письмом Витязева к нему с мотивацией немедленно заняться написанием «Системы социологии».

Автор в своем предисловии отмечает, что социология «может и должна строиться по типу естественных наук. Различны объекты изучения тех и других дисциплин, но методы изучения этих объектов одни и те же. Ни о каком противоположении “наук о природе” и “наук о культуре” [...] не может быть и речи.

Во-вторых, социология может и должна быть наукой теоретической, изучающей мир людей таким, каков он есть. [...]

В-третьих, социология должна быть объективной дисциплиной [...]

В-четвёртых, поскольку социология хочет быть опытной и точной наукой, она должна прекратить “философствование” [...] она должна исходить из фактов [...]

В-пятых, разрыв с философствованием означает и разрыв с несчастной идеей “монизма” — незаконным детищем незаконного брака социологии с философией».[12]

Далее автор декларировал социологический плюрализм, эта авторская позиция последовательно проведена им в ряде глав данного и следующего, II т. и будет развернута в дальнейшем в «Социальной механике».

«Данный том посвящен аналитике простейшего социального явления, печатающийся второй том — аналитике сложного социального агрегата, каковым является население, как всего земного шара, так и отдельной его части. Первый том — подготовка ко второму, оба вместе являются прелюдией к следующему — главному — отделу социологии — к “Социальной механике” […]».[13]

В конце предисловия к т. I проставлены даты написания — «Петроград, февраль 1919, январь 1920 г.».

В предисловии к т. II автор отмечал:

«[…] Этот том имеет своим объектом анализ строения сложного социального агрегата, каковым является население как всего земного шара, так и отдельной населённой территории последнего. Там (в т. I. — *С. Б.*) пришлось изучать междуиндивидуальные отношения; здесь исследуются отношения междугрупповые. Там (в т. I. — *С. Б.*) я занимался “анатомией социальной клетки”; здесь — анатомией многоклеточного социального тела. Этим заданием продиктовано содержание II-го тома “Системы социологии”.

В первых главах очерчиваются общие основы социального расслоения населения на реальные коллективы, устанавливаются основные понятия и исходные принципы.

Следующие главы посвящены учению об элементарных группировках и характеристике важнейших из них.

Дальнейшие главы — учению о кумулятивных группах.

За ними идёт учение о сложных социальных агрегатах и их систематике.

Каждая последующая глава вытекает из предыдущей и логически связана с ней. Все вместе они составляют одно неразрывное целое, в котором одно звено нельзя разъединить от остальных. […]

[…] автор следовал одному основному императиву: *изучать сущее таким, каково оно есть, и говорить то, что ему кажется истинным,* не считаясь с тем, понравится ли эта истина кому-нибудь или не понравится, будет ли она “истиной приятной” или “неприятной”, “окрыляет ли она кого-нибудь” или “подрезает крылья”».[14]

Это предисловие также датировано: «Петроград, 1920. Март».[15]

В автобиографической книге «Дальняя дорога» Сорокин писал: «[…] история публикации этих томов близка к детективной»: его друзья, руководители издательства «Колос» и двух национализированных типографий (2-й и 10-й Государственных в Петрограде), «пошли на огромный риск. Они тайно осуществили набор книг, подделали разрешение цензуры, отпечатали тираж в 10 тысяч и быстро его распространили. Когда об этом узнали, последовало распоряжение о конфискации и привлечении к ответственности. По счастливой случайности […] этого удалось избежать».[16]

Спустя некоторое время в своем письме Витязеву от 16.06.1921 г. Сорокин сообщал: «Дорогой Ферапонт Иванович! Спасибо! Я сегодня от ряда лиц уже слышал о выходе II тома. Не влетим ли? Ваш *П. Сорокин*».[17]

На обороте — письмо написано на бланке издательства «Революционная мысль» — предшественника «Колоса» значится резолюция руководителя издатель-

ства «Колос» относительно авторского гонорара: «в счет этой работы по сто тысяч (100 000) рублей. Всего доброго. Крепко жму руку. Уважающий *П. Витязев*».[18]

Письмо Сорокина от 16.06.1921 г. вносит необходимые коррективы: второй том «Системы» появился не столь быстро, как можно было понять из текста книги «Дальняя дорога», — типографские работы были завершены в середине 1921 г.

Выход в свет монографии Сорокина «Система социологии» вызвала буквально шквал рецензий, причем рецензировались как тома по отдельности, так и вместе, а также заодно с работами других авторов. Разброс мнений в пристрастиях рецензентов прослеживался отчётливо: большинство рецензий носило отрицательный характер.

Одним из первых откликнулся Л. В. Алисов, значащийся в колосовских документах как литератор, член-пайщик товарищества.[19] Его рецензию опубликовал «Вестник литературы». В ней говорилось: методологический плюрализм, присущий автору, позволяет ему вести «свой тонкий, “бисерный” анализ. Рецензируемый том представляет лишь первую ступень поставленного автором грандиозного здания, рассчитанного, по меньшей мере, на восемь томов». «Но прекрасная эрудиция молодого профессора, — отмечалось далее в рецензии, — помогает ему, даже с некоторою расточительностью сил, искать ответов на множество вопросов, возникающих попутно с основным анализом человеческого взаимодействия. […] Читатель должен получить высокое удовлетворение, следя за красочными, относящимися к самым разнообразным областям жизни, фактами, приводимыми в качестве материала научного анализа. Наконец, в книге заключена богатая библиография современной социологической (и со-

предельной) литературы, с которой П. А. Сорокин оперирует умело и критически, не раз и не два давая бой самым разнообразным социологам и государствоведам, обвиняя их “в топтанье на месте”... и в одиозном ему, Сорокине, монизме (например, блестящая критика теорий возникновения коллективных единств...) [...] поскольку можно судить по первому тому — работа П. А. Сорокина обещает стать ценной, цельной и оригинальной *системой*, и не только для нас, русских, не избалованных за последние десятилетия самостоятельностью отечественных социологов. [...] За всеми промахами (к ним же надо отнести и корректурные дефекты) книга заслуживает самого широкого распространения, как проявление мысли, свободно, без указок, шаблонов и трафаретов ищущей истину».[20]

Уже в следующем номере «Вестника литературы» опубликована рецензия на т. I «Системы социологии», принадлежащая перу проф. Н. И. Кареева. В ней говорилось: «В новом своём труде он (П. А. Сорокин. — *С. Б.*) выступает как хороший знаток современной социологической литературы на разных языках, что также свидетельствует о его научной подготовке к совершению такого обширного замысла, каким является целая система одной из важнейших наук. [...] Позиция автора “Системы социологии” — последовательный плюрализм, т.е. обращение не к одному какому-нибудь началу, как исходному пункту, а принятие в расчёт сложности и многогранности общественных явлений, делающих невозможным, чтобы все замки социологии отпирались одним и тем же ключом».[21] Кареев всячески приветствует появление книги и с нетерпением ожидает выхода последующих томов.

Он же написал рецензию и на второй том «Системы социологии». Рецензент отмечает, что благодаря лю-

безности автора ему удалось познакомиться со вторым томом в корректуре.

«Всё, что было мною сказано в первой статье, приходится повторить и о настоящем томе. Автор и в нём является исследователем, не связанным старыми, мало научными традициями социологии, и хорошим знатоком современной социологической литературы. Для своих построений он постоянно расчищает почву критикою других построений, а знание того, что делается современными социологами, даёт ему возможность, пользуясь их работами, избегать однобокости, которая характеризует прежние системы.

Первый том был посвящён учению о строении простейшего социального явления, которое автор усматривает, — и совершенно правильно, — во взаимодействии, происходящем между индивидуумами; второй же том содержит в себе учение о строении сложных социальных агрегатов, причём П. А. Сорокин отказывается непосредственно оперировать такими неопределёнными, как он указывает, понятиями, каковы “общество”, “класс”, “нация”, но зато даёт целую классификацию социальных группировок более элементарных и неразложимых, в свою очередь складывающихся в более сложные, обозначаемые им как “кумулятивные”. Так, напр<имер>, социальный класс, — с его точки зрения, — совокупность лиц, схожих по профессии, имущественному положению и по объёму прав, к чему присоединяются и другие (не фундаментальные уже) сходства. С другой стороны, вместо общества, как реальной совокупности, автор берёт население с его расслоением на разные группы. Отмечаю, что разница в данном случае не только терминологическая.

В особую заслугу П. А. Сорокину следует поставить то, что некоторые постановки частных вопросов

отличаются у него новизною. И не мудрено: оба тома его книги представляют собою “социальную статику” (по терминологии Конта), которою до сих пор занимались неизмеримо меньше, чем “социальной динамикой” (по той же терминологии). И здесь автору действительно приходится вступать на новые пути».[22]

Явно негативной по духу оказалась рецензия Н. Рожкова, опубликованная на страницах исторического журнала «Дела и дни». Рецензент подвергает резкой критике именно плюралистический подход автора, данный им в работе «Система социологии». Более того, рецензент упрекает автора книги в поверхностном отношении к фактам, за отсутствие вдумчивого и глубокого их анализа. «Основные черты труда П. А. Сорокина не составляют его особенности: они общие ему с целым рядом социологических работ, которые выходят в большом количестве, главным образом в Америке: и там мы встречаем обычно и недостаток анализа конкретного, фактического материала, и “плюралистический” метод, и бедность и бессодержательность выводов. Это, таким образом, черты целой школы, целого направления в современной социологии. […] Конечно, перед нами лишь первый том “Системы социологии”. Быть может, следующие томы будут содержательнее и оригинальнее. Вышедший же том внушает опасение, что автору едва ли удастся построить социологию, как точную и опытную науку, или, по крайней мере, способствовать такому её построению в будущем. Этим не исключается, конечно, ни солидная начитанность автора, ни отдельные остроумные и верные его замечания, но метод — основа научных приобретений, и как бы способен ни был исследователь, — неправильный метод никогда не даст ему возможности сделать ценное общее построение».[23]

Другая рецензия, носившая негативный характер, принадлежала В. А. Мякотину, который писал: «За “Социальной аналитикой”, которой посвящены вышедшие уже в свет первые два тома, должно последовать изложение “Социальной механики”, “Социальной генетики” и, наконец, “Практической социологии”. Все эти работы в целом должны, по задаче автора, “дать цельное и законченное представление о социологии как науке”. […] Но в этих объёмистых книгах нет ясной, отчётливой мысли и нет подлинной научности, место которой заменяет лишь претензия на учёность. […] В действительности “анализ” автора не только очень далёк от метода естественных наук, но по большей части сводится к высказываниям и развитию весьма банальных трюизмов. […] Если прибавить к этому, что изложение автора переполнено сырым, мало проработанным и мало продуманным материалом и что автор страдает крайней многоречивостью, побуждающей его, в частности, беспрестанно повторять одни и те же мысли и аргументы, то читатель легко представит себе, что чтение книги П. А. Сорокина в свою очередь представляет собою немалый труд, едва ли притом сколько-нибудь окупаемый достигаемыми им результатами».[24]

М. Рейснер выступил на страницах журнала «Печать и революция», отметив, что «проф. Сорокин начинает с того, чем обыкновенно лишь кончают другие менее удачливые обществоведы: он даёт сразу “Систему” данной науки. […] выступает не только в качестве творца “Системы”. Он вместе с тем бесспорно реформатор. По крайней мере он объявляет себя таковым». Рецензент критикует Сорокина по разным «поводам»: так, ему кажется «поэтическим элементом термин “абонент” — для обозначения члена или участника того или иного коллективного единства»; указывает на «смехот-

ворные и фантастические классификации», встречающиеся у Сорокина. Далее рецензент останавливается на биологическом факторе «потребность питания». У Сорокина: сколько людей знакомятся и ссорятся за завтраком, обедом и ужином, посещая рестораны, кафе и т.д. Отсюда делается вывод о биологическом процессе размножения, который распадается на следующие факторы: половой, супружеский, родительский. На с. 160 следует такой пассаж: «Иногда задаёшь себе вопрос: “Да, полно, уж не страдает ли молодой учёный нервным расстройством и можно ли делать его ответственным за ту нелепость, которую он изложил в пресловутой “Системе”?»[25] Кажется, речь должно вести не только о неприятии сорокинской «Системы» автором рецензии: стиль рецензента напоминает улюлюканье и свист над неугодным лицом.

В «Книге и революции» появилась рецензия Ив. Боричевского на два вышедших издания: 1) Тахтарев К. М. Наука об общественной жизни, её явлениях, их соотношениях и закономерности. Опыт изучения общественной жизни и построения социологии. 2) Сорокин П. А. Система социологии. Т. 1. Социальная аналитика. Т. 2. Социальная аналитика. Что касается «Системы социологии», рецензент задаётся вопросом: обещано восемь томов, почему не восемнадцать и не двадцать восемь? «Было бы, конечно, совершенно тщётным предприятием пытаться в краткой статье исчерпать всё глубокомыслие этого многообъёмного профессорского творчества. Однако позволительно поставить вопрос: может ли оно дать миру что-либо новое по сравнению с изложенным выше достижением марксистской ортодоксии?» Рецензент потешается над взятыми из книги Сорокина примерами типа: «Понижение температуры в одном месте может заставить

людей стремиться к такому пункту, где эта температура была бы более благоприятной для человеческого организма. Сходное явление видим в мире животных, например, тараканов. Тёплая температура заставляет их скапливаться в кухне, около плиты, печки и т.п. (какая точность анализа! — *И. Б.*). Падение температуры заставляет их разбегаться и менять холодное место на тёплое» и т.д. в том же духе (т. I, с. 250). «Два увесистых тома на три четверти заполнены […] учёно-обывательской болтовнёй». «[…] Что до […] “Системы”, то он<а> являет собою весьма своеобразный и доселе неведомый российской литературе образчик многотомного научного фельетона, недурно описывающего ту анархию, которая царит в современной социологической мысли». На той же странице рецензии читается неприятие рецензентом сравнения П. А. Сорокина нынешней Советской России — «простая копия древних военных деспотий» («Система социологии», т. II, с. 133 прим.) или следующего рассуждения автора о свободе печати: «Писатели, учёные, поэты — чиновники государства. Критику заменяет донос. Оценку — решение комиссара печати» («Система социологии», т. II, с. 326).[26]

Что касается зарубежных изданий, парижские «Современные записки» поместили обширную рецензию проф. М. Лазерсона. Если предыдущие рецензии можно было охарактеризовать как положительные или негативные, то эта носила нейтральный характер. Рецензент пишет: «Автор прокладывает новые пути, от которых до сих пор уклонялись русские социологи. Эти последние шли до настоящего времени по трём тропам: 1) немецкой идеалистической философии истории всех её видов и периодов, 2) марксизма и 3) национально-русской “субъективно-критической” соци-

ологии. […] Социология, по Сорокину, должна во имя объективности выбросить всяческий психологический субъективизм и в основу положить явления “предметные”, допускающие точное наблюдение. […] автор старательно ограждает себя от философского и теоретико-познавательного подхода к социологии, в частности от всякого рода монизма, в том числе и исторического материализма с его единственным экономическим фактором. Автор определённо примыкает к последовательному социологическому плюрализму. […] В втором томе устанавливаются понятия 1) простого коллективного единства, как совокупности лиц, объединённых в одно взаимодействующее целое каким-либо одним признаком, не сводимым на другие признаки; 2) кумулятивного единства, как такой же совокупности лиц, связанных двумя и более сходными элементарными признаками и 3) сложного социального агрегата, как совокупности лиц, заключающей в себе два или большее число различных элементарных коллективных единств, или две или большее число различных кумулятивных групп, или и элементарные и кумулятивные единства […] Исходя из этих схем и понятий, Сорокин пытается “распластать” население на его естественные слои. При этом примат единого общества или государства исчезает у автора вопреки господствующему учению в социологии и государственности права. […] Элементарные группы, на которые расслаивается современное население культурных стран, подразделяется автором на 1) расовую, 2) половую, 3) возрастную, 4) по семейной принадлежности, 5) по государственной принадлежности, 6) языковую, 7) профессиональную, 8) имущественную, 9) объёмно-правовую, 10) территориальную, 11) религиозную, 12) партийную, 13) психо-идеологическую (sic! стр. 76, т. II). Пестроту эту

автор объясняет тем, что единственным основанием подразделения служит здесь принцип элементарности. Национальность и класс, критическому рассмотрению которых Сорокин посвящает особые параграфы, по содержанию весьма интересны, относятся, по автору, к кумулятивным группам. [...] Сорокин пытается дать собственную анатомо-морфологическую систематику сложных социальных агрегатов (с. 338 т. II). Заметим, однако, по поводу сорокинской систематики, что она была бы неотвратимо-убедительной лишь тогда, если самое разделение на кумулятивные группы, — класс, нацию и т.д. — основывалось бы на столь же явных признаках, на какие опирается морфология ботаники или зоологии. Но путь социальной аналитики указан Сорокиным, на наш взгляд, правильно. [...] Мы и в малой доле не исчерпали богатого содержания книг Сорокина, свидетельствующих своими примечаниями об обширнейшей начитанности автора. Скажем только, что в известном смысле они составляют событие в современном русском обществоведении. [...] В атмосфере "голода, тифа и произвола", в обстановке большевистского опыта, о котором, кстати, автор смело и резко отзывается в своих книгах, у русских обществоведов рождается мысль создать бесспорную объективную социологию. П. Сорокин — первый русский социолог, который, вобрав в себя всю современную, в особенности англо-саксонскую социологию, пытается освободить эту науку от всяких политических и этических предпосылок и "измов"».[27]

Наконец, кажется естественным сослаться на своего рода «авторецензию» П. А. Сорокина, где в обзорной форме автор останавливается и на своих работах. Сорокин пишет: «Два вышедших тома "Системы" — часть многотомного исследования по социологии, задуманно-

го и выполняемого автором. Это не учебник, не руководство, а именно исследование. [...] Социальные явления должны изучаться, как предметные явления, как вещи, данные во времени и в пространстве, а никак не как неуловимые, "психо-субъективные" состояния».[28]

Сорокин напоминает, что после выхода 1-го тома «Системы» он был избран профессором социологии Петроградского университета. В той же обзорной работе Сорокин указывает, что социология с начала революции в России была одним из покровительствуемых предметов и введена была не только в высших, но и в средних школах. Проблема заключалась в том, что нет преподавателей... Социология очень скоро впала в немилость, уже к 1921/22 учебному году она была изъята и заменена курсом «Развитие общественных форм» (по конструкции Лилиной, Бухарина и Богданова). Как отмечает П. А. Сорокин, этот курс считался «забронированным» и мог читаться только коммунистами.

«Система социологии» П. А. Сорокина была представлена на защиту магистерской диссертации. Отчёт о диспуте, состоявшемся 22 апреля 1922 г., помещён в журнале «Экономист».[29] Как следует из журнальной публикации, диспут под председательством проф. И. М. Гревса состоялся в Физической аудитории Петербургского университета. На диспуте были оглашены научные «заслуги» П. А. Сорокина: до настоящего времени им опубликовано около 38 научных статей, более 100 рефератов в различных периодических изданиях и следующие большие труды:

«Элементарный учебник общей теории права [в связи с учением о государстве]». Ярославль, 1920.

«Общедоступный учебник социологии». Ярославль, 1920.

«Система социологии». Т. 1–2. Петроград, 1920.

В печати находится книга:

«Голод как фактор в истории и социологии».[30]

Во вступительном слове диспутант отметил, что работа социологов распадается на две одинаково важные и существенные части: 1) на детальное и подробное исследование отдельных, относящихся к области социологии, вопросов, и 2) на построение цельных социологических систем. Также была отмечена узость старого деления социологии на статику и динамику. В последующих томах «Системы» этот пробел будет заполнен — социальная механика.

Первый официальный оппонент, проф. К. М. Тахтарев, указывая на научную ценность и продуманность труда Сорокина, горячо приветствуя его появление, остановился, далее, на своих разногласиях с диспутантом. В заключение оппонент ещё раз подчеркнул талантливость обсуждаемой работы, её искренность, безбоязненность и смелость искания истины (с. 279).

Следующим официальным оппонентом выступал проф. Н. И. Кареев, «также начавший своё выступление с похвал диспутанту в его работе и с заявления, что работа представляет собою ценный вклад в науку, что он многому от неё научился, много почерпнул для себя новых данных, особенно об новейшем течении социологии “behavior’изме” и т.д.». Возражения Н. И. Кареева сводились к следующему:

Чрезвычайная размашистость труда (большое количество чисто публицистических мест) — один из существенных недостатков книги. Кареев критиковал Сорокина именно за behavior’истическую позицию, за его стремление порвать с психологизмом, за желание работать с помощью одних только объективных методов. «Самой ценной частью его работы, по мнению проф.

Н. И. Кареева, является разработка и изучение статики, с большинством положений которой он вполне согласен» (с. 279).

На это последовал ответ П. А. Сорокина: «размашистость труда и некоторая его неразработанность отмечены им самим в предисловии к I тому и что это объясняется исключительно условиями переживаемого времени.* Некоторая доля публицистики объясняется также отчасти указанным обстоятельством».

Третий оппонент проф. Иван Иванович Лапшин в целом присоединяется к мнению предыдущих оппонентов о ценности и талантливости обсуждаемой работы.

Неофициальные оппоненты проф. Н. А. Гредескул и приват-доцент С. И. Тхоржевский присоединились к предыдущим оппонентам в положительной оценке труда Сорокина, останавливаясь на некоторых разногласиях с ним. Любопытна заключительная часть публикации отчёта о диспуте: «Ввиду отмены в настоящее время учёных степеней и невозможности присудить диспутанту степень магистра, диспут закончился заявлением проф. И. М. Гревса о единогласном признании историческим исследовательским институтом работы удовлетворительной и таким образом косвенным путём цель была достигнута» (с. 280).

В завершение данной статьи отметим, что «Система социологии», изданная в петроградском книгоиздательстве «Колос», руководимом Ф. И. Витязевым, сыграла важную роль в дальнейшей научной карьере проф. П. А. Сорокина, выходца из Коми края. Он зарекомендовал себя знающим специалистом в области социологии, настоящим бойцом, умеющим вести научную полемику. С другой стороны, автор и издатель

---

*Книга писалась в 1918–1919 гг. (*Примеч. П. А. Сорокина.*)

«Системы социологии», что называется, нашли друг друга. Благодаря этому счастливому обстоятельству, а также инициативе, проявленной Витязевым, книга была написана автором и издана в короткий срок, несмотря на условия военного времени.

Как известно, 23 сентября 1922 г. П. А. Сорокину и его жене пришлось покинуть Россию (сначала они попали в Берлин, но спустя непродолжительное время перебрались в Чехословакию, где тогдашний президент страны Т. Г. Масарик выделил им специальную стипендию; затем Сорокин получил приглашение читать лекции в США; переехав за океан, 16 июня 1930 г. в Миннеаполисе П. А. и Е. П. Сорокины приняли «присягу на верность» США и стали гражданами этой страны).

---

[1] *Сорокин П. А.* Долгий путь: автобиогр. роман / пер. с англ. П. П. Кротова, А. В. Липского. Сыктывкар, 1991. С. 37.

[2] Там же. С. 46.

[3] Там же. С. 47. Речь идет о Елене Петровне Баратынской (1894–1975), в 1912 г. поступившей и в 1917 г. окончившей Высшие женские Бестужевские курсы; ботанике, докторскую диссертацию защитила в 1925 г. в Университете Миннесоты (США).

[4] Там же. С. 58.

[5] *Марголис А. Д.* Петербург: история и современность: Избр. очерки. М.: Центрполиграф, 2014. С. 53.

[6] Подробнее см.: *Батюто С. А.* Кооперативное книгоиздательское товарищество «Колос» 1918–1927: Опыт исторической реконструкции деятельности. СПб., 2018. С. 111–112.

[7] *Сорокин П. А.* Долгий путь. С. 147–148.

[8] Письмо опубликовано, см.: *Батюто С. А.* Об одном неизвестном адресе П. А. Сорокина в Детском Селе // Фонтанка: культурно-исторический альманах / ЦГПБ им. В. В. Маяковского. СПб., 2018. № 24. С. 55–64.

[9] *Голосенко И. А.* Питирим Сорокин: судьба и труды. Сыктывкар, 1991.

[10] Цит. по: *Голосенко И. А.* Питирим Сорокин: судьба и труды. С. 145.

[11] *Сорокин Питирим.* Система социологии. Т. I Социальная аналитика. Ч. 1. Учение о строении простейшего (родового) социального явления. Пг.: Колос, 1920. С. IX.

[12] Там же. С. IX, X, XI.
[13] Там же. С. XIII.
[14] *Сорокин Питирим.* Система социологии. Т. II. Социальная аналитика. Ч. 2. Учение о строении сложных социальных агрегатов. Пг.: Колос, 1920. С. 8. Курсив П. Сорокина.
[15] Там же. С. 9.
[16] *Сорокин П. А.* Дальняя дорога: Автобиография / пер. с англ., общ. ред., предисл. и примеч. А. В. Липского. М.: Моск. рабочий; ТЕРРА, 1992. 303 с.
[17] РГАЛИ. Ф. 106. Оп. 1. Ед. хр. 157. Л. 5. Автограф.
[18] Там же. Л. 5 об.
[19] См., например: анкета, представленная издательством «Колос», вместе другими документами на перерегистрацию 17 февраля 1923 г. Алисов Леонид Владимирович был также членом Ревизионной комиссии (см.: *Батюто С. А.* Кооперативное книгоиздательское товарищество «Колос» 1918–1927: Опыт исторической реконструкции деятельности. С. 556, 557, 559).
[20] *Алисов Л.* [Рец. на кн.:] П. А. Сорокин. Система социологии. Т. I. Социальная аналитика. Петроград. Издательское товарищество «Колос». 1920 // Вестник литературы. 1920. № 6(18). С. 13.
[21] *Кареев Н. И.* Книга о социальной аналитике // Вестник литературы. 1920. № 7(19). С. 7–8.
[22] *Кареев Н. И.* О системе социологии П. А. Сорокина [Рец. на кн.:] Сорокин П. А. Система социологии, т. II // Вестник литературы. 1921. № 1(25). С. 9.
[23] *Рожков Н.* [Рец. на кн.:] проф. П. А. Сорокин. Система социологии. Т. I Социальная аналитика. Петроград. Издательское товарищество «Колос». 1920. Цена 150 р. // Дела и дни (Пб.). 1920. Кн. 1. С. 469–471.
[24] *Мякотин В.* [Рец. на кн.:] проф. П. А. Сорокин. Система социологии. Т. I Социальная аналитика. Ч. 1. Учение о строении простейшего (родового) социального явления. Стр. XIV+360. Т. II Социальная аналитика. Ч. 2. Учение о строении сложных социальных агрегатов. Стр. 464. Петроград. 1920. Издательское товарищество «Колос» // Задруга: Бюллетень книжного магазина. 1921. Декабрь. № 1. С. 13–14.
[25] *Рейснер М.* [Рец. на кн.:] П. А. Сорокин. Система социологии. Т. I Социальная аналитика. Страниц XIV+360; т. II. Социальная аналитика. Страниц I+463. Издательское товарищество «Колос». Петербург. 1920 // Печать и революция. 1921. № 2. С. 155–161.
[26] *Боричевский Ив.* Ортодоксальный марксизм и российско-американская резиновая социология // Книга и революция. 1922. № 4(16). С. 21, 22.
[27] *Лазерсон М.* [Рец. на кн.:] П. А. Сорокин. Система социологии. Т. I Социальная аналитика: учение о строении простейшего социального явления. Петроград. 1920. Стр. XIV+360. Т. II Социальная аналитика: учение о строении сложных социальных агрегатов. Петроград. 1921 (так!). Стр. 9+463. Издательство «Колос» // Современные записки (Париж). 1921. № 8. С. 386–389.

[28] *Сорокин П. А.* Состояние русской социологии за 1918–22 гг. // Новая русская книга (Берлин). 1922. № 10. С. 7–10.
[29] Диспут профессора П. А. Сорокина // Экономист. 1922. № 3-4. С. 277–280.
[30] Окончательное название — «Голод как фактор. Влияние голода на поведение людей, социальную организацию и общественную жизнь». В то время книгу в полном виде в 1922 г. «Колосу» издать не удалось. См.: *Батюто С. А.* Об одном неосуществленном издательском замысле (Письма П. А. Сорокина к П. Витязеву) // Русская литература. 1993. № 1. С. 182–190.

С. А. Батюто

Сергей Петрович Мельгунов и Ферапонт Иванович Витязев

(К истории взаимоотношений двух известных издателей)

Сергей Петрович Мельгунов (25.12.1879/6.01.1880–1956) — член Партии народной свободы (кадет в 1906 г.), с 1907 г. — член Партии народных социалистов (энес), русский историк, выступавший с антибольшевистских позиций, автор работ по истории России и Русской православной церкви, а также русской революции и гражданской войны в России. В 1905–1906 гг. принимал участие в создании издательств «Народное право» и «Свободная Россия», а также первого в России Союза свободных книгоиздателей. В 1911 г. Мельгунов организовал своё самое известное предприятие — кооперативное издательское товарищество «Задруга» в г. Москве, председателем правления которого он оставался до его ликвидации в 1922 г. Весной 1917 г. Мельгунов занимал пост товарища Председателя ЦК Трудовой народно-социалистической партии (ТНСП) и одновременно редактировал московские печатные органы — журнал

«Народный социалист» и «Народное слово». Октябрьскую революцию 1917 г. не принял. В 1918 г. в «Задруге» существовал замысел издания серии сборников под названием «Материалы по истории общественного и революционного движения в России», однако он остался нереализованным: успел выйти в этом году двумя изданиями лишь один сборник — «Большевики». Остальные сборники — «1905 год», «Майский погром в Москве в 1915 году», «Ходынка», «Русская провокация», «Цензурная политика самодержавия» и некоторые другие напечатать не успели. Становится на путь открытой конфронтации с большевиками: являлся руководителем «Союза Возрождения России» и «Тактического центра», с апреля 1919 г. вынужден перейти на полулегальное положение; был подвергнут новой властью 25 обыскам и пяти арестам. В октябре 1922 г. вместо грозившего ему нового ареста по настоянию В. Н. Фигнер отправлен в ссылку за границу, откуда не вернулся. Умер в Париже.

Мельгунов являлся одним из главных редакторов журнала истории и истории литературы «Голос минувшего» (с 1913 г.; вторым главным редактором до смерти в 1916 г. был В. И. Семевский). В редакцию входили историк, литературовед, доктор искусствоведения А. П. Дживелегов и П. Н. Сакулин. Выпускало издательство «Задруга». До 1919 г. журнал выходил ежемесячно, в 1926–1928 гг. издавался в Париже.

К моменту высылки большевиками из России Мельгунов успел издать две книги: «Из истории религиозно-общественных движений в России XIX в.» (1919) и «Религиозно-общественные движения XVII–XVIII вв. в России» (1922).

В 1926–1928 гг. в Париже издавал сборники «Голос минувшего на чужой стороне» (в издательстве «Н. П. Карбасников»).

За рубежом Мельгунов выпустил следующие исследования: «Красный террор в России» (1-е изд. — 1923, 2-е изд. — 1924: оба — Германия, 3-е изд. — 1975, 4-е изд. — 1985: оба — США; в России — впервые в 1990; автор обильно использовал материалы ЧК и ВЧК); «Н. В. Чайковский в годы гражданской войны» (Париж, 1929), «Гражданская война в освещении П. Н. Милюкова: по поводу “Россия на переломе”: критико-библиографический очерк» (Париж, 1929), «Трагедия адмирала Колчака» (Белград, 1930–1931), «На путях к дворцовому перевороту: заговоры перед революцией 1917 года» (Париж, 1931), «Золотой немецкий ключ к большевицкой революции» (Париж, 1940). За свою работу «Красный террор в России» был лишен советского гражданства.

Реабилитирован в 1992 г.

Ферапонт Иванович Витязев (1886–1938; фамилия при рожд. — Седенко; наиболее известные псевд. — П. Витязев, Лаврист, Турист, Н. Е. Васюк, Л. Асхабадов, Ф. И. Витязев: с конца 1920-х годов последний псевдоним становится его наиболее известным литературным и повседневным именем) — видный деятель партии эсеров, начинал партийную работу у себя на Родине, в Аккермане (ныне — г. Белгород-Днестровский Одесской обл. в Украине), в 1906 — начале 1907 г. стоял во главе «Боевой организации» при Одесском комитете партии социалистов-революционеров; при царском режиме неоднократно ссылался; член правления кооперативного издательства социалистов-революционеров «Революционная мысль» (Петроград, 1917–1918), председатель правления кооперативного книгоиздательского товарищества «Колос» (Петроград-Ленинград — Москва; 1918–1927), председатель (1921–1927) Петроградского (Ленинградского) союза кооператив-

ных издательств, автор книги «Частные издательства в советской России» (Петроград, 1921), публикатор материалов и исследователь творчества видного идеолога народничества философа П. Л. Лаврова; теоретик книжного дела, библиофил и коллекционер. В отличие от Мельгунова, продолжавшего и после октября 1917 г. заниматься политической деятельностью, Витязев, по его собственным словам, начиная с середины 1917 г. занимался исключительно литературной работой, являлся в то время главным редактором Редакции собрания сочинений П. Л. Лаврова (издательство «Революционная мысль» и «Колос»), куда помимо него входили Н. С. Русанов (с 1918 г. — в эмиграции) и А. А. Гизетти.

Сотрудничал в 1930-х гг. в «Литературном наследстве» и сборниках «Звенья» (последние выходили под редакцией В. Д. Бонч-Бруевича).

Был арестован по «Академическому делу» (1930 г.), ввиду отсутствия доказательств дело Витязева было пересмотрено; за Витязева хлопотала младшая сестра Ленина М. И. Ульянова, в результате срок наказания уменьшили, получил «минус 12», уже с весны 1933 г., после недолгого пребывания в ИТЛ на ст. Майгуба в Карельской АССР, а затем вынужденного проживания в Нижнем Новгороде и Ульяновске, ему разрешено снова жить в Москве; задержан в марте 1938 г., вторично арестован 2.04.1938 г. Ему припомнили эсеровское прошлое. Расстрелян 14.06.1938 г. в пос. Коммунарка Московской обл.

Реабилитирован в 1956 г.

Витязев начал изучать творчество П. Л. Лаврова в бытность свою ссыльным в Вологодскую губернию, где он провел два года. Первый довольно значительный блок материалов по этой тематике был опубликован им на страницах провинциальных вологодских

изданий, а также «Ежемесячного журнала» и журнала «Голос минувшего» в 1915 г.[1] Как показывает письмо Витязева Семевскому, датированное также 1915 г., именно с последним у автора письма сложились в этот период близкие, доверительные отношения.[2]

Вернувшись из Вологды в Петроград, восстановившийся в университете и даже приступивший к сдаче экзаменов, Витязев уже в декабре 1915 г. отбывает на Северный фронт; в 1917 г. он снова в Петрограде,[3] но в университет не возвращается и активно занимается подготовкой и выпуском собрания сочинений П. Л. Лаврова, начавшего выходить в издательстве социалистов-революционеров «Революционная мысль» (1.04.1917–11.07.1918). Как бывшего эсера (в середине 1917 г. он покидает ряды партии социалистов-революционеров), Витязева стало тяготить сотрудничество в сугубо партийном издательстве, каковым была «Революционная мысль»: по его инициативе 11.07.1918 г. в Петрограде было образовано кооперативное книгоиздательское товарищество «Колос», которое продолжило издавать сочинения П. Л. Лаврова. Сравнение уставов двух издательств — «Революционная мысль» и «Колос», предпринятое нами,[4] выявило исключительно культурно-просветительную направленность последнего, не ставившего первоочередной задачей издательской деятельности извлечение прибыли.[5] Ф. И. Седенко-Витязев (под таким именем он фигурирует в архивных документах по издательству «Колос», которые нам удалось обнаружить в виде копий в Ленинградском областном государственном архиве (ЛОГА) в г. Выборг) являлся бессменным председателем правления этого известного издательского товарищества, как и «Задруга», основанного на кооперативных началах.

После октября 1917 г. позиция новых властей по отношению к этой группе издательств отличалась непоследовательностью, нередко граничившей с радикально-запретительной. С одной стороны, нарком просвещения А. В. Луначарский и первый руководитель Госиздата В. В. Воровский поддерживали частные и кооперативные издательства, прекрасно понимая, что без их помощи не обойтись. Но, например, заместитель председателя редколлегии Госиздата И. Степанов, наоборот, резко отрицательно отзывался об их деятельности. Как известно, в стране (в Москве и на местах) в 1919 г. была произведена национализация книжных складов и магазинов (по постановлению Моссовета от 23.11.1918 г. «О муниципализации книжной торговли и книгоиздательства»): книжные склады многих частных и кооперативных издательств и магазины были объявлены муниципальной собственностью, т.е. Моссовета, а книжная торговля была заменена книжным распределением. Петроградский Совет лишь 20.12.1919 г. последовал примеру Моссовета (по инициативе заведующего Петрогосиздатом тех лет И. Ионова). Бумажные запасы, которых остро не хватало, также распределялись только между государственными предприятиями, но решить проблему это не помогло. С 1.01.1921 г. по постановлению СНК от 23.03.1921 (так!) «Об отмене денежных расчетов за произведения печати» отменялись всякие денежные расчеты за произведения печати — книги, газеты, журналы, брошюры, портреты и пр. Ситуация была критической. (Лишь к середине 1921 г., 18 августа, президиум Моссовета распорядился производить продажу книг по рыночным ценам.) Напомним, что Декрет «О частных издательствах» появился лишь 12.12.1921 г. Именно с этого декрета начался переход к нэпу в издательском и типографском деле и книжной торговле.

Витязев предпринял анкетирование по вопросу о необходимости существования в стране частных и кооперативных издательств. В его архиве в РГАЛИ находятся присланные ему в самом начале 1921 г. (в феврале месяце) ответы на анкету И. П. Павлова, Э. Л. Радлова и П. А. Сорокина, которые укрепили Витязева в его позиции по отношению к частным и кооперативным издательствам в России в пору становления Госиздата.[6] Уже в мае месяце ему удалось издать книгу «Частные издательства в Советской России»,[7] которая в течение длительного времени в СССР подвергалась остракизму.[8] В этой своей работе Витязев поместил обзор деятельности ряда кооперативных издательств и приводил статистику, неопровержимо свидетельствовавшую о значительных успехах частных и кооперативных издательств (особенно наглядно успешную деятельность демонстрировал «Колос» как раз в год своего основания, в 1918 г.). Высказанные Витязевым на страницах своей книги ряд суждений по различным вопросам деятельности этой группы издательств — по издательской политике и об издательском аппарате, о способах привлечения авторов к написанию заказных работ для издательств, о библиографировании деятельности издательств и т.д. — с полным правом позволяют называть этого издательского деятеля теоретиком книжного дела.[9]

Интересно отметить такую немаловажную деталь, о которой свидетельствует архивный документ: книгу «Частные издательства в Советской России» Витязев называет совместным изданием Товарищества «Задруга», Товарищества «Колос», Товарищества «Книгоиздательство писателей» и М. В. Сабашникова; печать осуществлялась в «Тип. бывшего Товарищества “Задруга” в Москве, Крестовоздвиженский пер., 9». Издана она была на правах рукописи и «без цены», что предполага-

ло ее бесплатное распространение.[10] Стоит, вероятно, привести отрывок из письма Витязева от 6.05.1921 г., адресованного А. Г. Горнфельду, в котором находим такие примечательные строки: «Посылаю Вам свою книжку о частных издательствах, которую я выпустил в Москве (в два дня!) […] Меня очень интересует Ваше мнение об этой книжке».[11] Уже на следующий день по получении письма от Витязева 7.05.1921 г. Горнфельд ответил ему: «Очень Вам благодарен за книжку, которую я прочел с великим интересом и удовольствием. Факты отлично подобраны, всё выяснено с достаточной убедительностью, тон решителен, и статья эта не литература, а гражданский акт».[12] Отметим особо, что к этому изданию было причастно Товарищество «Задруга» (которое названо первым в ряду других), а печаталось оно не в какой-то неизвестной типографии, а в типографии «бывшего Товарищества “Задруга”», что опять-таки свидетельствует о тесных связях Витязева с этим товариществом и председателем его правления С. П. Мельгуновым.

Известны два письма С. П. Мельгунова Витязеву, они относятся к 1921–1922 гг. (РГАЛИ. Ф. 106. Оп. 1. Ед. хр. 106). Они деловые и касаются вопросов реализации в Петрограде издаваемых «Задругой» книг. Приводим их.

1

<бланк>

21 VII 1921

Редакция журнала «Голос минувшего»

Москва, Гранатный, 2, кв. 31

Многоуважаемый Ферапонт Иванович!

Наше бюро почти не собирается — это все какие-то мертвецы. Я попробую собрать бюро. Если не выйдет дело,

то возьмем от имени «Задруги» инициативу по созданию выставки (1). Ждем только приезда Яновского и Озерецковского (2), без них не хватает сил — слишком занят лавкой (к тому же Кудр<ин> болен). От имени «Задруги» и бюро возбудил ходатайство о командировке за границу для печатания книг и пр. Был у Луначарского. Встретил теоретически сочувственно. Теперь ведем переговоры с Ком<иссией> [...] в лице Гринберга (3).

Теперь дело, больше касающееся книжной лавки. Как стоит вопрос в Петербурге о книжках, выходящих там? Свободны они для продажи или нет? Если свободны, то следовало бы организовать систематическую доставку их в Москву. Это мог бы взять на себя «Колос». Мы предлагали, между прочим, «Колосу» обмен (на Ваши издания), но из этого ничего не выходит. Скоро ли Вы будете в Москве? Было бы очень целесообразно о многом переговорить непосредственно.

Уважающий Вас *С. Мельгунов (Л. 5)*

1. Возможно, речь идет о намечавшейся в 1922 г. Книжной выставке во Флоренции, где продукция частных и кооперативных издательств была представлена особенно наглядно. См.: Каталог Русского отдела Международной книжной выставки во Флоренции в 1922 г. М.; Пг., 1923. 322 с.

2. *Озерецковский* Вениамин Сергеевич (1888–?) — литератор, член правления книгоиздательства «Задруга», член Народно-социалистической партии (энес). Окончил физико-математический факультет Московского университета. В июле 1922 г. арестован, в октябре того же года выслан за пределы Советской России. Жил в Берлине, Праге, Риге. Печатался в сборниках С. П. Мельгунова «Голос минувшего на чужой стороне».

3. *Гринберг* Захар (Захарий, Зорах) Григорьевич (1889–1949) — сов. общественный, гос. и партийный деятель, ученый, редактор, публицист, историк, искусствовед. В 1918 г. — замнаркома просвещения А. В. Луначарского, комиссар Петроградского учебного округа, с 1920 г. — член коллегии государственной комиссии Наркомпроса РСФСР, старший научный сотрудник ИМЛИ. Арестован в 1947 г., умер в тюрьме в 1949 г.

2

23 IV 22

Добрейший Ферапонт Иванович!

Пользуюсь поездкой В. П. Бровкина (1), чтобы Вас попросить по интересующим меня делам.

1) Виделись ли с Новорусским, передал ли он Вам мое письмо о сборнике в честь Фигнер, каковы Ваши предположения на сей счет? (2)

2) Как стоит вопрос об издании нашего юбилейного отчета? (3)

3) Как идут наши издания — «Задруги» и «Голоса минувшего» в Петербурге?

Мы посылаем только через «Колос», но похоже не бывает повторных требований. Выходит, что *maximoй* нашего петербургского распространения всего 150 экземпляров. Это, по сравнению с Москвой, очень уж мизерно.

4) 30 апреля в Москве устраивается большое совещание по книжному делу: библиогр[афическое] общество, о[бщест]во любителей росс[ийской] словесн[ости], Союз писателей, кооперативных издательств и пр. (4) В[ладимир] П[етрович] расскажет Вам подробности всех наших дел. Не можете ли Вы приехать на это заседание? Было бы целесообразно.

Преданный Вам *С. Мельгунов (Л. 7)*

1. *Бровкин* Владимир Петрович (1886–1941; по документам НКВД — 1943) — по архивным данным, связанным с издательством «Колос», на 8.12.1918 г. — заведующий технической и финансовой частью издательства. На 1919 г. — агроном; заведующий Московским отделением издательства «Колос». На 1923 г. — «заведующий всей финансовой и торговой частью (книжными магазинами, складами, распространением книг и т.д.). Постоянно живет в Москве. Жалованье получает 110 тов. руб. в мес<яц>» (Ленинградский областной государственный архив (ЛОГА). Ф. Р-3959. Оп. 13. Д. 392. Л. 143. Машинопись, копия). В июле 1941 г. арестован. 27.12.1941 г. осужден ОСО при НКВД СССР по ст. 58-10 и 58-11 и приговорен к восьми годам ИТЛ в тюрьме Тобольска. Реабилитирован 29.09.1956 г.

2. В июле 1922 г. намечался 70-летний юбилей знаменитой революционерки В. Н. Фигнер, которая, как известно, не приняла Октябрь. Очень может быть, что личность бывшей террористки, народоволки и эсерки Фигнер была несимпатична для новых властей: ее не арестовывали, не высылали, ей даже позволили оформить персональную повышенную пенсию, ее книги издавались, но что касается сборника в ее честь, он не вышел. Мельгунов ведет речь о предполагаемой редколлегии сборника «Народная воля», куда, по его понятию, должны были войти следующие лица: М. В. Новорусский, В. С. Панкратов, Н. А. Морозов, В. И. Браудо и Седенко.

Новорусский Михаил Васильевич (1861–1925) — революционер, просветитель. Окончил Петербургскую духовную академию в 1886 г. Принимал участие в деятельности террористической фракции «Народной воли», готовил покушение на Александра III. Арестован за два дня до покушения, приговорен к смертной казни, замененной пожизненным тюремным заклю-

чением в Шлиссельбургской крепости с мая 1887 г. В 1920 г. в Госиздате изданы «Записки шлиссельбуржца» (в 1933 г. переизданы Обществом политкаторжан и ссыльнопоселенцев — наиболее полное издание).

Панкратов Василий Семенович (1864–1925) — в 1883 г. член боевой дружины партии «Народная воля», с 1903 по 1919 г. — член партии социалистов-революционеров. С 1.09.1917 по 26.01.1918 г. состоял комиссаром Временного правительства при Отряде особого назначения, охранявшем в Тобольске Николая II и его семью. После окончания гражданской войны жил в Петрограде-Ленинграде. В 1922 г. в письме во ВЦИК протестовал против применения смертной казни к руководителям партии социалистов-революционеров. Член общества политкаторжан и ссыльнопоселенцев. Автор книг:

Жизнь в Шлиссельбургской крепости. [Женева], 1902.

С царем в Тобольске. Л.: Былое, 1925 и др.

Морозов Николай Александрович (1854–1946) — рус. революционер-народник, член кружка «чайковцев», «Земли и воли», исполкома «Народной воли». Участник покушения на Александра II. В 1882 г. осужден на пожизненное заключение в Петропавловской и Шлиссельбургской крепостях. Освобожден в результате революционных событий 1905 г. Автор многочисленных трудов в области естественных и общественных наук, писатель, поэт. Автор воспоминаний «Повести моей жизни» и «Записок революционера». В 1908 г. вступил в масонскую ложу «Полярная звезда». С 1918 г. до конца жизни директор Естественнонаучного института им. П. Ф. Лесгафта. Почетный академик АН СССР.

В 1932 г. Общество политкаторжан и ссыльнопоселенцев в своем издательстве выпустило вторым изданием 7-томное Полное собрание сочинений В. Н. Фигнер, приуроченное уже к ее 80-летию.

3. Речь идет об изд.: «Задруга». Десять лет 1911–1921: Отчет чрезвычайного общего собрания членов товарищества «Задруга» и общественных организаций в день десятилетнего юбилея 25 декабря 1921 г. М.: Задруга, 1921. Имеется разрешающая виза цензуры: «Р. Ц. № 719». Тираж 600 экз.

Приведем восторженный отзыв об этом отчете Г. И. Поршнева, который, в частности, писал Витязеву 23.08.1922 г.: «Невыразимо благодарен Вам за “Задругу” [...] Ах, как чудесно сделан Задружий отчет! Так и хочется расцеловать Вас за него» (*Батюто С. А.* Кооперативное книгоиздательское товарищество «Колос» 1918–1927: Опыт исторической реконструкции деятельности. СПб., 2018. С. 348–349).

Отчет печатался в Петрограде в 15-й Гос. типографии (бывш. Р. Р. Голике и А. И. Вильборг) под непосредственным наблюдением Витязева. В этом несомненно стоит усматривать ответную благодарность за помощь С. П. Мельгунова и Товарищества «Задруга», проявленную годом раньше при изготовлении в Москве тиража его книги «Частные издательства в Советской России» в мае 1921 г.

4. *Русское библиографическое общество* было организовано при Московском университете (1920–1929), председатель — Боднарский Богдан Степанович (1874–1968).

Общество любителей российской словесности — литературно-научное общество, организовано при Московском университете, действовало в 1811–1930 гг., воссоздано в 1992 г.

Союз писателей — профессиональная писательская организация для литераторов, организованная в 1920 г. и существовавшая до 1932 г. Имела отделения в Москве и Петрограде (Ленинграде).

Союз кооперативных издательств — существовал в Москве, ведет отсчет с 1919 г. Председатель — С. П. Мельгунов. См.: Устав Союза кооперативных издательств. [М., 1919]. 16 с.

Напомним, что в Петрограде в 1921 г. был создан Петроградский союз кооперативных издательств (Петрокнига), просуществовал до 1930 г. Время определения и регистрации — 30 августа 1921 г. В 1921–1927 гг. председателем союза являлся Ф. И. Седенко-Витязев). До 1927 г. находился по адресу: Литейный пр., 21, кв. 14 (в помещении издательства «Колос»). В состав Союза входили следующие издательства: «Время», «Издательство писателей в Ленинграде», «Колос», «Кооперация», «Мысль», «Наука и школа», «Научное книгоиздательство», «Начатки знаний», «Образование», «Помощь учащемуся миру», «Право», «Тритон» и др. По мысли организаторов, Союз ставил целью содействовать своим членам в их самостоятельной издательской деятельности и в распространении ими своих изданий; оказывал правовую и организационную помощь. Был издан совместными усилиями общий для всех издательств каталог (см.: Каталог изданий кооперативных издательств «Время», «Наука и школа», «Научное книгоиздательство», «Начатки знаний», «Образование», «Тритон»: Книги, ноты, игры. Л., 1929. 66 с. Тираж 8000). Вероятно, при создании Союза в Петрограде не обошлось без консультаций московских коллег, и прежде всего С. П. Мельгунова.

Надо признаться, вызывает удивление, что в фонде С. П. Мельгунова в РГАЛИ отсутствуют письма от Ф. И. Витязева, хотя, например, от А. А. Гизетти, ближайшего соратника Витязева по издательствам «Революционная мысль» и «Колос», их насчитывается довольно много.[13] Вряд ли это можно объяснить неак-

куратностью Ферапонта Ивановича. Иначе обстояло дело, например, с А. В. Мезьер, с которой Витязев — издатель, литератор и исследователь состоял в переписке до ее смерти в 1935 г. и держал ее в курсе своих литературных дел. То же можно сказать, например, и по отношению к дочери Лаврова М. П. Негрескул (с которой Витязев переписывался, хоть и не столь регулярно, но вплоть до ее кончины в 1919 г.) или по отношению к А. Г. Горнфельду: Витязев всегда отвечал на послания своего корреспондента. Может быть, дело заключалось в том, что Мельгунов до осени 1922 г., когда он вынужден был эмигрировать, подвергался многочисленным обыскам и пяти арестам, что не могло не сказаться на его личном архиве?

Наконец, остановимся на таком обстоятельстве, которое также свидетельствует скорее в пользу имевшихся контактов между «Задругой» и «Колосом», и касается издательских портфелей. Их в первую очередь курировали первые лица издательств — председатели правления товариществ. Так, выясняется, что свою рукопись «Историки Французской революции» (ч. 1) профессор Николай Иванович Кареев изначально предлагал для издания в «Задругу», но, вероятно, в связи с отъездом Сергея Петровича Мельгунова из России рукопись перешла в «Колос», и книга была издана.

Приведем несколько архивных документов, проливающих свет на историю с изданием «Историков Французской революции» Н. И. Кареева.

1

4.02.23

Москва, правление общества «Задруга»

Воздвиженка, Крестовоздвиженский пер., 9

Петроград, Васильевский остров, Большой пр., д. 24, кв. 6

Обращаюсь к правлению «Задруги» с покорнейшею просьбою ответить мне на вопрос: какая судьба двух моих рукописей («Историки Фран<цузской> револ<юции>», ч. 1 и «Госуд<арственные> территории Зап<адной> Евр<опы>»)? Где они и что с ними предполагают сделать? Я об этом уже запрашивал письмом своим осенью, а затем кое-кому поручал в Москве навести справки, но так-таки до сих пор ничего не знаю, особенно после того, как уехал Серг<ей> Петр<ович> (Мельгунов. — *С. Б.*). Меня начинает брать сомнение, целы ли эти рукописи, и я просил бы вывести меня из этого сомнения. Не знаю, к кому лично обратиться. Осенью я писал Ив<ану> Ив<ановичу> Попову (1), но теперь так часто всё меняется.

Готовый к услугам *Н. Кареев*

P. S. Есть ли теперь представитель «Задруги» в Петербурге?[14]

1. *Попов* Иван Иванович (1862–1942) — деятель революционного движения, мемуарист, публицист, журналист. В 1878 г. поступил в Учительский институт в Петербурге. С 1882 г. член руководства рабочей группы партии «Народная воля». Арестовывался в марте 1884 г., в феврале 1885 г. выслан в Кяхту. С 1894 г. жил в Иркутске. С 1896 г. редактор-издатель газеты «Восточное обозрение» (закрыта в 1906 г.). С конца 1906 г. поселился в Москве. В 1907–1916 гг. председатель Общества деятелей периодической печати и литературы. После 1917 г. сотрудник журнала «Каторга и ссылка», член правления кооперативного издательства «Задруга». С 1925 г. член-пайщик кооперативного книгоиздательства «Колос».

25.03.1923 г. Кареев отослал письмо уже Витязеву в «Колос» по петроградскому адресу. В нем, в частности сообщалось, что им «сегодня или завтра» будет

выслано в издательство окончание рукописи «Историки Французской революции» и указывалось: ранее — с. 1–483, теперь — с. 484–1046. По подсчету автора, объём составляет около 20 печ. л. («по 800 букв на страницу; если по 1000 букв — 25 л.»[15]).

В течение лета и начала осени 1923 г. происходил набор рукописи, в письме за ноябрь Кареев сообщал:

2

Петроград, 13.11.1923 г. <рукой Ф. И. Витязева>

Извещаю, что первая часть «Историков Французской революции» набрана и прошла первую мою корректуру. В типографии, где я был сегодня (12.11.), мне сказали, что в настоящее время могут немедленно набирать 2-ю часть: шрифт есть.

Ваш *Н. Кареев*[16]

Следующее письмо датировано уже 1924 г.

3

23.01.1924 г.

Извещаю Вас, уважаемый Ферапонт Иванович, что я уже давно подписал к печати последний лист I тома с указателем, а сегодня отнес в типографию последние гранки II тома, кроме указателя. Последний уже делан для сверстанных листов (1–10), и, как только будут доставлены мне в сверстанном виде остальные, то окончу и указатель. Жду обложки. Когда поступит в набор III том и в каком виде?

Ваш *Н. Кареев*[17]

Письмо, датированное 12.06., но без указания на год (присоединяется к данному комплексу писем по содержанию), содержит список историков, о которых более обстоятельно говорилось в III томе: немецкие историки

(Шлоссер, Лоренц, Штейн, Зибель, Гейссер, Каутский, Блосс, Куков); бельгийский историк Франсуа Лоран; английские историки Карлейль и авторы «Кембриджской новой истории»; русские историки В. И. Герье, Н. И. Кареев, И. В. Лучицкий, М. М. Ковалевский, Е. В. Тарле, П. А. Кропоткин «и ряд авторов, писавших по специальным вопросам. Если хотите удлинить список, то вот и они: А. А. Боровой, Ф. В. Тарановский, П. И. Новгородцев, Г. Гурвич, Устрялов, А. Н. Петров и т.д.».[18]

Ряд писем за лето 1924 г. не датированы, конверты со штемпелем отсутствуют, в них речь идет о III томе «Историков Французской революции»:

4

[...] Я думал назвать III том «Иностранные историки Фр<анцузской> рев<олюции>», но бóльшая его часть касается русских историков, а мы какие же для себя иностранцы? Перечислять немецких, английских, бельгийских, русских было бы длинно. Поэтому III т. будет называться «Изучение Фр<анцузской> рев<олюции> вне Франции» [...][19]

8.09.1924 г. Кареев извещал издателя, что последний лист III тома им подписан к печати и что он ждет для подписи корректуру обложки. Выход этого тома немного задержался в силу того, что 23.09.1924 г. в Ленинграде произошло катастрофическое по своим последствиям наводнение. Кареев сообщал издателю о выходе III тома своим письмом от 24.11.1924 г.

Интересная судьба была у рукописи А. В. Мезьер «Словарный указатель по библиотековедению, библиографии и книжному делу» (авторское название). Изначально «Колос» не планировал издавать Словарь ввиду его большого объема (12 листов). Приводим для наглядности ее письмо, адресованное Витязеву:

<ранее 3.07.1922 г.>

Тов. Витязев!

Заходила к Вам, по совету Алисова (1), переговорить насчет библиографич<еской> работы, сделанной мной. Это “Словарный указатель по библиотековедению, библиографии и книжному делу”. Алисов сказал мне, что Ваше издательство не сможет взять на себя печатание этой работы — она большая (около 12 листов в 40 000 букв), но *Вы могли бы связать меня с “Задругой”* (курсив наш. — *С. Б.*), представители которой сейчас здесь. К сожалению, я не застала Вас в указанное мне Алисовым время, а в магазине узнала, что представители “Задруги” завтра уже уезжают. *А. Мезьер*[20]

1. *Алисов* Леонид Владимирович — литератор, член-пайщик кооперативного книгоиздательского товарищества «Колос» с 20.07.1918 г.

Как видим, Мезьер полагала, что через Витязева она сможет связаться с московским книгоиздательским товариществом «Задруга», ибо первоначально планов издавать Словарь у «Колоса» не было; к тому же никаких следов переписки с «Колосом» и его руководителем до этого времени не обнаруживается.

Известно о письме Мезьер от 3.07.1922, адресованное в книгоиздательство «Задруга», откуда она успела получить письмо от В. А. Мякотина.[21] В этом подробном — на 4 л. письме — Мезьер подробно остановилась на особенностях своего Словаря, «который дает ключ к книгам, а не к словам, т.е. не выясняет понятий, а дает при каждом слове перечень литературы — список книг и статей, журнальных и даже иногда газетных».[22] Всего включает 200 слов, расположенных в азбучном порядке.

По распоряжению Главлита от 26.10.1922 г. издательство «Задруга» закрывалось, на ликвидацию отводился месячный срок. В силу вышеизложенного рукопись

вернулась обратно в «Колос». Но уже через два года, 1.07.1924 г., «Словарный указатель по книговедению» (издательское название) Мезьер, отпечатанный тиражом 3000 экз., «поступил на склад» издательства «Колос».[23]

Наконец, обратимся к Протоколу Общего собрания пайщиков кооперативного книгоиздательского товарищества «Колос» от 18.05.1924 г. На этом собрании с отчетом Правления за 1923 г. выступал председатель правления Ф. И. Седенко-Витязев. Этот архивный документ интересен тем, что в нем прямо указывается объем перешедших к «Колосу» работ, который последний по своей инициативе принял на себя после ликвидации «Задруги»:

> [...] 1923-й год является наиболее продуктивным годом в жизни «Колоса». В смысле производства за этот год было издано 25 названий, из них 16 с маркой «Колоса» и 9 с маркой «Задруги». Листов набора было 244, из них 148 листов падает на «Колос», 96 листов — на книги, начатые печататься издательством «Задруга». Общее количество книг, выброшенных на рынок, равняется 72 500 экз., из коих на долю «Колоса» приходится 40 850 экз., а на долю «Задруги» — 32 000. Средний объем книги равняется 9 1/8 л., а средний тираж — 2553 экз. Для книг «Задруги» объем — 10 2/3 л., а тираж — 3556 экз. [...]

Касаясь наиболее важных моментов в жизни «Колоса» за 1923-й год, Ф. Витязев особенно подробно останавливается на ликвидации издательства «Задруга». «Колос» с согласия Главлита и Управления Московского Совета купил у «Задруги» книжный магазин в Москве на Моховой ул., д. № 20, и взялся закончить печатание 18 книг, начатых «Задругой». Передача была совершена 31-го января 1923 г. Витязев подчеркива-

ет, что издательская часть «Задруги» оказалась для «Колоса» крайне убыточной. Что касается магазина на Моховой, то он потребовал огромных средств для правильной постановки дела, что начало в свою очередь тормозить издательскую деятельность «Колоса». В общем, выяснилось уже в конце 1923 года, что для «Колоса» выгоднее продать этот магазин и вырученные деньги бросить на усиление производства. […]

Издательская деятельность в Москве, связанная с обязательствами от ликвидации издательства «Задруга», была постепенно упразднена и сосредоточена в Ленинграде, где типографские работы значительно дешевле московских.[24]

Как представляется, и эта, заключительная часть контактов при согласии Главлита и Управления Московского Совета с уже закрывшейся «Задругой» должна быть зачтена в актив председателю правления издательства «Колос» Витязеву с отчетливым пониманием того, что особой выгоды этот проект изначально не сулил. Но зато книги (начатые печатанием «Задругой») увидели свет, что было немаловажно. При этом сохранялось их родство с закрытым издательством: на них по-прежнему стояла марка издательства «Задруга».

---

[1] См. первые публикации Витязева по этому вопросу:
П. Л. Лавров и его ссылка в Вологодской губернии // Вологодский листок. 1915. № 809. 25 янв. (Подпись: Петр Витязев)
П. Л. Лавров и Н. К. Михайловский // Вологодский листок. 1915. № 809. 25 янв. (Подпись: Петр Витязев)
П. Л. Лавров. 1900–1915 // Эхо (Вологда). 1915. № 253. 25 янв. (Подпись: Н. Е. Васюк)
Чем обязана русская общественность П. Л. Лаврову: К пятнадцатилетию со дня смерти Петра Лавровича Лаврова 25 января 1900–25 января 1915 // Ежемесячный журнал (Пг.). 1915. № 2. С. 79–85; № 3. С. 81–88. (Подпись: Петр Витязев)

Ссылка П. Л. Лаврова в Вологодской губернии и его занятия антропологией // Известия Вологодского общества изучения Северного края. 1915. Вып. II. С. 41–67 (Подпись: Петр Витязев)
Ссылка П. Л. Лаврова в Вологодской губернии и его занятия антропологией. Вологда: Изд. Вологодского общества изучения Северного края (Тип. П. А. Цветкова), 1915. 31 с.
К статье «Ссылка П. Л. Лаврова в Вологодской губернии» // Известия Вологодского общества изучения Северного края. 1915. Вып. II. С. 192. (Подпись: П. Витязев)
Новое о П. Л. Лаврове // Эхо. 1915. № 348. 6 сент. (Подпись: Н. Е. Васюк)
П. Л. Лавров в воспоминаниях современников // Голос минувшего. 1915. № 9. С. 131–145; № 10. С. 112–147 (Подпись: Петр Витязев)
Поправка к воспоминаниям Е. А. Штакеншнейдер «П. Л. Лавров» // Голос минувшего. 1915. № 12. С. 138–139. (Подпись: Петр Витязев)

[2] В нем Витязев сообщал Василию Ивановичу Семевскому, одному из главных редакторов журнала «Голос минувшего»: «Мне всего 29 лет, а я уже начинаю иногда чувствовать усталость и физическую, а иногда и душевную […] Видимо, прошлое начинает сказываться. Я уже 9 лет как ношу студенческую фуражку. А распределяются эти года так: два года Вологодской губер<нии>, три года Сибири, два года тюрем и этапов, наконец, остальные два года — скитания, бродяжничество и университет. Иной раз, как оглянешься назад, то кажется, что всё это был какой-то тяжелый, минутами кошмарный сон» (Архив РАН (АРАН). Ф. 489. Оп. 3. Д. 180. Л. 2, 2 об. Цит. по: *Ратнер А. В.* Под псевдонимом «Петр Витязев» // Сов. библиография. 1986. № 3. С. 56).

Семевский Василий Иванович (25.12.1848/6.01.1849–1916) — историк либерально-народнического направления, на которого сильное влияние оказали П. Л. Лавров и Н. К. Михайловский; специалист по истории русского крестьянства XVIII в., а также русского освободительного движения (декабристы, петрашевцы), редактор (до 1916 г.) журнала «Голос минувшего». В 1906 г. был одним из создателей и членом ЦК Трудовой народно-социалистической партии (энес). (Последнее обстоятельство, вероятно, позволяет предположить, что и по этой — партийной — принадлежности между Семевским и Мельгуновым было много общего.)

Напомним, что как раз в 1915 г. архив П. Л. Лаврова, скончавшегося в 1900 г. в Париже, был благополучно доставлен в Петербург и ввиду Первой мировой войны находился в подвалах здания БАН; доступ к нему был затруднен. Ближайший сотрудник Витязева по Редакции собрания сочинений П. Л. Лаврова Александр Алексеевич Гизетти (1888–1938) обращался к М. П. Негрескул с просьбой допустить его к работе с архивом П. Л. Лаврова в БАН и также упоминал имя Семевского в своих письмах (речь идет о письме от 5.07.1915, отосланном М. П. Негрескул в Сиверскую по ее летнему адресу, см.: *Батюто С. А.* Новые материалы об А. А. Гизетти — ис-

следователе творчества П. Л. Лаврова // Петерб. библ. шк. 2018. № 1(61). С. 134–141).

В ГАРФ в ф. 1762 (П. Л. Лавров) хранятся письма к М. П. Негрескул от П. Витязева (Оп. 6. Ед. хр. 11), датированные весной-летом 1915 г., в которых он упоминает о своих статьях о Лаврове, опубликованных им в «Известиях Вологодского общества изучения Северного края», а также готовящихся увидеть свет в № 9 и 10 журнала «Голос минувшего» за 1915 г.

Нельзя не указать и на такое любопытное обстоятельство: в ГАРФ (Ф. 1762. Оп. 6. Ед. хр. 16) хранятся письма С. П. Мельгунова об условиях приобретения редакцией журнала «Голос минувшего» архива П. Л. Лаврова (при этом указана стоимость 50 руб. с листа). Значит, и С. П. Мельгунов был в курсе проблем с архивом П. Л. Лаврова, который в конце концов оказался в БАН, а затем в 1929 г. был перемещен в ЦГАОР (ныне — ГАРФ).

[3] Известно письмо Витязева от 16.09.1917 г. Ю. В. Леонтович в «Книгоиздательство писателей в Москве». На конверте указан петроградский адрес Витязева — 9-я линия Васильевского острова, д. 20, кв. 3. Подробнее см.: *Батюто С. А.* Об одном неизвестном письме Ф. И. Седенко-Витязева к Ю. В. Леонтович (наст. изд. С. 455–459).

[4] См. в нашей книге о «Колосе»: *Батюто С. А.* Кооперативное книгоиздательское товарищество «Колос» 1917–1927: Опыт исторической реконструкции деятельности. СПб.: Скифия-принт, 2018. С. 42, 50–53.

[5] Ср. в письме дочери П. Л. Лаврова М. П. Негрескул Витязеву с условной датировкой <после 1.05.1917 г.>: «[…] издательство “Рев<олюционная> мысль” меняет свои задачи и будет издавать не только партийную литературу, но и общеинтересную. […]» (Цит. по: *Батюто С. А.* Кооперативное книгоиздательское товарищество «Колос» 1917–1927. С. 38).

[6] См.: *Батюто С. А.* Неизвестные автографы И. П. Павлова, Э. Л. Радлова, П. А. Сорокина // Батюто С. А. Статьи. Разыскания. СПб.: Скифия-принт, 2019. С. 12–16. (Первая публикация: Рус. литература. 1990. № 3. С. 165–167.)

[7] *Витязев П.* Частные издательства в Советской России. Пг., 1921. 64 с.

[8] Разумеется, термин употреблен в переносном значении; подразумеваются гонения, нападки. См. в связи с этим: *Батюто С. А.* П. Витязев и его книга «Частные издательства в Советской России» (1921): К истории издательского дела в России в 1917–1921 гг. // Батюто С. А. Статьи. Разыскания. С. 115–143.

[9] См. в связи с этим: *Батюто С. А.* Ферапонт Иванович Витязев (1886–1938) — теоретик книжного дела (к 80-летию со дня смерти) // Петерб. библ. шк. 2019. № 4(69). С. 83–92.

[10] *Батюто С. А.* Статьи. Разыскания. С. 320, № 108 (речь идет об архивной ед. хр. № 199 из ф. 106 Ф. И. Витязев, хранящегося в РГАЛИ, с названием «Библиографические материалы о литературной деятельности Ферапонта Ивановича Витязева (1912–1933»).

[11] РГАЛИ. Ф. 155. Оп. 1. Ед. хр. 255. Л. 1.

[12] РГАЛИ. Ф. 106. Оп. 1. Ед. хр. 41. Л. 4.
[13] В РГАЛИ (Ф. 305 С. П. Мельгунов. Ед. хр. 540) находится письмо от А. А. Гизетти от 14.06.1922 г., в котором, в частности, читаем: «[…] Не можете ли сообщить чего нового о плане издать монографию о Лаврове? Ферап<онт> Ив<анович> (Витязев. — *С. Б.*) Вам писал подробно и защищал мою кандидатуру на эту работу, кот<орая> у меня в черновых материалах сильно подвинулась вперед за время "уединения", и право же, без лишнего хвастовства скажу, я чувствую, что работа выходит сто́ющая, с новым "подходом", могущая оживить внимание "академических" философов к Лаврову. […]» (Л. 27 об.)

Из письма явствует, что в 1920–середине 1922 г. Гизетти активно работал над монографией о П. Л. Лаврове. Если мы не ошибаемся, монография, по замыслу Гизетти, должна была называться «П. Л. Лавров, как мыслитель и деятель» (см. об этом: *Гизетти А.* П. Л. Лавров и «Вперед» // Былое. 1925. № 2(30). С. 41–68. Примеч. на с. 41: «Эта статья должна составить главу в подготовляемой автором книге "П. Л. Лавров, как мыслитель и деятель"»). Вероятно, ввиду того, что осенью 1922 г. С. П. Мельгунов был выслан за границу, а книгоиздательство «Задруга» было закрыто, а также в связи с тем, что А. А. Гизетти в дальнейшем неоднократно арестовывался с конфискацией его рукописей, этот замысел не получил дальнейшего развития. Из всего вышеизложенного нетрудно сделать вывод, что с согласия Витязева Гизетти подготавливал монографию о П. Л. Лаврове, которая предназначалась для издательства «Задруга». Это помимо всего прочего также свидетельствует об имевших место тесных контактах между С. П. Мельгуновым и Ф. И. Витязевым.
[14] РГАЛИ. Ф. 106. Оп. 1. Ед. хр. 230 (Письма Кареева Николая Ивановича — профессора-историка в издательство «Колос», в редакцию собрания сочинений П. Л. Лаврова, в правление общества «Задруга»). Л. 1.
[15] РГАЛИ. Ф. 106. Оп. 1. Ед. хр. 70. Л. 7.
[16] РГАЛИ. Ф. 106. Оп. 1. Ед. хр. 70. Л. 9.
[17] РГАЛИ. Ф. 106. Оп. 1. Ед. хр. 70. Л. 10.
[18] РГАЛИ. Ф. 106. Оп. 1. Ед. хр. 70. Л. 26.
[19] РГАЛИ. Ф. 106. Оп. 1. Ед. хр. 70. Л. 28.
[20] РГАЛИ. Ф. 106. Оп. 1. Ед. хр. 104. Л. 1.
[21] *Мякотин* Венедикт Александрович (1867–1937) — рус. историк, писатель, политический деятель. Член редакции журнала «Русское богатство». Сотрудничал в «Энциклопедическом словаре» Брокгауза и Ефрона. В 1917 г. председатель ЦК Трудовой народно-социалистической партии (энес), в 1918 г. — один из создателей и руководителей «Союза Возрождения России». В 1920 г. арестован, содержался в Бутырской тюрьме. В 1922 г. выслан из России. С 1928 г. преподавал в Софийском университете, умер в Праге.
[22] РГАЛИ. Ф. 106. Оп. 1. Ед. хр. 104. Л. 2 (копия).

[23] ЛОГА. Ф. Р-3959. Оп. 13. Д. 392. Л. 175 (Форма ежемесячной отчетности, представляемой Кустарно-Кооперативному Бюро при Севзаппромбюро).
[24] Цит. по: *Батюто С. А.* Кооперативное книгоиздательское товарищество «Колос» (1918–1927): Опыт исторической реконструкции деятельности. С. 311, 312, 313, 314.

С. А. Батюто

Ф. И. Витязев и И. В. Владиславлев
(К истории взаимоотношений двух библиографов и редакторов)

Вынесенные в заголовок имена двух известных библиографов — Ферапонта Ивановича Седенко-Витязева (1886–1938) и Игнатия Владиславовича Владиславлева (наст. фамилия Гульбинский; 1880–1962) как будто не нуждаются в дополнительных аттестациях: оба составили себе репутацию — первый как исследователь, редактор и публикатор трудов, а также биограф и библиограф П. Л. Лаврова; является автором издательской библиографии, связанной с издательством «Колос»;[1] второй как писатель и библиограф, автор библиографических указателей «Что читать?» (вып. 1–4, 1911–1917), «Русские писатели. Опыт библиографического пособия по русской литературе XIX — XX ст.» (1909, 4 изд. 1924), «Библиографические ежегодники» (вып. 1–8, 1911–1914, 1921–1924), «Литература великого десятилетия. 1917–1927» (1928) и др., а также трех томов библиографии В. И. Ленина — «Лениниана» (1926–1928).

В серии «Деятели книги» о Владиславлеве выпущено отдельное издание.[2]

И если Владиславлеву посвящена целая монография, то о Витязеве, несмотря на целый ряд имеющих-

ся публикаций о нем, сведения остаются неполными; визуальные изображения немногочисленны.[3] Однако о Витязеве сохранились воспоминания самых разных лиц. У того же Владиславлева о Витязеве находим: «Ф. И. Витязев-Седенко был одним из тех книгоблаженных из ордена рыцаря Ламанчского, которые, кажется, только на Руси еще не совсем перевелись».[4] «…Худой, высокого — “ламанчского” — роста…».[5] Другое воспоминание принадлежит жене Б. И. Коплана, дружившего с Витязевым, Софье Алексеевне Шахматовой-Коплан, которая приехала к мужу в Ульяновск в 1932 г. и оставила запись о Витязеве в дневнике тех лет: «Взгляд пронзительный, умный; улыбка — очаровательная, освещающая все лицо и глаза […] Говорит мастерски и увлекательно, но любит, чтобы его слушали, затаив дыхание; сам он принадлежит к типу людей, не любящих слушать других […] Действительно интересный человек с огромным кругозором и диапазоном дружеских связей и встреч. Говорил: существует нечто бессознательное, подсознательное в отношениях людей между собой; это и придает жизни красоту, без этого жизнь была бы мертва. “Глубинный человек, человек огромной духовной культуры, духовной жизни”».[6]

О Витязеве-человеке сохранилось немало свидетельств его корреспондентов. В его фонде в РГАЛИ хранятся письма Н. О. Лернера.[7] В первом из них, от 7.06.1926 г., читаем: «[…]У Вас рука легкая, и Вы сих дел мастер: навяжите их (речь идет о воспоминаниях С. Н. Южакова. — *С. Б.*) каторжанам или другим добрым людям».[8] А в письме от 26.11.1933 г. находим: «[…] Вы ведь всегда были и до гроба останетесь человеком инициативы».[9] Оба письма характеризуют Витязева как нельзя лучше: человек с обширными связями в издательском мире, он по возможности помогал са-

мым разным людям своими рекомендациями и непосредственно в снабжении авторов необходимыми им материалами. По его инициативе увидели свет многие интересные издательские проекты (в частности, наиболее известные — т. I и II «Системы социологии» (1920) П. А. Сорокина и т. I «Словарного указателя по книговедению» (1924) А. В. Мезьер в издательстве «Колос» и др.).

В том же архиве хранятся несколько писем И. В. Владиславлева, из которых можно получить представление об имевшихся у него планах издать в «Колосе» несколько работ — в области библиографии, а также в помощь учебному процессу. Они не были осуществлены по независящим от издательства причинам. Есть ли этому объяснения?

Как следует из текста писем, проект издать в «Колосе» учебное пособие «Город в произведениях художественной литературы. Пособие для школьной и политпросветительной работы» (сост. И. В. Владиславлев, О. С. Лейтнеккер и Б. Е. Лукьяновский) не состоялся, несмотря на оживленную переписку И. В. Владиславлева с Витязевым в 1924–1925 гг. и представленную в издательство «Колос» рукопись (рукопись, по всей видимости, была сдана Владиславлевым 2.07.1924 г.; см. п. 3); с большой долей вероятности можно утверждать, что «Колосом» был выплачен гонорар составителям (см. п. 2); однако издание, «уже начатое печатанием»,[10] по словам председателя правления книгоиздательства «Колос», было приостановлено и в итоге вышло в Госиздате. Ставшее последним юбилейное издание А. В. Мезьер[11] осуществлено издательством «Колос», находившимся в 1926 г. в трудном финансовом положении, «в типографии Гос<ударственного> издательства и на его средства»,[12] что, по нашему пред-

положению, было попыткой последнего как-то компенсировать материальные убытки «Колоса» от несостоявшегося издательского проекта по «Городу...».

Как выясняется из архивных документов издательства, его деятельность за 1923–1925 гг. следует признать успешной. Обратимся прежде всего к Протоколу Общего собрания пайщиков кооперативного издательского товарищества «Колос» от 22 марта 1925 г. На этом собрании, как и на предыдущих ежегодных собраниях, с отчетом о производственной деятельности за 1924 г. выступал председатель правления «Колоса» Ф. И. Седенко-Витязев. В нем, в частности, говорилось:

«...по количеству изданий отчетный год занимает первое место за все 7 лет (максимум был в 1918 г. — 17 названий, в предыдущем 1923 г. — 16 названий) (имелось в виду 24 названия в 1924 г. — *С. Б.*) [...]

К сожалению, большему размаху мешал целый ряд неблагоприятных условий. Сюда надо отнести крупные затруднения по расчетам с оптовыми покупателями. [...] В выборе работ к изданию неоднократно пришлось столкнуться с задержкой иногда уже начатых печатанием изданий со стороны организаций, обладающих преимущественным или монопольным правом изданий учебной, справочной и т.п. книги. Так, была приостановлена хрестоматия "Город"...»[13]

Теперь всё становится на свои места: издательство «Колос» действительно собиралось издавать книгу «Город в произведениях художественной литературы. Пособие для школьной и политпросветительной работы» (сост. И. В. Владиславлев, О. С. Лейтнеккер и Б. Е. Лукьяновский). Но ему помешал в этом Госиздат, обладавший монопольным правом изданий учебной и справочной книги. (В данном конкретном случае следует, однако, признать, что Госиздат за короткое вре-

мя сумел предпринять целых три издания «Города…», и это у него не отнимешь.)

В 1924 г. в «Колосе» вышел т. 1 «Словарного указателя по книговедению» А. В. Мезьер, редактором тома был Ф. И. Витязев. Известно об опубликованных А. В. Мезьер плане и задачах по дополнительному тому Словаря, с которыми она выступила на страницах «Журналиста»: «Дополнительный том […] будет посвящен, главным образом, книговедчеству Советской России. […] В связи с работами Н. А. Рубакина и некоторых его сторонников будет выделено слово “библиопсихология”. Намечаются следующие новые слова: “издательские фирмы”, “издатели и книгопродавцы”».[14]

Известно также письмо Г. И. Поршнева Витязеву от 30.01.1927 г., касающееся А. В. Мезьер и ее Словаря. Приводим его:

30/I 1927 г.

Дружище Ферапонтиус!

Пришёл домой, разложил клише и оттиски и задумался о Мезьер.

Вот она закончит свою работу, поставит точку у порога 1927 года и пойдёт в типографию. А дальше что? Кто будет собирать и систематизировать книговедческую литературу за 1927 и последующие годы? Оставить дело на произвол судьбы никак нельзя.

Мне кажется — тут где-то есть твоя функция. Если Мезьер окажется не в силах вести работу дальше, ты повинен взвалить её на свои плечи. Пунктуальности, осведомлённости, настойчивости, вкуса и знания у тебя не занимать стать. […][15]

К этому же времени — к 1927 г. относится письмо самой А. В. Мезьер Витязеву, в котором она сообщает

о том, что не сможет своевременно представить в ГИЗ рукопись Словаря в указанный в договоре срок:

14/V 1927 г.

Друже милый, родной Ферапонт Иванович, давно собираюсь Вам писать, да всё не могу наладить со своим здоровьем: день-два хожу еле-еле, а потом опять лежу: всё не покидает кашель, а всю последнюю неделю опять сердце очень пошаливает. Всему этому способствует погода — снег, ветер, пасмурно на небе и в душе. Вот сегодня, 1-го мая по старому стилю, выглянуло солнце, поголубело небо, и я, наконец, нашла в себе силы взяться за перо.

Прежде всего о деле.

Получила я из Ленотгиза напоминание от 4/V, что срок представления рукописи истекает 15/VI. Я до сих пор ничего им не ответила — всё поджидала от Вас каких-либо известий — о том, говорили ли Вы с ГИЗ'ом в Москве. В начале будущей недели я предполагаю послать Ленотгизу (Редотдел) такое письмо: «Перенесенная мною только что тяжелая форма гриппа настолько подкосила мое здоровье, что я совершенно не в состоянии теперь работать и нуждаюсь в долговременном отдыхе, потому не могу даже указать сейчас срока, к которому смогу закончить работу. Полагаю, что наилучшим выходом было бы сейчас считать заключенный договор недействительным, а когда я совершенно закончу работу к печати, возобновить, — если Вы того пожелаете, — переговоры о печатании моей работы». Другого выхода я не вижу, назначать сроков больше не могу; когда же кончу совсем работу набело, тогда, если ГИЗ дорожит моей работой, можно заключить новый договор и начать печатать работу в любой момент. Известить же Ленотгиз сейчас необходимо, так как иначе он будет готовить всё для набора и печатания, что может вызвать на меня нарекания — режим экономии!

Как Вы живете? Когда я Вас увижу снова — я без Вас скучаю. Посетил меня несколько раз Дмитрий Мих<айлович>,[16] рассказал о книжном базаре, презентовал мне газету-однодневку «О книге», выпущенную к 5 мая[17] Книжной Палатой, — я уж разнесла ее материал на карточки. Дмитрий Мих<айлович> очень интересный собеседник — вчера, между прочим, он рассказал мне об интересном докладе, бывшем у него, — «Гоголь и Блок»; очень оригинально, может быть, и спорно, но дает массу новых мыслей. Я всё же, несмотря на болезнь, немного поработала. Сегодня, если смогу, примусь за комментарии Иванова-Разумника к Щедрину,[18] которого мне принес Дм<итрий> Мих<айлович>. Там, кажется, масса материала. Уже хочется работать, но сил что-то мало. […] Ну, будьте здоровы, приезжайте скорей, а пока крепко жму Вашу дружескую руку. Ваша *А. Мезьер* […][19]

Судя по дальнейшим событиям, новый договор с Мезьер Госиздатом был заключен. В своем письме от 23.12.1931 г. Мезьер сообщала Витязеву о том, что она составляет «Систематический указатель слов, вошедших в “Словарный указатель по книговедению” (попытка систематизации знаний о книге, соединения их в одно)».[20]

Так случилось, что в издании «Словаря», выпускавшемся в 1930-е годы Государственным социально-экономическим издательством (ч. 1. 1931; ч. 2. 1933; ч. 3. 1934; ч. 4 не вышла), редактором его значился И. В. Владиславлев. (Напомним, что Ф. И. Витязев 25 апреля 1930 г. был арестован по т.н. «Академическому делу» и отбывал наказание в Слаге № 8 на ст. Майгуба, в конце 1931 г. дело было пересмотрено, ему присудили «минус 12»: он оказался сначала в Нижнем Новгороде, а затем в Ульяновске. Но с лета 1933 г. он уже снова

был в Москве. Поэтому принимать участие как редактор в новом издании «Словаря» А. В. Мезьер Витязев не мог.)

Из писем А. В. Мезьер Витязеву 1933 г. можно получить представление о том, в каких условиях выходило новое издание ее «Словаря». Напомним, в 1931 г. СНК РСФСР было принято новое Положение о Главлите, узаконившее предварительную цензуру, и постановление ЦК ВКП(б) от 5 апреля 1931 г. об охране государственных тайн в печати.

9/VII 1933 г.

[...]

Дело вовсе не в «Петрухе» (хотя он и играет большую роль), а в системе (и «Петрухи» входят в систему). Кто бы ни стал на пути к системе — прочь его. И не ведают, слепые, что система — стена, что стремление к системе убивает свободное творчество, мечту, ставя им заранее подготовленные тесные границы. Разве Владиславлев виноват в том, что произошло с моей книгой? Тут система: чтобы не было ничего «своего на душе», как можно иметь какую-то свою душу! Коллектив мыслит по системе [...] нельзя требовать, чтобы все мыслили одинаково.[21]

И, наконец, в следующем письме:

31/XII 1933 г.

[...]

Так важно, чтобы писали люди, не думающие за каждым словом, что и как об этом сказал наставник. Никогда не была так жива старая поговорка “magister dixit”.[22] Мы думаем не своей головой и чувствуем не своей душой, настоящие схоластики! Когда было такое преклонение перед авторитетом? Даже средневековых аристотелистов переще-

голяли! Мы утеряли солнечность, не светим собственным светом и впали в солнцепоклонность. […][23]

Из процитированных фрагментов писем нетрудно догадаться о том, что речь в них идет о Сталине и цензуре, а также о том, что пришлось претерпеть вышедшим частям «Словарного указателя» (заключительная ч. 4-я с указателями к Словарю и вовсе не вышла). Основной причиной невыхода указателей, включая именной, по выражению Мезьер, была «имябоязнь».

Известны отзывы Витязева, которые он опубликовал в связи с выходом новых частей «Словаря» в конце 1934 г. в сугубо специальном издании, предназначенном для книготорговых работников.[24]

Приводимые нами письма И. В. Владиславлева из архива Ф. И. Витязева (РГАЛИ. Ф. 106. Оп. 1. Ед. хр. 25) приоткрывают новую страницу в истории взаимоотношений двух известных библиографов и редакторов, свидетельствуя о так и несостоявшемся в 1925 г. в «Колосе» одном из интереснейших издательских начинаний в области библиографии,[25] а также «начатой печатанием», но не выпущенной в этом издательстве «хрестоматии» в помощь учебному процессу.

Письма приводятся выборочно в хронологической последовательности.

1

<фирменный бланк>

Редакция Библиографического ежемесячника

Москва, Зацепа, 41, кв. 5

7/V 1924

Уважаемый Ферапонт Иванович!

Оказалось, что у меня дома нет другого экз<емпляра> проспекта, посылаю Вам свой старый, который в силу моих

пометок мне особенно важен. Прилагаю еще краткую дополнит<ельную> заметку о задачах книги. Сегодня у нас очередное заседание сотрудников, и я точно выясню вопрос об условиях, чтобы можно было в пятницу поговорить Вами заодно более конкретно и об этой книжке.

С тов<арищеским> приветом *И. Владиславлев*

P. S. Книгу можно было бы назвать:

"Путеводитель по русс<кой> библиографии. Вып. I Десятилетие войны и революции (1915–1924 гг.)" (1)

(*л. 2. Автограф*)

1. Об этом проекте см. упоминание в ст. Л. А. Везировой «Ферапонт Иванович Витязев (1886–1938)»: «Предполагалось издать "Путеводитель по русской библиографии" ("Путеводитель по библиографическим источникам") И. В. Владиславлева…» (Книга: Исследования и материалы. Сб. 53. М., 1986. С. 88). Издание не вышло.

2

<фирменный бланк>

Редакция Библиографического ежемесячника

Москва, Зацепа, 41, кв. 5

21/VI 1924

Уважаемый Ферапонт Иванович!

Вы так рано начинаете совершать свой утренний рейс, что сейчас я опять не поймал Вас по телефону.

Дело в следующем. Как я и обещал Вам, мы приложили все силы, чтобы скорее докончить работу по «городу» (1). Сдаю Вам к 1-му июля, самое позднее к 3 июля.

В связи с этим надо ускорить и оплату. Нас устроит, если мы получим 200 р. не позднее 26 июня, 400 р. — при сдаче рукописи и 400 р. не позже 15 июля.

Сейчас еду на дачу, буду звонить Вам в понедельник к вечеру в «Колос» или во вторник утром по тел<ефону> 23-25.

Хорошо, если бы в среду Вы заглянули ко мне, чтобы нам начать знакомство «домами» и кстати посмотреть рисунки к «Городу».

С приветом *И. Владиславлев*

(*л. 3-3 об. Автограф*)

1. Здесь и в дальнейшем речь идет об изд.: Город в произведениях художественной литературы. Пособие для школьной и политпросветительной работы / сост. И. В. Владиславлев, О. С. Лейтнеккер и Б. Е. Лукьяновский. М.; Л.: Гос. изд-во, 1-я Образцовая тип. в М., 1925. 368 с., илл. (Учеб. пособия для школ II ступени) (так! — *С. Б.*). В следующем, 1926 г., вышло 3 изд.: Город в произведениях художественной литературы. Пособие для школьной и политпросветительной работы / сост. И. В. Владиславлев, О. С. Лейтнеккер и Б. Е. Лукьяновский; подбор илл. А. Л. Дубинский. 3 изд., перераб с прил. «В помощь руководителю». М.; Л.: Гос. изд-во, 1-я Образцовая тип. в М., 1926. 360 с., илл. (Учебные пособия для школ II ступени). (По сведениям ГАК РНБ.)

3

<карандаш>

1/VII 24 г.

Уважаемый Ферапонт Иванович!

Завтра, в среду, могу сдать Вам наше детище «Город» и рисунки к нему. Так как всё это надо было бы основательно рассмотреть (особ<енно> иллюстрации и заслушать мои объяснения, а затем посоветоваться о ГУС'е (1) и проч<ем>, то очень хорошо было бы, если бы Вы могли уделить на это завтрашний вечерок и пожаловать ко мне — в какое время Вам угодно — я завтра целый день дома.

С тов<арищеским> приветом *И. Владиславлев*

P. S. М<ожет> б<ыть>, приедете со Ст<епаном> Ильичом? (2) На всякий случай напоминаю адрес:

Зацепа, 41, кв. 5

(*Л. 4. Автограф*)

1. При Наркомпросе РСФСР в 1919 г. был основан Государственный ученый совет (ГУС) — руководящий научно-методический орган Наркомпроса, ведавший осуществлением политики государства в области науки, искусства, образования и социалистического воспитания. Организован и возглавлялся замнаркома А. В. Луначарского М. Н. Покровским, после смерти последнего ликвидирован Постановлением ВЦИК и СНК РСФСР от 19 сентября 1933 г.

2. Имеется в виду Степан Ильич Синебрюхов — «литератор-библиограф, служащий Моск. отделения издательства “Колос”» (*Батюто С. А.* Кооперативное книгоиздательское товарищество «Колос» 1918–1927 годы: Опыт исторической реконструкции деятельности. СПб.: Скифия-принт, 2018. С. 558). В дальнейшем, в 1933–1940 гг., сотрудник (и.о. зав. Рукописным отделом) Государственного литературного музея в Москве.

4

<фирменный бланк>

Редакция Библиографического ежемесячника

Москва, Зацепа, 41, кв. 5

8/IX 1924 г.

Уважаемый Ферапонт Иванович!

ГУС’ы и ГИЗ’ы замучили меня до смерти. Просили сегодня приехать в ГИЗ, обещали, что рукопись уже будет там. Оказалось — нет.

Поехал в ГУС, где по телеф<ону> обещали выдать рукопись. Приезжаю: девица, говорившая по телеф<ону>, «оши-

блась» — оказывается, послали Вам на Крестовоздвиженский (1).

Т<а>к<им> обр<азом>, сегодняшняя беседа в ГИЗ'е, кот<орая> окончательно должна была выяснить, кто же будет наконец крестным отцом нашего «городского» детища, опять расстроилась.

Поеду завтра и тотчас же извещу Вас о результатах.

P. S. Пришлите, пожалуйста, заодно посмотреть и бумагу об одобрении (2).

С искренним приветом *И. Владиславлев*

(*Л. 6 Автограф*)

1. Подразумевается московский адрес по Крестовоздвиженскому пер., д. 9, кв. 1. По нему в свое время размещалась «Задруга», после ликвидации которой в 1922 г. в помещении располагалось московское отделение издательства «Колос»; по этому же адресу проживал в Москве с 1923 г. до своего ареста 25 апреля 1930 г. Ф. И. Витязев.

2. Вероятно, имеется в виду одобрение рукописи ГУС'ом.

5

28/VII 1925 г.

Дорогой Ферапонт Иванович!

Уезжая в далекие странствия, шлю Вам привет и возвращаю неск<олько> книг. Не успел сам зайти, как собирался. Сдана ли рукопись в набор? Где? Лучше бы в Москве, если можно (1).

Всего доброго. *И. Владиславлев*

P. S. Посылаю обещанное объявление о «Б<иб>лиографическом Ежег<однике>» (2), о «Путеводителе» (3) не успел.

(*Л. 7. Автограф*)

1. Речь в письме, вероятно, шла о той же рукописи «Города». См. примеч. 1 к п. 2. Рукопись была сдана в набор, издание печаталось в московской 1-й Образцовой типографии.

2. «Библиографический ежегодник» под редакцией И. В. Владиславлева выходил в Москве в 1912–1927 гг.

3. Имеется в виду «Путеводитель по русской библиографии» («Путеводитель по библиографическим источникам»), который в «Колосе» не вышел. См. п. 1 и примеч. 1 к этому письму.

6

19/X 1925 г.

<фирменный бланк>

Книгоиздательство «Свобода и культура» (1)

Редакция Москва, Зацепа, 41, кв. 5

Склад Москва, Таганская площадь, книжный склад «Общественное дело»

<…>

Как с рукописью? Неужели до сих пор не удалось устроить? А я Вам другую готовлю вскоре (2).

С тов<арищеским> приветом *И. Владиславлев*

(*Л. 8. Автограф*)

1. Издательство под таким названием в Москве и Ленинграде обнаружить не удалось. Не исключено, что по своему адресу Владиславлев зарегистрировал издательство, не успевшее выпустить книжную продукцию и потому не попавшее в справочное издание. Имеющийся в нашем распоряжении указатель «Московские и ленинградские издатели и издательства двадцатых годов». Ч. I (М., 1990) на с. 67 содержит следующую краткую информацию: «375. КУЛЬТУРА И СВОБО-

ДА. Л.; М., 1917–1923 // Л. Я. Хозан, М. Д. Хомовская». Но это совершенно другое издательство.

2. Возможно, подразумевалась рукопись «Путеводителя по русской библиографии» («Путеводителя по библиографическим источникам») — см. п. 1 и примеч. 1 к нему, а также примеч. 2 к п. 5.

---

[1] См., например: Кооперативное книгоиздательское товарищество «Колос». 1918–1923 / Сост. Ф. И. Витязев. Л.: Колос, 1924. 104 с. Речь идет о «Библиографических материалах о Кооперативном книгоиздательском Товариществе “Колос”», помещенных в этом издании.

[2] *Везирова Л. А.* И. В. Владиславлев (1880–1962). М.: Книга, 1978. 190 с.

[3] См.: *Батюто С. А.* Статьи. Разыскания. СПб.: Скифия-принт, 2019. С. 92 и 479. Первое относится к началу 1900-х гг., второе — последнее из Следственного дела, датировка — март-апрель 1938 г. Нынешний, 2020 г. принес неожиданные открытия: в далекой Самаре обнаружены неизвестные фотографии сотрудников книгоиздательского товарищества «Колос», включая главу издательства Ф. И. Седенко-Витязева; фотографии условно датируются 1920-ми годами (см.: *Машенцева Л. П.* Неотправленное письмо О. А. Благонадеждиной к А. А. Гизетти в наст. изд.).

[4] РГБ. Ф. 617. Карт. 15. Ед. хр. 12. Л. 15.

[5] РГБ. Ф. 617. Карт. 15. Ед. хр. 12. Л. 16.

[6] Цит. по ст. В. Э. Молодякова в изд.: *Коплан Б.* Старинный лад: Собр. стихотворений 1919–1940. М.: Водолей, 2012. С. 12.

[7] *Лернер* Николай Осипович (1877–1934) — литературовед, историк литературы и пушкинист.

[8] РГАЛИ. Ф. 106. Ед. хр. 92. Оп. 1. Л. 1. *Южаков* Сергей Николаевич (1849–1910) — рус. социолог. В Издательстве политкаторжан и ссыльнопоселенцев воспоминания изданы не были.

[9] РГАЛИ. Ф. 106. Ед. хр. 92. Оп. 1. Л. 6.

[10] Цит. по: *Батюто С. А.* Кооперативное книгоиздательское товарищество «Колос» 1918–1927 годы: Опыт исторической реконструкции деятельности. С. 367.

[11] Тридцатилетний юбилей литературной, библиографической и общественной деятельности Августы Владимировны Мезьер 1894–1924. Биография, список трудов, приветствия / под ред. Ф. И. Витязева и Н. Н. Орлова. Л.: Колос, 1926.

[12] *Батюто С. А.* Кооперативное книгоиздательское товарищество «Колос» 1918–1927 годы: Опыт исторической реконструкции деятельности. С. 407.

[13] *Батюто С. А.* Кооперативное книгоиздательское товарищество «Колос» 1918–1927 годы: Опыт исторической реконструкции деятельности. С. 366–367.
[14] См.: Журналист. 1927. № 1. С. 72–73.
[15] РГАЛИ. Ф. 106. Оп. 1. Ед. хр. 128. Л. 15.
[16] С большой долей вероятности можно утверждать, что речь идет о Дмитрии Михайловиче Пинесе (1891–1937), историке литературы, библиографе, проживавшем в Ленинграде по адресу: 4-я Советская ул., д. 8, кв. 11. Окончил юридический факультет Психоневрологического института, в 1917–1918 гг., был близок к левым эсерам, с 1920 г. секретарь Вольной философской ассоциации (1919–1924). Арестовывался в 1920 и 1929 гг., вновь арестован 28.06.1933 г. ОСО при Коллегии ОГПУ, осужден по ст. 58-10-11 УК РСФСР на два года политизолятора, затем в 1935 г. отправлен в Северный край (г. Архангельск). Арестован 6.02.1937 г. как «активный эсер». Тройкой УНКВД Архангельской обл. 23.10.1937 г. приговорен к высшей мере. Расстрелян 27.10. 1937 г. В 1956 г. дело пересмотрено, и он был полностью реабилитирован.
[17] В Советском Союзе в этот день отмечался День печати (праздник в честь выхода первого номера большевистской газеты «Правда» 5 мая 1912 г.).
[18] В 1926–1927 гг. Иванов-Разумник редактировал шеститомное собрание избранных сочинений Салтыкова-Щедрина и поместил в нем 30 п.л. подробных комментариев.
[19] РГАЛИ. Ф. 106. Оп. 1. Ед. хр. 104. Л. 15, 15 об. (*Автограф*)
[20] РГАЛИ. Ф. 106. Оп. 1. Ед. хр. 104. Л. 57, 58, 59 об. (*Автограф*)
[21] РГАЛИ. Ф. 106. Оп. 1. Ед. хр. 104. Л. 66, 67, 68. (*Автограф*)
[22] это сказал учитель (*лат.*).
[23] РГАЛИ. Ф. 106. Оп. 1. Ед. хр. 104. Л. 71 об. (*Автограф*)
[24] 1) *Ф. И. В.* [Ферапонт Иванович Витязев]. Сорок лет служения книге // Моск. книжник. 1934. № 21. 19 нояб. С. 3; 2) *Ф. В.* [Ферапонт Витязев] Закончен первый в СССР словарь по книговедению // Моск. книжник. 1934. № 25. 10 дек. С. 4.
[25] Как отмечено в статье Л. А. Везировой «Ферапонт Иванович Витязев (1886–1938)», Владиславлев рассматривал в 1924 г. выпуск в «Колосе» своего «Библиографического ежегодника» (см. с. 86). Также Владиславлев планировал издать свой «Путеводитель по русской библиографии. Вып. I Десятилетие войны и революции (1915–1924 гг.)» (см. п. 1).

С. А. Батюто

Как уничтожали «Колос»?

(К истории издательского дела в России в 1921–1927 годах)

В статье «О статусе частных и кооперативных издательств в Советской России» (К истории издательского дела в России в 1917–1921 годах)[1] мы показали, что к началу 1921 г. положение этой группы издательств было угрожающим: политика «военного коммунизма» и национализация книжных складов и магазинов в Москве и Петрограде привели к тому, что частнокооперативный издательский сектор мог прекратить своё существование и был как будто обречён. (Напомним, что 23.10.1918 г. Московский Совет принял постановление «О муниципализации книжной торговли и книгоиздательства», по которому все частные издательства, книжные склады и магазины, а также библиотеки объявлялись собственностью Моссовета. Петроградский Совет, хотя и с годичным опозданием, 20.12.1919 г. воспользовался готовым московским сценарием по муниципализации книжной торговли и книгоиздательства. Инициатором в Петрограде выступил И. Ионов.[2]) В мае месяце 1921 г. появляется отпечатанная в Москве тиражом 700 экз. на правах рукописи, что предполагало ее бесплатное распространение, книга П. Витязева «Частные издательства в Советской России». (Поясним, что П. Витязев — наиболее известный литературный псевдоним Ферапонта Ивановича Седенко (1886–1938); также это название его издательской «фирмы»; в документах кооперативного книгоиздательского товарищества «Колос», которое он возглавлял в 1918–1927 гг., встречается написание Ф. И. Седенко и Ф. И. Седенко

(Витязев); ближе к 1930-м годам наиболее часто встречается написание Ф. И. Витязев; под последним именем в РГАЛИ и РГБ созданы его фонды — соответственно, ф. 106 и ф. 576.)

Выходу этой книги предшествовало своеобразное анкетирование «по вопросу о национализации частных издательств и отдачи всего издательского дела в Государственное издательство», предпринятое П. Витязевым в самом начале 1921 г. Текста самой анкеты до настоящего времени обнаружить не удалось, хотя очень может быть, что она состояла из одного вопроса — об отношении к национализации частных издательств. Это напрашивается из полученных Витязевым текстов ответов академика И. П. Павлова, Э. Л. Радлова и П. А. Сорокина. Они находятся в фонде Ф. И. Витязева в РГАЛИ и опубликованы нами.[3]

Факт наличия в фонде Витязева ответов ряда видных представителей русской интеллигенции на анкету по вопросу о национализации частных издательств вдвойне примечателен. Он свидетельствует об уважительном отношении Витязева — издателя и литератора к мнению авторитетных людей. С другой стороны, — и это становится всё более очевидным, — суждения Витязева в его книге «Частные издательства в Советской России» опирались на данные опроса, полученные в результате анкетирования.

В том же фонде в РГАЛИ находится письмо ближайшего сотрудника П. Витязева по издательству «Колос» А. Г. Горнфельда, который 7.05.1921 г. сообщал ему: «Очень Вам благодарен за книжку («Частные издательства в Советской России». — *С. Б.*), которую я прочёл с великим интересом и удовольствием. Факты отлично подобраны, всё выяснено с достаточной убедительностью, тон решителен, и статья эта не литература,

а гражданский акт».[4] Этот отзыв А. Г. Горнфельда является также и непосредственной реакцией на письмо к нему П. Витязева от 6.05.1921 г., в котором есть такие примечательные строки: «Посылаю Вам свою книжку о частных издательствах, которую я выпустил в Москве (в два дня!). Она наделала много шуму в Москве и “сорвала” вопрос о нашей национализации в Комиссии Троцкого. Меня очень интересует Ваше мнение об этой книжке».[5]

Здесь же находится и письмо Р. В. Иванова-Разумника Витязеву, датированное 8.05.1921 г.: «Ферапонту Ивановичу — привет, поздравления с праздниками — прошедшими — а прежде всего — с прекрасной брошюрой (после этого рукой Витязева сделан знак сноски и указано, что речь идёт о книге «Частные издательства в Советской России». — *С. Б.*), которую я лишь мельком просмотрел у Сорокина».[6] И этот положительный отзыв следует записать в актив Витязеву.

В книге помещен не только подробный обзор деятельности частных и кооперативных издательств Москвы и Петрограда. Особо отмечено, что среди руководителей Госиздата тех лет также существовали разные точки зрения: например, нарком просвещения А. В. Луначарский и В. В. Воровский разделяли мнение о том, что частные и кооперативные издательства должны равноправно существовать наряду с государственными; другая точка зрения была присуща И. И. Степанову (Скворцову); Витязевым показана несостоятельность позиции заместителя председателя редколлегии Госиздата Степанова, который считал: «Деятельность солидных фирм на 90, если не на 99 % является деятельностью старьевщиков…»[7] При этом Степанов имел в виду, что частные и кооперативные издательства занимались в основном «переизданием старых работ», а не выпу-

ском новых книг. Витязев компетентно уточнял, ссылаясь при этом на успешную деятельность московского книгоиздательства «Задруга» (за период 1918–1920 гг. соотношение новых и повторных изданий у которого составило 50:113), что те издательства, которые по своему профилю занимались в основном выпуском учебной литературы, делали нужное для страны дело, а переиздание такой литературы как раз свидетельствовало о сохранявшейся актуальности учебников, пособий в помощь учебному процессу и хрестоматий, без которых не могли обойтись советская начальная, средняя и высшая школа (кстати, «Задруга» выпускала столь необходимые учебные пособия по заказу Наркомпроса и Госиздата).

Основными «критериями» в упоминавшейся выше статье Степанова, направленной против частных и кооперативных издательств, выступают «недоверие и подозрительность»: «Не всегда разберешь, солидный ли это капиталист, или кулак, или подрядчик, нашедший в поставках на социалистическое государство чрезвычайно благоприятные условия для первоначального накопления».[8] Статистика, приводимая Витязевым в книге «Частные издательства в Советской России», также свидетельствовала не в пользу высказываний Степанова.

Витязева справедливо рассматривать как теоретика издательского дела. В самом деле, в разделе III «Обвинения Госиздата против частных издательств перед судом реальной действительности» читаем: «[…] каждое частное, а в особенности общественное издательство в процессе своей работы неизбежно создает вокруг себя определенное литературное наслоение, своеобразное ядро, которое состоит из ряда писателей, органически связанных с самим издательством. У та-

ких писателей рождается особая, чисто психологическая связь с издательством. Они смотрят на него, как на свое родное, близкое им дело. Это особенно сказывается, если писатели еще состоят пайщиками такого издательства, как это бывает в кооперативных объединениях. Не надо еще забывать, что тот круг писателей, который постепенно отлагается около тех или иных издательств, и создает собой литературное направление, превращая эти издательства в особую литературную или культурную индивидуальность. Для писателей этого "круга" само издательство есть как бы знамя».[9] И далее: «Каждое издательство, с нашей точки зрения, представляет само по себе громадную культурную ценность, определенную литературную или научную индивидуальность. Вокруг каждого издательства всегда группируется свой постоянный круг литературных сил, создается крайне ценный редакционный аппарат со своими определенными вкусами, наклонностями, идеями и т.д. Индивидуальная окраска каждого издательства сказывается в подборе и выборе произведений из необъятного моря русской литературы и науки. С особой силой это выступает в коллективных работах, где издательство объединяет по выработанному им плану целый ряд литературных сил на одном каком-нибудь достижении. На этих издательских планах во всей своей силе сказывается свободная инициатива, всегда превращающаяся в подлинное творчество. [...] "Литературная среда" вокруг издательства создается не сразу, не вдруг, а постепенно путем крайне медленного подбора в процессе самой работы. Редакционные планы и идеи также не сразу создаются, а постепенно уясняются путем беспрестанного общения с деятелями литературы, науки, искусства, путем длительного коллективного опыта, путем определенных запросов,

какие ставит сама жизнь в ее развитии».[10] Эти положения сформулированы просто и убедительно и не вызывают возражений. Витязеву-теоретику нами посвящена специальная статья.[11]

К середине 1921 г. как будто наметилось изменение позиций Московского и Петроградского Советов по отношению к частным и кооперативным издательствам. 18.08. 1921 г. президиум Моссовета отдал распоряжение «производить в Москве продажу книг по рыночным ценам через книжные и другие кооперативы на комиссионных началах или за наличные деньги».[12] Стала возрождаться книжная торговля. Почти сразу после этого 20.08.1921 г. председатель правления Союза петроградских кооперативных издательств П. Витязев направляет Докладную записку о насущных нуждах книжной кооперации в стране Совету Народных Комиссаров, Совету Труда и Обороны, Высшему Совету Народного Хозяйства, Главному управлению кустарной и кооперативной промышленности и Народному комиссариату по внешней торговле.[13] Записка подписана также: зам. председателя — А. Каган, казначей — А. Баранов, секретарь — Л. Лурье. Было отпечатано 20 экз. в типографии бывшей Р. Голике и А. Вильборг (в выходных сведениях типография не упомянута; после национализации — 15-я Гос. типография; с 1922 г. — типография им. Ив. Федорова в Петербурге на Звенигородской ул., 9/11).

В Докладной записке говорилось: «[…] с наибольшей силой […] должна сказаться политика привлечения […] частной и общественной инициативы с её творческими порывами. К сожалению, Советская власть колеблется в этом вопросе и до сих пор ещё почему-то искусственно выделяет книжное дело из общих хозяйственных процессов нашей страны в какую-то особую рубрику

“забронированных” видов производства, на которое накладывается своеобразное государственное veto».[14] Из дальнейшего текста явствует, что «Союз петроградских кооперативных издательств в настоящей записке стремится *применить* (курсив авторов. — *С. Б.*) опубликованные Совнаркомом декреты и указания специально к книжной кооперации в России…».[15]

В Докладной записке имелся в виду принятый 7.07.1921 г. ВЦИК и СНК декрет «О промысловой кооперации», по которому кооперативы получали право владеть «мастерскими и иными хозяйственными предприятиями».[16] Под такими предприятиями применительно к своей деятельности частные и кооперативные издательства понимали типографии, книжные магазины и склады.

Наконец, 12.12.1921 г. появился Декрет СНК «О частных издательствах».[17] Если сравнить тексты Докладной записки и Декрета, можно найти немало общего: при выработке последнего были учтены центральные положения Докладной записки. По этому декрету частные и кооперативные издательства получали право иметь собственные или арендовать типографии, склады и магазины; продавать издания, выпущенные на собственные средства без субсидий государства; печатать книги за границей. Контроль за их деятельностью осуществлял Госиздат.

Однако государству контроля за деятельностью частных и кооперативных издательств в лице Госиздата и его политического отдела показалось недостаточно: в скором времени оно создало особый орган — Главное управление по делам литературы и издательства. Положение о Главном управлении по делам литературы и издательства (более известном под сокращенным наименованием — Главлит) было подписано 6.06.1922 г.

А. И. Рыковым. Отныне Советское государство ввело цензуру. Об этом прямо говорилось в п. 1: «В целях объединения всех видов цензуры печатных произведений учреждается Главное управление по делам литературы и издательства при Наркомпросе и его местные органы при губернских отделах народного образования». «Владельцы и заведывающие типографиями обязаны представлять в органы цензуры по пяти экземпляров всякого рода печатных произведений немедленно по его напечатании».[18] Хотя это прямо не декларировалось, одним из главных направлений деятельности Главлита была именно борьба с частными и кооперативными издательствами.[19]

Обратимся к архивным документам, хранящимся в ЦГАЛИ С.-Петербурга: документам Госиздата и Главлита. Постараемся проследить, как на практике происходило вытеснение кооперативных и частных издательств из книгоиздания 1920-х гг. на примере кооперативного книгоиздательского товарищества «Колос». Как указано выше, его глава Ф. И. Седенко-Витязев воспринимался руководителями Госиздата как главный идеолог частнокооперативного книгоиздания, открыто заявивший об этом своей книгой «Частные издательства в Советской России». Книга эта получила широкий резонанс при своем выходе в свет, при Советской власти неизменно воспринималась как «легковесная»[20] и «тенденциозная».[21] В своей статье о книге Витязева мы постарались снять подобные нарекания и показать, что архивные материалы из РГАЛИ свидетельствуют об обратном: современники дали ей высокую оценку и поддержали автора.[22]

Становится понятно, почему именно издательство «Колос» стало объектом пристального внимания Главлита: эсеровское прошлое Витязева (хотя он покинул

ряды партии социалистов-революционеров еще в середине 1917 г.), его активная позиция в отстаивании прав частных и кооперативных издательств в 1920-е годы, а также его деятельность в качестве руководителя одного из известных кооперативных издательств и председателя правления Союза петроградских кооперативных издательств — всего этого было более чем достаточно.

Итак, начнем по порядку. В ЦГАЛИ СПб. (Ф. 35 Ленинградское отделение Государственного издательства РСФСР) находятся «Материалы о национализации книжных магазинов и складов (акты, мандаты и переписка)». Там находим Расписку П. Витязева следующего содержания:

1

Документы с перепиской по поводу книги «А. И. Герцен» получил обратно на 9 листах

13/VII 22 С.-Петербург *П. Витязев*

<Другой рукой на том же листе>

Отношение издательства «Колос» № 42 от 22/III 22 г.

Отношение «Центропечати» № 161 21/III 20 г.

Выписка из протокола Ликвидации «Центропечати» № 17 от 20/III 22 г.

Отношение издательства «Колос» № 51 от 14/III 22 г.

Копия отношения Отдела печати № 726 от 3/III

Отношение издательства «Колос» № 35 от 8/V 22 г.

<…>

Счет издательства «Колос» № 3446

Копия отношения издательства «Колос» № 42 от 28/III 22 г.[23]

Если посмотреть на колосовские документы по ликвидации, станет понятно: речь шла о «потере 3019 р. 50 к. за книгу Иванова-Разумника “А. И. Герцен”, сдан-

ную в Центропечать 8/XII 20 г. в количестве 10 000 экз. (документы по этому делу до сих пор хранятся в “архиве” “Колоса”)».[24]

Теперь перейдем к материалам Ленинградского губернского отдела «Ленгублит» Главного управления по делам литературы и издательств (ф. 31). Наша цель — показать, как в течение непродолжительного времени Главлит и его отделения на местах организовали наступление на частные и кооперативные издательства по самым разным направлениям (материалы выбирались лишь те, которые имели непосредственное отношение к интересующему нас издательству «Колос»).

1

Заведующий Редакц[ионным] Сектором
Государственного Издательства
22 августа 1922 года

В Главный комитет по делам литературы

Копия

В Петроградский комитет по делам литературы

Вх. 207
31 VIII 22

По распоряжению председателя научно-педагогической секции Государственного Ученого Совета Н. К. Ульяновой-Крупской и Заведующего Государственным Издательством О. Ю. Шмидта имею сообщить следующее:

По декрету от 16 марта 1922 года «О порядке выдачи разрешения на печатание учебников» таковое разрешение должно выдаваться Государственным Ученым Советом, причем Государственное Издательство имеет преимущественное право печатания разрешенных таким порядком учебников.

Между тем в провинции и главным образом в Петрограде за последнее время стало выходить весьма много учебни-

ков, не получивших разрешения Главного Ученого Совета. Это явление, идя зачастую вразрез с основами современной школьной политики, также и экономически неблагоприятно влияет на деятельность Государственного Издательства в этой области.

Поэтому настоятельная просьба дать директивное распоряжение о неукоснительном выполнении декрета о порядке выдачи разрешений на учебники на местах; в отношении Петрограда провести это особенно настойчиво и решительно, предложив все поступающие учебные пособия в Петроградском комитете, а также уже сданные в печать и имеющие корректурные оттиски, направить в Главный Ученый Совет.

Заведующий Редакционным Сектором *Калашников*[25]

Приведенный документ красноречиво свидетельствует о том, что практику издания негосударственными издательствами (прежде всего частными и кооперативными) учебников и учебных пособий в помощь учебному процессу, в том числе хрестоматий, в которых в те годы остро нуждалась новая советская начальная, средняя и высшая школа, следовало в кратчайшие сроки прекратить. Поскольку единовременно сделать это не представлялось возможным, существовали многочисленные примеры абсурдных ситуаций.

Так, проект издать в «Колосе» учебное пособие «Город в произведениях художественной литературы. Пособие для школьной и политпросветительной работы» (сост. И. В. Владиславлев, О. С. Лейтнеккер и Б. Е. Лукьяновский) не состоялся, несмотря на оживленную переписку И. В. Владиславлева с Витязевым в 1924–1925 гг. и представленную в издательство «Колос» рукопись (рукопись, по всей видимости, была сдана Владиславлевым 2.07.1924 г.);[26] с большой долей вероятности можно утверждать, что «Колосом» был

выплачен гонорар составителям при представлении рукописи; однако издание, «уже начатое печатанием»,[27] по словам председателя правления «Колоса», было приостановлено и в итоге вышло в Госиздате.[28]

2

[Извлечение]

Петроградский Главлит
Вх. № 1248
29 ноября 1922 г.

На основании распоряжения Главлита всем частным издательствам представлять 1 % всякого рода печатного произведения в местный отдел Главлита (окрглавлита), Фонтанка, 57

[…]

Однопроцентное отчисление не исключает отправление в Оклит установленных 5 экземпляров всякого печатного материала как частных издательств, так и местных отделений Госиздата и наркоматов. Означенные экземпляры представляются непосредственно типографиями.[29]

3

Петроградский Главлит
Вх. № 1248
29 ноября 1922 г.

Циркулярное письмо

[Извлечение]

Областным отделам Главлита

[…] Цензура является для нас орудием противодействия растлевающему влиянию буржуазной идеологии.

Главлит, организованный по инициативе ЦК РКП, имеет своей основной задачей осуществить такую цензурную по-

литику, которая в настоящих условиях являлась бы наиболее уместной.

Опыт цензурного воздействия выдвигает два основных пути цензурной политики: первый путь — административное и судебное преследование, которое выражается в закрытии издательств или отдельных изданий, сокращении тиража, наложении штрафа и предании суду ответственных лиц. Второй путь — путь умелого идеологического давления, воздействия на редакции — путем переговоров, ввода подходящих лиц, изъятия наиболее неприемлемых и т.д.

Органам Главлита необходимо иметь тщательное наблюдение не только за частными, но и за кооперативными, профсоюзными, ведомственными и прочими издательствами, иметь подробные сведения о характере и программе, личном составе правления, связи издательств с общественными и партийными группировками как в России, так и за рубежом.[30]

4

[Типографский бланк]

ОТЗЫВ ПОЛИТИЧЕСКОГО РЕДАКТОРА

Рукопись книги
Автор
Издательство
Количество страниц
Рисунки
Общий отзыв о содержании и направлении[31]

5

[Б. д.]

Циркулярное письмо

[Извлечение]

Областным отделам Главлита

Вами должна быть предварительно произведена перерегистрация всех издательств — частных, ведомственных,

профсоюзных и т.д. Цель перерегистрации — всесторонне выяснить физиономию каждого издательства. Анкета, при сем прилагаемая, дает Вам перечень вопросов, подлежащих точному выяснению. С особенной тщательностью должно быть выяснено, кто является действительным финансистом издательства (частного), не является ли какое-либо издательство, формально научное или художественное и совершенно, с виду, аполитическое, источником дохода для группы эс-эров или меньшевиков; имеет ли издательство скрытую связь с зарубежными издательствами и авторами; не проделывает ли издательство недопустимые коммерческие махинации. […] Кроме тщательного опроса ответственных руководителей издательств, к которому вы прибегнете в деле перерегистрации, нелишне наладить ознакомление о закулисной жизни издательства через коммунистов или верных людей, работающих в нем.[32]

Как следует из документа № 2, типографии обязаны были представлять в Главлит пять экземпляров каждого печатного издания и дополнительно в местный отдел Главлита (окрглавлита), Фонтанка, 57, один процент тиража каждого издания (датировка документа — 29.11.1922 г.). В 1923 г. был введен т.н. полистный сбор — он составлял 1 руб. золотом за 1 п.л. В циркулярном письме от 13.11.1923 г. Главлит разъяснял, что 1 руб. золотом равен 215 руб.[33]

6

Совершенно секретно

Циркулярно

Всем облитам и гублитам

В развитие изданного Совнаркомом от 6 июня 1922 года Положения о Главном управлении по делам литературы и издательств и преподанных облитом и гублитом специн-

струкций Главлит предлагает Вам руководствоваться в дальнейшей деятельности нижеследующими принципами:

I При выдаче разрешения на издательства

1. При рассмотрении заявлений о разрешении книгоиздательств и журналов надлежит руководиться не только узко политическими соображениями, но и экономическими и педагогическими. Необходимо внимательно следить за положением книжного рынка, стремясь так или иначе его регулировать, приспособляя частные издательства к выполнению тех культурных функций, которые почему-либо не в силах выполнить Госиздат и другие партийные и советские издательства, способствуя укреплению необходимых Республике издательств и не плодя издательств, преследующих одну наживу.

Необходимо всегда выяснять, какова хозяйственная структура издательства, насколько серьезно оно конкурирует с Госиздатом и не преследует ли чисто спекулятивных целей. В отдельных случаях надо пытаться один издательский план заменять другим, чтобы помочь разрешить те или иные задачи культурного строительства. Плодить частные, мелкие издательства, между собой конкурирующие, быстро лопающиеся и мешающие укреплению солидных издательств, с определенной культурной физиономией, не следует.

Разрешения на открытие частных издательств давать только с предварительного разрешения Главлита, ведомственные и профессиональные издательства разрешаются гублитами и облитами самостоятельно с последующим извещением Главлита.

2. Церковные издания (хотя бы и «живой церкви»), а также издания сменовеховского направления допускать только с разрешения Главлита.

3. Разрешения на партийные газеты и журналы других партий (левоэсеровские и анархические) давать только по предварительному соглашению с Главлитом.

II При рассмотрении и оценке рукописей

А. Общая часть

1. В области литературы художественной, по вопросам искусства, театра и музыки необходимо решительно ограничивать поток бульварщины и макулатуры, допуская в отдельных случаях лишь те, полубульварного типа издания, которые, стоя твердо на советской позиции, приобщают к советской жизни широкую мещанскую массу. Здесь необходимо проявлять крайнюю осторожность, учитывать то обстоятельство, что зачастую бульварщина нарочно рядится в защитную советско-коммунистическую фразеологию, извращая в действительности наши лозунги и опошляя наше лицо.

2. Музыкальные произведения с текстом или без такового, имеющие определенно монархический или религиозный характер, а также произведения легкого жанра, отличающиеся характерным уклоном в сторону бульварщины, к печати не допускать.

Классические же произведения вещей, имеющие большую художественную ценность, как, например, Бах, Гайдна, Чайковского и т.п., пропускать.

3. Безусловно не допускать к печати изданий: а) пытающихся в художественной форме исказить лицо нашей революционной общественности; б) носящих мелкобуржуазный характер и направленных против советского строительства; в) проводящих чуждую и враждебную пролетариату идеологию.

4. Безусловно не разрешать книг по вопросам философии и социологии, выражающих явно идеалистическое направление, направленных против марксизма или рассчитанных на широкую аудиторию.

Примечание. Классическую литературу и научные работы по этим вопросам в исключительных случаях можно разрешать, ограничивая тираж. Книги идеалистического направления, могущие заменить учебники и пособия или

приспособленные для самообразования, ни в коем случае не разрешать.

5. Книг по естествознанию явно нематериалистического направления не разрешать, кроме книг узконаучных, специальных, предназначенных для ограниченного круга лиц или полезных к практической деятельности.

6. Из религиозной литературы (всех вероучений, сект и направлений) допустима к печати только литература богослужебного характера. Поскольку, однако, все вопросы, касающиеся этой литературы, предпочтительно регулировать в центре, Главлит рекомендует в соответствующих случаях обращаться к нему с вопросами.

7. Книг определенно мистического характера не разрешать.

8. Экономическую литературу немарксистского направления возможно разрешать только в ограниченном количестве и при том, когда она имеет научный интерес или практическое значение. Литературу, враждебную марксизму, не пропускать.

9. Поскольку Республика уделяет колоссальное внимание воспитанию детей и юношества, необходимо проявлять особую чуткость к соответствующей литературе. Не следует пропускать книг с явно буржуазной моралью, с восхвалением старых бытовых условий и отношений, с некритичностью описаний религиозных явлений, суеверий. Эти принципы требуют весьма деликатного применения, в особенности в области исторической и классической литературы, полной патриотизма и милитаризма, добрых царей, благодетельных богачей, злых духов и т.п. На практике здесь возможны серьезные ошибки; поэтому Главлит рекомендует в сомнительных случаях обращаться с вопросами к нему.

Б. Специальные правила и ограничения

[...]

Во всех случаях русские меры с приведением метрической системы мер; исключать в рукописях, кроме богослу-

жебных, печатать с большой буквы слов «бог», «господь» и т.д.

15. Не допускается без предварительного разрешения Главлита издание произведений классиков, монополизированных Республикой. Список этих классиков при сем прилагается. [...]

17. Не допускать к печати произведений авторов контрреволюционных и активно борющихся против Советской власти, а также сотрудничавших в заведомо контрреволюционных зарубежных органах и издательствах, и произведений писателей, погибших в борьбе с Советской властью, окруженных белогвардейской интеллигенцией ореолом мученичества.[34]

Применительно к издательству «Колос» этот документ под № 6 с грифом «Совершенно секретно» проявил себя следующим образом. Цитируем выступление председателя правления «Колоса» по протоколу Общего собрания пайщиков 10.06.1927 г.: «Затем следует запрещение книги П. А. Сорокина "Голод как фактор", пропущенной Главлитом, причем 17 листов было уже отпечатано, а остальные 13 набраны. Это стоило "Колосу" свыше 3500 рублей. [...] Целый ряд весьма интересных работ писателей оставался в портфеле издательства, так как их нельзя было издать и экономически и политически. Как пример укажу II том "Истории русской философии"[35] Г. Г. Шпета (25 л.), который стоил 2500 р., монографию С. М. Соловьева "Вл. Серг. Соловьев" (20 листов) стоимостью 2000 руб.»[36] К этому цитируемому документу следует сделать небольшое пояснение. Действительно, поначалу Главлит дал согласие на печать книги П. А. Сорокина «Голод как фактор», ориентируясь на ее рукопись. Как явствует из писем Сорокина Витязеву, цензура всячески приди-

ралась к материалам приложений, и часть из них автору пришлось снять, что происходило на стадии гранок. Но затем в спешном порядке было принято решение о высылке неугодного автора в 10 дней: она состоялась 23.09.1922 г. Печать издания была прервана совсем.[37]

Последуем дальше и остановимся на Отчетах Ленгублита с 1.06.1923 по 1.06.1924 г. и Докладных записках с крайними датами 1.09.1923 г. и 31.12.1927 г. Приведем один любопытный документ.

7

Докладная записка

[Административно-инструкторского подотдела Петроградского областного отдела Главлита]

[Извлечение]

[…] Второй очередной задачей подотдела явилась работа по очередной перерегистрации издательств, т.к. сведения о них были далеко неполны и неточны. Перерегистрация была назначена с 26 декабря по 7 января 1923 г., а для проведения ее при подотделе создана двойка из представителей Административно-инструкторского подотдела и Литературного подотдела.

Для перерегистрации от издательств требовалось: 1) представить удостоверение, выданное Петрооблитом или политотделом Госиздата, 2) заполнить анкету на издательство в трех экземплярах, 3) представить план издательства с указанием книг, предназначенных к печатанию в 1923 году, 4) список книг, уже изданных, 5) список сотрудников издательства и сведения о них.

Работа двойки сводилась к следующему: выяснить путем личных переговоров с ответственными лицами издательств их имущественное и политическое положение, средства издательств, связь с общественными и политическими группировками и, наконец, связь с заграницей. После «со-

беседования» на издательства составлялся отзыв и вместе с анкетами и другими материалами представлялся на очередное заседание коллегии Петрооблита.

Всего на перерегистрацию явилось в срок 38 книгоиздательств и 16 периодических изданий. Все издательства были утверждены, причем по отношению к некоторым было предложено Политконтролю ГПУ установить наблюдение («Колос», «Былое», «Начатки знаний», «Книга»). Все неявившиеся в срок на перерегистрацию издательства, за исключением ведомственных, по постановлению Коллегии Петрооблита были закрыты.

В средних числах апреля месяца (1923 г.) по инициативе некоторых частных и кооперативных издательств была сделана попытка объединить все функционирующие частные издательства г. Петрограда в «Общество кооперативных издательств». Предполагалось соединить капиталы, развить издательскую деятельность до максимума и, конечно, начать серьезно конкурировать с Госиздатом.

Петрооблит это учел и в своем отзыве на «Общество» дал Главлиту заключение о нежелательности выдачи разрешения. Главлит с заключением согласился, и «Общество» не разрешено.

[…]

1/X 23 г.

Зам. зав. Административно-контрольным подотделом Петрооблита *Петров*[38]

В этой единице хранения на л. 56-67 (машинописная копия) содержатся характеристики частных издательств (всего 169 книжных издательств и периодических изданий). Под № 20 в группе II («Издательство совершенно бесполезное») содержится характеристика на частное (так!) издательство «Колос». Приведем ее:

В издательстве преобладают эсеровские элементы. Издает книги по преимуществу идеалистического и народнического направления, часто неприемлемые. Поставлено серьезно, бульварщины не издавало ни разу. Требует особо внимательного отношения.[39]

В этой краткой, но очень чреватой по своим формулировкам характеристике, выделим самое «опасное» для издательства: «эсеровские элементы», «идеалистическое и народническое направления». О серьезной постановке дела и отсутствии бульварщины сказано также.

Посмотрим на единицу хранения, содержащую «Переписку с Главлитом об открытии издательств, журналов и о разработках их уставов» с крайними датами: 20.01.23 и 29.12.23 на 99 л.[40] Обратим внимание на документ, представляющий собой исходящую копию (отпуск):

8

7 июня 1923 г.
№ 904

В Главное управление по делам литературы и издательств
г. Москва, Сретенский бульвар, 6

По имеющимся в Петрооблите неофициальным сведениям, Главлитом издано постановление о закрытии издательств, в течение 3-х месяцев не издавших ни одной книги. Официального распоряжения на сей счет от Главлита не имеется, а посему Петрооблит просит вышеназванный циркуляр выслать ему для срочного проведения в жизнь.[41]

Если вдуматься в текст этого документа под № 8 с датировкой 7.06.1923 г., легко представить положение многих частных и кооперативных издательств, которые могут по нему быть закрыты. (Забегая несколько вперед, укажем, что именно по этому распоряжению

Главлита было закрыто в марте 1926 г. московское отделение издательства, а в ноябре того же 1926 г. издательство «Колос» в Ленинграде.)

Единица хранения под № 31 содержит циркуляры Ленгублита с крайними датами 7.09.1925 г. и 20.12.1926 г. на 181 л. Здесь интересен документ, относящийся к рекламе издательств, которая должна строго придерживаться программы издательской деятельности.

9

Главлит. Москва
14/VI 26 г. № 2479 Циркулярно

Уполномоченным политредакторам Главлита

Главлит предлагает Вам строго следить за тем, чтобы всякого рода проспекты издательств как выходящие отдельно, так и помещаемые на обложках и в конце книг, не содержали бы перечня новых серий изданий, не входящих в программу издательств.

Начальник Главлита *П. И. Лебедев-Полянский*
И.о. секретарь *Борисов*
Зав. Русским отделом *Мордвинкин*[42]

Обратимся теперь к Протоколам заседаний коллегии Ленгублита с крайними датами 12.11.25 г. и 20.12.26 г. (л. 1-48).[43] Здесь были обнаружены документы с грифом «совершенно секретно» и «секретно», представляющие собой инструкцию по типизации и анализ состояния дел по ее проведению Ленинграде. Приводим их полностью:

10

РСФСР С<овершенно> секретно
НКП срочно
Главное управление Ленгублиту

по делам
литературы и издательств
(«Главлит»)
30/IX-25 г.
№ 1546/с
Москва, Сретенский бульвар, 6

В настоящее время Главлитом, согласно постановления ЦК РКП(б), предпринята, в целях упорядочения издательского дела, работа по типизации издательств. Типизация будет производиться по следующим признакам:

а) по степени доступности изложения издаваемой литературы (литература массовая, популярная и научная),

б) по содержанию издаваемой литературы (беллетристика, отдельные дисциплины и пр.),

в) по типу читательской аудитории (деревенская, рабочая, детская и проч.).

Для большинства издательств, по всей вероятности, можно будет в основу взять второй признак (по содержанию). Но в отдельных случаях типизация возможна и на основе другого признака. Однако общий курс наш при проведении типизации будет взят на специализацию издательств. Эта работа нами проводится не бюрократически, а путем вызова представителей издательств и переговоров с ними.

Сообщая о вышеизложенном, просим Вас проделать аналогичную работу в отношении ленинградских частных издательств. Необходимо Вам теперь же приступить к составлению предварительного проекта типизации этих издательств, каковой проект будет утвержден нами после рассмотрения его и личных переговоров с Вами. В отношении тех частных издательств, которые выпускают беллетристику, желательно провести дифференциацию по таким признакам: русская беллетристика, иностранная, издание произведений определенного издательского объединения, издание чужих произведений.

Вся работа эта должна быть проделана с максимальной тщательностью, но не позднее, как в трехнедельный срок.

Получение сего подтвердите.

Зав. Главлитом *Лебедев-Полянский*
Зав. отд. русской литературы *Мордвинкин*
Секретарь *Ушакова*[44]

11

РСФСР
НКП
Главное управление
по делам
литературы и издательств
(«Главлит»)
27/I-26 г.

Копия
Секретно
Ленгублиту

Общие указания о задачах типизации частных издательств и методов (так в документе. — *С. Б.*) ее проведения нами были сделаны в отношении от 30 сентября 1925 года за № 1546/с. Более конкретные указания относительно плана данной работы мы можем дать только по Вашим конкретным же запросам. Мы считаем ненормальным, что в то время как Вам уже давно следовало бы проделать большую часть работы, если не закончить ее, Вы после трехмесячного молчания и личных переговоров завленгублитом с начальником Главлита по данному предмету, только теперь ставите вопрос о плане работ по проведению типизации издательств. Предлагаем Вам немедленно приступить к выполнению этой работы и в самом срочном порядке провести ее, закончив не позднее 15 февраля.

Начальник Главлита *Лебедев-Полянский*
Зав. Отделом рус. литературы *Мордвинкин*
Секретарь *Ушакова*[45]

На следующих листах единицы хранения содержатся протоколы № 1 заседания Комиссии по типизации

частных издательств от 6.03.1926 г. и № 2 от 9.03.1926 г. «Колос» значится во втором протоколе под № 12. Форма протокола: «Слушали» — «Постановили».

12. «Колос» Издано за 1925 г. 18 назв., из них: 1 — революционное и профсоюзное движение, 1 — хозяйство СССР, 2 — сельское хозяйство, 1 — история, мемуары и география. 4 — искусство, 1 — естествознание и точные науки, 4 — художественная литература и 4 — справочного характера	12. Оставить отделы: 1) историческая и мемуарная литература, 2) библиография
Программа издательства История литературы, словесность, библиография, история, социология, философия, экономика и история революционного движения	*карандашом* закрыть[46]

Наконец, протокол № 18 заседания Коллегии Ленгублита от 22.11.1926 г.:

[…] 9. Об издательствах «Былое» и «Колос»	9. Считать издательства закрытыми ввиду их бездеятельности и финансового краха[47]

Еще одна единица хранения, привлекшая наше внимание, — «Отчетные доклады, докладные записки и другие материалы о деятельности Ленгублита, обследований ленинградских типографий и издательств, перспективный план работы Ленгублита на 1925–1928 гг.».

Здесь, например, находится «Отчет Ленинградского гублита за сентябрь 1925 г.», в котором читаем:

12

[Извлечения]

Частные издательства за сентябрь дали 136 книг и брошюр разнообразного содержания (больше всего беллетристики, затем книги по вопросам воспитания и образования, по прикладным наукам и детская литература) объемом в 1039 печ. листов. Общий тираж разрешенных книг и брошюр — 980 000 экз. Средний тираж книги в отчетном месяце — свыше 7600 экз.

Рост продукции частных издательств виден из следующих цифр за последние три месяца.

Представлено на просмотр печатных листов

Июль	Август	Сентябрь
583	660	1039

Сравнение данных отчетного месяца с данными сентября 1924 г. показывают сильное увеличение продукции сравнительно с прошлым годом.

	Сентябрь 1924		**Сентябрь 1925**	
Названий	77	100,0 %	136	176,6 %
Печ. л.	658	100,0 %	1039	157,9 %

[…][48]

На л. 71–77 об. дается характеристика 10 частных издательств в 1925 г. и приведены сведения о типизации, «Колосу» отведены л. 73 об.–74.

Продукция издательства очень невелика (всего 19 книг). За последние месяцы ничего издано не было, хотя заявления о прекращении издательской деятельности не поступало.

На Комиссию по типизации ответственные представители издательства не явились.

Из 19-ти книг — 6 историко-революционного содержания: Лавров — «Народники-пропагандисты 70-х годов», В. Н. Фигнер — «После Шлиссельбурга», Клеменц — «Из прошлого», Аптекман — «Берви-Флеровский», Селиванов — «Декабристы» и Тихомиров — «Плеханов и его друзья».

Как видно из простого перечня, большая часть материалов посвящена истокам народничества. Вычерки были в книге (вернее, брошюре) Тихомирова, особенно в тех местах, где автор переходит к периоду после февральской революции и излагает в искаженном виде споры большевиков с Плехановым.

Остальные книги относятся к самым разнообразным отраслям знания: 3 — по библиографии, 1 — по истории литературы (письма к Блоку), 2 — по беллетристике, 4 — популярных для деревни и 3 — по теории шахматной игры. Плана в работе издательства не чувствовалось, если не считать планом определенную народническую (эс-эровскую) тенденцию, которая проходит через большинство изданных книг в пределах цензурных возможностей. Конечно, уклонов в бульварщине не замечалось.[49]

На л. 101–110 об. находится

Список книг, выпущенных издательствами Ленинграда с 1 апреля 1925 г. по 1 апреля 1926 г. по отделам: художественная литература (беллетристика, современная русская и переводная, классики); история и теория литературы, критика; библиография, искусство

На л. 104 располагается информация о «Колосе».

№ п/п	Автор	Название книги	Тираж	Объем в п.л.	Цена руб./к.
328	Бродский и Львов-Рогачевский	Сб. рев. поэзии «Кр. декабрь»	6000	15	1.75

№ п/п	Автор	Название книги	Тираж	Объем в п.л.	Цена руб./к.
329	Блок	Письма	3000	15	1.80
330	Лондон	Глаза Азии	4000	7	-.85
331	Герцка	Заброшенный в будущее	4000	12	1.-
332	Селиванов	Декабристы (библ.)	3000	10	-.70
333	Здобнов	Основы краевой библ.	3000	8	1.40[50]

И следующая единица хранения под № 42 «Доклады Ленгублита о работе кооперативных, частнокооперативных издательств; литкома, реперткома и о деятельности Ленгублита за 1924/25 гг., характеристика издательств, зарегистрированных Ленгублитом. 01.01.25–31.10.25. 56 л.» содержит дополнительную информацию к документу № 12. На л. 1–12 об. находятся характеристики издательств, зарегистрированных в Ленинградском гублите.

При этом издательство «Колос» определено как «частное».

13

[Извлечения]

20. II[51] В издательстве преобладают эс-эровские элементы. Издает книги по преимуществу идеалистического и народнического направления, часто неприемлемые. Поставлено серьезно, бульварщины не издавало ни разу. Требует особо внимательного отношения.[52]

На л. 16–22 об. помещен «Отчет комиссии по обследованию частных кооперативных (так! — *С. Б.*) издательств». Приводим его также в извлечениях.

На основании постановления Ленинградского гублита от 2/II-25 г. протокол № 2 Комиссия в составе представителей Гублита, Политконтроля П.О.Г.П.У. и Губотдела Союза просвещения (секция работников печати) произвела обследование нижеследующих кооперативных издательств […]

III (так! — *С. Б.*) Издательство «Колос» существует с 1918 г. Учредители издательства группа в 16 человек[53] — те немногие, что остались в России от издательства «Революционная мысль». Паевой взнос издательства первое время был 100 руб., после же вторичной регистрации издательства — 50 руб. С первых же дней регистрации издательства кооператив объединяет вокруг себя людей разных профессий и убеждений. Тут были, с одной стороны, и убежденные эсэры, и кадеты, и — с другой, молодежь — студенты разных вузов. Пользуясь предоставленной возможностью вносить паи в рассрочку, студенты делались членами Товарищества и выполняли различные поручения часто чисто агентурные по распространению изданий. Сейчас же они все в своих профессиональных званиях смешались в общей куче педагогов, агрономов, литераторов и т.д. Всего пайщиков ко дню обследования издательства состоит 56 чел., из коих местонахождение 7 издательству неизвестно.

Не располагая большим капиталом, издательство не проявляет особо продуктивной работы, выпуская в год всего лишь несколько названий. Следует особо отметить ту спайку, которая существует среди членов издательства. Все работающие непосредственно в издательстве, а их 9 чел. (4 — в Ленинграде, 5 — в Москве, в отделении издательства), живут одной семьей: казенная квартира, освещение, отопление, чай, обед, ужин. Правда, они за это получают, вернее не получают, т.к. задолженность издательства пред ними за несколько месяцев, сравнительно низкую ставку, но зато на всем готовом. Работают без соблюдения точно установленного времени и на различных работах. Всем же

делом руководит вдохновитель и идейный руководитель издательства председатель Правления Витязев-Седенко. Он тоже является кредитором издательства, как и другие члены Товарищества, т.к. за несколько месяцев не получал причитающегося ему жалованья. «Чем объяснить эту задолженность?» — поинтересовалась Комиссия у Седенко и других членов. «Тем, что нет денег. Мы прежде всего оплачиваем авторов, а потом себе», — ответили они. Авторы же в большинстве члены Товарищества. Были такие случаи, когда издательство в течение долгого времени поддерживало значительными суммами авторов, пока они писали для издательства книги.

По словам председателя Правления, тесную связь с издательством держали только 48 чел., принимая в работе издательства то или иное участие (редактирование, корректура, труды (так! — *С. Б.*) и т.д.), остальные же относятся к работе пассивно.

Прибыль издательства (небольшая) между членами не распределяется, а целиком поступает в фонд бездоходных изданий и запасной капитал. Среди членов, находящихся в родственных отношениях, следует отметить: Бровкины (супруги), Гизетти (супруги), сестры Доброхотовы, Лавровы (муж и жена), Файнштейн (муж и жена).

Наемным трудом для обслуживания подсобных предприятий издательство пользуется только в Москве, на складе.

Печатается издательство как в Москве, так и в Ленинграде. Местопребывание председателя Правления в Москве, в Ленинграде бывает лишь наездами, остальные члены Правления — в Ленинграде.

По обследовании издательства у Комиссии сложилось о нем такое мнение: либо издательство действительно работает на кооперативных началах, заинтересованное работой, либо в изд<ательст>ве надо искать нечто другое при помощи хорошо поставленного осведомления. Уж слишком

подозрительная публика и слишком всё делается по-семейному (общежитие, обеды, отопление и т.д.). […] [54]

На л. 22 и 23 помещены выписки из протоколов:

1) № 3 заседания Коллегии Ленинградского гублита от 2.03.1925 г., на котором слушался под п. 20 доклад т. Петрова о редакционно-техническом обследовании частных кооперативных (так! — *С. Б.*) издательств. Постановление по этому пункту гласит: «Издательства “Время”, “Начатки знаний”, “Образование”, “Наука и школа” закрыть как кооперативные, предложив одновременно зарегистрироваться в гублите как издательствам единоличным».[55]

2) 30.05.1925 г. состоялось Общее собрание уполномоченных Союза ленинградских кооперативных издательств, на котором представителем от издательства «Колос» была О. А. Благонадеждина. На этом собрании присутствовал также представитель Кустарно-кооперативного бюро т. Соловьев.

Слушалось, помимо всего прочего, заявление заведующего Кустбюро т. Соловьева «о снятии с реестра Кустбюро как кооперативных издательских товариществ следующих издательств: “Время”, “Начатки знаний”, “Наука и школа”, “Образование” как перерегистрировавшихся в Гублите как издательства единоличные, согласно протокола № 3 от 2 марта 1925 г., и издательству “Пум” в регистрации отказать на основании протокола № 2 от 2 февраля 1925 г. […]» В конце имеется подпись делопроизводителя Союза ленинградских кооперативных издательств О. А. Благонадеждиной.[56]

На л. 52–56 помещен Список издательств гор. Ленинграда и их состояние на 1.09.1925 г. (общее число — 89). Он представлен в табличной форме (приводим только сведения по «Колосу»):

Название изд-ва	Тип	Время возн.	Род вып. лит.	Язык
«Колос»	частн.	1918	45 % — ист. и ист. рев. движ., 25 % —библиогр., 30 % — ист. лит., беллетр., каталоги	рус.

Продукция с янв. по авг. 1925 г.			Имеет ли изд-во собств. тип.	Отв. руков.	Партийность […]
Кол-во назв.	Кол-во печ. л	Кол-во экз.			
12	84	44 000	нет	Витязев-Седенко	бесп.[57]

К этому справочному материалу из архива гублита требуется пояснение из архивных материалов самого издательства «Колос» за 1925 г. Из Отчета по производству, с которым выступал на Общем собрании пайщиков 18 апреля 1926 г. председатель Правления «Колоса» Ф. И. Седенко (Витязев), статистические данные выглядели иначе: 25 названий общим тиражом 101 000 экз; объем в п. л. — 232. Средний объем книги — 9, 28 л., средний тираж книги — 4040 экз. В смысле общего количества изданных книг год 1925-й оказался рекордным — 25 названий.[58] (Надо подчеркнуть, что новая типизация издательства еще не коснулась.) Из статистических сведений по «Колосу» за первые 8 месяцев 1925 г. по материалам гублита такого вывода сделать нельзя.

По данным Ленинградского гублита, издательство «Колос» в период с мая месяца по 1.09.1925 г. «превратилось» в единоличное частное. Но в документах са-

мого издательства о сей метаморфозе не сообщалось ничего: на Общем собрании уполномоченных Союза ленинградских кооперативных издательств 30.05.1925 г., на котором как раз говорилось о «переводе» кооперативных издательств в разряд единоличных частных, «Колос» в число этих последних не входил (см. выше).

Наконец, единица хранения под № 44 «Переписка с Главлитом об издательской работе» с крайними датами 09.09.26 и 07.12.26 (л. 1–36) содержит Выписку из протокола № 10 (повестка № 7) заседания Главлита от 19.08.1926 г. Приводим ее:

Слушали	**Постановили**
[…]	
§ 29. Ходатайство ленинградского издательства «Колос» об оставлении в типизированной программе издательства шахматного отдела	§ 29. Отклонить
После типизации издательству оставлены:	
1) история и мемуарная литература	
2) библиография	
3) история революционного движения	
[…]	
Председатель	*Мордвинкин*
Секретарь	*Ушакова*[59]

Итак, деятельность Главлита и его подразделений на местах — гублитов и окрлитов в отношении к частным и кооперативным издательствам уже к 1925–1926 гг. начала приносить свои результаты: издательства или закрывались ввиду финансовых затруднений и вызванной этим обстоятельством бездеятельности, или они вынуждены были менять свой статус — из ко-

оперативных становились единоличными частными. Последние «превращения», если можно так выразиться, носили «косметический» характер и были временными: Кустбюро снимало их со своей регистрации как кооперативные, гублит регистрировал их как частные; на определенном этапе в скором времени все частные издательства были ликвидированы.

Что касается «Колоса», к нему применили самые кардинальные меры — пересмотр издательской программы. Заведомо были оставлены убыточные направления деятельности; успешная работа была невозможна. Несмотря на это, руководитель «Колоса» дважды встречался в 1926 г. с начальником Главлита П. И. Лебедевым-Полянским, но оба раза безрезультатно. Последнее Общее собрание пайщиков состоялось 10.06.1927 г., на котором было принято решение о ликвидации, на которую отводилось три месяца.

---

[1] *Батюто С. А.* О статусе частных и кооперативных издательств в Советской России (К истории издательского дела в России в 1917–1921 годах) // Батюто С. А. Статьи; Разыскания. СПб.: Скифия-принт, 2019. С. 56–88.

[2] *Ионов* (наст. фамилия Бернштейн) Илья Ионович (1887–1942) — поэт и издательский деятель, заведующий Петроградским отделением Госиздата; умер в заключении. В Протоколе Общего собрания пайщиков книгоиздательства «Колос» от 10.06.1927 г., на котором было принято решение о ликвидации издательства, Ф. И. Седенко-Витязев специально отмечал «неудачно проведенную местную национализацию книг в 1918 г., когда у “Колоса” погибли склады в Перми, Самаре, Вятке, Нижнем Новгороде. Затем последовала общая национализация в 1920 г., при которой у “Колоса” погибли материалы в Москве и Ленинграде» (ЛОГА. Ф. Р-3959. Оп. 13. Д. 392. Л. 251). Таким образом, издательство пережило два этапа национализации — в 1918 и 1920 гг.

[3] *Батюто С. А.* Неизвестные автографы И. П. Павлова, Э. Л. Радлова, П. А. Сорокина // Русская литература. 1990. № 3. С. 165–167. (См. также: *Батюто С. А.* Статьи; Разыскания. С. 12–19.)

[4] РГАЛИ. Ф. 106. Оп. 1. Ед. хр. 41. Л. 4.

[5] РГАЛИ. Ф. 155. Оп. 1. Ед. хр. 255. Л. 1.

[6] РГАЛИ. Ф. 106. Оп. 1. Ед. хр. 64. Л. 29.
[7] *Степанов И.* Государственное издательство, частные фирмы и подрядные предприятия // Книга и революция. 1920. № 6. С. 5.
[8] Там же. С. 5.
[9] *Витязев П.* Частные издательства в Советской России. Пг., 1921. С. 31–32.
[10] Там же. С. 40–41.
[11] *Батюто С. А.* Ферапонт Иванович Витязев — теоретик книжного дела (К 80-летию со дня смерти) // *Батюто С. А.* Статьи; Разыскания. С. 381–403.
[12] Издательское дело в первые годы Советской власти (1917–1922): Сб. док. и материалов. М., 1972. С. 179–180.
[13] [*Витязев П.*] Докладная записка о насущных нуждах книжной кооперации в России Совету Народных Комиссаров, Совету Труда и Обороны, Высшему Совету Народного Хозяйства, Главному Управлению кустарной и кооперативной промышленности и Народному Комиссариату Внешней торговли. 20 августа 1921 г. [Пг., 1921] 15 с.
[14] Там же. С. 2.
[15] Там же.
[16] Собр. узаконений. 1921. № 53. Ст. 322.
[17] Собр. узаконений. 1921. № 80. Ст. 685.
[18] Положение о Главлите было опубликовано в «Известиях ВЦИК» (1922. № 137. 23.06.). Цит. по: Вестник Петросовета. 5.07.1922. № 53(126).
[19] См. об этом: *Блюм А. В.* Частные и кооперативные издательства двадцатых годов под контролем Главлита (по архивным документам 1922–1929 гг.) // Книга: Исследования и материалы. М., 1993. Сб. 66. С. 181.
[20] См., например: *Динерштейн Е. А.* Начало советского книгоиздания // Книга: Исследования и материалы. Сб. 15. М., 1967. С. 97; *Посадсков А. Л.* Сибирская книга и революция 1917–1918. Новосибирск, 1977. С. 260.
[21] См., например: *Белов С. В., Ишкова С. С.* Частные и кооперативные издательства // История книги в СССР: В 3 т. Москва, 1986. Т. 2. С. 112; *Везирова Л. А.* Ферапонт Иванович Витязев (1886–1938) // Книга: Исследования и материалы. Сб. 53. М., 1986. С. 89.
[22] См.: *Батюто С. А.* П. Витязев и его книга «Частные издательства в Советской России» (1921): (К истории издательского дела в России в 1917–1921 гг.) // Петерб. библ. шк. 2017. № 3(59). С. 28–41; см. также: *Батюто С. А.* Статьи; Разыскания. С. 115–143.
[23] ЦГАЛИ СПб. Ф. 35. Оп. 1. Ед. хр. 55. Л. 262.
[24] ЛОГА. Ф. Р-3959. Оп. 13. Д. 392. Л. 251; см. также: *Батюто С. А.* Кооперативное книгоиздательское товарищество «Колос» 1918–1927: Опыт исторической реконструкции деятельности. СПб.: Скифия-принт, 2018. С. 408.
[25] ЦГАЛИ СПб. Ф. 31. Оп. 2. Ед. хр. 2. Л. 13 (*Машинописная копия*).
[26] См. подробнее: *Батюто С. А.* Ф. И. Витязев и И. В. Владиславлев (К истории взаимоотношений двух библиографов и редакторов). (Наст. изд. С. 273–288.)

[27] Цит. по: *Батюто С. А.* Кооперативное книгоиздательское товарищество «Колос» 1918–1927 годы: Опыт исторической реконструкции деятельности. С. 367.
[28] См.: Город в произведениях художественной литературы. Пособие для школьной и политпросветительной работы / сост. И. В. Владиславлев, О. С. Лейтнеккер и Б. Е. Лукьяновский. М.; Л.: Гос. изд-во, 1-я Образцовая тип. в Москве, 1925. 368 с., илл. (Учеб. пособия для школ II ступени) (так! — *С. Б.*). В следующем, 1926 г., вышло 3-е изд.: Город в произведениях художественной литературы. Пособие для школьной и политпросветительной работы / сост. И. В. Владиславлев, О. С. Лейтнеккер и Б. Е. Лукьяновский; подбор илл. А. Л. Дубинский. 3 изд., перераб с прил. «В помощь руководителю». М.; Л.: Гос. изд-во, 1-я Образцовая тип. в Москве, 1926. 360 с., илл. (Учебные пособия для школ II ступени). (По сведениям ГАК РНБ.)
[29] ЦГАЛИ СПб. Ф. 31. Оп. 2. Ед. хр. 2. Л. 51 (*Машинописная копия*).
[30] ЦГАЛИ СПб. Ф. 31. Оп. 2. Ед. хр. 2. Л. 52 (*Машинописная копия*).
[31] ЦГАЛИ СПб. Ф. 31. Оп. 2. Ед. хр. 2. Л. 66–67 об.
[32] ЦГАЛИ СПб. Ф. 31. Оп. 2. Ед. хр. 2. Л. 72 (*Машинописная копия*).
[33] ЦГАЛИ СПб. Ф. 31. Оп. 2. Ед. хр. 9 Циркуляры и распоряжения Главлита 4.02.1923–27.12.1923. Л. 1–171. (Полистный сбор был отменен циркуляром Главлита 12.06.1927 г. № 3111 — ЦГАЛИ СПб. Ф. 31. Оп. 2. Ед. хр. 52. Л. 113.)
[34] ЦГАЛИ СПб. Ф. 31. Оп. 2. Ед. хр. 9. Л. 130, 131, 132, 133 (*Машинописная копия*).
[35] Возможно, Витязев имел в виду название по представленной автором рукописи; «Колос» успел издать ч. 1 с названием «Очерк развития русской философии» в 1922 г.
[36] ЛОГА. Ф. Р-3959. Оп. 13. Д. 392. Л. 251; см. также: *Батюто С. А.* Кооперативное книгоиздательское товарищество «Колос» 1918–1927: Опыт исторической реконструкции деятельности. С. 408, 409.
[37] См. об этом: *Батюто С. А.* Об одном неосуществленном издательском замысле (Письма П. А. Сорокина к П. Витязеву) // *Батюто С. А.* Статьи; Разыскания. С. 20–56.
[38] ЦГАЛИ СПб. Ф. 31. Оп. 2. Ед. хр. 14. Л. 5 об., 6, 6 об., 7 об.
[39] ЦГАЛИ СПб. Ф. 31. Оп. 2. Ед. хр. 14. Л. 57.
[40] ЦГАЛИ СПб. Ф. 31. Оп. 2. Ед. хр. 15. Л. 1–99.
[41] ЦГАЛИ СПб. Ф. 31. Оп. 2. Ед. хр. 15. Л. 29.
[42] ЦГАЛИ СПб. Ф. 31. Оп. 2. Ед. хр. 31. Л. 113 (то же — л. 123).
[43] ЦГАЛИ СПб. Ф. 31. Оп. 2. Ед. хр. 39. Л. 1–48.
[44] ЦГАЛИ СПб. Ф. 31. Оп. 2. Ед. хр. 39. Л. 14.
[45] ЦГАЛИ СПб. Ф. 31. Оп. 2. Ед. хр. 39. Л. 15.
[46] ЦГАЛИ СПб. Ф. 31. Оп. 2. Ед. хр. 38. Л. 19.
[47] ЦГАЛИ СПб. Ф. 31. Оп. 2. Ед. хр. 38. Л. 46 об.
[48] ЦГАЛИ СПб. Ф. 31. Оп. 2. Ед. хр. 40. Л. 45 об., 46.
[49] ЦГАЛИ СПб. Ф. 31. Оп. 2. Ед. хр. 40. Л. 73 об., 74.

[50] ЦГАЛИ СПб. Ф. 31. Оп. 2. Ед. хр. 40. Л. 104.
[51] На л. 12 документа помещено примечание следующего характера: I группа — издательства, имеющие уклон в сторону макулатуры и бульварщины; II группа — издательства, совершенно бесполезные; III группа — издательства, имеющие положительные стороны. Здесь же имеются подписи: зав. Гублита (Острецов); секретарь (Карпов).
[52] ЦГАЛИ СПб. Ф. 31. Оп. 2. Ед. хр. 42. Л. 2.
[53] В документах издательства, хранящихся в виде копий в ЛОГА, опубликованных нами, в числе учредителей указаны 7 человек: Ф. И. Седенко, А. П. Смелкова, О. А. Благонадеждина, Г. Ф. Дедусенко, Е. Р. Фролова, Ф. Я. Шевченко, И. З. Захаров (см.: *Батюто С. А.* Кооперативное книгоиздательское товарищество «Колос» 1918–1927 годы: Опыт исторической реконструкции деятельности. С. 555, 563).
[54] ЦГАЛИ СПб. Ф. 31. Оп. 2. Ед. хр. 42. Л. 16, 17 об., 18, 18 об.
[55] ЦГАЛИ СПб. Ф. 31. Оп. 2. Ед. хр. 42. Л. 22.
[56] ЦГАЛИ СПб. Ф. 31. Оп. 2. Ед. хр. 42. Л. 23.
[57] ЦГАЛИ СПб. Ф. 31. Оп. 2. Ед. хр. 42. Л. 53.
[58] См.: *Батюто С. А.* Кооперативное книгоиздательское товарищество «Колос» 1918–1927: Опыт исторической реконструкции деятельности. С. 391, 392.
[59] ЦГАЛИ СПб. Ф. 31. Оп. 2. Ед. хр. 44. Л. 23.

IV

В. Р. Ваврик

Кто такая Эллис в «Призраках» И. С. Тургенева? (1919)

Публикация С. А. Ипатовой

В Пушкинском Доме в архиве Е. А. Ляцкого обнаружилась неизвестная ранее статья о «Призраках» Тургенева (1919), принадлежащая перу Василия Романовича Ваврика (1889–1970), галицко-русского (русинского) поэта, прозаика, ученого-этнографа, лингвиста, профессора Львовского университета. Трудно сказать, с какой целью она была написана. Возможно, это краткий конспект лекции, приуроченной к 100-летнему юбилею Тургенева, который отмечался в 1918 году. Не исключено, что автор предполагал отдать эту небольшую заметку в один из юбилейных сборников. В период написания статьи В. Р. Ваврик был участником боевых действий против большевиков в составе «Карпато-русского отряда», позже влившегося в армию барона П. Н. Врангеля. Статья написана на бланке организации YMCA (США), известной своим участием в России в годы гражданской войны не только в гуманитарных, но и политических акциях, направленных против большевиков.[1] Именно в Чехословакии (Прага), куда Ваврик эмигрирует в 1920 году,

было основано знаменитое русскоязычное издательство YMCA-Пресс. Не исключено, что статья Ваврика оказалась в архиве Евгения Александровича Ляцкого (1868–1942), литературоведа, этнографа и фольклориста в бытность его в эмиграции профессором русского языка и литературы в Карловом университете в Праге (с 1922),[2] в котором Ваврик был студентом именно в эти годы. Как бы то ни было, в публикуемой статье присутствуют размышления, связанные в том числе с историческим моментом — смутным временем, наступившим после революции 1917 года.

Судьба самого Ваврика была непростой и определилась его происхождением. Он был галицким русином. Родился в крестьянской семье с. Яснище (Австро-Венгрия) и принадлежал к национальному меньшинству карпатороссов, исторически и исконно проживающих в Западной Украине, в Прикарпатье. Карпатороссы всегда идентифицировали себя и занимаемую ими территорию — т.н. Карпатороссию (главный г. Ужгород) — как часть общерусского пространства, включающего Великороссию, Малороссию и Белоруссию. Во второй половине XIX — начале XX века в Западной Украине начинается «русинское возрождение», общественно-политическое движение, получившее название в украинской историографии как «москвофильское»; галицкие русины, осознавая себя частью «единой неделимой русской народности», провозгласили возврат к общерусской культуре.[3] Перед началом Первой мировой войны Прикарпатская территория была захвачена австро-мадьярскими оккупантами, 60 тыс. карпатороссов были уничтожены, Ваврик, студент Львовского университета, оказался узником австро-венгерских концентрационных лагерей сначала Терезина (Северная Чехия), а затем Талергофа (под Грацем, Австрия),

об ужасах этих тюрем и геноциде карпаторосcов в них Ваврик оставил воспоминания.[4] В конце 1915 года он был мобилизован, воевал на итальянском фронте, был в плену; освободившись, попал в Экспедиционный корпус русской армии во Франции.

Накануне октябрьской революции 1917 года Ваврик переехал в Петроград, власть большевиков он не признал и с началом гражданской войны вступил в Добровольческую армию; в чине капитана с марта 1918 года возглавил сформированный в Ростове-на-Дону «Карпато-русский отряд», в начале 1920 года принимавший участие в составе армии барона П. Н. Врангеля в обороне Крыма от наступления Красной армии. Ваврик оставил воспоминания о деятельности отряда.[5] После разгрома армии Врангеля переехал в Чехословакию, закончил Пражский Карлов университет со степенью доктора славянской филологии (1921–1925); вернулся во Львов, преподавал русский язык в университете; во время Великой Отечественной войны участвовал в деятельности советского антифашистского подполья. После войны преподавал, работал сотрудником Львовского исторического музея. Умер в июле 1970 года, похоронен на Лычаковском кладбище Львова в «Гробнице галицко-русских писателей».[6] Обширный архив Ваврика (ценный источник по истории русинского движения в Австро-Венгрии) поступил в Отдел рукописей РНБ (ф. 1081).[7]

Как поэт Ваврик известен несколькими поэтическими сборниками (писал на русском литературном языке и наречии родного села),[8] как прозаик опубликовал несколько рассказов и повестей.[9] Как ученый-славист получил признание многолетним изучением и переводом «на галицко-русскую народную мову» «Слова о полку Игореве» (1937).[10]

Обращение к Тургеневу и «фантастической» теме «Призраков», опубликованных в 1864 году,[11] относится к периоду пристального интереса Ваврика как «москвофила» и патриота к русской литературе и истории, чему, безусловно, способствовала его вовлеченность в трагические события гражданской войны на стороне армии барона Врангеля и желание разобраться в непростой ситуации выбора дальнейшего пути России. Ваврик пытается «прочитать» аллегорический смысл образа Эллис как предсказание Тургенева. В загадочной истории Эллис, летающего призрака, уже современники усматривали какую-то аллегорию. После чтения этой «фантазии» В. П. Боткин недоумевал: «…но эта летающая Эллис, — что она? Тут кроется какая-то аллегория, — но эта аллегория остается неразгаданной». Тургенев отвечал Боткину 26 ноября (8 декабря) 1863 года: «…я так же мало сам понимаю Эллис, как и ты»,[12] а в предисловии к журнальной публикации повести предостерегал читателей от аллегорического истолкования этого образа. Образ вызвал разноречивые толкования в критике. Некоторые увидели в Эллис символ музы художника, воплощение самой поэзии, музы-вампира; кто-то увидел за фантастическими образами художественно воплощенные раздумья автора об истории человечества через призму современной общественно-политической обстановки.[13] «Что такое Эллис в самом деле? — говорится в финале, — Привидение, скитающаяся душа, злой дух, сильфида, вампир, наконец?»[14] По мнению галицкого русина Ваврика, которое он обосновывает в своей статье, Эллис воплощает мечту, и эта мечта — Россия.

Среди множества имеющихся толкований созданного Тургеневым загадочного образа Эллис версия, предложенная Ваврик, имеет право на существование и должна быть учтена в тургеневедении.

[1] YMCA (от англ. Young Men's Christian Association — Юношеская христианская ассоциация). В годы Первой мировой войны ИМКА (отделение в России) организовывало курсы по уходу за ранеными и осуществляло помощь беженцам и русским военнопленным. В 1918 году советское правительство ввело запрет на все некоммунистические организации; деятельность YMCA в России прекратилась до 1992 года. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/YMCA (дата обращения: 05.05.2020).

[2] См.: *Грачева А. М.* Ляцкий Евгений Александрович // Русская литература XX века. Прозаики. Поэты. Драматурги: Биобиблиографический словарь: В 3 т. / Под ред. Н. Н. Скатова. М., 2005. Т. 2. С. 492–493. Сведений, подтверждающих знакомство Ваврика с Ляцким и их общение, обнаружить не удалось.

[3] URL: http://www.plam.ru/hist/genocid_karpatorusskih_moskvofilov_zamolchannaja_tragedija_hh_veka/p4.ph (дата обращения: 05.05.2020).

[4] Терезин и Талергоф были первыми концентрационными лагерями на территории Европы; созданы они были специально для содержания русофилов. См.: *Ваврик В. Р.* Терезин и Талергоф. Сборник (Статьи, очерки, стихи, драматические картины, рассказы, воззвания, заметки, справки) — URL: http://makeevdon.narod.ru/pages/files_sbor/Terezin.i.Talergof.pdf (дата обращения: 05.05.2020).

[5] См.: *Ваврик В. Р.* Карпатороссы в Корниловском походе и Добровольческой армии (Львов, 1923) // Вестник Юго-Западной Руси. 2008. № 1 — URL: https://web.archive.org/web/20130727034551/http://www.vestnik-jzr.org.ua/vestnik20081-vavrik.html (дата обращения: 05.05.2020).

[6] URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Ваврик,_Василий_Романович (дата обращения: 04.05.2020).

[7] См.: *Ахременко Д. А.* Документальное наследие Василия Романовича Ваврика как исторический источник // Новые исторические перспективы: от Балтики до Тихого океана. 2018. № 2(11). С. 83–89.

[8] *Ваврик В. Р.* 1) Песни Русь. Трембита (Ужгород, 1921); 2) Стихотворения (Филадельфия, 1922); 3) Красная горка: Третий сб. стих. (Львов, 1923); 4) Гаивки / Сб. стих. (Львов; Прага, 1925) и др.

[9] *Ваврик В. Р.*: 1) Калинин сруб. Рассказ (Львов, 1926); 2) В водовороте. Повесть (Львов, 1926–1929); 3) В перекрестных огнях. Повесть (Львов, 1929) и др.

[10] См.: Слово о полку Игореве, в 750-літню річницю его появления, з вступним словом, поясненням тексту і переводом на галицько-руську народну мову. Львів, 1937. См. статью о Ваврике в: Энциклопедия «Слова о полку Игореве»: В 5 т. СПб., 1995. Т. 1.

[11] См.: *Тургенев.* ПССиП(2). Соч. Т. 7. С. 191–219.

[12] *Тургенев.* ПССиП(2). Письма. Т. 5. С. 232.

[13] О различных интерпретациях образа Эллис см. комментарии к повести: *Тургенев.* ПССиП(2). Соч. Т. 7. С. 480–482 — коммент. А. П. Могилянского.

См. также: *Андреева А. А.* «Призраки» как исповедь Ив. С. Тургенева // ВЕ. 1904. № 9 (Сентябрь); *Ветринский Ч.* Муза-вампир // Творчество Тургенева. Сб. статей / Под ред. И. Н. Розанова, Ю. М. Соколова. М., 1920. С. 152–167; *Пиксанов Н. К.* История «Призраков» // Тургенев и его время. М.; Пг., 1923. Сб. 1 / Под ред. Н. Л. Бродского. С. 164–192; *Батюто А. И.* Творчество И. С. Тургенева и критико-эстетическая мысль его времени. Л., 1990. С. 202–208; *Ипатова С. А.* Тургенев и Томас Де Квинси (К вопросу о композиции «Призраков») // И. С. Тургенев: Новые исследования и материалы. Вып. 2. М.; СПб., 2011. С. 95–108.

[14] *Тургенев*. ПССиП(2). Соч. Т. 7. С. 219.

Печатается по автографу: ИРЛИ. Ф. 163 (Е. А. Ляцкого). Оп. 5. № 108. Л. 1–6. На бланке American YMCA.

Внизу листа: to the writer: save by writing on both sides of this paper to the folks at home: save food. Buy liberty bonds and war saving stamps <экономьте, написав на обеих сторонах бумаги. Покупайте облигации и военные сберегательные марки. — *Англ.*>.

AMERICAN
YMCA

ON ACTIVE SERVICE
WITH THE AMERICAN
EXPEDITIONARY FORCE[1]*___19

В. Р. Ваврик

Кто такая Эллис в «Призраках» И. С. Тургенева?

Случается, что поэт творит независимо от всяких логических оснований. В литературах имеем примеры, где поэт построил мысль, непонятную для человеческого разума. Великий Адам Мицкевич объясняет на одном месте «Dziady», что явится освободитель Польши, которому будет имя: 44.[2]

*На действительной службе в американском экспедиционном корпусе (*англ.*).

На толкование этой загадочной цифры потрачено немало комментариев и научных работ, но, в конце концов, она осталась невыясненной и непонятной для настоящего и, кажется, грядущего поколения. Если даже допустим, что Польша воскресла не сама, а создали ее несколько государств, то все-таки чувствуется, что Мицкевич сказал что-то непонятное.

Пример из русской словесности еще красноречивее: это повесть Н. В. Гоголя «Нос». Трудно понять, что хотел именно сказать Гоголь; трудно понять, как очутился нос в тексте, как затем <стал> ходить, рассуждать и хлопотать. Неоднократно утверждают критики, что повесть является карикатурой на романтиков, однако доподлинно никто не знает сказать, что такое «Нос».

Туманом неизвестности прикрыты также и «Призраки» И. С. Тургенева. В них допустимы и возможны всякие объяснения. Можно принять, что Тургеневым изображена *мечта*; долю правды будет иметь тот, кто будет доказывать, что в «Призраках» развито поэтом понятие *идеи*; прав даже будет тот, кто сочтет созданное Тургеневым дело *символикою*.

Анализ «Призраков», как есть, не легок. Несомненно то, что на них лежит луч светлого, красивого, доброго и пятно чего-то темного и страшного. Я утверждаю, что Эллис — мечта и что эта мечта — Россия.

Поищем на это доказательства в самом рассказе. Несколько кратно Эллис требует от Тургенева: отдайся мне! и понятно, что Тургеневу нельзя было отказаться. Мы знаем, как глубоко всем сердцем был отдан Тургенев своей родной земле. Знаем, что ей были им посвящены все силы, вся жизнь сознательно и бескорыстно. Об этом говорят все его труды, в которых так глубока боль за родину свою. Стоит прочитать только романы: «Рудин», «Новь», «Дым», «Дворянское гнездо» или хотя бы краткое обращение к русскому языку,[3] не придется сомневаться, что Тургенев был отдан

России всецело. Самой мечте, как таковой, он отдавался бы не с <таким?> жаром и рвением.

Совершенно рационально может последовать запрос: если Эллис олицетворяет Россию, то почему она англичанка? Нужно вдуматься глубже. Крепостное право лежало черным пятном на России, из-за чего страдал Тургенев ужасно. Конечно, он чувствовал и знал, что положение это должно измениться. Одновременно он сознавал, что над Россией может стрястись большее горе. В его «Дыму» уже кружатся «Бесы»[4] и, наоборот, за «Бесами» и даже впереди них носился удушливый «Дым».

Тургенев стал искать выход для России. Начал с Рима и пришел к заключению, что Кесарь и легионы слишком грозны. Он остановился на Франции, но вскоре отвернулся от нее. Он тогда вникнул в родную историю и не нашел ничего отрадного. Волга с Разиным ужаснула его, тем более что ему ясно было, что ни одно государство на свете не существует без сословий и классов. Не находя ничего привлекательного ни в Италии, ни во Франции, он остановился на Англии. Конституция Англии казалась ему высшим государственным идеалом. В Англии были лорды, страна, однако, была демократической и процветала. Единение народных масс с интеллигенцией вынесло ее на широкие моря и внутри обеспечивало от катастрофических потрясений. Поэтому Тургенев заявляет дважды: я дворянин и помещик! желая этим сказать, что Родине может служить одинаково как дворянин, так и простолюдин. Это он сознавал, но знал, что многие иначе понимают. Дворяне — иначе, Разины — иначе. Тургенев страдал потому сильнее, нежели менее проницательные его современники.

Весьма существенным может быть еще дальнейший запрос: если Эллис является воплощением России, то почему автором она не названа русским именем: Верой, Людмилою, Ольгою? Надо полагать, что Тургенев в этом имени утаил

прошедшее России. Эллис, сокращенное Еленна, — греческое имя. Все свое культурное достижение получила Россия из Эллады. И вера и государственное устройство взяты от эллинов, и на них надолго утвердилась русская держава. Раньше или позже, Россия должна была рубить окно на запад; должна была искать новых форм; должна была соединять старое с новым, что было нелегкою задачей. Петровская реформа была наилучшим доказательством этого. Опять Тургенев осознал, что прогресс всегда связан с прошедшей историей и поэтому он не желал внезапного переворота. Дело Разина его пугало, его пугала кровь, его пугала пустыня.

Приняв все необходимое, все наиболее разумное для существования, Россия должна остаться тем, чем была. Не оставшись Россией, она даже не могла бы пойти по новому пути. Уничтожив старые фундаменты, она рухнула бы. Тогда Тургеневу представлялось в виде призрака, но ныне это понятно. Петр Струве в «Русской мысли» так и говорит: пойти и идти вперед мы можем, лишь вернувшись к истокам и источникам нашего национального бытия.[5] Уйдя от лжи и мора, мы должны возрождать и возродить Святую Русь и Великую Россию. Вне этого нам и нашим детям предстоит политическая смерть и нравственная гибель!..

Эллис, Елена — это земля русская и вся с ней связанная старина. Елена Прекрасная, которую ищет богатырь-царевич, не что иное, как земля русская. Поэтому мечта Тургенева — Эллис. Поэтому в «Накануне» героиней является Елена — опять русская земля, пошедшая спасать славян.

В «Призраках» можно уловить некоторое влияние западноевропейских литератур. Мечта в виде женщины была воспро<из>ведена уже Данте. Божественная Беатриче следует с ним в самые таинственные места. Виланда «Oberon» совершает свои подвиги с любимой женщиною.[6] Астарте в «Манфреде» пленяет Байрона до то<го>, что он вызы-

вает ее по смерти с всеми духами, требуя от них Астарте или забвения о ней.[7] Забвения Байрон ищет в Альпах, у их ск<л>онов к Италии, на чудном озере Lago Maggiore, увлечен женщиной-красотой польский поэт З. Красинский. Его «Przedświt» — величавый гимн поэзии, песни, природе и вместе Родине.[8] Сюда и Тургенева унесла Эллис, но ненадолго, ибо Волга не менее привлекательна, не менее божественна. Вдоль Волги в роскошной степи носится Эллис с Тургеневым, в свете луны, который, уже перед рассветом, недалеко <от> родного дома, падает, уставши и изнемогши.

Хочу кончить тем, чем кончил Тургенев: остановиться, не досказавши многого. Добавлю, однако, что Россия до сих пор не у себя: она бродит где-то в степи, по ночам, и, уставши, падает.

---

[1] Экпедиционный корпус — войска армии США, принимавшие участие в интервенции на Дальнем Востоке во время гражданской войны в России. Сведениями об отношении Ваврика к этим формированиям не располагаем.

[2] Речь идет о 3-й части поэмы «Дзяды» (1832) польского поэта Адама Бернарда Мицкевича (1798–1855), в которой («Видение ксендза Петра») излагается доктрина польского мессианизма и говорится о приходе мессии, спасителя и воскресителя Польши, обозначенном поэтом цифрой 44; ученые расходятся в толковании, кому Мицкевич отводил эту миссию и что означает указанное число.

[3] Имеется в виду знаменитое «стихотворение в прозе» Тургенева «Русский язык» (1882) — см.: *Тургенев. ПССиП(2).* Соч. Т. 10. С. 172, 516–517.

[4] Роман Ф. М. Достоевского «Бесы» (1871–1872) — см.: *Достоевский Ф. М.* Полн. собр. соч.: В 30 т. Л., 1974. Т. 10. См. также монографию А. И. Батюто, связанную с именами Тургенева и Достоевского, изданную после смерти ученого: *Батюто А. И.* Ф. М. Достоевский и И. С. Тургенев (Только ли история вражды?) / Отв. ред. С. А. Батюто. СПб., 2012.

[5] Струве Петр Бернгардович (1870–1944), экономист, философ, общественный деятель. Руководил журналом «Русская мысль» на протяжении двадцати лет (1907–1927). Круг постоянных тем журнала был подчинен теме России, «осмыслению ее прошлого и настоящего с тем, чтобы понять лучшие пути ее развития» (см.: *Пучкова И. С.* Тема России у П. Б. Струве в журнале «Русская мысль». Автореф. дисс. … канд. филос. наук. СПб., 2008. С. 4).

[6] Виланд Кристоф Мартин (1733–1813), немецкий поэт и прозаик; героико-комическая поэма «Оберон» (1780) повествует о приключениях молодой пары рыцаря Гюона и дочери султана Реции. Карл Великий посылает Гюона с поручением на верную смерть, но король эльфов Оберон помогает рыцарю выполнить поручение и увезти Рецию, впоследствии пара подвергается различным испытаниям.
[7] В философской поэме-трагедии «Манфред» (1817) английского поэта-романтика Джорджа Гордона Байрона (1788–1824) герой Манфред в отчаянии блуждает в Альпийских горах с целью найти забвение о своей погибшей возлюбленной Астарте, но не находит его и, в конце концов, умирает.
[8] Красинский Зыгмунт (1812–1859), польский поэт и драматург; речь идет о его поэме-видении «Перед рассветом» (польск. Przedświt; 1843).

И. Н. Базилевская

Тургенев в ссылке

Публикация Е. А. Легеньковой

Вниманию читателя предлагается глава из неизданной книги Инны Николаевны Базилевской «И. С. Тургенев в ссылке», рассказывающей о мало освещённом в биографической литературе, но важном периоде жизни писателя с конца февраля 1852 по начало декабря 1853 г., времени, когда в изгнании он начал писать свой первый роман.

Немного об авторе и истории создания книги. И. Н. Базилевская (1923–2000) родилась и училась в Ленинграде в семье инженера и учительницы математики, там же провела первую блокадную зиму, после снятия блокады вернулась из эвакуации и поступила в Ленинградский университет на русское отделение филологического факультета.

Годы учебы прошли в гнетущей атмосфере тогдашнего филфака, где администрация следовала букве пе-

чально известного Постановления оргбюро ЦК ВКП(б) «О журналах „Звезда" и „Ленинград"» (1946). Именно в это время Базилевская пришла в толстовский семинар Б. М. Эйхенбаума и написала под его руководством работу об автобиографической повести Л. Толстого «Детство. Отрочество. Юность», а затем подготовила дипломную работу «Л. Н. Толстой и И. С. Тургенев (1852–1861 гг.)». Гонения на свободомыслящих профессоров продолжались, от них требовали отречения от своих убеждений и покаяния. В апреле 1949 г. студентов сделали свидетелями «проработки» космополитов — профессоров филфака Б. М. Эйхенбаума, М. К. Азадовского, Г. А. Гуковского и В. М. Жирмунского на общем собрании в актовом зале факультета. На всю жизнь у Базилевской, как и у многих её сокурсников, остались тягостные воспоминания об этом позорном событии. Отсутствовавший на собрании и не покаявшийся Б. М. Эйхенбаум был уволен из Университета за формализм, космополитизм и «низкопоклонство перед Западом», а выпускники, дипломами которых он руководил, защищали их уже без него.

Сохранился текст дипломной работы и список литературы по её теме, рекомендованный Базилевской Б. М. Эйхенбаумом. Сегодняшнего читателя, знакомого с филологическими трудами тех лет, непременным атрибутом которых была партийная риторика и обильное цитирование к месту и не к месту «гениальных» трудов Сталина и классиков марксизма, в этой работе может удивить их полное отсутствие. В ней цитируются исключительно Толстой, Тургенев, Фет, Боткин, Григорович, Панаева, Чернышевский, Добролюбов… Да и в библиографическом списке марксистская критика представлена только статьей Ленина о Толстом и воспоминаниями о нём М. Горького. Построен-

ная по хронологическому принципу работа охватывает период от заочного знакомства писателей, инициатором которого был Тургенев, «рукоплескавший» «Истории моего детства» Толстого, до разрыва их неровных и противоречивых отношений после обнародования Манифеста 1861 г.

Опираясь на документальные источники (критические статьи Тургенева, дневники и «Исповедь» Толстого, их письма друг другу и другим адресатам), художественные произведения обоих писателей, а также свидетельства литераторов круга некрасовского «Современника», автор воссоздает атмосферу литературной борьбы в предреформенной России и очерчивает в ней роль Толстого и Тургенева. Они как представители разных поколений и разных эстетических, философских и политических взглядов находятся на двух полюсах либерально-демократической мысли своего времени — устремленный в будущее человек действия (Толстой) и погруженный в прошлое человек бездействия (Тургенев). Документальные источники позволяют автору проанализировать сложные отношения двух писателей, безусловно признававших ум, талант и моральную силу друг друга, но постоянно находившихся в состоянии взаимного притяжения и отталкивания. При этом аргументированно подчеркивается влияние Тургенева на становление эстетических и идейных воззрений Толстого.

Отношения бывшей студентки с Учителем после его изгнания из Университета не прерывались: она навещала опального профессора у него дома на канале Грибоедова, советовалась о выборе своей стези как филолога. Не без его влияния Базилевская заинтересовалась жанром беллетризованной биографии и задумала повесть для юношества «Тургенев в ссылке».

Увлечение работой над постепенно переросшей в роман повестью продолжалось практически всю жизнь автора, который неоднократно возвращался к ней и писал урывками в вечерние часы после трудового дня, во время выходных и отпусков, затем выйдя на пенсию. Начав профессиональную деятельность как преподаватель русского языка и литературы, Базилевская работала затем в Публичной библиотеке им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, потом редактором в различных ленинградских издательствах.

Приобретённая еще в Университете привычка заниматься в архивах и библиотеках позволила ей накопить для творческого осмысления обширный документальный материал, содержавший как опубликованные, так и неопубликованные на момент работы над книгой архивные источники. Примером могут служить письма В. П. Тургеневой к И. С. Тургеневу, не способные оставить равнодушным всякого, кому интересна колоритная фигура матери Ивана Сергеевича. Введенные в текст публикуемой главы цитаты из ее писем позволяют автору не только дать выпуклое представление о непростых отношениях в семье писателя, но и — шире — познакомить читателя с бытовавшим в среде образованного дворянства русским языком середины XIX в., с особенностями помещичьего быта, подвести к теме «отцов и детей». Примечательно, что письма Варвары Петровны как самостоятельное явление эпистолярного жанра были оценены по достоинству только в XXI в. и опубликованы отдельной книгой.[1] Помимо разнообразного и обширного эпистолярия Базилевская широко использует журнальную периодику и прессу (от литературной и театральной критики до модных журналов), дневники и воспоминания современников И. С. Тургенева. Ещё одним важным источником стало

выходившее в ИРЛИ в 1960–1968 гг. Полное собрание сочинений и писем И. С. Тургенева в 28 томах.

Базилевская дважды пыталась опубликовать книгу. В начале 1960-х гг. первый вариант повести для старших школьников был предложен ленинградскому «Детгизу» и получил в целом положительный отзыв Д. Я. Дара, но с замечаниями. На их устранение ушла вторая половина жизни автора, повесть для юношества превратилась в роман для более широкой читательской аудитории. В своём окончательном варианте книга приобрела ту отточенность языка, стиля и формы, которые могли проявиться только с течением времени, когда автор, возвращаясь к написанному, отбрасывает всё лишнее, всё второстепенное, отбирает и дозирует информацию, представляя читателю своих героев деликатно, тонко, порою с мягким юмором. Второй вариант романа получил положительную рецензию в Пушкинском Доме (ИРЛИ) и был рекомендован к печати. В частности, рецензент, тогдашняя заведующая Тургеневской группой ИРЛИ Н. С. Никитина, писала: «Несмотря на обилие и разнородность осмысленного здесь материала, — а автор, кажется, ничем не поступился в освещении событий, — книга И. Н. Базилевской читается легко и способна, на наш взгляд, увлечь самые разные слои читателей. Она достоверна и добротна по фактам, в ней изложенным, интересна самим характером изложения. Автор вполне владеет искусством повествования, одарен тонким чувством языка и стиля, умением вжиться в воссоздаваемый в книге образ русского писателя, знанием и способностью к воспроизведению реалий исторического быта. Поэтому у нас есть все основания сказать, что написанная И. Н. Базилевской книга достойна И. С. Тургенева и публикация ее стала бы заметным вкладом в нашу культуру, в оживление нашей памяти о ярчайших ее представителях».[2]

Эта рецензия была написана в 1990 г., когда наши издательства выживали за счет пользовавшихся тогда спросом переводных дамских романов, детективов, скандальных откровений и политических разоблачений, места ссыльному И. С. Тургеневу в их редакционных портфелях не нашлось.

Труд всей жизни И. Н. Базилевской оказался «написанным в стол», а она до самого конца мечтала увидеть его напечатанным. Сегодня появилась надежда, что эта мечта, хотя и с большим опозданием, может осуществиться.

В публикуемой главе 13 описан эпизод встречи в Москве тайно приехавшего из ссылки И. С. Тургенева с гастролировавшей там П. Виардо.

---

[1] Твой друг и мать Варвара Тургенева: письма В. П. Тургеневой к И. С. Тургеневу (1838–1844) / подгот. текста и коммент. Е. Н. Левиной, Л. А. Павловой; вступ. ст. Е. Н. Левиной; Гос. мемор. и природ. музей-заповедник И. С. Тургенева «Спасское-Лутовиново». Тула: Гриф и К, 2012. 581 с.

[2] Личный архив Е. А. Легеньковой.

Глава 13

Москва. Тургенев у брата Николая Сергеевича. Встреча с Кетчером, Боткиным. Театр. На Пречистенку приезжает П. Виардо. Тургенев заболевает. Отъезд в Спасское.

Был последний день четвёртой недели поста. Призывно, однообразно, строго сзывали московские колокола прихожан на раннюю обедню.

Разумнее всего казалось сначала похлопотать о крове. Нашел в кармане записку с адресом купчихи, рас-

прощался со своим попутчиком, едва ли не в первый раз обратясь к нему, дал кучеру на водку, направился к ряду карет, ожидающих седоков.

В кривом и тихом переулочке центра Москвы отыскал дом купчихи, сговорился с ней о ночлеге, оставил кое-что из вещей и отправился к брату, в его дом на Пречистенке.

Николай Сергеевич и Анна Яковлевна ахнули, когда увидели Ивана.

«Что бы это могло значить? — подумал Николай Сергеевич, — наверное, приехал тайком, если в таком облачении. Ах, Ваня, Ваня, накличет себе бед».

Анна Яковлевна не выдержала, рассмеялась. Странен был деверь в этом двубортном сюртуке из тёмного сукна с чёрными бархатными отворотами, жилете со стоячим воротником, сшитом по старой моде начала сороковых годов, малиновом шейном платке.

Иван Сергеевич поцеловал руку невестке:

— Не смейтесь, Анна Яковлевна, беда и не к тому принудит, — посмотрел ей в глаза своим мягким взглядом. — Лучше скажите, куда бы мне уединиться, чтобы привести себя в порядок.

В гостиной в тёмно-зеленом бархатном сюртуке гость выглядел как обычно. Рассказывал, шутил, смеялся.

Поступок брата взволновал Николая Сергеевича. Он просил Ивана реже выходить на улицу, а в общественных местах вовсе не появляться.

— Тебя же пол-Москвы знает, — внушал он брату, — береги себя, а о театре и не мечтай.

Иван Сергеевич слушал и писал записку Полине, потом позвонил в колокольчик, позвал Фёдора Лобанова, совершенно верного человека, который в это время был в Москве по делам и жил у Николая Сергеевича,

попросил отвезти письмо в особняк, где жили дети княжны Прасковии Андреевны Голицыной, крестной матери Полины. У них она собиралась остановиться в Москве.

Николай Сергеевич принёс из кабинета несколько газет. Странно, в газетах сообщалось, что в Москву Полина приехала 20-го. Однако из Петербурга она выехала 16-го. Не может быть, чтобы предпочла лошадей железной дороге. Неужели приехала и занемогла? Первый её концерт должен состояться завтра, 23-го, в зале Дворянского собрания. Николай повертел перед братом двумя театральными билетами:

— Посчастливилось достать, шел мимо, когда открылась касса. Думал, не выберусь из толпы. Но сборов будет решительно меньше, чем если бы Виардо пела в Большом театре. И для тебя этот пожар — большое осложнение, скорее, совершенная неудача. В Большом театре можно было бы достать закрытую ложу. А в Дворянском собрании — сквозной балкон. За колонной не спрячешься, а в партере по вторникам каждый сидит, где ему заблагорассудится. И Николай торопливо перешёл к рассказу о пожаре Большого театра, чтобы брат не искал возражений, не склоняя его на какое-либо рискованное предприятие.

— Читал? — спросил Николай. — Театр сгорел 11-го. Жаль, жаль театр. Я видел, как он горел. — Николай стал описывать зрелище пожара. Пламя настолько быстро охватило всё здание, что полиция смогла спасти только соседние дома. — Расскажу тебе случай во время пожара, — продолжал Николенька. — Когда огонь охватил и крышу, на ней показалось трое мужчин: двое, не видя спасения, решились не дожидаться, когда пламя коснётся их, помолились Богу и кинулись с крыши — разбились, разумеется; третий не нашёл

духу броситься, он стоял на горящей крыше и молился. Вдруг толпа около театра зашевелилась, пропуская к горящему зданию человека. Как потом выяснилось, ярославского мужика. Он уверял, что спасёт погибающего. С шестом и веревкой сначала по лестнице, потом по жёлобу мужичок влез на крышу; зацепив за трубу веревку, подал её на шесте спасаемому, по веревке оба спустились до лестницы. Десятитысячная толпа притаила дыхание, а когда наступила минута спасения, мужчины разом обнажили головы и осенили себя крестом.

Братья искренно любили друг друга, но не было между ними той духовной связи, которая бы подогревала их беседу, тем более сейчас, когда Иван Сергеевич был озабочен, как же ему всё-таки найти способ побывать на концерте. Оба брата были блестящими рассказчиками; более того, многие считали, что Николай Сергеевич превосходит в этом брата. Он умел и любил рассказывать, но исключительно в кругу близких людей. Стоило появиться чужому человеку, как он замолкал, замыкался. С чего бы это? Речь его была необыкновенно цветиста, лилась свободно, он мог отвлечься от главной темы, сообщая множество подробностей, потом с легкостью снова возвращался к основному рассказу, ничего не забывая, никогда не сбиваясь. Сама маменька не раз говорила, что ошиблась в выборе имён сыновьям: «Мне бы Николушку назвать Иваном, он-то у меня и есть настоящий Иоанн Златоуст».

Не понимая друг друга (Ивану казалось скучной хозяйственная жилка брата, а Николай считал пустыми литературные усилия Ивана, «живи, как все», — советовал он), братья обычно вели разговоры, касающиеся маменьки, родственников, хозяйственных дел, денежных, ибо от общественной жизни и литературной Николай был далёк.

Кетчер, к которому вскоре явился Тургенев, неимоверно высоко поднял над очками брови, заходил крупными шагами по комнате, потом, подойдя к письменному столу, со всего маха хлопнул ладонью по его крышке, громко расхохотался:

— Ну, батенька, выкинул ты штуку!

Кетчер любил читать нотации друзьям. Тургенев к этому приготовился, но, по правде сказать, не очень этого страшился. Он знал, что Николай Христофорович не только ворчун, но и прекрасный товарищ и, если сейчас брюзжит, то исключительно из опасения, не повредит ли себе приятель своим появлением в Москве.

— За лицезрение тебя мы можем решительно поклониться в ножки m-me Виардо? Здесь ходили слухи, что она из Москвы собиралась заехать в Спасское, но мы с Боткиным, хотя и радовались этому, но не очень-то верили. Но такого… — Кетчер широко развёл свои беспокойные, почти непослушные руки, — такого, признаться, никто не ожидал… Чаю хочешь, опасный человек?

— Гм… гм… — протестующе и иронически хмыкнул Тургенев, не в первый раз его называют опасным, куда там, когда-нибудь будут удивляться, что так мало было желчи в человеке, которого считали опасным. Однако Кетчеру сказал только, что от чая, пожалуй, не откажется.

— Рассказывай, рассказывай, Иван, как ты там живёшь в деревне? — торопил Кетчер.

— Я стараюсь стоять на ногах, и, кажется, мне это довольно удается. Но вот и всё!

Кетчеру хотелось поговорить об издании «Записок охотника», узнать, понравилось ли оно Тургеневу.

— Мы тогда с Васенькой крепко выпили за начало их печатания. Правда, потом здорово пришлось перетру-

сить, когда цензора Львова попросили уйти в отставку. Боткин рвал и метал. Ну, да ладно, всё, кажется, обошлось. А издание всё-таки получилось славное. Мы с Васенькой и шрифт выбрали отличный и бумагу хорошую. Тебе нравится шрифт? Он был совсем новый, ещё не тронутый.

Тургенев благодарил Кетчера и высказывал радость, что издание быстро разошлось. Однако робко спросил, не завалялся ли у того экземпляр-другой, так как единственный, который у него оставался из всех ему положенных, он преподнес исправнику, пожелавшему иметь «Записки охотника».

— Ведь надобно было удовлетворить прихоть «своего начальства», — объяснял Иван Сергеевич. — Я поздно спохватился, не попросил вовремя своего quasi-поверенного Лобанова купить несколько книжек, а он сам не догадался. Теперь приходится просить у тебя.

У Кетчера нашлось даже четыре экземпляра.

— Да, где бродит список «Постоялого двора» и есть ли, наконец, новые списки? Мне перед стариком Аксаковым неловко: ему ещё в середине декабря написал, что вещь совсем исправлена и списана и что при первой оказии отправлю её в Москву к тебе, а ты доставишь на прочтение Аксаковым, — шепелявил Тургенев, смущенный, что показывает свою досаду. Потом выяснилось, что и в конце февраля Сергей Тимофеевич не получил списка.

— Отослал ему, отослал, успокойся, — оправдывался Кетчер, — отправил около 10 марта, Аксаковы сейчас в Абрамцеве, приедешь в Спасское и наверняка получишь от них письма. Переписчика порядочного долго найти не мог, и желающих прочесть множество, из рук прямо рвут. Ты сам просил дать почитать и Тимофею Николаевичу[1] и Михаилу Семеновичу,[2] конечно,

и другим давал… Ну, мнения о повести знаешь — я писал тебе, и старик Щепкин тебе говорил.

Кетчер снова стал перечислять преимущества новой манеры, замеченные им, Грановским, другими.

Тургенев поинтересовался, нет ли у него списка с уцелевших глав «Мёртвых душ». Списков ни с одной из глав поэмы у Кетчера не оказалось, зато он знал, что Щепкин читает знакомым первые две главы.

— Кажется, у Грановского на днях собирается читать, надо узнать. Можешь себе представить, какая это вещь!

— Да-да, — с живостью подхватил Тургенев, — мне Анненков писал, что теперь первая часть «Мёртвых душ» перед новыми главами кажется незрелым произведением, и это впечатление разделяют все, кто слышал их.

* * *

Тихо и темно было в доме Николая Сергеевича. Он вместе с женой уехал в Дворянское собрание — в концерт г-жи Виардо. Иван Сергеевич, придя к брату на обед, остался в доме Николая ждать возвращения хозяев. Ему категорически заявили, что в концерт его не возьмут. Поди же поспорь с братцем.

Только что они сидели с Николаем. Теперь он мечется, как лев в клетке, по кабинету брата. Даже пламя настольной лампы колеблется. Нелепость какая-то, несообразность сущая! Приехать в Москву — и не пойти в концерт Полины! Всё его воображение было там, в Дворянском собрании.

Николай и Анна Яковлевна уже доехали, разделись, вошли в зал. Осмотрелись, подыскивая и соображая, куда лучше сесть. В зале оживлённый гул, слышатся отрывки музыкальных фраз. Шаги Тургенева замедля-

ются, он будто прислушивается. Неужели действительно разобраны ряды и все сидят, кому где удалось. Он это что-то плохо представляет. Если так, то до начала концерта в зале разговоров больше, чем обычно. Они вертятся преимущественно вокруг Полины, её посещения Москвы в прошлые годы, разноречивых слухов о ней и разных мнениях о её голосе в газетах.

Тургенев в который раз берет в руки «Пантеон», отыскивает рецензию Ростислава,[3] читает: «Нижние и средние ноты Виардо остались такими же прелестными, задушевными, как и были прежде. Начиная с верхнего sol do ut, действительно, в голосе Виардо заметна некоторая перемена. Ноты эти она не утратила вовсе, но они сделались резче, “угловатее…”»[4]

Ростислав считал, что это «неизбежное последствие огромного протяжения её диапазона (в прошлый сезон мы слышали нижний fa diez в “Сомнамбуле” и нередко верхний ut); как хотите, — писал рецензент, — чтобы тот или другой регистр голоса не потерпел от такого протяжения».[5]

Но нет, досада не дает Тургеневу покоя. Сидеть дома и читать рецензии на её концерты и партии в операх, когда он мог бы слушать сейчас Полину и смотреть на неё воочию и делать совершенно самостоятельные выводы. Сидеть дома и воображать, как она поёт. Это только с ним может такое произойти! Только он мог позволить убедить себя, что ему лучше не ехать в концерт, а шагать по кабинету.

Заставить себя читать не мог. Порылся в книжном шкафу брата, нашёл шахматный журнал, заинтересовался любопытной партией, захотелось её разобрать. Но только отвлекся от своих досадных дум, как слуга доложил, что его спрашивает господин Кетчер. «Не с билетами ли?» — мелькнула догадка.

Через минуту Кетчер крепко обнимал Тургенева:

— Одевайся, скорее одевайся, — сверкал глазами Кетчер. — Достал билеты на балкон в последний ряд.

— Какой балкон? — усомнился Тургенев. — Сегодня вторник, а по вторникам в Дворянское собрание съезжаются исключительно истинные любители музыки, всегда одни и те же лица, все между собою знакомые. Мне сегодня вдолбил это Николай. По вторникам раздвигают ряды, стулья стоят в беспорядке; каждый садится там, где ему удобнее, в обществе тех, с кем приятнее.

— Какие истинные любители! — поднимая руки гораздо выше головы, возмущался Кетчер. — На сегодняшний концерт, говорят, продали тысячу с лишним билетов; если бы был цел театр, то продали ещё в два-три раза больше… Не мешкай, пожалуйста, мы и так только ко второму отделению поспеем, если через четверть часа выйдем. То, что мы в антракте не будем, — это к лучшему. Я всё предусмотрел, — свирепо сверкал глазами Николай Христофорович. — Всё обдумано и рассчитано. Места у нас в последнем ряду балкона, но у самой сцены, у входа, а вторая колонна от сцены скроет тебя от публики. Напротив нас — только оркестр. Ну, скорее одевайся… Да есть ли у тебя фрак? И не в армяке ли ты собираешься явиться в сени театра? — шипел он.

Фрак, оказывается, был не только припасен, но и наглажен. Шубы, конечно, не было. Но можно позаимствовать на вечер у Коленьки пальто.

— Ты не шипи так страшно в театре, — просил Кетчера растерянный Тургенев.

Но тот не унимался: им овладела новая мысль. У окна на круглом столике он увидел мужской парик. Повертев его в руках, осведомился — чей это, оказалось, па-

рик Николая Сергеевича. Теперь Кетчер настойчиво убеждал Тургенева:

— Примерь парик. Может быть, он тебя немного изменит. Надень парик, ну, примерь, примерь. Береженого Бог бережет. Не бойся ты, за один раз не облысеешь от чужого парика, — убежденно уверял врач, — приедешь с концерта — вымоешь голову.

Однако Тургенев от парика отказался. Погибать — так достойно, без маскарада.

Когда приехали в Дворянское собрание, в сенях никого не было, кроме гардеробщиков и нескольких слуг, которые остались ждать своих господ до окончания концерта; они сидели на стульях, держа на коленях шубы своих господ.

Как ветром подняло приятелей по трём маршам лестницы на второй этаж. Околозальные гостиные тоже были пусты. Но из зала пока не доносилось пения. Полина, наверное, ещё не вышла на сцену.

Вбежали по лестнице, ведущей к балкону, потом ещё повыше — к последнему его ряду. Их торопливость была естественна, они могли просто спешить к началу второго отделения концерта. Затем тихо-тихо, чтобы ни в ком не возбудить любопытства, сели на свои места.

Тургенев думал только о Полине. Неужели сейчас он её увидит?

Неужели? Он вперил взор в середину занавеса, туда, где тот начнет раздвигаться. Ни о чем больше не думал, все страхи ушли. Что он плохого делает? Хочет посмотреть на Полину, послушать её пение? Неужели он не имеет права на такую малость. Если есть Бог, то будет ему покровительствовать…

Говор в партере начинает глохнуть, стихать. Но поднимается волна покашливания — публика приготовляется к полному вниманию. Вот-вот певица выйдет на сцену.

Но Кетчера беспокоило сейчас не появление на сцене m-me Виардо. Нет, совсем другое. В зале и особенно на балконе было предательски светло. Сколько в этом зале люстр и сколько в каждой люстре ламп! И этот проклятый чадящий свет будет гореть на протяжении всего концерта. Кетчер покосился на приятеля: густая тень от колонны падала на него. Сбегать бы вниз, посмотреть, можно ли из партера различить Тургенева. Но нет, теперь уже опоздал. К тому же, поднимешь глаза, как сразу десятки пар глаз устремятся тоже в том направлении.

Раздался грохот и скрежет рычагов, которые отодвигали темные стекла от ламп рампы — занавес осветился снизу, его половины, собираясь складками, медленно поползли в противоположные стороны.

То ли от скрежета рычагов, то ли от того, что сейчас увидит Полину, у Тургенева побежали мурашки по телу. Мёртвая тишина стояла в зале. Сцена открылась. Своей легкой, грациозной, победной походкой вышла Полина. Так приветно, радушно, так мило улыбается. Зал взрывается аплодисментами, доказывая этим, что публика её не забыла, помнит и любит её.

Тургенев всматривается в черты её лица. Изменилась ли она? Кажется, изменилась. Он торопливо достаёт из кармана лорнет, приставляет к очкам, примеряется, как лучше видно. Снимает очки. Без очков с одним лорнетом удобнее всего. Он ясно различает каждую её черту. Немного пополнела, и это ей решительно идёт. Однако пропала окончательно округлость щек, свойственная юности и ранней молодости. Глаза, как и раньше, мерцают — её огромные умные глаза, умеющие отражать все тонкости души. Но они спокойнее, чем раньше, менее кротки, в них выказывается ещё более ума, светится воля. Весь её облик приобрёл бо-

лее светскости, утонченности, самоуверенности зрелого мастера, и это придает её облику новое очарование. Она оглядывает зал. Её южные прекрасные глаза завораживающе смотрят в партер. Посмотри, посмотри в мою сторону, внутренне молит Тургенев; почувствуй, почувствуй, что я здесь, я здесь, заклинает он Полину.

На ней нежно-сиреневое платье с декольте, обрамленным широкой оборкой кружев такого же цвета, только более густого тона; чуть заметные рукавчики; от талии спадает и немного расходится спереди кружевная туника такого же кружева, как и оборка у декольте. С шеи на грудь, до самой туники, спускается нитка жемчуга, связанная на груди узлом; на пальцах левой руки кольцо с крупной жемчужиной и перстень с аметистом. Такой же формы, как и перстень, аметистовые серьги. Жемчуг — он бы мог быть его подарком. После отъезда Луи в Париж он послал с Лобановым в Петербург Полине шкатулку — на её крышке была собрана из мозаики презабавная собачка. Мог бы и вложить в эту шкатулку ещё более длинную нить жемчуга, чем была на её шее, но постеснялся, смутился из-за Луи. В газетах обычно перечислялись все подарки, преподнесенные певице публикой. Дядя maman, наследницей которого она являлась, имел страсть к жемчугу, он всюду его скупал. Маменька большую часть своих драгоценностей оставила в наследство Биби. Почти всё остальное после смерти маменьки забрала жена Николая, но одна низка жемчуга осталась у него.

Несколько раз Полина пыталась начать второе отделение концерта, но каждый раз новый шквал рукоплесканий потрясал зал. Наконец публика затихла.

Певица начала с песни Верстовского «Колокольчики». Тургенев, более ни о чем не думая, вслушивался в каждый её звук.

— Вот поет! — услышал он шёпот Кетчера, — напев лихого ямщика несётся по залу… — восторженно шептал Николай Христофорович, пытаясь отдать приятелю где-то отысканную им программку концерта. Тургенев программку взял, но знаком попросил Кетчера ему не мешать. Из газет и афиш Иван Сергеевич знал, что будет исполнять Полина, но программку просмотрел внимательно. Обидно, что он не мог присутствовать на первом отделении, досадно, что не мог услышать ни каватины из «Севильского цирюльника», ни арии Бальфа[6] — она давно считалась собственностью певицы. Никто не пел этой трудной арии лучше неё. «C'est le plus beau fleuron de sa couronne»,* — говорил Гектор Берлиоз. Ария представляла ряд трудностей для всех качеств женского голоса. Тут-то можно было бы самому разобраться, утратила ли Полина голос и насколько. Но нет, Полина не утратила верхних нот — не лишилась целого регистра звуков, как это некоторые утверждали, их всего-то три! Другое дело, что в верхнем регистре иные звуки стали резче, не так серебристы, как раньше. И, вероятно, поэтому ей теперь иногда приходится транспонировать свои партии. Не услышит он и рондо из «Сомнамбулы», где также можно было бы убедиться в истинном состоянии её голоса. При исполнении этого рондо, как писали московские критики, она искусно вязала «жемчужные ноты в роскошные ожерелья звуков и щеголяла гирляндами своих неподражаемых фиоритур».[7]

Звуки романса Даргомыжского «Я все ещё его, безумная, люблю», низкие завораживающие звуки густою струей наполняли зал. Губы её чуть приоткрывались, чтобы выпустить ровно столько воздуха, как этого ей хотелось, ни капли больше; по-прежнему казалось, что

---

* Это самое прекрасное украшение в её короне. (*Фр.*)

она скорее задерживает звук, чем выталкивает его, — настолько он был по своей природе густ и силен. Она исполняла этот романс в сугубо романтическом стиле. Придавала ему много драматизма, дополняла впечатление выражением лица. Слезы дрожали в её голосе, когда она произносила первые слова романса, а фразу «Безумная! Я всё ещё его люблю» заканчивала задушевною продолжительною нотой. Безутешной грустью начала она второй куплет, а слова «...когда о нём Создателя молю» приобретали печальную торжественность от постепенного угасания голоса.

Тургенев решил: до Полины у нас не умели петь этот романс; она первая постигла вполне мысль сочинителя и первая создала выражение для этой мысли.

С последним вздохом этого романса, как электрическим разрядом, грянули аплодисменты. Казалось, им не будет конца.

Полина стояла, бессильно уронив вдоль тела руки, слабо улыбаясь, изнеможенная только что вылившимися страстью и страданием. Тургенев перевёл взгляд на партер — дамы вытирали глаза платочками. Совершенно очевидно, что завтра они станут атаковать нотные магазины. Даргомыжский, безусловно, войдёт в моду, и его романсами заинтересуются и те, кто о русской музыке и русских композиторах до сих пор не имел ни малейшего понятия.

Певица долго не наслаждалась триумфом. Ещё публика не успела опомниться от впечатления, овладевшего ею исполнением этого романса, как Полина уже пела с неподражаемой русской сноровкой красной девицы: «Белый, румяный, молодой, холостой», — где только подсмотрела она эту манеру русских крестьянок, — в зале разом переменилось настроение — все умиленно заулыбались.

Русские романсы в этот вечер для московской публики приобрели и новый смысл, и новое значение. Сама певица сознавала то глубокое впечатление, какое она произвела на публику их исполнением.

«Сожалею, — сказала она по-французски, — что я не начала второй части концерта арией Ченерентолы.[8] Добрая и благосклонная публика слушает с таким удовольствием русскую музыку, что я опасаюсь, не покажется ли ей теперь холодным и бесцветным рондо Ченерентолы».

К концу концерта энтузиазм публики дошёл до предела. Приветствиям, возгласам, казалось, не будет конца. Певицу забросали цветами. На «бис» Полина исполнила мазурку Шопена. Прелестно исполнила! «Эх, смотреть и слушать Полину с последнего ряда балкона! Хорошо ещё, что акустика в зале прекрасная. Высунуться бы по пояс с балюстрады, как, бывало, лет десять назад перевешивался через барьер галёрки, и кричать «бис», «браво» во всё горло, кидать цветы и до боли хлопать и хлопать в ладоши, — думал с грустью Тургенев. — Все проходит, быстро проходит…»

Не заставляя себя долго упрашивать (Полина обычно охотно пела на «бис»), она спела «Соловья» Алябьева, исполнение которого ею публика всегда восторженно принимала.

Все сгрудились у самой сцены и вызывали, вызывали певицу… Она, не скрывая своей радости, по-детски счастливая, ходила между венков, гирлянд, прижимая к груди букеты, мимикой выражая, как они ей нравятся, с наслаждением вдыхая их еле уловимый зимний аромат, стараясь не задеть венки, не наступить на цветы, и низко кланялась.

Среди венков особенно выделялся один, из белых камелий, на фоне которого пылало слово «Москва», составленное из красных цветов. Кто-то счастливо придумал.

Кетчер еле оторвал Тургенева от жесткого деревянного кресла, в подлокотник которого приятель крепко вцепился левой рукой. Так, сопротивляющегося, он и привёл друга в театральные сени. Было необходимо выйти из театра первыми, хотя бы одними из первых.

* * *

Иван Сергеевич приехал на Пречистенку минут на двадцать раньше, чем вернулся домой брат с невесткой. С нетерпением стал ждать их и сразу похвастался, что был в концерте. Анна Яковлевна сделала страшные глаза, Николай неодобрительно покачал головой, но это не помешало им завести оживлённый разговор. Каждому хотелось поделиться впечатлениями.

Николай заявил, что голос Виардо не стал хуже, всё так же льётся серебристой струей. Может быть, верхние ноты она хватает осторожнее, чем раньше, зато нижние вкрадываются в душу, как никогда; модуляция голоса изумляет слух, а техника стала ещё совершеннее. Главное, поражает удивительная музыкальность ее исполнения.

— Иван, — спросил Николай, — мне сдаётся, что из иностранных певиц m-me Виардо первая исполняет на русском языке произведения наших композиторов. Я не ошибаюсь? Кто из них на русском языке исполнял произведения Глинки, Алябьева, Варламова, Виельгорского, Алексея Толстого, Даргомыжского?

Брат объяснил:

— Думаю, тут сыграли немалую роль братья Виельгорские, то есть под их влиянием m-me Виардо вводит в моду русские романсы.

— Откуда такое чутье русского характера? — удивлялась Анна Яковлевна. — И не только выраженное

голосом — и плечом то задорно, то стыдливо поведёт, и подбоченится, и руки на груди скрестит и пальчиком щёку подопрет. И все удивительно естественно, словно сама всю жизнь так делала.

Николай высказал мысль о том, как трудно иностранке петь именно русские романсы, ибо из нашей музыки иностранцы не заняли покуда почти ничего и наши песни не похожи на песни европейцев. Поэтому-то иностранке спеть хорошо русский романс так же трудно, как продекламировать стихи на языке, которого она не понимает. Не довольно разуметь наши музыкальные фразы — надобно уметь их произносить.

Иван Сергеевич был совершенно согласен с братом, что невозможно полнее, совершеннее понять национальный характер нашей музыки. Однако Николай Сергеевич продолжал развивать свою мысль. Ему казалось, что певица не только не отходила от традиций исполнения русских песен самими русскими, но и привносила в их исполнение что-то такое, что позволяло слушать русские романсы как бы со стороны и открывать в них новые красоты.

Иван Сергеевич подумал: а ведь верно заметил брат, у него бездна художественного чутья; образование, кажется, он получил не то, ничего оно ему не дало; только озлобило, как говорила маменька.

Николай все продолжал делиться своими впечатлениями:

— Слова романсов, песен можно выучить, но откуда такое чистое произношение, скажи мне на милость? Как не забыла она его? Как выговаривает наши звуки: «не смыкаючи очей, утопаючи в слезах». Кто занимается с ней русской фонетикой?

Сосредоточенно рассматривая знакомый с отрочества узор скатерти, Иван признался:

— Теперь не знаю кто, а раньше преимущественно я, причём весьма придирчиво.

— Так пришепетывать и так выучить! — откровенно удивился любезный брат.

Анна Яковлевна укоризненно сверкнула на мужа глазами, про себя заметила: без насмешек ни на шаг; покойная Варвара Петровна говорила, что весь в отца.

Из-за стола поднялись за полночь, и Анна Яковлевна в благодушном настроении оставила деверя ночевать в их доме. Засыпая, Тургенев думал о предстоящем завтра свидании; ему всё ещё не верилось в возможность этого. Гадал, давно ли вернулась Полина из Дворянского собрания, заснула ли сразу, сражённая напряжением, которого требовал каждый концерт, или, сверх сил утомленная, ещё долго переживала свой триумф? Умиленно шептал: спи спокойно, Полина, почивай на своих лаврах…

* * *

На следующий день, до приезда Полины на Пречистенку, к Ивану Сергеевичу неожиданно явился Василий Петрович Боткин.

— Извини, ради бога, что как снег на голову свалился, — оправдывался он, — но не мог, после вчерашнего концерта не мог. Сегодня поспешил к Кетчеру поделиться впечатлением и от него узнал, что ты в Москве. Тогда кинулся к тебе. Я вчера слушал m-me Виардо и ужасался своим невежеством. Представлял, как тяжело тебе было слушать мои отзывы об этой великой артистке. Наслаждался её исполнением и сбирался написать тебе покаянное письмо. Ты уже виделся с ней?

Тургенев отрицательно покачал головой.

— Нет ещё? — Боткин надел пенсне и посмотрел на друга озадаченно, но расспрашивать не стал. Поглуб-

же уселся в кресло, продолжал прерванную мысль: — Ведь бывает же, что иногда человека знаешь очень давно, вдруг нечаянно подметишь незнакомую черту души и выходит на поверку, что до той минуты понимал его навыворот, — Боткин сделал паузу, снял пенсне, другой рукой провел по лысине. — И теперь моё мнение о её оперных ариях не переменилось, — он протянул правую руку с пенсне в направлении к Тургеневу, — в них она имеет много счастливых соперниц, но вчера, — Боткин прижал руку с пенсне к груди, — она пропела мазурку Шопена, и эта небольшая пьеса сказала мне об удивительном её музыкальном таланте в тысячу раз больше, нежели все её бывшие и будущие арии. Знаешь ли, я до сих пор не понимал этой певицы, — Боткин развёл руками.

Тургенев, внутренне ликуя, поспешил вставить слово в тираду приятеля:

— Кто не слыхал m-me Виардо у неё дома за фортепьянами, тот не имеет о ней понятия.

Похвалы, относящиеся к Полине, вызвали в нём чувство гордости и счастья едва ли не большее, чем если бы хвалили его самого.

— Да, да, — продолжал Боткин, — в концерте она сбрасывает с себя всю морскую пену театральных условий и иллюзий и выходит, как нагая Венера, сияющая одною собственной своей вечной красотой. — Движением руки с пенсне он подчёркивал свои высокие слова, потом поджал губы, помолчал немного, поднял на собеседника свои выразительные глаза. — Если бы я не боялся, что выйдет слишком фразисто, я сказал бы, что это сам гений музыки.

Не только счастливый, но теперь и смущённый, Тургенев стал объяснять другу, что эта мазурка представляет собой соединение двух мазурок, которые m-me

Виардо сама и аранжировала, а слова по специальному её заказу написаны Луи Поме.[9]

— Скажу тебе, — продолжал высказывать свои впечатления Боткин, — пьеса была исполнена с таким тончайшим вкусом, такою фразировкою, таким артистическим совершенством, что я был просто изумлён! — Он опять поджал губы, при этом лицо его выказывало и смущение, и сознание вины. — Пьеса походит на какую-то задушевную импровизацию, и сама аранжировка есть верх совершенства, особенно переходы, — Боткин задумался, — но что удивительно, оценила ли публика эту мазурку? Нет! Да-с, я был виноват перед этой великой артисткой и каюсь теперь.

Тургенев подумал: ведь правда, ни брат, ни невестка о мазурке не упомянули.

Завязался разговор об искусстве, так, как будто Иван Сергеевич приехал не тайно из ссылки, а, как всегда, явился из Петербурга.

— Иван, тебе надобно посмотреть пьесу Островского «Не в свои сани не садись», — обратился Василий Петрович к Тургеневу, но сразу осекся, сообразив, что говорит чепуху, — опасно опальному другу расхаживать по театрам. А жаль, вот жаль. — И продолжал: — Я уже три раза смотрел — и не выходил из театра без слезы на глазах. Театр каждый раз полон, шумит, смеётся, плачет, хлопает. Эта пьеса облагораживает сердца. Да… но Щепкин стареется. В эту зиму он играл в «Скупом рыцаре». Как играл! Думаю, это было его лебединой песней.

— Неделю назад ко мне в Спасское приезжал Михаил Семенович, он читал пьесу, — начал Тургенев, но не успел сказать двух слов, как Боткин перебил его и стал доказывать, что предварительное чтение всегда ужасно портит впечатление, отнимая и силу, и свежесть восприятия. И вдруг неожиданно заключил:

— Я убежден, что пьесы Островского — великолепные вещи, а всё-таки сочности и таланта, поэтического таланта, больше в тебе. — Он немножко запнулся, потом добавил: — Только, может быть, не для театра.

Лицо Тургенева залил румянец.

— Эк, куда хватил, — с досадой запротестовал он.

— Думаешь, я говорю вздор, — запальчиво возразил ему Боткин, — в таком случае, начхай мне на лысину. Кстати, мне недавно один чудак, то бишь доброжелатель, посоветовал скорее жениться, пока можно ещё различать лоб от затылка.

— Ну, а ты? — спросил Тургенев, радуясь перемене темы разговора.

— Я? Я рад бы в рай, да грехи не пускают, — отвёл глаза в сторону Боткин.[10]

Васюша, Васюша, всегда-то он высмотрит в нем что-то особенное. К неловкости от заявления друга присоединилось приятное чувство, потому что ему верил более, чем кому-либо другому, разве на Анненкова полагался ещё основательнее.

В гостиную вошел Фёдор Лобанов, доложил барину, что отправляется по порученному делу. Это надо было понимать — поедет за m-me Виардо. Тургенев закивал ему головой: да, да, пожалуйста. И что-то занервничал. Боткин понял, что другу стало не до него, что ему следует убираться. Он встал.

— Куда же ты? — вяло удерживал его Тургенев, — господи, сколько нам надо ещё сказать друг другу. Я перед тобой виноват, из-за меня ты попал под надзор полиции… Как это на тебе сказывается? О своём житье-бытье в Спасском хочется рассказать. Да, видно, всё это потом, потом… Я к тебе заеду, непременно заеду, на днях…

Василий Петрович энергичным шагом уже переходил улицу. Тургенев из окна смотрел ему в спину. Моло-

дец, молодчина, друг истинный! Не то что не упрекнул, даже не намекнул, в какое глупейшее положение попал по его милости! И это Боткин — осторожный, мнительный, эгоистичный Васюша… Это Боткин, который так перепугался в своё время по поводу ареста петрашевцев, что попросил Панаева возвратить ему все письма и записки. Бедный Васенька, каково ему было, когда он ехал на допрос к Закревскому!..

* * *

— Тпру-у, — голос кучера вывел Тургенева из круга мыслей, навеянных приятелем. У парадного остановились лошади Николеньки. Из дома выбежал слуга, открыл дверцу кареты, спустил подножку. Тем временем Лобанов спрыгнул с другого бока кареты на дорогу и, обогнув экипаж, торопился помочь m-me Виардо выйти на тротуар. Вот она! Вот она! Через белую вуаль чернеют глаза; Полина оживленно оглядывается по сторонам, немного покачивая головой — депо невдалеке от дома портит картину.

Что же он стоит как вкопанный? Полина в нескольких метрах от него, а он чувствует, как стучит его сердце по ребрам, и не может сдвинуться с места. Наконец, бросается к лестнице, через две-три ступеньки летит в вестибюль. А она уже идет по ковровой дорожке.

— Жан!

Откинув с лица вуаль, успела только заметить, что он сильно поседел. И больше ничего не видит, потому что голова её уже прижата к его груди; она слышит, как сильно и шумно стучит его сердце, вдыхает незабытый запах его одежды. Так, прижав ладонью её голову, прильнув к её руке, он нелепо, заставляя идти спиной вперед, вел Полину к стулу. Усадив ее, опустился на одно колено, стал снимать с её ног маленькие чер-

ные ботики. Застежка на одном из них никак не слушалась его руки, пальцы теребили бархат с выпуклыми, как жучки, блестящими черными крючками. Однако упрямый ботик казался ему спасением: вот он его сейчас снимет — и надо будет говорить; боялся этого момента, боялся, что потерял дар речи. Когда же справился с ботиками, поднялся с колена и решился, наконец, взглянуть Полине в глаза, счастливо выпалил:

— «Финская песня»!..

Она знала, что это значит. Сверкнула глазами, оперлась на его руку — они пошли к лестнице, ведущей на второй этаж. «Финская песня» — стихи Гёте, на них она написала музыку, Жан перевёл песню с немецкого на русский. В своих письмах он нет-нет да прерывал самые разнообразные темы (и сердечные, и отвлеченные) восклицанием — «Финская песня»! Название этой незатейливой песенки стало в его письмах замаскированным признанием.

Когда они поднимались по лестнице, им обоим казалось, что тихо звучат слова и мелодия «Финской песни»:

Лишь бы милый воротился
Тем же прежним, верным другом.
От всего б я отказалась,
На пиры я б не ходила,
Лишь бы сохранить мне друга,
Что со мной сошёлся летом,
А привык ко мне зимою!
Ах! когда б он воротился.

Они вошли в залу, через неё наискосок прошли в гостиную. Там их встретили Анна Яковлевна и Николай Сергеевич. Брат Жана, тоже очень высокий, поразил Полину стройностью стана и красотою лица. Его движения и осанка выдавали военную выправку. Но тут же Полина заметила, что у него у́же лоб, чем у брата, коро-

че шея, главное, глаза не те. Жена Николая Сергеевича казалось худой, некрасивой, имела тёмно-желтый цвет лица; только по росту была под стать мужу. Однако Полина скоро поняла, что супруги между собой весьма даже ладят.

Несколько комплиментов, сделанных Полине Николаем Сергеевичем, убедили её не только в хорошем знании им французского языка, но и в изяществе манеры их преподносить. Анна Яковлевна, наоборот, еле изъяснялась по-французски.

Ссылаясь на неотложный визит, супруги пробыли в гостиной не более, чем этого требовал такт.

И, наконец, они остались одни.

Он вёл Полину к дивану, словно не шёл под руку с живой женщиной, а будто в руках у него была очень хрупкая и совершенно бесценная статуэтка. Сколько времени мечтал он об этой встрече? А он опять молчал. Молчал слишком долго. Наконец в голову пришла итальянская фраза: Tante lago da dirti che incominciar non oso.*

Полина, понимая его состояние, зная, что другу надо ещё немного опомниться, готова была взять инициативу разговора на себя. Она почувствовала сразу, как только прочла его записку, врученную ей Лобановым, что Жан приехал тайно.

— Жан! Как вы могли решиться на такой поступок! Если это раскроется, вас накажут еще более… — она посмотрела на него серьёзными, почти строгими и все-таки счастливыми глазами.

Анна Яковлевна и Николай Сергеевич, переходя залу, в огромном зеркале, висевшем в длину по ширине стены, видели отраженную часть гостиной. Весь

---

* Столько надо тебе сказать, что начать не смею. (*Ит.*)

уйдя в себя, сосредоточенно так, как если бы он горячо молился, Иван Сергеевич поочередно целовал пальцы m-me Виардо.

Почти три года разлуки… Он долго и внимательно, как бы видя впервые, смотрел в лицо подруги, потом тихо, почти шёпотом предупредил:

— Вот так, thenerste Freundin,* теперь я буду вас расспрашивать.

— О, Жан, у нас все благополучно, если не считать болезни Луи, но ему уже лучше. Рассказывайте вы. Мы так были поражены, когда получили письмо из вашего заключения. Как это случилось?

— Говорят, у Пушкина была любимая поговорка: сказать всё и не попасть в Бастилию. Мне этого, как видите, не удалось, — начал рассказывать Тургенев свою неприятную историю.

Конечно, сначала и его все эти события озадачили, но потом, когда наконец-то приехал в свою деревню и оказалось, что он может не только писать, но даже печататься, утихомирился.

— Разумеется, — жаловался он Полине, — плохо приходится, когда, как медведь зимой, живёшь собственным жиром и не знаешь, выберешься ли, наконец, из этой берлоги. Однако и уединение имеет хорошую сторону. Я никогда так много и так легко не работал, как в эту зиму.

Тургенев настаивал, чтобы Полина сначала рассказала о Луи, Клоди, маленькой Полине, матушке Гарсиа, Луизе, всех, всех.

— Итак, — начал расспрашивать Тургенев, ваш бедный муж не был в состоянии противостоять петербургскому климату и уехал в Париж?

---

* дорогая подруга (*нем.*).

— Да, Луи не выдержал искушения поохотиться на медведя и в результате заболел. Меня утешает только то, что теперь ему лучше и мои малютки с отцом. О, Жан, я без них очень соскучилась.

Рождение Клоди как раз совпало с волнениями, которые были вызваны арестом их петербургского друга.

— Второе имя Луи — Клод; я захотела, чтобы обе мои дочери носили имена своего отца. Вы не видели моей Клоди, а она прелестна! Не знаю, право, довольна ли будет она мною? — Выражение лица Полины из оживлённого сменилось на озабоченное, грустное, усталое, и она стала рассказывать, что оставила baby на попечение мамуки (так в семье называли по-испански мать Полины, г-жу Гарсиа), когда малютке исполнился всего месяц: в Лондоне начинался очередной сезон Итальянской оперы — и она поехала. С декабря Клоди опять на руках мамочки, во всяком случае, до мая, потом после небольшой передышки во Франции снова предстоит поездка в Лондон.

— Мамуке 71 год, и это меня волнует и удручает, потому что её физические силы не соответствуют более её мужеству и преданности, — Полина сделала гримаску, по которой можно было догадаться, как тяжело быть артисткой, разъезжать по Европе и иметь семью. Но Полина не хотела, чтобы кто-либо, даже близкий ей человек, видел те трудности, которые ей постоянно приходилось преодолевать, и потому стала рассказывать о маленькой Полине: — И Полина славная девочка. Она способна и делает большие успехи. По-французски говорит уже свободно и довольно музыкальна. А главное, у неё доброе сердечко, и меня она любит.

Тургенев встрепенулся:

— Надо, чтобы Полина вас обожала; её спасение — только в этом чувстве, оно её возродит, и если только

у неё есть добрые задатки, она не избежит того, чтобы обожать вас, да и не может быть иначе: Sie ist meine Tochter…* Лишь бы только скорее развилось её сердце. Я люблю представлять её сердце в ваших руках. Sie wissen warum. Mein Leben und mein Herz sind in deiden Händen wie früher! Sie haben es nicht fallen lassen, nicht wahr?**

Он вопросительно посмотрел на Полину. Её смуглое лицо залил тёмный румянец. Так уж у них повелось давно: всё самое сокровенное, интимное ему было легче высказывать ей или писать по-немецки.

Броситься бы сейчас к нему на грудь, задушить в своих объятиях, как она об этом мечтала, когда думала об их московской встрече; но он сидит смирнёхонько и даже, кажется, виновато, искоса наблюдая за её реакцией на его слова…

Из залы послышались шаги: служанка шла к ним предложить немного перекусить — обед будет не раньше пяти часов. Полина, сомневаясь, идти ли, взглянула на Тургенева. Но тот стал её уверять, что Анна Яковлевна отличная хозяйка и её завтраки и обеды заслуживают внимания.

В столовой Тургенев рискнул заговорить с Полиной об её уходе из Grand Opéra, тем более, что сегодня он уловил в её рассказах нотки раздражения неудобством постоянных разъездов. Хотелось уяснить, что, собственно, заставило её оставить сцену Большой оперы.

— Досадно петь всюду и везде, кроме того места, где бы мне этого хотелось, — горько вырвалось у нее. — Но не думайте, что я не могу жить без Парижа.

---

* Она действительно моя дочь (*нем.*)

** Вы знаете почему. Моя жизнь и моё сердце там же, как раньше! Вы не уроните их, не правда ли? (*Нем.*)

О, в Париже я чувствую себя стеснённой, как сардинка в банке. Разве можно в Париже делать то, что хочешь! В лучшем случае там удается делать то, что можешь. Право же, парижская жизнь требует в десять раз больше жизненной силы, чем её нужно в иных местах. Это вихрь, который вас увлекает и разбивает, если вы намереваетесь с ним бороться… Только одно её утешало: она ждала ребенка и ей все равно пришлось бы на время выйти из труппы парижского театра.

Иногда они умолкали, прислушиваясь к своим мыслям. И тогда обронённое слово или короткая реплика одного из них подтверждала, что и в молчании они думают об одном и том же, вспоминают одно и то же.

Полина жаловалась, как нелегко ей пришлось в Петербурге: за три месяца сезона она пела на сцене театра 24 раза, кроме того, давала концерты, участвовала в благотворительных вечерах. Репетируя оперу «Пророк», она проводила на сцене почти сутки, едва не ночевала там. Но её жалобы кончились все-таки оптимистичным заключением, что певице необходимо иметь кожу слона и силу полка турецкого, коими она и обладает.

Торопливо и кратко, как будто начерно, делились они впечатлениями значительных событий последнего времени. Оба словно боялись, что больше не увидятся.

Возвратясь снова в гостиную, они уселись совсем рядышком. Тургенев спустился по спинке и сиденью дивана немного вниз, так чтобы его голова приходилась вровень с головой Полины и чуть касалась её виска. Вытянутые ноги его упирались в ковёр далеко от дивана. Правая рука его охватила её талию, а пальцами левой он осторожно дотрагивался до крупных драгоценных камений массивного золотого браслета — не очень изящного, но чрезвычайно дорогого подарка, преподнесенного ей в Петербурге купцами после одного из её

концертов. В таком положении (голова к голове), уверял Тургенев, лучше передавались ему её мысли. На самом деле он чувствовал, что так быстрее уничтожается чуть уловимая преграда, которая, конечно, появилась между ними за три года разлуки.

Он рассказывал о съезжей, мечтал, как хорошо бы попасть во Францию, когда малютка Диди только начнёт говорить; но нет, спохватывался Тургенев, об этом мечтать нечего, к этому времени ему разве что разрешат передвигаться по России. Спрашивал, получила ли Полина его «Записки».

— Мои «Записки» мне кажутся теперь произведением весьма незрелым, но я всё-таки рад их успеху. Уже два месяца, как разошлись все экземпляры.

Осенью он написал большой рассказ «Постоялый двор» в новой манере, недавно закончил 12-ю главу романа. Тургенев стал делиться замыслом нового романа, в котором можно будет узнать родное Спасское со всем хорошим и отвратительным, что происходило в нём, если, конечно, тот приедет к благополучному концу и его напечатают (а это случится даже при всех счастливых обстоятельствах не скоро).

— Не окажись я в деревне, ни за что не написал бы так много. Мне для работы нужно полное уединение, нужна или зима, стужа, мороз, захватывающий дыхание, когда деревья покрыты кристалликами инея, — глаза Тургенева засветились, — или осень в дни полного безветрия, когда земля упруга, а в воздухе будто разлит запах вина. Тургенев крепко прижал к груди руки, сжатые в кулаки, и Полина угадала в этом жесте опьянение и наслаждение работой, какие испытывал в своём затворничестве её друг.

Наконец он затронул щекотливую тему — о Шарле Гуно, об опере «Сафо».

— Скажите, Полина, неужели вы в следующих концертах ничего не исполните из «Сафо»? Эта ваша последняя заглавная партия, и москвичам было бы, конечно, интересно познакомиться с вашей новой работой.

Лицо Полины напряглось, посуровело. Тургенев понял, насколько ненужным было его напоминание об этой опере. Он поспешил заверить:

— Мне не хотелось бы напоминать вам о человеке, мысль о котором должна быть вам неприятна. Гуно вычеркнут из числа моих знакомых, но я не могу не любить его музыки…

Полина, не ответив, пересела с дивана на круглый табурет у рояля, подняла крышку клавиатуры. Положила пальцы на клавиши. Она думала в этот момент, как часто жаловался в письмах Жан на музыкальный голод. Просил прислать ему в деревню ноты — что-нибудь из «Сафо». Его интерес к Гуно был естественен. Он познакомился с ещё безызвестным композитором, своим одногодком, в Париже. Делился с ним литературными замыслами, а Шарль за роялем знакомил русского приятеля с темами своих сочинений. Особенно они сблизились в Куртавнеле, в пустом замке, предоставленном Полиной Гуно и его матери в то лето, когда Жан собирался на родину и тоже там жил. Он с интересом наблюдал тогда за муками творчества композитора. Шарль бродил по лугам и лесам окрестностей замка в надежде найти там вдохновение или валялся на шкуре медведя в гостиной пустого тихого замка, ловя наплывающие мелодии, звуки её голоса — Гуно писал оперу специально для неё. Потом преподносил ей куски своего сочинения (только что написанные), как она говорила, глотками; эти порции она с жадностью проглатывала… И Шарль и она — оба предвосхищали триумф. Но в Лондоне, в Ковент-Гардене, опера провали-

лась. Многие склонны были отнести часть вины за счёт примадонны. А один из критиков писал даже прямо: «Опера г-на Гуно “Сафо” с помощью г-жи Виардо только что смертельно провалилась в Ковент-Гарденском театре».[11] Была ли не в голосе, сорвала ли голос, неудачное ли либретто Эмиля Ожье сыграло недобрую роль — провал был налицо. Отношения с Гуно заметно остыли, а немного времени спустя их дружба прекратилась. И весьма грубо: Гуно должен был жениться, его невеста вернула свадебный подарок, сделанный ею, Полиной.

— Что же вам сыграть, Жан, — через плечо спросила Полина Тургенева и, освобождаясь от своих дум, взяла аккорд.

Сначала только играла, потом пела, аккомпанируя себе, затем снова только играла. Её игра отличалась экспрессией и законченностью; это было исполнение настоящего пианиста-профессионала. Недаром Лист и Шопен желали, чтобы она стала пианисткой. Рояль передавал всю страстность её натуры. Жан любил Моцарта, Бетховена — она их ему играла. Интересовался музыкой «Сафо» — она исполняла арии из этой оперы. Играла и пела всё, что ему хотелось услышать.

Тургенев замер на диване; склонив голову на переплетенные пальцы рук, слушал, слушал и слушал… Её голос, чистый, густой, могучий, как любила говорить Жорж Санд, с тончайшими оттенками, какие он мог выразить в совершенстве, изобретенные исключительным умом и подсказанные большим сердцем, потрясал его душу. Он плакал…

Этот вечер был наградой за год ссылки, месяц тюрьмы, годы разлуки и одиночества.

Вернулись домой Тургеневы и застали дом, наполненный редчайшими звуками. Но насладиться ими

вполне Анне Яковлевне и Николаю Сергеевичу не удалось: Полина спешила уйти. Иван Сергеевич рвался проводить её в карете, несмотря на доводы брата, что благоразумнее бы ему проводить m-me Виардо, а Ивану ехать в своем армяке к своей купчихе.

Наперекор здравому смыслу провожал её Иван Сергеевич. Кучер пустил лошадей неспешной рысцой. Вечерняя Москва засыпала.

Полина заглядывала по временам в щель между шелковой шторкой и рамой оконца. Небольшие церквушки, множество двухэтажных и одноэтажных особнячков с мезонинами…

— Помните, Жан, как вы показывали нам с Луи Петербург? Он совсем не похож на Москву. Зато Берлин… Когда туман нависает над Берлином и я еду в театр, жёлтый свет фонарей от густого тумана делается совсем расплывчатым, а прохожие на тротуарах кажутся китайскими тенями, и у меня создается полная иллюзия, что я в Петербурге, — Полина тяжко вздыхает.

Эту женщину, заявляющую, что когда она считает должным что-нибудь сделать, то исполняет необходимое вопреки воде, огню, обществу, всему миру, иногда становилось страшно жаль.

— Бог должен был бы сделать вашу жизнь, Полина, ровной и мягкой, точно ковровая лужайка.

— О, Жан… Совсем всё получается не так. Я скачу всю жизнь на перекладных по ухабам, на моих боках нет, наверное, живого места!

Он просунул свою руку за спину Полины, осторожно прикасаясь ладонью к её боку и подражая интонации врачей, спрашивал: тут болит, а тут? Она не отстранилась от его руки, но и не улыбнулась. Подъехали к дому Голицыной.

— Sie sind das Beste, was es auf der Erde gibt,* — успел ей шепнуть.

Потом, когда с козёл соскочил слуга и открыл ей дверцу, и Полина стояла уже на тротуаре, он попрощался с ней из тёмной кареты:

— До свиданья, Полина, до скорого свиданья, до завтра!

Он наблюдал, как она подошла к парадной, дернула ручку колокольчика, ей открыли дверь, и она скрылась за ней. Карета тронулась, слуга на ходу вскочил на козлы. «А ведь какая превосходная вещь — уже одна возможность сказать “до свиданья”, “до завтра”», — подумал Тургенев.

* * *

Они встречались каждый день, встречались то у Николая Тургенева, то в доме Голицыных, у совершенно верных друзей Полины. Напряжение первой встречи исчезло, им теперь казалось, что не было тех долгих трёх лет, которые они прожили врозь. Но счастье первых дней свиданий безжалостно разрушалось сознанием его иллюзорности, зыбкости. Они старались не думать о будущем, не говорить о нём. Зато усердно интересовались, что с каждым из них произошло за эти три года, внимательно слушали, подробно расспрашивали. Рассказывали о том, о чём стеснялись писать в письмах, о чём писать было некогда или неловко.

Однажды по дороге к дому Голицыных Тургенев купил свежие московские газеты.

Полине нездоровилось. Она полулежала на кушетке, закутанная в белую тонкую пуховую русскую шаль и только что послала сообщить в Дворянское собрание,

---

* Вы самая лучшая на свете (*нем.*)

что заболела, что петь завтра в концерте не сможет. Она действительно немного хрипела, её знобило. Боже, хотя бы не разболеться серьёзно. А то, что сегодня в её распоряжении будет вечер, — это великолепно…

Тургенев также был обеспокоен её здоровьем и одновременно тоже был рад предстоящему долгому свиданию. Сев в кресло около кушетки, стал просматривать театральные новости.

— Там есть обо мне, я знаю, прошу вас, прочтите.

Тургенев, найдя статью о Полине, стал её читать, переводя сразу на французский:

— «Между современными знаменитостями музыкального мира одно из самых блестящих мест занимает г-жа Виардо. Полина Гарсия, как говорят англичане, звезда первой величины…»[12]

В статье рассказывалось о родителях Полины, её талантах, учителях, первых её выступлениях, созданных ею ролях, многогранности её таланта. Но о концерте, о том единственном концерте, который она успела дать в Москве, почти ничего не было сказано. Это огорчило обоих. Тургенев старался подбодрить подругу, внушал ей, что после следующего концерта обязательно появится обширная рецензия.

— Не печальтесь, Полина, вы сами видели, какое вы произвели впечатление на публику, триумф был колоссальный. Лучше подумайте о том, что вот-вот я уеду… Когда-то нам снова удастся увидеться? Я слишком уверен, что мне придется провести следующую зиму в Спасском. Но если вы приедете в следующую зиму в Москву с Виардо, то я очень надеюсь, что вы заедете и ко мне… — После паузы опять рискнул предложить: — А может быть, вы заедете всё-таки ко мне теперь?

— Но, Жан, я связана контрактами — меня ждёт Петербург, потом Лондон.

В Петербурге Полине кроме участия в официальных и благотворительных концертах предстояло ещё петь в авторском концерте Даргомыжского, назначенном на 9 апреля. Даргомыжский её ждет и очень на неё полагается. Они уже выбрали репертуар.

— Не обижайтесь, Жан.

— Что же печалиться или обижаться… Вы живете в таком вихре, что и кожа слона не выдержит.

— Да, Жан, я думаю, что только моя большая любовь к искусству и сознание того, что у меня есть Вы, ещё друзья, друзья настоящие, преданные, любовь к моему маленькому семейству, дают мне силы жить.

— Жить так, как вы живете, — уточнил Тургенев, — а знаете ли, дорогая сударыня, что из женщин мало найдется охотниц взвалить на свои плечи такой груз? Ведь я знаю, как создаёте вы своих героинь, почему они становятся у вас такими жизненными и так правдоподобно входят в соответствующую эпоху.

Полина благодарно ему кивнула:

— Не все понимают, как много надо трудиться, чтобы быть артистом. — Чуть помолчав, продолжала: —Но как это в то же время прекрасно. Сколько чужих жизней надо сосредоточить в себе, привить к своей собственной жизни. Я счастлива и горда, если не тем, как я выполняю свою миссию, то, по крайней мере, тем, как я её постигаю… — теперь, не смотря ему в лицо, а в полумрак комнаты, проронила, — только обидно становится, когда чувствуешь, что окружающие не всегда понимают меня, не понимает критика, не понимает публика.

Тургенев подвинул своё кресло вплотную к кушетке, взял её руку в свою ладонь, почти зашептал:

— Но, Полина, как они могут вас понять, когда игра Лаблаша и Тамбурини, этих замечательных певцов,

в большинстве случаев заключается в том, что они стоят лицом к публике и поют, а Гризи в своих драматических ролях скорбно сдвигает брови и бьёт поочередно кулаком то в правую, то в левую грудь. Или м-ль Массон — большой и скверный фрукт, незрелый и кислый. Придумала себе трагические манеры — всё равно, что нарумянилась и ладно! Salga lo ques ali ere.* И публика к этому привыкла, она на этом воспитана. И критика, к сожалению, тоже. Оттого и пишут, что у m-me Виардо недостает спокойствия, что движения её слишком быстры, что она беспрестанно отвлекает внимание публики на себя. Почти все они пока не понимают, что если ваша игра наполнена жаром и силой страсти, то уж, конечно, не вы виноваты в нарушении ensemble.*

Однажды Полина решилась спросить о матушке Жана, о тех распрях, которые происходили между сыновьями и Варварой Петровной, когда Жан вернулся из Франции. О смерти её. Об этом в письмах он только намекал, боялся быть неправильно понятым, боялся произвести на неё плохое впечатление.

Но здесь, в Москве, с глазу на глаз, можно было откровенно ей все рассказать, облегчить свою душу, объяснить, в каком состоянии он оказался, когда вернулся на родину.

Полину интересовала и история Николая Сергеевича и Анны Яковлевны.

— Вы видели брата, видели и его жену. Жизнь даёт много загадок. Эта пара — одна из них, — медленно, немного запинаясь, подыскивая слова, начал рассказывать Тургенев. Полина знала эту манеру. Недаром их общие парижские друзья шутили, что устные рассказы Жана

---

* Что будет, то будет (*исп.*).

* ансамбль, единство (*фр.*).

обыкновенно начинаются со славянского тумана. Постепенно рассказчик воодушевлялся и туман исчезал.

— В эту зиму я перечитывал — и с большим вниманием — письма maman (когда матушка была жива, не раз мне писала, чтобы я дочитывал её письма до конца — счёты, подсчёты, деньги, деньги, одни и те же нотации — действительно, не всегда дочитывал их до конца), в эту же зиму упивался её письмами; как живая вставала она передо мною. Перечитывал и её дневник, вернее, её исповедь. Мне было больно и печально всё это читать. Но какая женщина, какая жизнь! Я бы хотел вам прочесть этот дневник — ведь вы мой исповедник.

И в этом восклицании — какая женщина, какая жизнь! — слышалось Полине не осуждение матери и не только жалость к ней, но и уверенность, что отношения между сыновьями и матерью и другими домочадцами могли бы сложиться совсем по-иному.

— Maman так было просто сделать, чтобы её любили, — угадав мысль Полины, признался Тургенев и предупредил: — Если рассказывать, то надо начинать издалека, с 1839 г., с того момента, когда в Спасском случился пожар.

Полина потянулась к блокноту и итальянскому карандашу, лежащим на столике перед диваном. Она приготовилась слушать, а на бумагу уже ложились штрихи. Она никогда не теряла времени, умела совмещать занятия. Это было её привычкой — умела внимательно слушать и делать ещё что-то.

Тогда летом в Спасское из Петербурга приехал Николай Сергеевич — двадцатитрёхлетний прапорщик конной артиллерии, приехал не только на побывку, но и с поручением полкового командира купить лошадей. Для этой цели привез из Петербурга 20 000 казенных денег, которые хранились у него в специальной

шкатулке. В это лето в Спасском случился пожар. В 10 вечера начался, а к 12 ночи сгорели строения, в которых жила дворня, всё имущество, половина барского дома, да так, что крыша рухнула, кладовые с серебром, китайским и севрским фарфором; мебель частью сгорела, частью была попорчена, пока в суматохе её выносили.

Один из дворовых, видя рвение, с каким молодой барин тушит пожар, оценив общую сумятицу, похитил шкатулку с деньгами Николая Сергеевича.

К счастью, Анна Яковлевна увидела похитителя, узнала шкатулку, кинулась вслед за вором, настигла его за чугунной оградой усадьбы, храбро вырвала шкатулку и побежала с ней к Варваре Петровне, которая сидела под открытым небом совершенно убитая среди спасенных вещей. Аннушка кинула к её ногам шкатулку.

После этого случая Николай Сергеевич стал присматриваться к камеристке маменьки: чувство признательности подавало повод для оказания Аннушке знаков внимания. Через полтора года Анна Шварц исчезла из московского дома маменьки, а ещё через полтора года до maman дошли слухи, что сын её Николай живёт в Петербурге «открыто на большой дороге с мерзавкою».

Тургенев, рассказывая, косился на Полинин рисунок — на своё изображение. Ему казалось, что Полина явно льстит. Особенно хороши получились его глаза — ясные, грустные, сосредоточенные. Он взял из её рук карандаш и блокнот, рядом с профилем, исполненным ею, в уголке листка нарисовал автопортрет: глазки-щёлочки, длинный расплывчатой формы нос. Довольный, добродушно ухмыляясь, торжественно вернул ей блокнот.

— Фи, бессовестный, — возмутилась она, — лучше не отвлекайтесь, рассказывайте, Жан. Я посмотрю, как вы возразите на мой следующий рисунок.

Маменька негодовала. Её сын живёт открыто с Аннушкой Шварц. Они имеют детей. Сын требует от неё, maman, прочного обеспечения. Он, кажется, на этой мерзавке не прочь жениться, жениться на камеристке своей матери, на камеристке, которая занималась кройкой и шитьём белья, заботилась об утренних, «денных» и ночных туалетах своей госпожи. Во время завтраков, обедов и ужинов её даже не сажали за общий стол, а накрывали для неё маленький столик тут же в зале.

Планы, сложившиеся тогда у Варвары Петровны, резко изменились. Она давно считала сыновей взрослыми. Служба ни старшему сыну, ни младшему не приносила достатка. Maman давно задумывалась об их обеспечении. Одним поводом к этому сделалась её болезнь: появились признаки тяжёлого недуга — водянки, которой страдала и её мать в течение 20 лет. Но сколько протянет она, никому не было ведомо.

«А я не так здорова и свежа [...], — писала она сыновьям, — и долго моего наследства вас не заставлю дожидаться».[13] Маменька обдумывала, примеряла и так и сяк, как лучше распорядиться своими поместьями и обеспечить сыновей. Она назначала им имения, колеблясь в выборе деревень для них, но отнюдь не хотела отдать им поместья в бесконтрольное и законом установленное пользование. В одном из своих писем maman писала, что назначила Ивану Тургенево и Слободу, Николаю полагала отдать Сычево, но получила от старшего сына письмо, где он так много описывал свои привязанности к Спасскому и удовольствие, которое он чувствовал, кушая присланные ею яблоки из Петровского, что это «переменило все мои прежние планы и заставило подумать сурьёзно о разделе всего моего имения».[14]

Сначала maman чаяла найти в старшем сыне помощника, хозяина, который не обидит и не обсчита-

ет не рожденного «хлебопашцем» Ивана. Она хотела, чтобы Николай сперва участвовал в управлении имениями, а потом полностью взял на свои плечи все хозяйственные заботы.

До сих пор Николай «служил, исполнял обязанности гражданина, пусть теперь исполняет обязанности семьянина»[15], — рассуждала Варвара Петровна и писала старшему сыну, что он должен или переместиться (т.е. выбрать другое место нахождения службы, может быть, в Москве, Орле или Мценске, как это сделал когда-то её муж), или идти в отставку.

Но с тех пор как maman узнала о связи Николая с Анной Шварц, связи открытой, и убедилась, что чувство сына не мимолётно, а намерения его серьёзны, её планы переменились. Началась кутерьма.

Николаю позарез нужны были деньги: на те деньги, которые он получал в артиллерийском полку, а потом в Министерстве внутренних дел, и на субсидии от маменьки невозможно было прожить с семьёй. Но maman, не желая кормить «метрессу», не высылала бóльших сумм, чем раньше, кроме того, и младшего сына просила не помогать «немке».

Николай надеялся, что мать выделит ему поместье в безраздельное пользование, просил крепости, то есть узаконенного владения поместьями, которые она по своей прихоти не могла бы отнять от него. Но маменька на крепость не соглашалась, считая, по-видимому, что только материальная зависимость от неё сыновей может ещё как-то держать их в повиновении.

Николай же решительно отказывался от обычной субсидии матери и продолжал просить крепости.

«Я не даю брату денег, — писала маменька, — которые прежде назначала, потому что он с презрением от них отказался. Я знаю, что ты, сколько можешь, ему

даёшь, не взирая на мои просьбы — и даёшь ему способ жить публично на большой дороге с мерзавкою и сам составляешь их общество — Бог с вами. Живите, как хотите, как знаете… Другие дети чтут память родителей, чтобы видеть невстревоженный прах. Мои — живую меня похоронили».[16]

«А как я не намерена в крепость отдать, также не намерена и навязывать пренебрегаемое от меня жалованье. Не хочет, тем легче мне… Кума шла пеше, лошади легше»[17], — повторяла она теперь.

Отношение матери к сыновьям то достигало гребня её возмущения, даже ярости, то повергало в пучину отчаяния, возникающего от сознания своей беспомощности, своего одиночества и своей старости, ибо чувствовала, что и младший сын, взяв на себя роль парламентёра между ней и Николаем, тоже от неё отдаляется.

Тургенев рассказывал Полине, что maman пыталась объяснить ему своё отношение к Николаю; она жаловалась, что Николай «вздумал» писать ей дерзости: «Я ему прощала по глупости его. Но! и дурак, бросив камень, может разбить голову… К брату пришлю (деньги) на дорогу в мае, чтобы он приехал за отцовским наследством и уже сам оным и располагал, как хочет, минуя меня… Нет! Я не позволю никому мне манкировать,[18] я от всех заслужила уваженье».[19]

— Maman опять просила меня, — рассказывал Тургенев, — зная, что я, как могу, помогаю брату: «Не отдавай ему (Николаю) денег до того, чтобы самому обезденежить; право, мне даже выехать не с чем».[20] Или писала: «Я мать, не мачеха. Мой отказ сыну не может быть обиден. И потому я и досадую, что ты брату дал денег, за которые он мне даже спасибо не сказал. Разве я управляющий его, что по требованию должна прислать?..»[21] Maman измышляла невероятные предлоги,

иногда наивные, чтобы мирным путем добиться желаемой цели, но потом, в этом же письме, распаляясь, рвала все последние нити, связывающие её с Николаем. Так продолжалось с самого начала конфликта между ними.

Осенью 1843 г., уезжая из Спасского в Москву, маменька, — продолжал Тургенев, — просила его съездить с братом на могилу отца («он скончался тому девять лет»), заклиная, «и там, ежели нужно, бросься в грязь головою перед братом […] и умоляй его, не вставая оставить для меня противную связь».[22] Часы, завещанные отцом старшему сыну, она поручила пообещать брату тут же на кладбище только в том случае, если Николай согласится разорвать «всякую связь, ей неприятную и до сих пор существующую», в день своего рождения. «Ежели он сочтёт это жертвою, — писала маменька, — я требую жертвы. Ежели он, как мне говорил, может умереть от этого, — с радостью увижу его в гробу мертвого. Но! Я стою жертвы. С нетерпением буду ждать от вас писем — без этого не смейте писать ко мне».[23]

Результатом этого письма явилось молчание обоих сыновей, которые знали, как болезненно мать переживала отсутствие вестей от них.

Не выдержав даже месяца, Варвара Петровна снова писала Ивану:

«Насчет писанного мною к тебе о брате. Я совершенно оставляю действовать времени и рассудку и более ему никогда о том упоминать (не стану), особенно письменно […] Я всякий понедельник проливаю горькие слезы…, не получая строчки отрадной в моём уединении и находясь при конце жизни […] Не забывайте и без того морально убитого […] Помилуйте. Вам не много стоит труда написать две строчки […] Часы я брату не послала. Так отец приказал, чтобы ему отдать их, когда сочту достойным его такого важного подарка».[24]

Тургенев покосился на колени Полины — раскрытый блокнот вот-вот мог соскользнуть с них, портрет не был окончен, карандаш лежал на кушетке: то ли Полина слишком мало видела брата и его лицо ей плохо запомнилось, то ли рассказ о Николае был неприятен или не интересовал ее… «Зачем ей знать все эти дрязги», — с досадой подумал он. Осторожно взял в руки блокнот, исправил то, что было в наброске неверно, дополнил то, что она не смогла уловить.

— Брат похож на нашего отца, а отец был красавец, — сказал гордо, возвращая ей рисунок. — Шло время, а отношения между матерью и Николаем не налаживались, — продолжал Тургенев, восстанавливая в памяти письма матери. «Ты пишешь, что брат всё ожесточается. Да мне какое дело в его ожесточении. Сердит да не силен […] Береги платье от первого пятна. А пятно сделано уже. Мною все было дано: и способы нажить — это воспитание; и способы благородно жить — приличное содержание. Желала дать при этом и собственность. Ежели Николай Сергеевич не доволен […] да ведь он ещё не трудился ни в каком именье, чтобы можно ему было сказать, что труды его пропали тщётно. Бумагой или актом ничего не утверждали. Наконец сделали начало. Послали бумагу. Он её растоптал ногами. Наплевал, разругал, не объявив, чего он хочет. Он хотел крепости. Но! Не так её просят. Желают, желаемого достигают не буйством и ругательствами, а покорностью и лаской».[25]

В общем, нашла коса на камень. И маменька проклинала уже своё усердие, с которым она пыталась настоять на своём: «Я совершенно от его дел отказываюсь, как он хочет, где он хочет служить, остаётся в Петербурге, всё мне равно, пусть только мне он даст покой, никто ещё меня столько не тревожил».[26]

Теперь Варвару Петровну волновало другое — эти распри возмущали душу и младшего сына. Ему стало трудно ей писать, надо было заставлять себя писать. И она чувствовала это.

«Брат твой передо мною виноват в неповиновении, неуважении, в неприличном поведении… Ты говоришь, что он ходит в рубище и голодает — история блудного сына. Пусть возьмёт себе его в пример […] Деньги его не тратятся, лежат в ломбарде. Не мне же ими пользоваться […]Ты не судья между братом и мною. Но! Я люблю тебя. А когда люблю, то и сама желаю быть любимой […] Я могу иметь слабости, кто их не имеет. Но! Не заслуживаю неуваженья. Очень может быть, что я горяча, но и сердцем моим к тебе горяча же […]»[27]

«Неужели только у вас нету никаких правил, нет долгу, обязанностей священных. Старую маму-кормилицу покоят. А мать должна быть при старости своей под покровом, под защитою детей. Я Васильевну свою по смерть ея покоила. А вы, неужели меня оставите без отрады, особенно ты, Иван?»[28]

«Я не переменилась, я ничем тебя не огорчила, я всё та же. Но! Ты против меня далеко не то: и как я ничем этого не заслужила, приписываю это действию разлуки и прощаю тебя».[29]

Полина слушала, о чем рассказывает Жан, дальше, а сама мысленно повторяла коротенькую и такую знакомую фразу: «Я всё та же» и «Я всё тот же». Жан часто уверял её в письмах, что он «всё тот же и таким всегда останется», что не хочет, не может измениться. Теперь Полина явно ощутила, что это слова его матушки и сейчас не он наделил ими речь Варвары Петровны, а сам давно вобрал их в себя, поражённый когда-то воплем чужой души, и трогая ими потом её, Полинину душу.

В Петербурге Николай Сергеевич бедствовал, болела жена, семья увеличивалась — родился сын, потом дочь. Николай кроме службы под началом Перовского в Министерстве внутренних дел давал уроки французского языка. Мать предлагала ему бросить семью и стать управляющим её имениями. Только в 1849 г. maman всё-таки дала согласие на брак сына с условием, что он оставит службу, переедет с семьей в Москву и займётся имениями.

В конце осени 1849 г. Николай Сергеевич с женой, детьми, свояченицей Екатериной Яковлевной и француженкой m-me Шевалье (по мнению маменьки, жена Тургенева должна хорошо говорить по-французски) переехали в Москву и поселились на Пречистенке, в доме, купленном Варварой Петровной для сына. Она условилась с Николаем, что он будет приходить к ней ежедневно к одиннадцати часам утра и заниматься её делами до трёх или четырех часов. Это было время их деловых свиданий, но ей хотелось видеть сына и по вечерам; однако невестку к себе в дом maman не приглашала.

На Пречистенке сначала не было ни слуг, ни лошадей, ни кучера, ни кареты, главное же, не было денег. А когда, наконец, маменька послала Николаю в дом мужскую и женскую прислугу, экипажи, кучера, лошадей, положение семьи Николая оказалось катастрофическим, ибо содержание всего этого стоило огромных денег, а в доме и гроша медного не было. Мать словно издевалась. Николай входил в долги и с ужасом думал, образуется ли это всё когда-нибудь, а на жизнь в Петербурге смотрел теперь как на счастливую: там он получал, хотя и недостаточное, но всё-таки твёрдое казённое жалованье.

Однажды у маменьки появилось желание посмотреть на внуков; велела провести их в назначенный час

мимо своих окон. Увидев внуков, она словом о них никому не обмолвилась. Спустя некоторое время бабушка изъявила желание иметь портреты внуков. На Пречистенке обрадовались, спешно заказали дагерротипы, принесли ей. Варвара Петровна заперлась в своём кабинете, а через несколько минут зазвенело стекло, потом захрустело под чем-то тяжелым — так расправилась она с портретами своих внуков.

Вскоре дети Николая Сергеевича все (их к этому времени было трое) в один год умерли. Николай был уверен, что проклятие матери свело их в могилу.

Тургенев тяжко вздохнул:

— Я желаю Николеньке и Анне Яковлевне счастья — они его вполне заслужили за все невзгоды, какие им пришлось пережить. Отодвинемте, Полина, всё это в сторону, — он сделал легкое движение рукой, как бы отстраняя только что рассказанное и освобождаясь от него, и резко переменил тему разговора.

* * *

В небольшой и низкой комнате купчихи было не по погоде жарко натоплено. Тургенев постеснялся отказаться от пуховиков и теперь, в них утопая, томился от духоты.

Как ему чертовски не повезло! Приехал в Москву всего на несколько дней и свалился в кровать — гастрическая лихорадка разыгралась не на шутку. Полина в Москве, драгоценные дни уходят, а он вынужден лежать в постели. Прислушивался к боли в желудке, пил рисовый отвар, настой тысячелистника, заваривал крепкий чай, благо самовар ворчал на столе у кровати, меняя воду в грелке, старательно затыкал её и тщательно завертывал в полотенце, дабы не обжечься. В общем, лечился усердно.

К физической боли примешивалось тревожное душевное состояние. Пора было возвращаться в Спасское. По опыту знал: болезнь затянется. В Орле его могут хватиться, а пролеживать бока на этих пуховиках мало радости. Быть в Москве и не видеть Полины — это чудовищно…

Тургенев водворял на живот соскользнувшую грелку, закидывал руки за голову. Коротенькое свидание после трёхлетней разлуки. А дальше? Что будет дальше? Три года их разделяло более двух с половиной тысяч верст. Когда состоится их следующая встреча? Кто знает, сколько времени его продержат в деревне? Даже когда получит разрешение на выезд в столицы, далеко не сразу сможет выхлопотать себе заграничный паспорт. А Полина? Заключит ли она контракт с Гедеоновым на следующий сезон и будет ли добиваться этого контракта? Луи вряд ли после неудачной для него зимы в Петербурге станет снова торопиться в Россию. Полина же, как она однажды сказала, к сожалению, слишком молода, чтобы ездить одной.

Он не мог представить себя вновь одиноким, каким станет опять через несколько дней. Существование холостяка в его возрасте начинало казаться ненормальным, жизнь на краю чужого гнезда — двусмысленной; но как вообразить себе хотя бы на миг, что сможет когда-нибудь изменить свою судьбу, оторваться от этого самого чужого гнезда, от женщины — единственного его истинного друга. Да и его ли это дело изменять судьбу. Судьба выдумана безвольными людьми, а он, как считал, к ним принадлежит. Видно, суждено ему жить бобылем. А из двусмысленного положения, убедился, не выходят, в нём остаются. Те же, кто жалеет его, кто советует ему жениться, кто злословит на его счёт, не понимают, что, раз узнав Полину, трудно её не полюбить, а полюбив, невозможно с ней расстаться.

В одно из их свиданий он рассказал подруге о Феоктисте (собственно, Полина сама навела его на этот разговор). Ведь Полина его исповедник: всё, что трогает, волнует, беспокоит, всё, что касается его, она должна знать. И он признался. Ему казалось, что Полина как умная женщина должна была отнестись к рассказанному им с должной трезвостью. Внешне она так и поступила. Но он чувствовал — только внешне. Напрасно рассказал. Непростительную глупость допустил… Эх, да что там… А ещё хотел позвать её в деревню. И позвал. Тогда она так мило приподняла своё плечо, наклонила к плечу голову:

— К вам одному? Мне одной? — протянула она.

— Но я живу в Спасском, как вы знаете, с семейством Тютчевых, — попробовал возразить он.

— Нет, Жан, это невозможно.

* * *

Опять был отменён концерт, назначенный на 31 марта, причём если об отмене концерта 27 марта было объявлено за сутки, то 31-го объявили об этом за час до его начала. Её концерты получили название концертов с сюрпризами.

Рано утром 1 апреля Тургенев собирался выехать из Москвы.

Настала пора прощаться, пришёл день расставания.

Тургенев попросил Полину отдать в Германии один экземпляр своих «Записок охотника» Фарнгагену,[30] другой — Августу Видерту,[31] который уже по журнальному тексту делал переводы рассказов из «Записок охотника». Как странно, они уже прощаются. Потух огонь в её глазах, исчезли добродушно-лукавые искорки в его взгляде. Они напутствуют друг друга. Он клянется ей в своих чувствах. Она чуть не плачет. А он все повторяет:

— Du bist der Beste, denes auf der Erde gibt. Siewissen, das sich Ihnen ganz und auf ewigan gehöre.*

— Без вас мне в Москве будет очень неуютно, — признается Полина.

Он просит её не оставлять своего намерения приехать в будущем году в Россию. Правда, как отнесётся к этому Луи… И если Луи откажется с ней ехать, то он тоже в этом смысле плохой ей помощник:

— Вы знаете, я как Андромеда, не могу тронуться со своей скалы, — повторял Тургенев полюбившееся сравнение. — Я слишком уверен, что мне придётся провести следующую зиму в Спасском.

Он вспоминает, что маленькая Полина живёт в Париже третий год, он обещает ей писать регулярно, он просит её обнять.

— Да расцелуйте маленькие лапки малышке Диди, — просит он.

Она провожает его до парадной двери, поднимает шандал над головой, чтобы осветить его лицо, приподнимается на носках, чтобы здесь, при сонном швейцаре, еще раз его поцеловать.

— Adieu, Jean. **

— До свидания, Полина, рано или поздно. И не забывайте, что ich bin immer derselle und werde es ewig bleifen.***

Они стоят у приоткрытой двери. Им обоим не верится, что завтра, с зарей, он выедет по Тульскому тракту в Спасское.

---

*Вы самая лучшая на свете. Вы знаете, что я вам принадлежу полностью и навсегда (*нем.*).

** Прощайте, Жан. (*Фр.*)

*** я всегда такой же и буду таким вечно (*нем.*).

[1] Т. Н. Грановский. (*Прим. автора.*)
[2] М. С. Щепкин. (*Прим. автора.*)
[3] Ростислав — псевдоним Феофила Матвеевича Толстого (1809–1881), музыкального критика, композитора и писателя.
[4] *Ростислав.* Театральная летопись. I. Итальянская опера в Петербурге. Статья II. Модная наука — Статистический обзор прошлого оперного сезона — Доницетти и его оперы — Разбор «Элексира» — Дон Жуан Моцарта — Артисты итальянской оперы 175// Пантеон. Литература. Театр. Музыка. Живопись. Санкт-Петербург. Книжка 4. Апрель 1853. № 4. с. 20. Эл. ресурс: http://full.sptl.spb.ru/ORIRK/PANTEON/pant_1853_t_8_k_04(04).pdf с. 175.
[5] Там же, с. 20. (с. 175).
[6] *Бальф* Майкл Вильям (Balfe Michael William, 1808–1870), оперный композитор и певец (баритон), по стилю его оперы близки операм Д. Обера, в 1852 г. впервые гастролировал в России. (*Прим. автора.*)
[7] Н. П-й (Н. М. Пановский). Московские известия // «Москвитянин». 1853. № 7, апрель. Кн. I. Отд. VII. С. 129.
[8] Опера Джоаккино Россини «Золушка» (La Cenerentola, премьера 25 января 1817 г.)
[9] *Поме* Эдмон Луи (Pomey Edmond Louis, 1831–1901), французский поэт, переводчик, художник, писал стихотворные тексты для произведений Ф. Шопена и Ф. Шуберта, дружил с семьей Виардо, был знаком с И. С. Тургеневым.
[10] В. П. Боткин был женат тогда на француженке, с которой жил врозь (она во Франции, он в России) почти с первых дней женитьбы. (*Прим. автора.*)
[11] *Escudier Marie.* Lettres sur Londres // France musicale. 24 août 1851. P. 265–267.
[12] Моск. ведомости. 1853. 24 марта. № 36. С. 372 (без подписи); Моск. ведомости. 1853. 28 марта. № 38. С. 391 (подпись: N.)
[13] Из письма В. П. Тургеневой И. С. Тургеневу. Спасское 4(16) октября 1841 г. (ОР РНБ. Ф. 795. Ед. хр. 94. Л. 20–22 об.) (№ 54, с. 336). Здесь и далее цитаты из писем В. П. Тургеневой сверены по изд.: Твой друг и мать Варвара Тургенева. Письма В. П. Тургеневой к И. С. Тургеневу (1838–1844). Тула: Гриф и К, 2012. 584 с. Указание на номер письма и страницу этого издания дана в скобках.
[14] Из письма В. П. Тургеневой И. С. Тургеневу. Спасское 13(25) октября 1841 г. (ОР РНБ. Ф. 795. Ед. хр.94. Л. 26–27 об.) (№ 57, с. 347).
[15] Из письма В. П. Тургеневой И. С. Тургеневу. Спасское 20 мая(1 июня) 1843 г. (ОР РНБ. Ф. 795. Ед. хр. 96. Л. 21–22 об.) (№ 80, с. 424).
[16] Из письма В. П. Тургеневой И. С. Тургеневу. Москва 7(19) июля 1844 г. (ОР РНБ. Ф. 795. Ед. хр. 97. Л. 15–16) (№ 117, с. 527–528).
[17] Там же. (№ 117, с. 527).
[18] То есть «небрежно ко мне относиться».
[19] Из письма В. П. Тургеневой И. С. Тургеневу. Спасское 6(18) февраля 1843 г. (ОР РНБ. Ф. 795. Ед. хр. 96. Л. 5–7 об.) (№ 72, с. 406).
[20] Из письма В. П. Тургеневой И. С. Тургеневу. Москва 20 мая (1 июня) 1843 г. (ОР РНБ. Ф. 795. Ед. хр. 96. Л. 21–22 об.) (№ 80, с. 423).

[21] Из письма В. П. Тургеневой И. С. Тургеневу. Москва 29 июня (11 июля) 1844 г. (ОР РНБ. Ф. 795. Ед. хр. 97. Л. 11–12 об.) (№ 115, с. 521).
[22] Из письма В. П. Тургеневой И. С. Тургеневу. Спасское 23 октября (4 ноября) 1843 г. (ОР РНБ. Ф. 795. Ед. хр. 96. Л. 60–61 об.) (№ 103, с. 489).
[23] Там же. (№ 103, с. 488).
[24] Из письма В. П. Тургеневой И. С. Тургеневу. Спасское 20 ноября(2 декабря) 1843 г. (ОР РНБ. Ф. 795. Ед. хр. 96. Л. 67–68 об.) (№ 108, с. 500).
[25] Из письма В. П. Тургеневой в ответ на письмо И. С. Тургенева от 22 мая 1844 г. Москва 29 мая (10 июня) 1844 г. (ОР РНБ. Ф. 795. Ед. хр. 96. Л. 9–10 об.) (№ 114, с. 514–515).
[26] Из письма В. П. Тургеневой И. С. Тургеневу. Москва 13(25) мая 1844 г. (ОР РНБ. Ф. 795. Ед. хр. 97. Л. 5–5 об.) (№ 111, с. 505–506).
[27] Из письма В. П. Тургеневой И. С. Тургеневу. Москва 1(13) августа 1844 (?) (ОР РНБ. Ф. 795. Ед. хр. 97. Л. 22–23 об.) (№ 121, с. 540).
[28] Из письма В. П. Тургеневой И. С. Тургеневу. Москва 19(31) июля 1844 г. (ОР РНБ. Ф. 795. Ед. хр. 97. Л. 20–21 об.) (№ 120, с. 536).
[29] Там же. (№ 120, с. 540).
[30] *Энзе* Карл Август Фарнгаген фон (1785–1858). Тургенев узнал его довольно близко в период берлинской жизни. Фарнгаген — один из первых пропагандистов в Германии Пушкина, Гоголя, Лермонтова. (*Прим. автора.*)
[31] *Видерт* Август Фёдорович фон (1825–1888), писатель, переводчик русских авторов на немецкий язык (Н. В. Гоголь, И. С. Тургенев, А. В. Кольцов), популяризатор в Германии русской литературы, в 1875–1887 гг. лектор немецкого языка (в формулировке того времени) при С.- Петербургском университете, статский советник.

Л. П. Машенцева

Неотправленное письмо О. А. Благонадеждиной к А. А. Гизетти

В современном гуманитарном знании концепция исторической памяти является одной из самых востребованных. Получив доступ к ранее закрытым архивным фондам, специалисты разных отраслей знания стали активно публиковать переписку ученых, писателей, общественных и политических деятелей, издате-

лей и других лиц, в которой, как правило, содержится большой объем фактической информации, просматривается творческий и научный процесс, передается общая атмосфера, душевное и эмоциональное состояние пишущего. Кроме того эти письма являются особой разновидностью духовных контактов, отражают особенности стиля и, что немаловажно, культуры мышления той эпохи.

До недавнего времени в научном сообществе письмо было не единственным, но основным способом коммуникации. Благодаря этому из забвения прошлых лет иногда «всплывают» ранее неизвестные документы, хранившиеся в том числе в личных архивах, к числу которых относится переписка Александра Алексеевича Гизетти, ставшая объектом нашего исследования. В круг его профессионального общения входили филологи, издатели, социологи, историки, общественные и другие деятели.

Однако в данной публикации представлено только одно неотправленное письмо, написанное ему в декабре 1928 г. Ольгой Андреевной Благонадеждиной (1893–1984), с которой его связывала совместная деятельность в период работы в издательстве «Колос». Оригинал письма А. А. Гизетти, к сожалению, не сохранился. Между тем косвенно о его содержании можно судить по ответному письму адресата.

Историография А. А. Гизетти начинается со статьи А. В. Ратнера, опубликованной в биографическом словаре «Русские писатели»[1] в 1989 г., хотя ссылки на его работы, посвященные вопросам истории литературы и общественно-политической мысли в России XIX в. на примере жизни и деятельности В. Г. Короленко, И. А. Бунина, Г. И. Успенского, Л. Н. Андреева, П. Л. Лаврова и др., встречаются в трудах многих со-

временных исследователей. Следует заметить, что статья была опубликована за два года до окончательной реабилитации А. А. Гизетти в октябре 1991 г.[2]

Определенный вклад в изучение биографических лакун А. А. Гизетти внес С. А. Батюто, опубликовав его переписку с Ф. И. Витязевым[3] и новые материалы, связанные с изучением творческого наследия идеолога русского народничества и философа П. Л. Лаврова.[4] Сведения об А. А. Гизетти и О. А. Благонадеждиной содержатся и в недавно вышедшей монографии С. А. Батюто,[5] посвященной деятельности кооперативного книгоиздательского товарищества «Колос», активным сотрудником которого А. А. Гизетти был на протяжении 1918–1927 гг. Его участие в работе Петроградской Вольной философской ассоциации в 1919–1924 гг. отражено в книге В. Г. Белоуса,[6] однако в разделе «Хроника. Портреты» биография А. А. Гизетти отсутствует.

В 1930-е гг. А. А. Гизетти и его семья (жена и мать) вели активно переписку с Е. П. Пешковой[7] — официальной женой М. Горького и заместителем председателя общества Красного Креста для помощи политическим заключенным (Помполит) по поводу очередного ареста. Здесь же опубликовано письмо А. В. Прибылева[8] с просьбой узнать местонахождение Гизетти и по возможности облегчить его участь.

Александр Алексеевич Гизетти (1888–1938) родился в интеллигентной дворянской семье в Петербурге, получил образование на историко-филологическом факультете Петербургского университета (1907–1913), где был учеником И. М. Гревса,[9] приходившегося ему родственником со стороны матери. Его политическое мировоззрение формировалось под влиянием идей партии эсеров, членом которой он стал в 1907 г. Его пе-

дагогическая деятельность началась сразу после окончания обучения: он преподавал в коммерческом училище, Петроградском университете, а с 1921 по 1923 г. был профессором Второго Петроградского педагогического института. Несмотря на то что он являлся специалистом по истории Средних веков, работ по данной области практически не публиковал.[10]

А. А. Гизетти был достаточно разносторонней личностью: литературный критик, публицист, редактор, социолог, общественный деятель. Занимался переводами с немецкого языка, редактированием, подготовкой к изданию трудов П. Л. Лаврова, сотрудничал с Ф. И. Витязевым,[11] П. А. Сорокиным,[12] Р. В. Ивановым-Разумником[13] и др. С 1924 по 1929 г. он служил в Библиотеке Академии наук.

Описание его внешнего облика с краткой характеристикой личностных качеств дано в воспоминаниях Н. П. Анциферова,[14] знавшего Гизетти по совместному обучению в университете и деятельности студенческого «Эрмитажного кружка»: «Высокий блондин с крупными чертами лица, скорее английского типа: прямой нос, выдающийся подбородок, узкая светлая бородка. Чрезвычайно скромный, в своем сером пиджачке или черной косоворотке, чрезвычайно застенчивый и рассеянный до крайности. Это был подлинный аскет вечно с книгой, за работой, глубоко преданный революционному движению».[15] И далее: «Мне он тогда напоминал Рахметова своим аскетизмом и внешней суровостью. В действительности это был человек с нежным отзывчивым сердцем. Его рассеянность, какая-то неуклюжесть давали повод насмешкам товарищей».[16]

Траектория жизни А. А. Гизетти неоднократно прерывалась арестами и ссылками по делам о принадлежности к партии эсеров (1920, 1921, 1924, 1930, 1936).

В январе 1936 г. А. А. Гизетти был сослан в Куйбышев. Это оказалась его последняя ссылка. Здесь все свое свободное время он посвящал работе, посещая краевую библиотеку (ныне СОУНБ), занимаясь переводом одного из романов английского писателя М. Арлена, о чем он сообщает в письме Е. П. Пешковой 17 сентября 1936 г. Он просил ускорить возвращение необходимых ему рукописей и блокнотов: «Я получил всего на месяц — 1½ английский оригинал того романа (Michael Arlen. Young Men in Love), значит<ельную> часть кот<оро>го перевел в Ярославле. Мне надо спешно сделать перевод, занимаясь в краевой биб <лиоте>ке (книга на дом не выдается), и если я не получу в помощь своих старых блокнотов, придется переводить вторично и все ранее переведенное».[17] Судя по опубликованной переписке, вся его жизнь заключалась в поиске работы, дополнительных средств к существованию, в поддержке семьи, а в этом письме он обратился к Е. П. Пешковой с отчаянным воззванием: «...помогите как можете моей научно-литер<атурной> работе и праву на сохранение светлой памяти о моем прошлом. Это ведь сейчас единственный смысл моего существования (подчеркнуто А. А. Гизетти. — *Л. М.*)».[18]

В очередной раз А. А. Гизетти был арестован 11 января 1938 г. по обвинению в шпионаже и контрреволюционной деятельности. Л. А. Финк,[19] тогда еще начинающий литературовед, проходивший в это же время по делу о принадлежности к эсеровской организации, настойчиво требовал с ним очную ставку. Позже в своих воспоминаниях он писал: «Гизетти и Венус[20] были среди первых литераторов, арестованных в Куйбышеве. Они подписали фальсифицированные показания об антисоветских действиях куйбышевских коллег, хотя многих из них они даже в лицо не знали. <...>

Я попал в перечень, подписанный Гизетти».[21] Ему тогда пришлось испить полную чашу страданий и горя. Имея немалый интеллектуальный и житейский опыт, А. А. Гизетти по-прежнему оставался рассеянным, застенчивым, незащищенным и беспомощным. Всего в ссылках и тюрьмах он провел около 12 лет.

В феврале 1934 г. умерла его жена Е. О. Флеккель-Гизетти (проститься с ней ему не разрешили), в феврале 1937 г. он просил ходатайства Помполита о разрешении выехать в Ленинград для прощания с умирающей матерью. Позже Л. А. Финк, узнавший, что следствие использовало сломленного Гизетти для фальсификации некоторых дел, писал: «Мне передавали его [Гизетти] фразу: “Сообщите тем, кто обвиняет меня в клевете, что я уже не в силах отвечать за действия молодчиков в чекистских мундирах”».[22]

О последних днях А. А. Гизетти известно немного, а опубликованные сведения противоречивы. Так, в «Историко-культурной энциклопедии Самарского края» указано, что, по данным санчасти Куйбышевского НКВД, он погиб в одной из тюрем Куйбышевской области.[23] Эта же информация — «в процессе следствия умер 22.10.1938 г. в куйбышевской тюрьме» — продублирована в «Книге памяти Самарской области».[24] В других источниках упоминается, что в 1938 г. А. А. Гизетти был вновь арестован, вывезен в Москву и заключен в Таганскую тюрьму. 17 июня 1939 — освобожден.[25]

Анкетная биография Ольги Андреевны Благонадеждиной очень проста. С одной стороны, о ней много упоминаний на страницах местной (районной) периодической печати, с другой — отдельные сведения о ее жизни и деятельности можно почерпнуть в публикации, вошедшей в сборник статей, посвященный 100-летию Самарского НИИСХ им. Н. М. Тулайкова,

где Ольга Андреевна проработала старшим научным сотрудником около 40 лет.[26] В этом же сборнике опубликована ее статья-воспоминания «Все было ново и интересно».[27] Некоторую информацию о ее петроградско-ленинградском периоде жизни можно найти на страницах ранее упомянутой книги С. А. Батюто. Между тем она прожила долгую и насыщенную разными событиями жизнь.

Ольга Андреевна родилась 1 июля 1893 г. в семье сельского священника А. Е. Благонадеждина, где была восьмым ребенком.[28] После окончания Самарского епархиального училища в 1909 г. в течение шести лет работала сельской учительницей в с. Романовка Самарской губ.

В 1916 г. она уехала в Петроград и поступила на факультет растениеводства Высших сельскохозяйственных курсов.[29] Сложные политические и экономические условия после октябрьской революции, гражданская война, голод и разруха заставили ее искать работу. С тех пор в течение нескольких лет ее жизнь помимо обучения в институте была связана с деятельностью кооперативного издательства «Колос», в числе сотрудников которого было много известных людей: историки, литературоведы, художники и другие. Позже, вспоминая петроградско-ленинградский период жизни в публикуемом ниже письме к А. А. Гизетти, Ольга Андреевна писала, что это общение помогло ей подняться на некоторую высоту, повысило культурный уровень, «научило критически относиться к людям и разбираться во многих жизненных явлениях».[30]

Ольга Андреевна входила в состав учредителей и членов-пайщиков «Колоса», была заведующей книжным складом и экспедицией издательства, являлась делопроизводителем Союза петроградских (ленинград-

Сотрудники издательства «Колос». *Первый ряд, сидят:* крайняя слева — О. А. Благонадеждина, Ф. И. Седенко-Витязев, А. П. Смелкова (?); *второй ряд:* стоит крайний слева — В. П. Бровкин. Петроград. *1920-е годы*

ских) кооперативных издательств и уполномоченным от издательства «Колос» на Общем собрании уполномоченных Союза ленинградских кооперативных издательств (1925 г.).

В 1926 г. издательство «Колос» в результате навязанной Главлитом новой типизации (издательству отныне дозволялось выпускать мемуары, библиографию и литературу по истории) стало испытывать огромные финансовые трудности со сбытом своей продукции. В связи с этим Ольге Андреевне предстояло возвращение в родные места. В мае этого же года, приехав в Безенчук, она была принята летней практиканткой в отдел селекции сельскохозяйственной опытной стан-

Сотрудники издательства «Колос». *Первый ряд, сидят слева направо:* А. А. Гизетти (?), Ф. И. Седенко-Витязев; *крайний справа* — Р. В. Иванов-Разумник. *Второй ряд, крайняя справа* — О. А. Благонадеждина. Петроград. *1920-е годы*

ции. Вскоре грянули коллективизация, индустриализация и голод в Поволжье. Тогда же под ее руководством была развернута большая работа по селекции твердой пшеницы и разработке методов ее выращивания в условиях засушливого климата, которая осуществлялась при участии директора станции С. М. Тулайкова и ученых старшего поколения.

Сослуживцы по Самарскому НИИСХ им. Н. М. Тулайкова отмечали, что она была скромным и необыкновенно эрудированным человеком: хорошо знала художественную литературу, выписывала «толстые» журналы, любила оперу, была поклонницей таланта Ф. И. Шаляпина, знакомство с которым считала важ-

ным «фактом своей биографии». Помимо работы ее жизненное пространство занимали книги. Некоторые из них — произведения П. А. Сорокина, Р. В. Иванова-Разумника, Н. И. Вавилова, А. В. Мезьер,[31] Ф. И. Витязева[32] были с автографами.

В ее архиве сохранились редкие, если не единственные, фотографии периода работы в «Колосе», на которых запечатлена часть сотрудников издательства — Ф. И. Витязев, А. А. Гизетти, Р. В. Иванов-Разумник, В. П. Бровкин[33] и др. Опубликованные в этой статье фотографии позволят дополнить портретную галерею не только упомянутых нами персон, но и других участников издательского процесса.

За многолетнюю научную деятельность и работу по выведению яровой твёрдой пшеницы в условиях сухого земледелия О. А. Благонадеждина была удостоена нескольких правительственных наград: ордена «Знак Почета» (1958), ордена Ленина (1966), а в 1968 г. Указом Президиума Верховного Совета Российской Федерации ей было присвоено почетное звание «Заслуженный агроном РСФСР». За участие во Всесоюзной сельскохозяйственной выставке в 1939, 1955, 1963 и ВДНХ в 1965 г. была награждена бронзовой (1965), двумя малыми и одной большой серебряными медалями. Кроме того, она воспитала не одно поколение молодых селекционеров, вела активную переписку с учеными и специалистами разных регионов страны, опубликовала несколько работ по селекции яровой пшеницы.[34]

Ольга Андреевна Благонадеждина умерла 23 марта 1984 г. и была похоронена на одном из городских кладбищ в Тольятти. Однако ее могила до настоящего времени, к сожалению, не сохранилась.

В публикуемом ниже письме просматриваются психоэмоциональные аспекты ностальгического пережи-

вания, с которыми автору, вероятно, пришлось прожить не один десяток лет.

---

[1] Русские писатели, 1800–1917: биогр. словарь. М., 1989. Т. 1. С. 559–560.

[2] См. Архивную справку Информационного центра Главного управления внутренних дел г. Санкт-Петербурга и Ленинградской области (10.01.1999 г.) и справку из материалов архивного фонда Управления ФСБ РФ по г. Санк-Петербургу и области (21.12.1998 г.), выданную директору НИЦ «Мемориала» В. В. Иоффе. URL: https://arch2.iofe.center/person/9768 (дата обращения 2.05.2020 г.).

[3] Письма А. А. Гизетти к Ф. И. Витязеву / публ. С. А. Батюто // Рус. литература. 2019. № 1. С. 139–146.

[4] *Батюто С. А.* Новые материалы об А. А. Гизетти — исследователе творчества П. Л. Лаврова // Петерб. библ. шк. 2018. № 1 (61). С. 134–141.

[5] *Батюто С. А.* Кооперативное книгоиздательское товарищество «Колос», 1918–1927 годы: Опыт исторической реконструкции деятельности. СПб.: Скифия-принт, 2018. 610 с.

[6] *Белоус В. Г.* Вольфила [Петроградская Вольная Философская Ассоциация], 1919–1924: [в 2 кн.]. М.: Модест Колеров и «Три квадрата», 2005.

[7] Пешкова Екатерина Павловна (1876–1965) — российский и общественный деятель, правозащитница. Жена М. Горького. Под ее руководством работала организация «Помощь политическим заключенным» (Помполит; 1922–1938).

[8] Прибылев Александр Васильевич (1857–1936) — член партии «Народная воля», член партии социалистов-революционеров, бактериолог, общественный деятель, член Общества бывших политкаторжан и ссыльнопоселенцев, знакомый семьи Гизетти. Его письмо см.: Обречены по рождению… По документам фондов: Политического Красного Креста, 1918–1922. Помощь политзаключенным, 1922–1937. СПб., 2004. С. 240. URL: http://pkk.memo.ru/letters_pdf/000572.

[9] Гревс Иван Михайлович (1860–1941) — историк-медиевист, специалист по истории Римской империи, профессор Петербургского университета, краевед и общественный деятель, теоретик экскурсионного метода в преподавании истории.

[10] Он занимался литературным трудом, печатался в «Русском богатстве», «Заветах» (ст. «Индивидуализм и общественность в мировоззрении Н. К. Михайловского» — 1914, № 1; «О миросозерцании Вл. Соловьева» — 1914, № 2). В 1915 г. вместе с П. Витязевым и П. А. Сорокиным редактировал журнал «Народная мысль». Публиковался в «Ежемесячном журнале» (ст. «Писарев и Гл. Успенский» — 1915. № 1; «Три души (Стихотворения Н. Львовой, А. Ахматовой, М. Моравской)» — 1915, № 12; «Возрождение

или вырождение» — 1916, № 4; «Г. Ибсен как художник и мыслитель» — 1916, № 7–10 и др.). К 1919 г. под руководством проф. И. М. Гревса подготовил магистерскую работу «К вопросу о средневековом миросозерцании («De civitate Dei» и «Divina Comedia»)», по-видимому, оставшуюся незащищенной.

[11] Витязев Петр (псевд., наст. имя Ферапонт Иванович Седенко) (1886–1938) — историк, библиограф, возглавлял издательство «Колос» (1918–1927). Член партии эсеров с 1904 г., участник революции 1905–1907 гг. Неоднократно подвергался арестам. При советской власти арестован 25.04.1930 г. по «Академическому делу». Освобожден в 1931 г. в результате пересмотра дела. Вторично арестован 2.04.1938 г. Расстрелян 14.06.1938 г. по приговору Военной коллегии Верховного суда СССР. Реабилитирован в 1956 г.

[12] Сорокин Питирим Александрович (1889–1968) — российский и американский ученый-социолог, политический деятель; лидер правых эсеров; с 1920 г. профессор Петроградского университета. С 1922 г. в эмиграции.

[13] Иванов-Разумник (псевд., наст. фамилия — Иванов) Разумник Васильевич (1878–1946) — литературный критик, публицист неонародническо-го направления, историк русской литературы и общественной мысли. С 1919 г. неоднократно арестовывался как «идейный вдохновитель народничества». Умер в Мюнхене в 1946 г.

[14] Анциферов Николай Павлович (1889–1958) — историк, краевед, писатель, просветитель. В 1929 г. был арестован по сфабрикованному обвинению, заключение отбывал в Соловецких лагерях и на строительстве Беломорканала. С Гизетти их объединяло обучение на одном факультете, оба были учениками И. М. Гревса.

[15] *Анциферов Н. П.* Из дум о былом: воспоминания / сост. А. И. Добкин. Москва, 1992. С. 202–203 URL: https://www.sakharov-center.ru/asfcd/auth/?t=page&num=10566 (дата обращения 2.05.2020 г.)

[16] Там же. С. 203.

[17] Гизетти А. А. — Пешковой Е. П. URL: http://pkk.memo.ru/letters_pdf/000572.pdf (дата обращения 2.05.2020 г.)

[18] Там же.

[19] Финк Лев (Леон) Адольфович (1916–1998) — литературовед, журналист, литературный и театральный критик, доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой русской и зарубежной литературы Самарского государственного университета (1975–1996). 7 апреля 1938 г. был арестован по обвинению в участии в правотроцкистском блоке. Реабилитирован в 1955 г.

[20] Венус Георгий Давидович (1898–1939) — русский и советский литератор, участник Первой мировой войны. В 1939 г. он скончался в Сызрани в тюремной больнице. Реабилитирован в 1957 г.

[21] См. об этом: *Финк Л. А.* И одна — моя — судьба: воспоминания, раздумья, полемика. Самара, 1993. С. 7.

[22] Там же. С. 8.
[23] [*Орлицкий Ю. Б.*]. Гизетти Александр Алексеевич // Историко-культурная энциклопедия Самарского края: персоналии: А–Д. Самара, 1993. С. 263–264.
[24] Белая книга. Самарская область: о жертвах политических репрессий. Т. 1. Самара, 1997. URL: http://www.orthedu.ru/ch_hist/hist/knigi-pamja-/1185samara01-.html (дата обращения 2.05.2020).
[25] Жертвы политического террора в СССР [Электронный ресурс] / подгот.: Междунар. о-во «Мемориал» [и др.]. Изд. 3-е, перераб. и доп. М.: Звенья, 2004. 2 электрон. опт. диска (CD): цв.; 12 см + 1 бр.
[26] *Вьюшков А. А.* Посвящается светлой памяти учёного-агронома О. А. Благонадеждиной // Вековой юбилей: научно-ист. очерк о прошлом и настоящем Самарского НИИСХ им. Н. М. Тулайкова. Самара, 2003. С. 103–106.
[27] *Благонадеждина О. А.* Всё было ново и интересно // Вековой юбилей. С. 89–92.
[28] Всего в семье было 10 детей. Из них 7 дочерей окончили Самарское епархиальное училище.
[29] Позже на основе курсов был создан Петроградский сельскохозяйственный институт, ныне — Петербургский государственный аграрный университет.
[30] Личный архив автора.
[31] На форзаце «Словарного указателя по книговедению» написано: *«Ольге Андреевне Благонадеждиной в знак дружеской приязни. Автор.* 13. VIII. 1924 г.».
[32] На форзаце отдельного оттиска «Устава Кооперативного книгоиздательского Товарищества «Колос»» (Л., 1924) написано: «*О. А. Благонадеждиной. Творить книгу — значит завоевывать будущее. Будем радоваться, что судьба нам сулила совместную работу в этом великом творчестве. Пусть моя скромная работа напомнит Вам об этих творческих* (подчеркнуто П. Витязевым. — *Л. М.*) *днях нашей жизни*. П. Витязев. 6.IX.24 г.».
[33] Бровкин Владимир Петрович (1886–1941; по справке, выданной НКВД, 1943) — сотрудник издательства «Колос», по образованию агроном. Заместитель председателя правления товарищества «Колос». Заведующий Моск. отделением издательства «Колос». 27.12.1941 г. был арестован по ст. 58-10, 58-11 и приговорен к восьми годам исправительно-трудовых лагерей в Тобольске. Реабилитирован в 1956 г.
[34] *Благонадеждина О. А.* 1) Полевая апробация посевов пшеницы // Труды Всесоюзного съезда по генетике, селекции, семеноводству и племенному животноводству. Ленинград, 10–16 января 1929 г. Л., 1930. Т. 5. С. 365–374; 2) Пшеница / О. А. Благонадеждина, М. Ф. Ермилина; Куйбышев. краевая опыт. селькохоз. станция. Куйбышев: Кн. изд-во, 1936. 80 с.; 3) Селекция яровой пшеницы в условиях сухого земледелия // Научный отчет Безенчукской государственной селекционно-опытной станции за 1941–1942 гг. М.: Сельхозгиз, 1941. С. 14–23; 4) Засухоустойчивый сорт яровой твердой пшеницы Леукурум 33 // Бюллетень научно-технической информации Безенчукской сельскохозяйственной опытной станции. Безенчук, 1957. № 1.

С. 29; 5) Результаты работы по селекции яровой твердой пшеницы в условиях сухого земледелия // Сборник НИР Куйбышевской (Безенчукской) сельскохозяйственной опытной станции. Куйбышев, 1968. С. 24–30.

Безенчук 9XII28 г.

Дорогой Александр Алексеевич! (1)

Вы страшно обрадовали, но вместе с тем и очень удивили меня своим письмом.

Мне казалось, что в Питере я давно всеми забыта, ведь прошло около 3-х лет со времени моего отъезда почти без всякой переписки, а теперь вдруг сразу две весточки — сначала коллективное письмо с «пятницы А. В. Мезьер», а потом Ваше.

Если бы Вы знали, как ценны здесь в глуши — вдали от культурного центра эти дружеские строки.

Чем я заслужила такое хорошее отношение к себе с Вашей стороны? Я всегда считала себя незаметным человеком, и мне никогда не приходило в голову, что общение со мной доставляло Вам какие-то хорошие «минутки», а иногда даже помогало до некоторой степени рассеять тяжелое состояние жизненной апатии.

Да, Александр Алексеевич, если мной что-то и делалось в этом отношении, то совершенно бессознательно, и я сама никогда этого не замечала, а потому сейчас так и удивлена.

Боюсь только, что представление обо мне у Вас неверное. Я кажусь Вам человеком «бодрым духом, всегда выдержанным и ровным». Вот в отношении первого-то пункта Вы и ошибаетесь.

Если бы Вы знали, как достается мне эта внешняя бодрость духа. Сколько таких же моментов безразличия, безнадежности и апатии переживаю я! Но все это делается в 4-х стенах собственной комнаты.

Да, мне кажется, что если бы этого не было, то я не заслужила бы звания человека, ведь невозможно мимо целого ряда явлений проходить спокойно и совершенно на них не реагировать.

Напрасно думаете, что позабыла Вас. Нет, память о всех «друзьях Колоса» всегда живет и будет жить в моей душе, как одно из самых светлых воспоминаний.

Общение со всеми вами помогло мне подняться на некоторую высоту, повысило мой культурный уровень, научило критически относиться к людям и разбираться во многих жизненных явлениях.

Я считаю, что в «Колосе» я прошла хорошую школу, которая отложила свой отпечаток на всю жизнь.

Сейчас приходится много сталкиваться с людьми на разных совещаниях, курсах, во время поездок в командировки и т.д. и часто с людьми очень хорошими, но таких привязанностей, которые остались в Питере, как-то вновь не создается.

О Питере думаю очень много и очень часто. Временами является такое сильное желание всех увидеть, что это совершенно выбивает из колеи.

Теперь, к счастью, мое желание скоро осуществится — в январе непременно буду в Питере. (2)

Пока всего доброго. Крепко жму руку и шлю самые лучшие пожелания.

О. Благонадеждина

P. S. Привет всем, кто меня помнит.

1. Имеется в виду А. А. Гизетти.

2. Речь идет о Всесоюзном съезде по генетике, селекции, семеноводству и племенному животноводству с участием Н. И. Вавилова, проходившем в Ленинграде 10–16 января 1929 г. О. А. Благонадеждина действительно приезжала в Ленинград. Ее доклад опубликован. См.: *Благонадеждина О. А.* Полевая апробация посевов пшеницы // Труды Всесоюзного съезда по генетике, селекции, семеноводству и племенному животноводству. Ленинград, 10–16 января 1929 г. Л., 1930. Т. 5. С. 365–374.

С. А. Батюто

К истории издания книги А. И. Батюто «Творчество И. С. Тургенева и критико-эстетическая мысль его времени»

В нашем личном архиве обнаружены два довольно любопытных документа, свидетельствующие о непростой истории с изданием второй книги ученого, увидевшей свет незадолго до его кончины в ленинградском отделении издательства «Наука» в 1990 г. Речь идет:

1) о заключении о рукописи, представленной в издательство (дата — 15 февраля 1988 г.),

2) об объяснительной записке автора по поводу замечаний ведущего редактора Н. А. Храмцовой (дата записки — 20 марта 1988 г.).

Как видно, делались попытки оказать давление на автора с целью изменения структуры книги (в целом они увенчались успехом), а также принципиального характера, вплоть до предложения дать книге совершенно иное название, резко сужающее ее тематический диапазон (редактор предлагал новое название — «Тургенев и Белинский»). С последним автор не соглашался и упорно стоял на своем. В объяснительной записке он убедительно и неотразимо доказывал свою правоту, вплоть до отстаивания своего способа изложения материала «в несколько заходов».

Думается, объяснительная записка получилась нетипичной, в чем-то напоминающая даже небольшой научный трактат. Тактично автор отклонял неприемлемые для него требования издательства и тут же подкупающе соглашался идти на выставленное ему требова-

ние по сокращению объема будущей книги. Иногда эти сокращения, по признанию Батюто, были «не всегда безболезненные».[1]

Что касается структуры книги, в ней остались три главы, названия прежних глав превратились в названия параграфов. В выходных сведениях отсутствует фамилия редактора Н. А. Храмцовой, а значится Н. З. Петрова. Вероятно, ведущий редактор и автор, как говорится, не нашли общего языка.

В целом представляется, что приведенные документы и приложение к ним (см. Прил.) являются характерным образчиком редакционно-издательского процесса, царившего в недрах ленинградского отделения издательства «Наука».

---

[1] В приложении приводим те самые машинописные страницы, «посвященные характеристике тургеневской апологии самцовства в животном мире, анимализма и антропоморфизма в тургеневских изображениях людей и животных» (см. Объяснительную записку..., с. 412). В монографии этот текст должен был следовать перед последним абзацем на с. 156. Укажем в связи с этим, что в книге А. И. Батюто «Тургенев и другие» (СПб.: Петрополис, 2014), включающей три монографии ученого, в том числе и упоминаемую выше, текст дан полностью.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

о рукописи А. И. Батюто «Творчество И. С. Тургенева и критико-эстетическая мысль его времени»

В своей монографии А. И. Батюто привлекает поистине громадный фактический материал — из статей, переписки, мемуаров, художественных произведений, литературоведческих исследований и т.п., убедительно доказывая воздействие критико-эстетической мысли

Белинского на формирование мировоззрения и художественное творчество Тургенева. Поэтому было бы оправданным несколько сузить слишком широкое название работы и озаглавить будущую книгу «Тургенев и Белинский», что более соответствует ее содержанию. Действительно, из 5 глав монографии этой теме посвящены три главы целиком и одна глава, 5-я, в большей своей части, а взаимоотношениям Тургенева с другими критиками своего времени — Анненковым, Добролюбовым, Чернышевским — уделено лишь 93 страницы из общего количества 513.[1]

Не совсем понятна и убедительна логика распределения материала по главам, как и названия самих глав. Так, 1-я глава называется «Тургенев и Белинский. Идейно-эстетические связи эпизодические», а 2-я — «Тургенев и Белинский. Идейно-эстетические связи концепционные». В этих определениях есть известная неточность и неопределенность. Разделение идейно-эстетических связей на «эпизодические» и «концепционные» искусственно по своей сути и явно метафизично, ибо в основе так называемых «эпизодических» идейно-эстетических связей также лежит общность концепций писателя и критика. Сам автор говорит, что в 1-й главе он преимущественно рассматривает «разрозненные вкрапления» мысли Белинского в художественную ткань произведений Тургенева. Но приведенные им примеры свидетельствуют о более глубоких связях между взглядами Белинского и Тургенева. Так, уже в первой главе раскрывается общность их отношения к романтизму, к сентиментальной поэзии, к немецкой идеалистической философии и т.д.;

---

[1] На полях против этой цифры рукой А. И. Батюто карандашом проставлено: «NB Теперь уже 460–470».

показывая же отражение идей зальцбруннского письма критика к Гоголю в ряде образов и эпизодов «Записок охотника», автор демонстрирует общность отношения Белинского и Тургенева к крепостному праву, к западничеству и славянофильству. Нельзя отрывать друг от друга происходившую под влиянием Белинского «конкретную» и «концепционную» разработку образов в произведениях Тургенева, как это пытается сделать автор.

Кроме того, не совсем понятен принцип,[2] согласно которому часть материала отнесена ко 2-й главе, где рассматриваются «концепционные» идейно-эстетические связи, а другая — к 3-й главе, озаглавленной «Тургенев и Белинский. Идейно-эстетическая родственность натур». Так, об адекватных требованиях, предъявляемых писателем и критиком к реалистическому искусству, о необходимости психологического анализа, об отрицании голой тенденциозности, о неприятии ими марлинизма говорится во 2-й главе, а о понимании ими трагического, например, уже в 3-й главе как о доказательстве «родственности натур». Мне кажется, что лучший выход — снять вообще названия глав и дать просто: «Глава первая», «Глава вторая» и т.д.

Автор сам предостерегает от «излишнего исследовательского пыла», говорит о необходимости «удержать в должных границах гиперболические представления о роли Белинского в литературном развитии Тургенева». Но порой он забывает об этом предостережении и делает слишком категорические обобщения. Так, он

---

[2] На полях против этой подчеркнутой карандашом фразы рукой А.И. Батюто карандашом проставлен ответ, вероятно, ко всему нижеследующему тексту абзаца: «В первом случае — теоретич<еская> общность, во втором — практика, трактовка отн<ошения> к жит<ейскому> ром<антиз>му.

заявляет об «универсальной этико-эстетической родственности» натур Белинского и Тургенева, о «феноменальном вторжении» мысли Белинского в ткань художественных произведений писателя. В то же время некоторые формулировки дают очень упрощенное и прямолинейное решение проблемы. Часто повторяется, например, что Тургенев «использовал мысль и слово критика в своих интересах, как идейных, так и чисто художественных». В действительности взаимодействие писателя и критика не сводилось ни к «использованию», ни к «вторжению», это был более тонкий и глубокий процесс, о чем свидетельствует и сам материал монографии.

Чувствуется, что автор увлечен своей темой, что он сам «потрясен» тем количеством материала, который ему удалось собрать. Но это обилие материала оборачивается и другой стороной. По словам автора, необходимо, чтобы «проблематика не растворилась, не стушевалась в огромном количестве фактов, наблюдений, сопоставлений и т.п.». Однако ему не удалось этого избежать. Можно было бы сократить цитаты (и количество их) из статей Белинского, убрать некоторые мелкие, второстепенные переклички (отдельных слов, выражений). Вообще в рукописи часто об одних и тех же проблемах сообщается в «несколько заходов» — сначала более кратко, затем более и более подробно.[3] Так, например, об отрицании критиком и писателем псевдоромантизма говорится в нескольких главах, об отношении к славянофилам и западникам — тоже. Можно убрать полемику автора с воображаемым оппонентом (на это указывал один из рецензентов).

---

[3] На полях карандашом рукой А. И. Батюто проставлен знак NB с пометой «пояснить».

Сокращения эти целесообразны и потому, что рукопись явно превышает — листа на 2 — установленный объем (всего ок. 22 л.).

Ведущий редактор Н. Храмцова

Верно:

Зав. редакцией М. Зубков

15. 02. 88

ОБЪЯСНИТЕЛЬНАЯ ЗАПИСКА

по поводу замечаний ведущего редактора Н. А. Храмцовой о рукописи моей монографии «Творчество И. С. Тургенева и критико-эстетическая мысль его времени»

В известном соответствии с замечаниями Н. А. Храмцовой считаю возможным текст монографии, следующий за введением, озаглавить так: «Тургенев и Белинский. Идейно-эстетические связи».

Глава I.

Глава II.

Глава III.

Далее без изменений, то есть:

Глава IV. «Тургенев, Анненков, Чернышевский, Добролюбов. Связи и противоречия».

Глава V. «...Я преимущественно реалист...»

Н. А. Храмцова и, по-видимому, заведующий редакцией М. А. Зубков настаивают на дополнительных сокращениях в тексте монографии. Идя навстречу этим пожеланиям, даю перечень новых сокращений, сделанный мною на 3 экземпляре рукописи, пагинация которого и так уже существенно не совпадает с пагинацией 1-го экземпляра, находящегося в вашей редакции:

с. 174 — 9 строк,

с. 219 — треть страницы,

с. 240 — более одной трети страницы.

Согласен сократить также почти полностью с. 278–289, посвященные характеристике тургеневской апологии самцовства в животном мире, анимализма и антропоморфизма в тургеневских изображениях людей и животных.

Перенос этих сокращений на 1 экземпляр готов осуществить под наблюдением Н. А. Храмцовой в любое удобное для нее время.

Таким образом, общий объем сделанных мною сокращений выражается более чем в двух с половиной листах. Теперь, с учетом всех этих сокращений, не всегда безболезненных, текст монографии не превышает 21, 5 л.

Если по ходу совместной доводки текста до нужной «кондиции» Н. А. Храмцова выскажет в очень конкретной форме обоснование требования новых сокращений, я, разумеется, возражать не буду.

Теперь о том, с чем не согласен.

Считаю: название монографии, несмотря на преобладание в ней темы «Белинский — Тургенев», менять не следует. Важнейшие основания для сохранения первоначального названия:

1) Вопросы, затронутые в четвертой главе, имеют прямую связь с проблематикой таких значительных (в общественном смысле этого слова) произведений Тургенева, как «Ася», «Накануне», «Отцы и дети». Общепринятая трактовка этих произведений давно нуждается в коррективах, и эти коррективы, с привлечением новых или свежих фактов, мною вносятся. В этом отношении особенно примечательно, как мне кажется, возобновление Тургеневым трактовки стародавнего вопроса о силе и слабости героя («Ася», «Накануне», «Отцы и дети») в повести «Клара Милич». Этого вопроса, насколько мне известно, никто из литературоведов не касался.

2) Да, глава четвертая не превышает 93 страниц. Однако же 93 страницы, а не 7 или 16. И в подстрочниках этой главы есть предварительная ссылка на теперь уже опубликованную мною мою статью (4 л.) «Герцен, Белинский и идейная концепция романа Тургенева „Дым“» (см.: Рус. лит. 1987. № 3 и 4). В таком виде эти статьи, добавляющие к именам Белинского, Чернышевского, Добролюбова, Анненкова еще и имя Герцена, существенно подтверждают право четвертой главы на особое существование в корпусе монографии.

3) Название монографии «Творчество И. С. Тургенева и критико-эстетическая мысль его времени» правомернее названия «Тургенев и Белинский» еще и потому, что без учета специфики содержания четвертой главы не вполне ясны мотивы обращения Тургенева к Белинскому как единственно непогрешимому арбитру в споре писателя с шестидесятниками. Важно то, что в этом споре Тургенев всегда очень конкретно и с величайшей добросовестностью опирался на авторитет «неистового Виссариона». Без обращения к Белинскому невозможно понять до конца отношения Тургенева к шестидесятникам, а неровное отношение Тургенева к этим последним, то и дело сказывающееся в его творчестве, в его мемуарах и эпистолярном наследии, позволяет в то же время определить и оттенить истинные масштабы тургеневских положительных представлений о Белинском. Таким образом, одно без другого не создает полноты впечатления. Поэтому не «Тургенев и Белинский» только, не только «Тургенев, Чернышевский, Добролюбов, Анненков», а «Творчество И. С. Тургенева и критико-эстетическая мысль его времени».

4) На Тургенева и характер его творчества наряду с Белинским заметно влияли многие другие его современники. Наиболее яркие из них, кроме самого яркого

(Белинский), — Чернышевский, Герцен, Добролюбов, Анненков. Этот тезис раскрывается не только на тех 93 страницах, которые показались недостаточными Н. А. Храмцовой, но и на ряде предшествующих страниц. См., например, страницы из главы третьей — 187, 199, 206–209, 211, 213–215, 218, 220–224, 240–242, 248, 249, 251, 252, 263, 265, 293, 294 (даю страницы по 3 экз.; они также нуждаются в переводе на пагинацию первого экземпляра). Зачем же мы будем заведомо обеднять содержание монографии, сводя его только к проблеме «Тургенев — Белинский»?

Одним словом, настаиваю на сохранении прежнего названия монографии. Ссылки на одну из рецензий Вам в данном случае никак не помогают…[4]

Огорчило меня замечание Н. А. Храмцовой о том, что проблема, например, «псевдоромантизма» трактуется «в несколько заходов». Это все равно что сказать: топчешься, брат-автор, на месте, толчешь воду в ступе.

---

[4] В вышедшей книге А. И. Батюто указаны два рецензента — Н. Н. Мостовская и А. Б. Муратов. Судя по манере высказанных замечаний и по учету их в редакторском заключении Н. А. Храмцовой, Батюто имеет в виду именно первую рецензию, принадлежавшую перу Н. Н. Мостовской. Текстом самой рецензии мы не располагаем, но знакомы с внутренней рецензией на другую капитальную работу Батюто, позже представленную в редакцию журнала «Русская литература», — «Русская литература от Чернышевского до Чехова (Проблема героя и человека)» (статьи первая и вторая), автором которой была также Н. Н. Мостовская, высказавшаяся не в пользу ее опубликования. Мотивы при этом характерно напоминали использованные в редакторском заключении Н. А. Храмцовой: многочисленные повторы, в том числе и уводящие автора далеко в сторону от избранной темы (?), значительное превышение дозволенного объема, а также пожелание резко сузить тематический диапазон статьи до названия «Тургенев — Чехов» (разумеется, при резком сокращении объема всего материала) с риторическим вопросом в конце рецензии: «Но кто же это будет делать, когда автора уже нет с нами?». Статьи опубликованы, см.: *Батюто А. И.* Избранные труды. СПб.: Нестор-История, 2004. С. 830–889.

Между тем «несколько заходов» отнюдь не означают повторения ранее сказанного. Так, например, центр тяжести второй главы определяют, наряду с развенчанием псевдоромантизма, неофициальные манифесты реализма у Белинского и Тургенева и все, что за ними следует (характер психологического анализа, апелляция к простоте стиля и проч. и проч.). В пятой же главе тезис «я преимущественно реалист» раскрывается как верховенство реализма при известном содружестве его с романтизмом. Этот тезис точно согласуется с «учением» Белинского об «элементах романтизма», которые необходимо усвоить и реалистической литературе. Выходит, «несколько заходов» вовсе не означают топтания на месте. Во второй главе прослеживается принципиальное разграничение Белинским и Тургеневым реализма от романтизма. В пятой главе, напротив, — и вновь с опорой на множество фактов, — рассмотрены попытки Белинского и Тургенева к частичному сближению этих литературных направлений. Кроме того, в пятой главе подробно говорится о «двух романтизмах» в эстетике Белинского и Тургенева. Но об этом также ни слова в главе второй. То же я мог бы сказать о трактовке славянофильства и западничества. И в данном случае характерны не повторения, а разные аспекты рассмотрения проблемы.

Что касается «полемики автора с воображаемым оппонентом», этого легко избежать. Соответствующие исправления на страницах 3 экз. уже сделаны (с. 237–238).

20 марта 1988 г. А. Батюто

P.S. В пользу сохранения первоначального названия книги свидетельствует также имеющая литературно-эстетический оттенок полемика Тургенева с Фетом и славянофилами во введении, во второй и в пятой главах. Это по меньшей мере десятка три страниц.

P.P.S. А на с. 186–187 и других (по 3-му экз.) речь идет о тургеневско-герценовской полемике по поводу Базарова.

Приложение

(с. 278) Однако Тургенев не был бы Тургеневым, если бы в своем творчестве только повторял дагерротипически и эти мысли Белинского или пассивно иллюстрировал их посредством дидактического сочетания образов. (с. 279) От его изображений веет реальной жизнью, в самость которой невозможно не поверить. Каждый из его персонажей, по его же определению, стоит на собственных ногах, то есть предельно индивидуален — как у Гоголя, неиссякаемой реалистической творческой способностью которого он так восхищался. В трактовке проблем человек вообще и человек и животное, в частности, при всей безусловной и подчас непосредственной соотносимости с теоретическими и практическими положениями этики и эстетики Белинского, у писателя был и свой, характерно тургеневский почерк, вырабатывавшийся независимо от Белинского. Дело в том, что по ходу художественной разработки этих проблем у Тургенева встречаются во множестве и такие изображения самцовства и самкости, логических соответствий или предвестий которым, прямых и даже косвенных, мы не найдем в критике Белинского.

Неизменно сочувственным вниманием со стороны Тургенева пользуются самцы и самки из животного мира (звери, птицы, домашние животные), в поведении которых он подмечает признаки милого, забавного, а иногда и трагического сходства с поведением нормального хорошего человека в обычных и экстремальных условиях его существования. Таких самцов и са-

мок Тургенев любовно очеловечивает, предоставляя им право горевать, радоваться, печалиться, заботиться, думать и даже рассуждать по-человечески. Напротив, людей, сумевших возбудить у него чувство острой антипатии (временной или постоянной — это, в конце концов, даже и неважно), писатель склонен низводить до уровня примитивной, вульгарной или хищной животности. Изображая людей, чем-то ему не приглянувшихся, он как бы вменяет себе в обязанность дополнительные функции художника-анималиста, но анималиста, уже отнюдь не влюбленного в предмет своего изображения.

О собачке Муму в одноименном рассказе замечено, что она (с. 280) *«с важностью на лице»* отправлялась вместе с Герасимом на реку, а в его «*каморке <…> была полной хозяйкой*».[5] Обе характеристики этой «самки» впору образу доброй, домовитой женщины. Герой повести «Дневник лишнего человека» смотрит на воробьев, которые «как сумасшедшие» (опять человеческая черта!) «кричат» (а не чирикают) «около отпотевших черных заборов».[6] В повести «Первая любовь» упоминается о «большом пестром дятле», который «хлопотливо поднимался по тонкому стволу березы и с беспокойством выглядывал из-за нее, то направо, то налево, точно музыкант из-за шейки контрабаса».[7] В «моментальном снимке» этого дятла-контрабасиста безусловно есть что-то доверительно-нежное. Он похож на человека, притом на человека явно неплохого. В стихотворении «Как хороши, как свежи были

---

[5] *Тургенев И. С.* Полн. собр. соч. и писем : В 28-ми т. Соч. Т. 5. С. 277. Курсив в примерах везде наш. — *А. Б.*

[6] Там же. С. 181.

[7] Там же. Т. 9. С. 48.

розы...» старый пес, собрат Тургенева по ощущению старческого одиночества, назван «мой единственный *товарищ*».[8] А другой «товарищ» Тургенева — пес Пегаз, которого природа наделила исключительными талантами в делах охоты, назван «профессором» и даже «стратегиком».[9] Шутка, конечно, но... над существом, которое не вызывает симпатии, так не подшучивают. Ибо в шутке этой проскальзывает благоговение.

Признаков любовного очеловечивания животного особенно много в стихотворении в прозе «Морское плавание». «Маленькая обезьяна, самка из породы уистити» протягивает Тургеневу «свою черную *холодную ручку*» и взглядывает на него «своими грустными, почти *человеческими глазенками*». «*Я брал ее за руку,* — продолжает Тургенев, — поневоле приходилось обращаться к моему *единственному спутнику* — обезьяне», которая опять и опять «протягивала» ему именно «руку». «Погруженные в одинаковую, бессознательную думу», человек и животное, столь похожее на человека, «пребывали *друг возле друга, словно родные...*» «Все мы, — добавляет Тургенев, — *дети одной матери...*»[10] (с. 281) А в романе «Новь» допотопные Фимушка и Фомушка сравниваются с попугайчиками-переклитками (опять-таки самцом и самкой), отличающимися исключительной верностью друг другу, и в этом сравнении нет ничего унизительного для обеих сторон...

Перепелка притворяется раненой, «чтобы *собака могла подумать*, что ее легко поймать». Мальчику кажется: попав в зубы собаке, перепелка «глядит» на него «и *думает*: “За что я умирать должна? Ведь я свой долг

---

[8] Там же. Т. 13. С. 193.
[9] Там же. Т. 14. С. 184.
[10] Там же. Т. 13. С. 193–194.

исполняла; маленьких своих старалась спасти…”». Рассказ о перепелке перенасыщен антропоморфизмом детского восприятия животного мира. Казалось бы, чему тут удивляться. Ведь так ведет себя большинство детей. Но, во-первых, какие человеческие чувства поражают мальчика в подстреленной птице? Долг, самопожертвование ради детей, ничем неистребимое чувство материнства. Все это чувства и понятия несомненно серьезные, «взрослые», заслуживающие всяческого уважения. А во-вторых, благородным антропоморфизмом заражается и взрослый — отец мальчика, человек суровый и, по-видимому, как и отец писателя, не раз пренебрегавший своими семейными обязанностями. «Не беспокойся, — говорит он сыну, — самец-перепел, отец их выкормит». Далее о самце-перепеле и перепелятах говорится опять подчеркнуто уважительно: «старик их увел, их отец…» Там же о подстреленной тетеревихе, не покидающей детенышей, сказано: «сквозь спутанные травяные былинки идет она к ним, спешит, спешит, а у самой вся грудь в крови! Знать не вытерпело материнское сердце!»[11]

Эти самкость и самцовство не чета тому хищному самцовству, которое импонировало Базарову. И там Тургенев осуждал неотступчиво. А здесь благоговеет.

Рассказ о куропатках (см. соответствующее стихотворение в прозе) ведется уже целиком от лица взрослого, а не ребенка, однако (с. 282) лейтмотив здесь также антропоморфический: «несчастная куропатка, может быть, *тоже думает*: “Нас было двадцать таких же, как я… Почему же именно я, я попалась под выстрел… Чем я это заслужила перед остальными *моими сестрами*?”»[12]

---

[11] Там же. С. 138–140.

[12] Там же. С. 215.

Художественными приемами, рассчитанными на выявление «человеческих» черт в звере и птице и, напротив, гнусной животности в человеке, граничащей с бестиальностью, изобилуют уже «Записки охотника», а это значит, что с помощью и этого шедевра тургеневской прозы значительно облегчается задача точного уяснения авторского отношения к тем или иным проявлениям самцовства в его романном творчестве. Благодаря «Запискам охотника» убедительность комментария такого рода приобретает характер непреложной достоверности.

Лощеный, внешне цивилизованный помещик-крепостник в рассказе «Бурмистр» носит коварно-двусмысленную фамилию Пеночкин. Конечно, фамилия эта со значением, фамилия, так сказать, говорящая, невольно заставляющая — по закону контраста — вспомнить о ласковом имени птичьей особи — пеночки. Однако в целом этимология этой фамилии восходит, по всей вероятности, к пенке, которая образуется на топленом молоке и которою любят воровато полакомиться кошки. Пеночкин тоже лакомится — плодами трудов своих крестьян… Вкрадчиво кошачьи повадки в его внешнем и нравственном облике подчеркиваются и прямым сравнением его с кошкой: он «осторожен, как кошка».[13] И крестьяне называют его не Пеночкин, а Пенкин — очевидно, в смысле пенкосниматель… Итак, Пеночкин — кошка. Грабит и наказует он осмотрительно, благопристойно, едва ли не элегантно. Иначе выписаны внешний облик и манера поведения его подручного, бурмистра Софрона — грабителя и насильника откровенного, грубого. Поэтому те же крестьяне говорят о нем: «— Собака,

[13] Там же. Т. 4. С. 135.

а не человек: такой собаки до самого Курска не найдешь… Бестия!.. Зверь — не человек…»[14] Приближение Пеночкина вселяет панический (с. 283) ужас во все живое. Завидев его, крепостные крестьяне, их домочадцы и даже пернатые бегут сломя голову кто куда. Все угадывают в нем силу недобрую. В связи с этим любопытно определенно сочувственное изображение одного из этих пернатых, боящегося приближения «зверя» чисто по-человечески: «Один бойкий петух с черной грудью, похожей на атласный жилет […] уже совсем собрался кричать, да вдруг сконфузился и тоже побежал».[15] Атласный жилет, глаголы кричать, а не кукарекать, конфузиться, а не переполошиться, — все это очевидные приемы и признаки очеловечивания петуха. По контрасту с принципами «критического» анимализма, положенными в основу изображений Пеночкина и Софрона, они особенно выразительны.

Другой фамилией с бестиальным значением наделена чета помещиков в очерке «Ермолай и мельничиха». Это Зверковы, безмерно-эгоистическое обращение которых с их горничной Ариной понятно автору и читателю, но самим Зверковым неведомо по причине феноменальной скудости их ума и сердца. Поэтому они именно Зверковы, а не Петровы или Сидоровы. Сравнение этих Зверковых со зверком — обезьянкой (стихотворение в прозе «Морское плавание») или со зверком из «Призраков», немножко грустно, но деятельно занимающимся приготовлениями к долгому зимнему отдохновению (слова «зимняя спячка» здесь, между прочим, не употреблены), говорит само за себя. В повадках и настроениях этих зверков много человече-

---

[14] Там же. С. 147–148.

[15] Там же. С. 139.

ского, а Зверковы из очерка «Ермолай и мельничиха» только номинально люди.

Некий «лизоблюд» (очерк «Смерть») пишет помещице льстиво-сентиментальные стишки на французском языке, за что удостаивается от автора фамилии, вульгарная бестиальность которой саркастически оттеняется ее французской транскрипцией: Kobyliatnikoff.[16]

Поскольку речь зашла о бестиальности, в той или иной мере присущей (с. 284) ряду персонажей «Записок охотника», нелишним будет указание на несколько образчиков ее модификации в соседних и последующих произведениях писателя.

Свирепый Авдей Лучков (рассказ «Бретёр») сравнивается сначала с волком, романтически понуждаемым к смирению и очеловечиванию. «Глаза доброго немца Кистера», которому суждено пасть от руки этого человека-волка, «сверкали благородной радостью сочувствия, когда он читал Авдею любимые страницы из Шиллера, а бретёр сидел перед ним, понурив голову, как волк».[17] Накануне же дуэли с Кистером Лучков предстает в обличье убийцы, «которому, как кошке, жаль было так скоро расстаться с своей жертвой».[18]

Нечто животное, точнее, птичье весьма заметно в облике гувернантки девицы Моро («Дворянское гнездо») — существа вполне ничтожного. «Когда она была сыта, не играла в карты и не болтала, — лицо у ней тотчас принимало выражение почти мертвенное: сидит, бывало, смотрит, дышит — и так и видно, что никакой мысли не пробегает в голове. Ее даже нельзя было назвать доброю: не бывают же добры птицы». Ха-

---

[16] См. там же. С. 218–219.
[17] Там же. Т. 5. С. 82.
[18] Там же.

рактерно там же противопоставление этой образованной гувернантке-птице крепостной воспитательницы Лизы Агафьи Власьевны — женщины не только внешне, но и духовно красивой.[19]

Образ парижской «уличной лоретки», «наглый [...] голос» которой колет, «как жало гадины», конечно, бестиален («Призраки»). При всем ее внешнем обаянии бестиальна и Марья Николаевна Полозова («Вешние воды») — особенно в эпизодах расчетливо обдуманного, преступного обольщения Санина: «Эти серые, хищные глаза [...] эти змеевидные косы [...] Что за лицо! [...] раскрыты глаза, алчные, светлые, дикие; губы, ноздри раскрыты тоже и дышат жадно [...] это скачет молодой женский кентавр, полузверь и полубог...»[20] (с. 285) В момент полного торжества над Саниным эта самка выглядит уже безусловной бестией, хищницей первостатейной. Глаза ее, «широкие и светлые до белизны», выражают «одну безжалостную тупость и сытость победы». «У ястреба, который когтит пойманную птицу, — добавляет Тургенев, — такие бывают глаза».[21]

В той же повести изображен пудель Тарталья — наиболее «интеллигентный» среди тургеневских персонажей из животного мира. Конечно, и пудель не человек, но во всем его существе нет ничего напоминающего свирепость коршуна или какого-нибудь другого хищника в образе животного или человека. Как и похожий на «хохлатую курицу» добрейший и безобиднейший Панталеоне, Тарталья равноправный член семейства Розелли. Он моментально проникается приязнью к Санину, потому что распознает в нем друга этого семей-

---

[19] Там же. Т. 7. С. 239 и сл.
[20] Там же. Т. 11. С. 126, 144.
[21] Там же. С. 148.

ства. Когда же Санин предает Джемму, ласковый и добрый, как ребенок, Тарталья тоже негодует.

Еще два примера. О крестном отце рассказчика Настасее Настасеиче («Часы») — сутяге, кляузнике, взяточнике («дурной человек совсем») замечено особо: «Из себя он был пухлый да круглый; а лицо, как у лисицы, нос шилом; глаза карие, светлые, тоже как у лисицы. И всё он ими двигал, этими глазами, направо да налево, и носом тоже водил — словно воздух нюхал».[22] Лиса, как известно, хищник еще более хитрый и коварный, чем кошка… Там же о семинаристе Транквиллитатине: «…глуп был, как лошадь. Он вообще смахивал на лошадь: стучал ногами, словно копытами, не смеялся, а ржал, причем обнаруживал всю свою пасть, до самой гортани — и лицо имел длинное, (с. 286) нос с горбинкой и плоские большие скулы… и пахло от него сырым мясом».[23] Сравнение Транквиллитатина с лошадью безусловно оскорбительно… для лошади. Ибо лошадей Тургенев любил немногим больше, чем собак. В связи с этим не мешает вспомнить об отношении писателя к некоему поручику Пантелею Чубкевичу, изображенному им в несколько фривольной, но заразительно веселой поэме «Поп»:

Я б мог сказать, что был он глуп, как мерин,
Но лошадь обижать я не намерен.[24]

Но это еще не все. В самом звучании семинарской фамилии Транквиллитатина чувствуется иронический намек на «родство» или «сходство» его с знаменитым, но вовсе не глупым римским историком, полное имя которого — Светоний Гай Транквилл. Это как бы вто-

---

[22] Там же. С. 221.
[23] Там же. С. 232.
[24] Там же. Т. 1. С. 425

рая оскорбительная пощечина духовно примитивному герою. Наконец, Транквиллитатин — это искаженная, пародийно русифицированная превосходная степень от латинского tranquillus, что означает спокойный, мирный, безмятежный. Это третья явная насмешка над несуразно-нескладным, громоздким, нелепо шумным и в общем крайне непривлекательным персонажем.

Веренице образов, подверженных в той или иной степени пороку животной самцовости, переходящей нередко в бестиальность, соответствует в творчестве позднего Тургенева зловещий образ бессмысленно-капризной толпы, недовольной поведением неугодного ей поэта. По сему поводу писатель замечает предостерегающе: «Опасно раздражать залютевшего зверя...»[25] Всех этих людей — полузверей или зверей законченных в образе человека Тургенев изображает без тени снисхождения.

Разумеется, нет у него снисхождения и к Базарову — в те моменты, когда во всем его существе ярится что-то неуправляемо-темное, дико-первозданное. В кульминационный момент первого любовного объяснения (с. 287) с Одинцовой у Базарова недаром «почти зверское лицо». На фоне же позднейших, но уже сочувственных тургеневских изображений самцовства в животном мире (самоотверженное поведение самцов и особенно самок в «семейках» перепелов, куропаток и тетеревов) звучит почти кощунственно равнодушное замечание Базарова: «А ты придаешь еще значение браку?» В той же связи одиозно замечание «самца» Базарова о галке — самой семейной птице. Наконец, в той же связи одиозны возражения одного из «вьюношей» против брака и единобрачия в животном мире

[25] Там же. Т. 13. С. 161.

и в человеческом обществе, победоносно опровергнутые «старичком» Потугиным.[26]

Такого рода изображения предуказаны не только этикой и эстетикой Белинского, типично отразившей лучшее в нравственном облике людей сороковых годов. Не только, как увидим ниже, хитроумными и по-своему тонкими литературно-критическими рекомендациями Анненкова, подозрительно горячо возлюбившего в шестидесятые годы «тип слабого человека». Здесь ощущаются и исконно тургеневские традиции, давшие о себе знать уже в первых очерках «Записок охотника».

С. А. Батюто

Из коллекции инскриптов А. И. Батюто

В домашней библиотеке ученого найдено довольно значительное число оттисков статей и опубликованных работ, а также книг, имеющих дарительные надписи, раскрывающие характер научных связей и человеческих отношений дарителей и их адресата. Выполненные от руки, они воспроизводятся в полном соответствии с их стилистическими и грамматическими особенностями, нередко выбивающимися из принятых эдиционных правил. Материал сгруппирован в две части (каждая со своей автономной нумерацией): I — оттиски статей, разделов и глав монографий, авторефераты диссертаций; II — отдельные издания (в т.ч. сборники научных трудов, монографии, библиографический указатель). В конце помещен Указатель имен дарителей. Аннотации к сотрудникам ИРЛИ

[26] Там же. Т. 9. С. 235.

(Пушкинского Дома) в указателе отсутствуют, но даются отсылки на справки о них в изд.: Пушкинский Дом: Материалы к истории. 1905–2005. СПб., 2005 (ПД, страница).

I

1. *Ершов Л. Ф.* Проблема сатиры в литературно- эстетических взглядах Щедрина 60-х гг. / Академия наук СССР. Институт русской литературы (Пушкинский Дом). АКД. Л., 1952. 15 с.

Анатолию Ивановичу с пожеланием скорейшей успешной защиты. *Л. Ершов.* 7.X.1952

2. *Высоцкая Л. М.* Поэтическая деятельность Демьяна Бедного в предреволюционный период и в годы гражданской войны. АКД / АН СССР. Институт русской литературы (Пушкинский Дом). Л., 1953. 16 с.

Толику — замечательному товарищу и «однокашнику». *Людмила В.* 24.XII.53

3. [*Назарова Л. Н.*] Изучение творчества Тургенева (Научная сессия в Орле) // Вестник АН СССР. 1955. № 12. С. 83–85. Отд. отт.

Милому Анатолию Ивановичу Батюто с дружеским приветом от Л. Назаровой 27.I.1956

4. *Ден Т. П.* Пушкин в Тульчине // Пушкин. Материалы и исследования. Т. I. М.; Л., 1956. С. 222–229. Отд. отт.

Анатолий Иванович, примите сей скромный дар. Крепко и дружески жму Вашу руку. *Т. Ден*

5. *Хмелевская Е. М.* Гл. V. Апухтин // История русской литературы. Т. IX. М.; Л., 1956. С. 487–496. Отд. отт.

Дорогому Анатолю, чтобы понимал… Автор 22.X.56 г.

6. *Габель М. О.* Роман Тургенева «Дворянское гнездо» в общественно-политической и литературной борьбе конца 50-х годов // Ученые зап. Харьк. гос. библ. ин-та. 1956. Вып. II. Харьков, 1956. С. 199–246. Отд. отт.

Многоуважаемому Анатолию Ивановичу Батюто — автор.

7. *Гармашева Т.В., Капелюш Б.Н.* Рукописи и переписка Ф.М. Достоевского // Бюллетени Рукописного отдела Пушкинского Дома. VII. М.; Л., 1957. С. 5–130. Отд. отт.

С глубоким уважением на память о совместной работе. *Б. Капелюш* 29.V.1970

8. *Измайлов Н.В.* Борис Викторович Томашевский // Известия АН СССР. Отд-ние литературы и языка. 1958. Т. XVII. Вып. 1. Янв.-февр. С. 106–108. Отд. отт.

Дорогому Анатолию Ивановичу Батюто в память Бориса Викторовича. *Н. Измайлов* 5.VI.58.

9. *Измайлов Н.В.* Лирические циклы в поэзии Пушкина 30-х годов // Пушкин. Исследования и материалы / Академия наук СССР. Институт русской литературы (Пушкинский Дом). М.; Л., 1958. Т. II. С. 7–48. Отд. отт.

Дорогому Анатолию Ивановичу в знак союза пушкинистов с тургеневистами. *Н. Измайлов* 15.I. 59

10. *Назарова Л.Н.* Глава XVI Тургенев-критик // История русской критики / Академия наук СССР. Институт русской литературы (Пушкинский Дом). М.; Л., 1958. Т. I. С. 509–530. Отд. отт.

Анатолию Ивановичу Батюто с дружеским приветом автора Л. Назаровой. 20.X.58 г.

11. *Берков П.Н.* Проф. М.К. Клеман (К шестидесятилетию со дня рождения и пятнадцатилетию со дня смерти) // Ученые записки ЛГУ. 1958. № 261. Сер. филологических наук. Вып. 49. С. 167–170. Отд. отт.

Глубокоуважаемому Анатолию Ивановичу Батюто от автора. 8.I.59

12. *Серман И.З.* Один из источников «Моцарта и Сальери» // Пушкин. Исследования и материалы / Академия наук СССР. Институт русской литературы (Пушкинский Дом). М.; Л., 1958. Т. II. С. 390. Отд. отт.

Анатолию Ивановичу Батюто — дружески. *И. Серман.* 12.IX.58 г.

13. *Серман И. З.* От повести к роману (Из творческой истории «Преступления и наказания Ф. М. Достоевского») // Вопросы изучения русской литературы XI–XIX веков / Академия наук СССР. Институт русской литературы (Пушкинский Дом). М.; Л., 1958. С. 196–201. Отд. отт.

Анатолию Ивановичу Батюто — автор. *И. Серман* 16 II 59

14. *Эйхенбаум Б.* Из студенческих лет Л. Н. Толстого // Русская литература (Л.). 1958. № 2. С. 69–84. Отд. отт.

Анатолию Ивановичу Батюто. Опять о «молодом Толстом», но Эйхенбаум-то постаревший! *Б. Эйхенбаум.* 5.X.1958

15. *Назарова Л. Н.* К вопросу об оценке литературно-критической деятельности И. С. Тургенева его современниками (1851–1853 годы) // Вопросы изучения русской литературы XI–XIX веков / Академия наук СССР. Институт русской литературы (Пушкинский Дом). М.; Л., 1958. С. 162–167. Отд. отт.

Анатолию Ивановичу Батюто с уважением и дружеским приветом от Л. Назаровой. 16.II.59 г.

16. *Назарова Л. Н.* «Постоялый двор» И. С. Тургенева (К истории первой публикации повести) // Из истории русских литературных отношений XVIII–XX веков / Академия наук СССР. Институт русской литературы. М.; Л., 1959. С. 158–165. Отд. отт.

Дорогому Анатолию Ивановичу Батюто с дружеским приветом от автора. 4.VI.59 г.

17. *Бессонов Б.* Литературно-критическая деятельность Г. В. Плеханова в 1880-е годы // Русская литература (Л.). 1959. № 4. С. 67–86. Отд. отт.

Анатолию Ивановичу Батюто с искренним расположением. *Бессонов.* 8.IX.61

18. *Муратов А.* О «гейдельбергских арабесках» в «Дыме» // Русская литература (Л.). 1959. № 4. С. 199–202. Отд. отт.

Анатолию Ивановичу Батюто (с большим опозданием). *А. Муратов* 19.II.62 г.

19. *Назарова Л.* Тургенев о Гоголе // Русская литература (Л.). 1959. № 3. С. 155–158. Отд. отт.

Анатолию Ивановичу Батюто с лучшими пожеланиями и приветом от Л. Назаровой. 1.XII.59 г.

20. *Битюгова И.* Неопубликованное письмо Ф. М. Достоевского // Русская литература (Л.). 1961. № 4. С. 143–147. Отд. отт.

Славному другу-товарищу Анатолию Ивановичу с неизменной симпатией на добрую память. *И. Б.* 9.I.62 г.

21. *Бялый Г. А.* Лев Толстой и «Записки охотника» Тургенева // Вестник ЛГУ. 1961. № 14. Сер. истории, языка и литературы. Вып. 3. С. 55–63. Отд. отт.

Дорогому Анатолию Ивановичу Батюто на добрую память от автора. 2 окт. 1961.

22. *Голованова Т. Н.* И. Тургенев о крестьянской реформе // Русская литература (Л.). 1961. № 4. С. 134–142.

Оказывается, каждый пустячок может пригодиться. Анатолию Ивановичу Батюте — с благодарностью за внимание. *Т. Голованова*

23. *Титов А. А.* Художественная природа образа Печорина // Проблемы реализма русской литературы XIX века / АН СССР. Институт русской литературы (Пушкинский Дом). М.; Л., 1961. С. 76–101. Отд. отт.

Анатолию Ивановичу Батюто, отличному человеку, ученому и шахматисту — с приветом дружбы и уважения. *А. Титов* 3 октября 1961

24. *Малахов С. А.* Тургенев и Гончаров о поэтике русского романа // Проблемы реализма русской литературы XIX века / Академия наук СССР. Институт русской литературы (Пушкинский Дом). М.; Л., 1961. С. 102–132. Отд. отт.

А. И. Батюто

Врагов Тургенева, мой милый Анатоль,
Ты бей отсюда, —
я хвачу оттоль!

Ленинград 29 августа 1961 г.

Сергей Малахов

25. *Ширмаков П. П.* Новое об А. И. Куприне // Русская литература (Л.). 1962. № 2. С. 205–212. Отд. отт.

Дорогому Анатолию Ивановичу Батюто, страстному рыболову, грибнику, заглядывающему иногда в рюмочку, и обладателю многих иных подобных добродетелей — кровью сердца автор и публикатор. 1. IX.62 г. Л<енингра>д.

26. *Рейсер С.* Против кого направлена статья В. И. Ленина «Памяти Герцена» // Русская литература (Л.).1962. № 2. С. 27–38. Отд. отт.

Дорогому Анатолию Ивановичу Батюто — дружески. *С. Рейсер* 28.VIII.62

27. *Назарова Л.* Новый труд болгарского ученого о Тургеневе // Русская литература (Л.). 1962. № 3. С. 225–227. Отд. отт.

Анатолию Ивановичу Батюто с уважением и дружеским приветом. *Л. Назарова* 22.X.62 г.

28. *Пустовойт П. Г.* Тургеневская конференция // Научные доклады высшей школы. Филологические науки (М.). 1962. № 3. С. 171–174. Отд. отт.

Глубокоуважаемому Анатолию Ивановичу Батюто от автора. 2.X.62 г.

29. *Серман И. З.* О поэтике Ломоносова (Эпитет и метафора) // Литературное творчество М. В. Ломоносова. Исследования и материалы / Академия наук СССР. Институт русской литературы (Пушкинский Дом). М.; Л., 1962. С. 101–132. Отд. отт.

Анатолию Ивановичу Батюто с искренним уважением. *И. Серман.* 22.V.62 г.

30. *Муратов А. Б.* И. С. Тургенев, Н. В. Шелгунов и Л. П. Блюммер (Об идейном смысле образа Потугина в романе Тургенева «Дым») // Вестник ЛГУ. Сер. истории, языка, литературы. 1964. № 20. Вып. 4. С. 67–76.

Анатолию Ивановичу Батюто с глубоким уважением на суд. *Муратов.* 20.XI.

31. *Чистова И.* О прототипе главного героя романа И. С. Тургенева «Новь» (Из творческой истории романа) // Русская литература (Л.). 1964. № 4. С. 174–177. Отд. отт.

Анатолию Ивановичу Батюто с уважением от автора. *Чистова* 21.I.65.

32. *Назарова Л. Н.* И. Е. Забелин (Письма к И. С. Тургеневу) // Тургеневский сборник. Материалы к Полному собранию сочинений и писем И. С. Тургенева. I / АН СССР / Институт русской литературы (Пушкинский Дом). М.; Л., 1964. С. 379–382. Отд. отт.

Анатолию Ивановичу Батюто с дружескими чувствами от Л. Назаровой 7.V.65 г.

33. *Муратов А. Б.* Роман И. С. Тургенева «Дым». АКД / ЛГУ им. А. А. Жданова. Л., 1964. 19 с.

Анатолию Ивановичу Батюто с симпатией и глубоким уважением. *Муратов* 26.II.64

34. *Бронь Т. И.* Испанские цитаты у Тургенева // Тургеневский сборник. Материалы к Полному собранию сочинений и писем И. С. Тургенева. I. М.; Л., 1964. С. 303–312.

Испанцы врут — мужчина не должен быть свиреп. Пожалуйста, лучше пусть — нежен (с незадачливым автором). 7.V.65

35. О романе «Два поколения» (Послесловие Л. Н. Назаровой) // Лит. наследство. Т. 73. Кн. первая. М., 1965. С. 52–58. Отд. отт.

Анатолию Ивановичу Батюто с уважением и дружеским приветом от Л. Назаровой. 31.III.65 г.

36. *Левин Ю. Д.* [И. С. Тургенев] // Шекспир и русская культура / Под ред. М. П. Алексеева. АН СССР. Инсти-

тут русской литературы (Пушкинский Дом). М.; Л., 1965. С. 450–472. Отд. отт.

Дорогому Анатолию Ивановичу Батюто в знак искреннего уважения от автора. *Ю. Левин.* 3 февраля 1966 г.

37. *Yukihiko Kaneko*. On a Fatalist. Repr. from Hitotsubashi journal of arts and sciences. Vol. 5. No 1 January 1965 (Hitotsubashi University Kunitachi, Tokyo Japan) Separatum

Уважаемому г-ну Пачуто Юкихико Канэко. 9 IX 1967 г.

38. *Сандомирская В. Б.* Глава третья. 50–60-е годы // Пушкин: Итоги и проблемы изучения / Коллективная монография под ред. Б. П. Городецкого, Н. В. Измайлова, Б. С. Мейлаха. М.; Л., 1966. С. 50–77. Отд. отт.

Дорогому Анатолию Ивановичу Батюте. По поводу Тургенева и Пушкина. От *В. Сандомирской.* Май 1969

39. *Ден Т. П.* Тургенев и Шиллер // Фридрих Шиллер. Статьи и материалы / Академия наук СССР / Институт мировой литературы им. А. М. Горького. М., 1966. С. 78–89. Отд. отт.

Дорогому Анатолию Ивановичу Батюто с дружеским приветом. 4 июня 1966 *Т. Ден*

40. *Назарова Л. Н.* Тургенев в полном издании (К завершению академического собрания сочинений и писем И. С. Тургенева) // Русская литература (Л.). 1968. № 3. С. 131–142. Отд. отт.

Дорогому Анатолию Ивановичу Батюто на память о многолетней совместной работе от *Л. Назаровой* 14.XI.68 г.

41. *Буданова Н. Ф.* Творческая история романа И. С. Тургенева «Новь» / Академия наук СССР. Институт русской литературы (Пушкинский Дом). АКД. Л., 1969. 18 с.

Дорогому Толе, моему уважаемому соавтору по «Нови», с чувством искренней симпатии и с надеждой, что он снисходительно примет этот опус. *Н. Буданова*. 21.IX.69

42. *Монахов Н. Н.* Из истории русской эстетической мысли. Н. Н. Кудрявцев // Русская литература (Л.). 1969. № 1. С. 96–111. Отд. отт.

Анатолию Ивановичу Батюто — дружески. 25.VI.70 *Монахов*

43. *Ветловская В. Е.* Риторика и поэтика (утверждение и опровержение мнений в «Братьях Карамазовых» Достоевского) // Исследования по поэтике и стилистике / Академия наук СССР. Институт русской литературы (Пушкинский Дом). Л., 1972. С. 163–184. Отд. отт.

Дорогому Анатолию Ивановичу Батюто с уважением и благодарностью. 6.III.73 г.

44. *Фридлендер Г. М.* У истоков «почвенничества» (Ф. М. Достоевский и журнал «Светоч») // Известия АН СССР. Сер. литературы и языка. Т. XXX. М., 1971. Вып. 5. Сент.-окт. С. 400–410. Отд. отт.

Глубокоуважаемому Анатолию Ивановичу Батюте на добрую память. *Г. Фридлендер* 26.III.72

45. *Ветловская В. Е.* Достоевский и поэтический мир Древней Руси (Литературные и фольклорные источники «Братьев Карамазовых») // Зборник за Славистику број. 1972. № 3. С. 9–21. Отд. отт.

Дорогому Анатолию Ивановичу Батюто с сердечным приветом и лучшими пожеланиями. *В. Ветловская* 25.XI.73 г.

46. *Кузьмина Л. И.* И. С. Тургенев и русские художники. АКД / ЛГУ им. А. А. Жданова. Л., 1974. 25 с.

Милому Толе Батюто — строгому судье, знатному тургеневеду и, конечно же, интересному мужчине с сердечной симпатией. *Л. Кузьмина.* 30.IV.74

47. *Сандомирская В. Б.* «Андрей Шенье» // Стихотворения Пушкина 1820–1830-х годов. История создания и идейно-художественная проблематика. Л., 1974. С. 8–34. Отд. отт.

Дорогому Анатолию Ивановичу Батюте, дружески. *В. Сандомирская.* 6 июня 1975

48. *Фридлендер Г. М.* О героической теме в повестях и романах И. С. Тургенева // Современные проблемы литературоведения и языкознания / АН СССР. Отд-ние литературы и языка. М., 1974. С. 273–279. Отд. отт.

Дорогому Анатолию Ивановичу Батюто от автора. *Г. Фридлендер* 10.IV.75

49. *Генералова Н. П.* Философская основа лирики Шелли // Известия АН СССР. Сер. литературы и языка. Т. XXXIV. № 5. М., 1975. С. 426–438. Отд. отт.

Считайте, дорогой Анатолий Иванович, что я обиделась на Белинского и Тургенева за Шеллинга… а он, может быть, не такой уж был и «романтик» (в «первом» значении). *Н. Генералова* 8.6.86

P. S. Между прочим, «ваш» Гегель много чего стащил у Шеллинга.

50. *Муратов А. Б.* Повесть И. С. Тургенева «Песнь торжествующей любви» // Studia Slavica Hung. XXI. 1975. S. 123–137. Separatum

Дорогому Анатолию Ивановичу Батюто с огромным уважением и симпатией. *Муратов* 6.II.80

51. *Муратов А. Б.* Рассказ Тургенева «Странная история» // Studia Slavica Hung. XXIV. 1978. S. 349–368. Separatum

Дорогому Анатолию Ивановичу Батюто на добрую память от Муратова. 6.II.80

52. *Власова З. И.* Русские и болгарские припевки к гаданию // Русско-болгарские фольклорные и литературные связи. В 2 т. / АН СССР. Институт русской литературы (Пушкинский Дом); Болгарская АН. Институт литературы. Л., 1976. Т. 1. С. 95–119. Отд. отт.

Замечательному «литератору» и очаровательнейшему из мужчин ИРЛИ А. И. Батюто с самыми добрыми пожеланиями. *Власова*

53. *Мельник В.* Источник одной реплики Базарова // Русская литература (Л). 1977. № 1. С. 173–175.

Глубокоуважаемому Анатолию Ивановичу Батюто с признательностью за помощь дарит автор свою первую заметку. *В. Мельник*

54. *Крайнева И. И.* Полезная книга бельгийской исследовательницы // Русская литература (Л.). 1979. № 3. С. 227–231. Отд. отт.

Анатолию Ивановичу с глубоким уважением от начинающего автора. *И. Крайнева.* 25.1.80

55. *Эльзон М. Д.* Новые материалы о Герцене и Тургеневе // Русская литература (Л.). 1979. № 3.С. 184–193.

Уважаемому Анатолию Ивановичу Батюто от публикатора. *М. Эльзон* 20 X 79

56. *Муратов А.* О философских взглядах И. С. Тургенева // Zeszyty naukowe. Nauki humanistyczne. Ser. A. Zes. III. Siedlce, 1977. S. 74–92. Separatum

Дорогому Анатолию Ивановичу Батюто на строгий суд от автора, который здесь развивает некоторые идеи книги «Тургенев-романист». *Муратов* 5.II.80

57. *Никитина Н. С.* К вопросу о трактовке финала «Истории одного города» М. Е. Салтыкова-Щедрина // Studia Slavica Hung. XXVII. 1981. S. 177–189. Separatum

Дорогому Анатолию Ивановичу Батюто с глубоким уважением и другими добрыми чувствами и теплыми пожеланиями — *Н. Никитина* 10.IV.83

58. *Генералова Н. П.* Проблема точности в литературоведении и понятие символического образа // Методологические вопросы науки о литературе. Сб. научн. тр. / под ред. А. С. Бушмина и А. Н. Иезуитова / АН СССР. Институт русской литературы (Пушкинский Дом). Л., 1984. С. 199–217. Отд. отт.

Дорогой Анатолий Иванович! Вы написали ве-ли-ко-лепну-ю книгу о Тургеневе — цельную, глубокую, полемичную, страстную — лучшую, я думаю, в нашем тургеневедении. Вот пример для подражания — жаль только, что пороху не хватит

подражать… Вот Вы уже наверняка подумали, что я хочу Вам польстить, недоверчивый Вы человек, а я всегда была влюблена в Базарова, а теперь поняла за что.

Но это «лирика», а Ваша книга — реальный факт. Спасибо Вам огромное от души!

И ещё один (*грустный*) факт — настоящим учёным может быть только мужчина. Вот Вам и эмансипация… *Н. Генералова* 8.6.86

P. S. Кажется, получилось почти «романтическое» послание, но я действительно восхищена Вашей книгой!

II

1. Тургеневский сборник / под ред. А. Ф. Кони. Пб.: Кооперативное изд-во литераторов и ученых, 1921. 207 с.

Экслибрис БИБЛИОТЕКА Л. А. Дмитриева

А. Батюто 13.X.59

2. И. А. Гончаров и И. С. Тургенев. По неизданным материалам Пушкинского Дома / с предисл. и примеч. Б. М. Энгельгардта. Пб.: Academia, 1923. 108 с.

На фронтисписе на обороте фотографии И. А. Гончарова: Л. Дмитриев 22.3.48 г.

На обложке: Л. Дмитриев 22.3.48 г.

Экслибрис БИБЛИОТЕКА Л. А. Дмитриева

А. Батюто 13.X.59

3. Русские пословицы и поговорки / Научн. ред. и вступит. ст. Л. В. Домановского. Л., 1956. 423 с.

Дорогому Анатолию Батюто с дружбой и уважением *Л. Домановский* 20.III.57

4. *Рейсер С. А.* Происхождение языка и искусства. Поэтический язык. Стих. Литературные направления: Материалы к курсу «Введение в литературоведение». Метод. пособие для студентов заочного отд-ния. Вып. 2 / Ленингр. гос. библ. ин-т им. Н. К. Крупской. Л., 1960. 96 с.

Дорогому Анатолию Ивановичу Батюто — дружески. *С. Р.* 27.X.60

5. *Пустовойт П. Г.* Роман И. С. Тургенева «Отцы и дети» и идейная борьба 60-х годов XIX века. М., 1960. 328 с.

Дорогому Анатолию Ивановичу Батюто с пожеланиями творческих успехов П. Пустовойт 21.X.60

6. *Бялый Г.* Тургенев и русский реализм. М.; Л., 1962. 247 с.

Дорогому Анатолию Ивановичу Батюто с сердечным дружеским приветом от автора 10.IX.62

7. *Бялый Г.* Роман Тургенева «Отцы и дети». М.; Л., 1963. 138 с.

Дорогому Анатолию Ивановичу Батюто — книжку-малышку — от автора на добрую память. *Г. Б.* 14.II.64

8. Межвузовский тургеневский сборник. Ученые записки. Т. 17 / Орловский гос. пед. ин-т. Орел, 1963. 289 с.

Батюто А. И. от одного из авторов. *Ефимова* 13.XI.63

9. Ученые записки. Т. 23. Исследования о русских писателях / Орловский гос. пед. ин-т. Орел, 1964. 338 с.

Батюто Ан. И. от одного из авторов. *Ефимова* 1964, октябрь

10. *Пустовойт П. Г.* Роман И. С. Тургенева «Отцы и дети». Литературный комментарий: Пособие для учителя. М., 1964. 206 с.

Глубокоуважаемому Анатолию Ивановичу Батюто с наилучшими творческими пожеланиями. *П. Пустовойт.* 15.VII. 64

11. *Винникова И.* И. С. Тургенев в шестидесятые годы (Очерки и наблюдения) / под ред. проф. Е. И. Покусаева. Саратов, 1965. 115 с.

Многоуважаемому Анатолию Ивановичу Батюто с сердечным приветом от автора. 18.II.1966

12. *Серман И. З.* Поэтический стиль Ломоносова. М.; Л., 1966. 259 с.

Анатолию Ивановичу с уважением и дружбой. *И. Серман* 5.IV.66

13. *Громов В.* Здравствуй, город Тургенева. Литературные очерки Орла. Тула, 1967. 148 с.

Дорогому Анатолию Ивановичу Батюто с приветом от земляка нигилиста Базарова. *В. Громов* 3.XI.67 г. Орел

14. Русский советский фольклор: Антология / Сост. и примеч. Л. В. Домановского, Н. В. Новикова, Г. Г. Шаповаловой; под ред. Н. В. Новикова и Б. Н. Путилова. Л., 1967. 190 с.

Хорошему Бате очень дружески от многострадального составителя Г. Шаповаловой 5.IX.67

15. *Ямпольский И.* Н. Г. Помяловский. Личность и творчество. М.; Л., 1968. 267 с.

Анатолию Ивановичу Батюто с приветом *И. Ямпольский* 6 марта 1968

16. Второй межвузовский тургеневский сборник. Ученые записки. Т. 51 / Курский гос. пед. ин-т. Орел, 1968. 227 с.

Дорогому Анатолию Ивановичу Батюто на добрую память об участниках — *Л. Назаровой* 28.XI.68 Ленинград

17. *Рейсер С. А.* Палеография и текстология нового времени. М., 1970. 336 с.

Дорогому Анатолию Ивановичу Батюто — дружески. *С. Р.* 6.II.71

18. *Вильчинский В. П.* Николай Филиппович Павлов. Жизнь и творчество. Л., 1970. 182 с.

Анатолию Ивановичу Батюто на добрую память. *В. Вильчинский*

19. *Батюто А.* Тургенев-романист. Л., 1972. 389 с.

(*на форзаце слева*) 1 апреля 1972 г. Пропивала эту книгу *Н. Буданова*

Л. Дмитриев

Инна <Битюгова> (Толя, дружище, я пьяна!)

Л. Емельянов

Г. Галаган

Ю. Медведева

А. Батюто

Толя, я тебя люблю. Ты действительно хороший человек. *М. Кондратьев*

(*на форзаце справа*) «Накануне» воскресенья «Отцы и дети» перепились в «Дворянском гнезде» в «Дым»

1.4.72 *Л. Емельянов*

Коллекционер А. Алексеев любит Тольку и клянется в этом в столь торжественный день *А. Алексеев*

Батюто! Эту <книгу> (т.е. данный экземпляр) сделал тебе я! *Л. Дмитриев*

«Плюй на все и торжествуй!» *Н. Б<уданова>* (Достоевский)

При всем отчаяньи жизни бакалейщиков принимать нельзя *Галаган*

20. *Вацуро В. Э., Гиллельсон М. И.* Сквозь «умственные плотины». Из истории книги и прессы пушкинской поры. М., 1972. 319 с.

(*слева на форзаце*) Неизданный фрагмент из «Фауста»

Мефистофель:

Любезный Фауст, хоть не явный!
С приязнью прочной, стародавной
Преподношу Вам этот плод
Буквально дьявольских хлопот.
Мой дух хоть сумрачен и злобен,
Как говорят у вас, нечист,
Всё ж оценить он был способен,
Что есть «Тургенев-романист».

Подготовил к печати В. Вацуро

(*справа на форзаце*) Дорогому Анатолию Ивановичу Батюто с благодарностью и давней приязнью, еще со времен «Первой Конной» *В. Вацуро* 5.1.72

21. *Муратов А. Б.* И. С. Тургенев после «Отцов и детей» (60-е годы). Л., 1972. 144 с.

Дорогому Анатолию Ивановичу Батюто в знак глубокого уважения *Муратов* 18.VI.72

22. *Маймин Е. А.* Опыты литературного анализа. М., 1972. 207 с.

Дорогому Толе Батюто, с дружеским приветом *Е. Маймин* 21 июля 1972 г.

23. *Ямпольский И. Г.* Сатирические и юмористические журналы 1860-х годов. Л., 1973. 168 с.

Уважаемому Анатолию Ивановичу Батюто с лучшими пожеланиями *И. Ямпольский* 11 ноября 1973

24. *Дмитриев Л. А.* Житийные повести Русского Севера как памятники литературы XII–XVII вв. Эволюция жанра легендарно-биографических сказаний. Л., 1973. 304 с.

Дорогому Толе с любовью от Льва. 27.IX. 73 г.

25. *Бялый Г. А.* Русский реализм конца XIX века. Л., 1973. 168 с.

Дорогому Анатолию Ивановичу Батюто на добрую память от автора 23.X.73

26. *Ямпольский И.* Середина века: Очерки русской поэзии 1840–1870 гг. Л., 1974. 350 с.

Анатолию Ивановичу Батюто на добрую память. *И. Ямпольский* 2 дек. 1974

27. *Бухштаб Б. Я.* А. А. Фет. Очерк жизни и творчества. Л., 1974. 135 с.

Многоуважаемому Анатолию Ивановичу Батюто с приветом автор. 21.XI.74

28. *Смирнов В. Б.* Литературная история «Отечественных записок» 1868–1884: Учеб. пособие / Перм. гос. пед. ин-т. Пермь, 1974. 314 с.

Многоуважаемому Анатолию Ивановичу Батюто с благодарностью за внимательное прочтение статьи. *В. Смирнов* 9.VII.74

29. Проблемы формирования реализма в русской и зарубежной литературе XIX–XX веков. Вып. 2. Сб. статей. Саратов, 1975. 132 с.

Анатолию Ивановичу Батюто с сердечным саратовским приветом. *И. Винникова* 21.III.75

30. Творчество Н. С. Лескова: Научн. тр. Т. 76 (169) / Курский гос. пед. ин-т. Курск, 1977. 139 с.

Дорогому Анатолию Ивановичу Батюто с искренним приветом от *В. Громова.* 10.IV.78 г. Орел

31. *Ветловская В. Е.* Поэтика романа «Братья Карамазовы». Л., 1977. 199 с.

Дорогому Анатолию Ивановичу Батюто с глубоким уважением и самыми лучшими пожеланиями от автора *В. Ветловская* 31.III.77

32. Русская журналистика в литературном процессе второй половины XIX века: Сб. научн. тр. / Перм. гос. пед. ин-т; Башкир. гос. пед. ин-т. Пермь, 1978. 86 с.

Многоуважаемому Анатолию Ивановичу Батюто с первомайским приветом и благодарностью за внимательное прочтение опубликованной здесь статьи *В. Смирнов* 29.4.79

33. *Рейсер С. А.* Основы текстологии. 2 изд. Л., 1978. 176 с.

Дорогому Анатолию Ивановичу Батюто — с искренним приветом. *С. Р.* 13.XI.78 Л<енингра>д

34. *Назарова Л. Н.* Тургенев и русская литература конца XIX–начала XX в. Л., 1979. 201 с.

Дорогому Анатолию Ивановичу Батюто на память о долголетней совместной работе в Тургеневской группе. С уважением *Л. Назарова* 23.VII. 79 г.

35. Л. Н. Толстой и русская литературно-общественная мысль. Л., 1979. 296 с.

Дорогому Анатолию Ивановичу Батюто с самыми добрыми, самыми лучшими пожеланиями. 18.X.79 *Г. Галаган*

36. *Егоров Б.* О мастерстве литературной критики. Жанры. Композиция. Стиль. Л., 1980. 318 с.

Многоуважаемому Анатолию Ивановичу Батюто, коллеге по шестидесятникам, для справок *Б. Е.* 1.VII.81

37. *Галаган Г.Я.* Л.Н. Толстой. Художественно-этические искания. Л., 1981. 174 с.

Дорогому Анатолию Ивановичу Батюто — с самыми добрыми чувствами и пожеланиями. *Г. Галаган* 1.X.81

38. *Лихачев Д.С.* Литература — реальность — литература. Л., 1981. 215 с.

Дорогому Анатолию Ивановичу Батюто с приветом *Д. Лихачев* 8.III.81

39. *Лебедев Ю.В.* Роман И.С. Тургенева «Отцы и дети»: Пособие для учителя. М., 1982. 144 с.

Дорогому Анатолию Ивановичу Батюто с глубоким уважением и чувством духовного родства. *Ю. Лебедев* 2.06.1982 г. Кострома

40. *Рейсер С.А.* Русская палеография нового времени (Неография). М., 1982. 136 с.

Дорогому Анатолию Ивановичу Батюто — с сердечным приветом. *С. Р.* 2.XII.82

41. *Егоров Б.Ф.* Литературно-критическая деятельность В.Г. Белинского. Пособие для учителя. М., 1982. 175 с.

Многоуважаемому Анатолию Ивановичу Батюто — книгу если и не о Тургеневе, то «почти». *Б. Е.* 13.VII.82

42. *Егоров Б.Ф.* Борьба эстетических идей в России середины XIX века. Л., 1982. 269 с.

Многоуважаемому Анатолию Ивановичу Батюто, на которого ссылаюсь здесь. *Б. Е.* 23.IV.82

43. *Мостовская Н.Н.* И.С. Тургенев и русская журналистика 70-х годов XIX века. Л., 1983. 215 с.

Дорогому Анатолию Ивановичу Батюте, прекрасному тургеневеду, с уважением и неизменно добрыми чувствами. *Н. Мостовская* 24.IV.1983

44. Творчество И.С. Тургенева: Сб. научн. тр. / Курский гос. пед. ин-т. Курск, 1984. 210 с.

Дорогому Анатолию Ивановичу Батюто с глубоким уважением от В. Г<ромова>. 3.II.86 г. Ленинград

45. *Громов В.* Писатель и критика. Тула, 1985. 297 с.

Дорогому Анатолию Ивановичу Батюто от автора 11.VIII.86 г. Орел

46. *Муратов А. Б.* Тургенев-новеллист (1870–1880-е годы). Л., 1985. 119 с.

Дорогому Анатолию Ивановичу Батюто с глубоким уважением и на добрую память. *Муратов* 28.X.85

47. Соломон Абрамович Рейсер (К 80-летию со дня рождения): Библиогр. указатель / Сост. Ю. В. Маретин; отв. ред. Б. Ф. Егоров. Л., 1985. 30 с.

На титуле: Дорогому Анатолию Ивановичу Батюто — очень дружески. *С. Р.* 16.IV.86

На обложке: Дорогому Анатолию Ивановичу Батюто — дружески. *С. Р.* 1.V.86

48. Переписка И. С. Тургенева: В 2 т. М., 1986. Т. 1. 607 с.; Т. 2. 543 с.

На авантитуле Т. 1

Дорогому Анатолию Ивановичу Батюто с уважением и дружескими чувствами

Л. Назарова Н. Мостовская Т. Голованова Е. Кийко Н. Никитина

21.1.87

49. *Белопольский В. Н.* Достоевский и философская мысль его эпохи. Концепция человека / отв. ред. В. В. Курилов. Ростов н/Д, 1987. 207 с.

Глубокоуважаемому Анатолию Ивановичу Батюто на добрую память от автора. *В. Белопольский*

20.6.88

50. *Ветловская В.* Роман Ф. М. Достоевского «Бедные люди». Л., 1988. 208 с.

Анатолию Ивановичу Батюто на добрую память и с лучшими пожеланиями. *В. Ветловская* 28.X.88

51. *Горелов А. А.* Н. С. Лесков и народная культура. Л., 1988. 296 с.

Анатолию Ивановичу Батюто — с уважением к его многообразным добротным трудам. *Ал. Горелов* 30.VI.88

52. *Головко В. М.* Художественно-философские искания позднего Тургенева (изображение человека) / Научн. ред. Г. К. Щенников. Свердловск, 1989. 169 с.

Глубокоуважаемому Анатолию Ивановичу Батюто, прекрасные исследования которого всегда служат образцом для автора этой книги. *В. Головко* 1 августа 1991 г.г. Ставрополь

53. *Зажурило В. К., Кузьмина Л. И., Назарова Г. И.* «Люблю тебя, Петра творенье…» Пушкинские места Ленинграда. Л., 1989. 271 с.

Толя! Поправляйся поскорее. *Л. Кузьмина* 10.V.90

54. *Гумилёв Н.* Стихотворения и поэмы. М., 1989. 461 с.

Дорогому Анатолию Ивановичу Батюто на память об уже давних добрых отношениях. *М. Эльзон.* 5 XII 89

55. И. С. Тургенев. Вопросы биографии и творчества / отв. ред. Н. Н. Мостовская, Н. С. Никитина. Л., 1990. 218 с.

Дорогому Анатолию Ивановичу Батюто на добрую память от друзей-тургеневедов

Л. Назарова

Н. Мостовская

Е. Кийко

Н. Никитина

Трофимова

Данилевский

Г. Тиме

56. *Бердяев Н. А.* Судьба России. М., 1990. 256 с. 18.IX. 1990 г.

Дорогому другу моему Толе, честнейшему человеку, в светлый день его рождения — книга с глубокими размышлениями на волнующую нас обоих тему. *Инна Б<итюгова>*

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН ДАРИТЕЛЕЙ

Алексеев А. Д. (ПД, 396) II 19
Белопольский В. Н. (род. 1933) литературовед, достоевист II 49
Берков П. Н. (ПД, 405) I, 11
Бессонов Б. Л. (ПД, 406) I 17
Битюгова И. А. (ПД, 406) I 20; II 19, 56
Бронь Т. И. (ПД, 410) I 34
Буданова Н. Ф. (ПД, 410) I 41; II 19
Бухштаб Б. Я. (литературовед, библиограф, критик) II 27
Бялый Г. А. (ПД, 413) I 21; II 6, 7, 25
Вацуро В. Э. (ПД, 414–415) II 20
Ветловская В. Е. (ПД, 416) I 43, 45; II 31, 50
Вильчинский В. П. (ПД, 417) II 18
Винникова И. А. (саратовский литературовед) II 11, 29
Власова З. И. (ПД, 419–420) I 52
Высоцкая Л. М. I 2
Габель М. О. (1893–1981) харьковский литературовед, библиограф, книговед I 6
Галаган Г. Я. (ПД, 421–422) II 19, 35, 37
Генералова Н. П. (ПД, 422–423) I 49, 58
Голованова Т. П. (ПД, 426) I 22; II 48
Головко В. М. (род. 1944) литературовед, профессор Северо-Кавказского федерального университета II 52
Горелов А. А. (ПД, 428) II 51
Громов В. А. (орловский писатель, критик, журналист, краевед, педагог, литературовед) II 13, 30, 44, 45
Данилевский Р. Ю. (ПД, 434–435) II 55
Ден Т. П. (ПД, 436) I 4, 39
Дмитриев Л. А. (ПД, 437–438) II 1, 2, 19, 24
Домановский Л. В. (ПД, 439) II 3
Егоров Б. Ф. II 36, 41, 42
Емельянов Л. И. (ПД, 442) II 19
Ершов Л. Ф. (ПД, 443–444) I 1
Ефимова Е. II 8, 9

Измайлов Н. В. (ПД 449–451) I 8, 9
Капелюш Б. Н. I 7
Кийко Е. И. (ПД, 454) II 48, 55
Кондратьев М. Д. (ПД, 459) II 19
Крайнева И. И. I 54
Кузьмина Л. И. (ПД, 465) I 46; II 53
Лебедев Ю. В. (род. 1940) костромской литературовед, тургеневед II 39
Левин Ю. Д. (ПД, 469) I 36
Лихачев Д. С. (ПД, 470–471) II 38
Маймин Е. А. псковский литературовед, прозаик II 22
Малахов С. А. (ПД, 477) I 24
Медведева Ю. А. врач-невропатолог II 19
Мельник В. И. (гончаровед, критик, эссеист) I 53
Монахов Н. Н. (ПД, 488) I 42
Мостовская Н. Н. (ПД, 489) II 43, 48, 55
Муратов А. Б. I 18, 30, 33, 50, 51, 56; II 21, 46
Назарова Л. Н. (ПД, 492) I 3, 10, 15, 16, 19, 27, 32, 35, 40; II 16, 34, 48, 55
Никитина Н. С. (ПД, 494) I 57; II 48, 55
Пустовойт П. Г. (литературовед) I 28; II 5, 10
Рейсер С. А. (ПД, 512) I 26; II 4, 17, 33, 40, 47
Сандомирская В. Б. (ПД, 518) I 38, 47
Серман И. З. (ПД, 521) I, 12, 13, 29; II 12
Смирнов В. Б. (1937–2019) историк литературы и журналистики II 28, 32
Тиме Г. А. (ПД, 529) II 55
Титов А. А. (1921–1978) литературовед, исследователь творчества М. Ю. Лермонтова, прозаик I 23
Трофимова Т. Б. (ПД, 531–532) II 55
Фридлендер Г. М. (ПД, 537) I 44, 48
Хмелевская Е. М. (ПД, 538–539) I 5
Чистова И. С. (ПД, 543–544) I 31
Шаповалова Г. Г. (ПД, 544) II 14

Ширмаков П. П. (ПД, 546) I 25
Эйхенбаум Б. М. (ПД, 549–550) I 14
Эльзон М. Д. (1945–2006) литературовед и библиограф I 55; II 54
Ямпольский И. Г. (ПД, 552) II 15, 23, 26
Yukihiko Kaneko I 37

О чем поведали два стихотворения из домашнего архива

Публикация С. А. Батюто

В домашнем архиве нами обнаружены два стихотворения А. И. Батюто, связанные с кончиной Т. И. Бронь, — они датированы сентябрём и октябрём 1965 г. Никогда прежде они не публиковались.

1

Мятётся мысль в тоске бездомной
По древним склонам бытия.
А со стены глаза Мадонны
Всё смотрят, смотрят на меня.
А над лесами бабье лето
В ночи встречается с грозой…
И только мы — ни здесь, ни где-то —
Уже не встретимся с тобой.
Ещё хранят и помнят руки
Тепло доверчивое рук.
Теперь я знаю: нет разлук
Страшней негаданной разлуки.
Не знали мы в тот вечер волглый,
В час предзакатный редкой тьмы,
Что мы прощаемся надолго,

Что навсегда простились мы.
Кто дни твоих отмерил сроки?
И здесь сбылись веленья чьи?
Проснись, проснись, не будь далёкой,
Не отчуждайся, не молчи!
Но безответно стынет тело,
Всё устремлённое туда…
Уста сомкнулись навсегда,
Душа навеки отлетела.
О, если б смерть, хоть раз раздобрясь,
Смогла тропу к тебе забыть
И пощадить твой нежный образ,
Живую душу пощадить!..
Берёзы шепчут: помни, помни…
Ты, ещё внемлющий, внемли,
Как в гроб стучат сырые комья
Твоей безрадостной земли.
Внемли печальной песне ветра
О мраке вечного пути.
Там биллионы километров
И вам друг друга — не найти…
Прости-прощай! Один я снова,
Как пилигрим в чужом краю…
Кому повем печаль мою[1]
О невозвратности былого?
И вновь мечусь в тоске бездомной,
А из-за грани бытия
Твои глаза, глаза Мадонны
Всё так же смотрят на меня…
И будто нет нездешней глу́би;
Я не один в но́чи скорблю:
Они меня, как прежде, любят,
И я, как прежде, их люблю.
Сентябрь 1965

2

Пусть годы не несут забвенья
Всему, что было ты и я,
Что было счастливо мгновенье
На зыбких склонах бытия.
Октябрь 1965

В издании «Пушкинский Дом: Материалы к истории. 1905–2005» (СПб., 2005) Татьяне Ильиничне Бронь (1927–1965) отведено всего 14 строк. Окончив романское отделение ЛГУ (испанский язык и испанская литература) в 1950 г., она в 1950–1954 гг. работала в отделении ТАСС г. Хабаровска. В ИРЛИ она служила совсем недолго, с 1960 по 1965 г. Некоторое время трудилась в Рукописном отделе, а затем перешла в Тургеневскую группу. Знала несколько иностранных языков — испанский, французский, английский и латинский. Успела опубликовать две статьи в Тургеневских сборниках[2] и подготовить и прокомментировать письма Тургенева к его дочери П. Тургеневой-Брюэр, написанные на французском языке и опубликованные в серии Писем Полного собрания сочинений и писем И. С. Тургенева в 28-ми т. (Письма, т. V–X), а также к английскому политическому деятелю и писателю А. Дильку (Письма, т. VIII–IX).[3] Страдала от приступов стенокардии. Скоропостижная смерть в результате сердечного приступа 28 августа 1965 г. Татьяны Ильиничны была неожиданной для всех.

Была дружна с семьей Бухштабов — Борисом Яковлевичем Бухштабом (1904–1985), литературоведом и библиографом, преподававшим в ЛГБИ (ныне СПбГИК), и его женой Галиной Григорьевной Шаповаловой (1918–1996), фольклористом, работавшей в ИРЛИ. Бухштабы были в приятельских отношениях с Соломоном Абрамовичем Рейсером (1905–1989), профессором ЛГБИ

Т. И. Бронь. *Начало 1960-х годов*

(ныне СПбГИК), литературоведом, палеографом и текстологом, и его женой, Мальвиной Мироновной Штерн (1903–1992).

С Рейсером и Бухштабом Батюто связывали деловые и творческие отношения (последний готовил тексты и прокомментировал прозу Н. С. Лескова, опубликованную в т. 8 одиннадцатитомного Собрания сочинений писателя, выходившего в 1956–1967 гг. в Государственном издательстве художественной литературы (ГИХЛ); т. 8–1958 г.). И Бухштаб и Рейсер были членами редакции, в которую помимо них входили В. Г. Базанов, А. И. Груздев и Б. М. Эйхенбаум. Готовили и комментировали тексты других томов Б. Я. Бухштаб, И. З. Сер-

В Комарово, *сидят (слева направо)*: Г. Г. Шаповалова, Т. И. Бронь, её супруг, Б. Я. Бухштаб, М. М. Штерн. Снимал С. А. Рейсер (поэтому его нет в кадре). *1960-е годы*

ман, Б. М. Эйхенбаум, Л. В. Домановский, С. А. Рейсер и др. Так что оказаться в подобной компании профессионалов было весьма почётно. (Батюто, в ту пору начинающий литературовед, только в 1955 г. принятый по приглашению чл.- корр. М. П. Алексеева в Тургеневскую группу ИРЛИ, был автором 4-го заключительного раздела главы «Шестидесятые годы» в т. VIII академической «Истории русской литературы», вышедшем в 1956 г.)

Сохранившиеся в нашем личном архиве оттиски и отдельные работы Рейсера, Сермана, Эйхенбаума с инскриптами свидетельствуют об установившихся уже в то время их дружеских и уважительных отношениях с Батюто. Кстати, упомяну о характерной особенности

оттисков статей, методического пособия и нескольких изданий учебников по дисциплине «Палеография и текстология», подаренных отцу Рейсером. Не было случая, чтобы Соломон Абрамович не поправил вкравшихся в текст опечаток. Это отношение к тексту, — неважно, на какой стадии его создания и бытования — рукописи или уже готового печатного издания, — известного ученого-литературоведа и текстолога — пример высокого служения своему любимому делу.

...Сделаю небольшое отступление. С Соломоном Абрамовичем Рейсером связано уже у меня приятное воспоминание. Он имел непосредственное отношение к моему поступлению в Ленинградский государственный институт культуры им. Н. К. Крупской (ЛГИК) в 1972 г. С раннего детства я страдал сенсоневральной тугоухостью на оба уха (осложнение после перенесённого в трёхлетнем возрасте вирусного гриппа). Я упорно посещал занятия с сурдопедагогом (в школьные годы это происходило в детской поликлинике на наб. р. Фонтанки, 36, имевшей сурдологическое отделение; многолетний заведующий отделением — проф., д.м.н. И. З. Гиршгорн) и успешно адаптировался к обычной школе и не испытывал особых затруднений при общении с незнакомыми людьми. Занятия назывались «Чтение с лица»; обучаемый должен научиться понимать, что ему говорит сурдопедагог, без голоса. (Это совершенно иное, чем азбука немых. Высший пилотаж — когда педагог закрывает листом бумаги нижнюю часть лица, включая губы: обучаемый должен по мимике лица и контексту отгадать и понять, что именно говорит педагог. Самыми теплыми словами вспоминаю в связи с этим своего педагога уже из Института уха, горла, носа и речи (ЛОР НИИ) на Бронницкой ул. Татьяну Осиповну Малину.) Но перед сдачей вступитель-

ных экзаменов необходимо было пройти медкомиссию. Медкомиссии Большого университета и пединститута меня не пропускали: оба вуза по своему назначению готовили учителей для средних школ, что для меня было «противопоказано». Оставался Институт культуры. Председателем медкомиссии в институте была грозный доктор — Берта Львовна Халдей. Помню, она меня спрашивала с пристрастием, как я намереваюсь в будущем работать в библиотеке, где в основном сотрудники общаются с читателями на пониженных тонах, чтобы не мешать окружающим. Я ответствовал ей, что в обработке, систематизации и каталогизации общение с посторонними сводятся к минимуму. Добрый Соломон Абрамович, как мне представляется, знавший от отца об этой моей особенности, предупредил её, и комиссия допустила меня к сдаче экзаменов. Я сдал их успешно, получив заветные 19 баллов. «Проходной» для выпускников школ 1972 г., с учётом среднего балла по аттестату, была общая сумма 23 балла. То есть вступительные экзамены нужно было сдать на три оценки «отлично» и одну «хорошо». К этому прибавлялся средний балл по аттестату. (Фантастика!)

Будучи студентом I курса, я сдавал зачёт по дисциплине «Введение в литературоведение» профессору Соломону Абрамовичу Рейсеру, читавшему на нашем потоке этот курс и после зачёта передавшему через меня Анатолию Ивановичу большой привет, что вызвало оживление в аудитории.

…Но вернемся к нашей теме. Сохранилась выполненная Т. И. Бронь от руки справка:

Credo, quia absordim est — верю, потому что невероятно (нелепо) (*лат.*).

Источник выражения — трактат Тертуллиана (ок. 145–220) «О крови и плоти Христа».[4]

Ср. Verum est, quia absurdum est — разумно, потому что нелепо (*лат.*). Источник тот же.

---

[1] Первая строка зачина духовного стиха «Плач Иосифа, по продаже в Египет»:
Кому повем печаль мою,
Кого призову ко рыданию?
Токмо Тебе, Владыко мой,
Известна печаль моя…
(Калики перехожие: Сб. стихов и исследование П. Бессонова. Ч. 1. М.: В тип. А. Семена, 1861. С. 187)

[2] *Бронь Т. И.* 1) Испанские цитаты у Тургенева // Тургеневский сборник. Материалы к Полному собранию сочинений и писем И. С. Тургенева. I. М.; Л., 1964. С. 303–312; 2) Тургенев и его дочь Полина Тургенева-Брюэр // Тургеневский сборник. II. М.; Л., 1966. С. 324–338 (здесь же опубликованы два письма П. Тургеневой-Брюэр отцу от 9 июля 1881 г. и от 30 апреля 1883 г. на французском языке, хранящиеся в ИРЛИ).

[3] В Тургеневском сборнике III (Л., 1967) был опубликован запоздалый некролог Т. И. Бронь (с. 408).

[4] По уточнённым современным данным, годы жизни Тертуллиана — 160–240. Его сочинение — “De corpore Christi“ — «О теле Христовом» (*Бабичев Н. Т., Боровский Я. М.* Словарь латинских крылатых слов. 2 изд. М., 1986. С. 148).

Об одном неизвестном письме Ф. И. Седенко-Витязева к Ю. В. Леонтович

Публикация С. А. Батюто

В фонде Н. С. Ангарского (Кле́стова)[1] в РГБ в Москве хранится довольно интересный документ (РГБ ОР. Ф. 9. А. К. Карт. 2. Ед. хр. 136. Витязев Петр (Седенко Ферапонт Иванович). 1 л. Письмо к Леонтович Ю. В. (в «Книгоиздательство писателей в Москве»)).[2] Этим издательством в 1915–1917 гг. было выпущено трех-

томное собрание сочинений известного философа Владимира Викторовича Лесевича.[3]

Ферапонт Иванович Седенко (наиболее известный псевдоним — Петр Витязев; 1886–1938) после вологодской ссылки (где он находился с 1911 г.) в Петербурге в 1915 г. восстановился в Университете на юридическом факультете; начиная с апреля месяца, сдает экзамены, но уже в мае месяце политическую экономию пришлось отложить на осень: экзаменоваться «вне очереди» ему не разрешили. Здоровье также было неважно. Однако в декабре этого года он уже в действующей армии на Северном фронте. В 1917 г. он вновь оказывается в Петербурге, но в Университет не возвращается. С 1 апреля 1917 г. является членом правления издательства социалистов-революционеров «Революционная мысль», где наряду с Н. С. Русановым и А. А. Гизетти входит в состав редакции собрания сочинений П. Л. Лаврова. Подчеркнем особо — в качестве главного редактора. В 1917 г. успели выйти в свет первые четыре выпуска Собрания.

К сентябрю 1917 г. относится упомянутая почтовая открытка Ф. И. Седенко. Вот ее текст:

<Почтовый штемпель> 16.9.<19>17 Петроград

Милостивый государь! (1)

Я занят биографией Лаврова П. Л. Кроме того, состою редактором его сочинений. Очень прошу Вас сообщить мне, у кого я могу достать письма Лаврова к В. В. Лесевичу. Они мне крайне нужны. По использовании я их верну. Быть может, наследники пожертвуют их в комнату при «Обществе памяти борцов за свободу»? (2)

Жду скорого ответа — Петроград, Васил<ьевский> остров, 9 линия, дом № 20, кв. 3. (3) Ферапонту Ивановичу Седенко. Мой псевдоним — Петр Витязев.

Я писал о Лесевиче («Народная мысль» за 1915 г. № 1 (журнал) (4) и «Сев<ерные> Записки» за 1915 г. № 11–12 (5)).

Уважающий <Вас> *П. Витязев*

(*Л. 1. Автограф*)

1. Как явствует из примеч. 2 к преамбуле, издание было предпринято дочерью философа, Юлией Владимировной Леонтович (на титуле значилось: [изд. Ю. В. Леонтович]). Вероятно, это обстоятельство (кто именно скрывается за фамилией Ю. В. Леонтович) было неизвестно Ф. И. Седенко, поэтому в его послании фигурирует «Милостивый государь».

2. В марте 1917 г. было образовано Общество памяти декабристов. Целью этой общественной организации был сбор, сохранение и изучение свидетельств жизни и деятельности участников восстания 14 декабря 1825 г., а также публикация их сочинений, установление памятников и открытие музеев. Академия наук поддержала инициативу учреждения Общества дома-музея памяти борцов за свободу. 14 апреля 1917 г. газета социалистов-революционеров «Дело народа» опубликовала коллективное обращение (среди подписавших его были М. Горький и А. Керенский), а уже 22 мая 1917 г. в Академии наук состоялось учредительное собрание общества «Дом-музей памяти борцов за свободу» (председатель совета общества — С. А. Венгеров). Были собраны экспонаты, однако выставки сделано не было.

3. Дом под № 20 по 9-й линии Васильевского острова в Петербурге возведен в 1891–1892 гг. по проекту архитектора С. А. Баранкеева для купца Р. У. Вульфсона. В 1895–1898 гг. здесь жил художник В. П. Верещагин.

4. Имеется в виду: *Витязев П.* [*Седенко Ф. И.*]. Десять лет спустя // Народная мысль. 1915. № 1 (Ноябрь). С. 52–60.

5. Имеется в виду: *Витязев П.* [*Седенко Ф. И.*] Из писем В. В. Лесевича: [К десятилетию со дня смерти] // Северные записки. 1915. № 11–12 (ноябрь-декабрь). С. 245–251.

В следующем году было образовано Кооперативное книгоиздательское товарищество «Колос». Ф. И. Седенко-Витязев был бессменным председателем правления этого товарищества, действовавшего в Петрограде (Ленинграде) и Москве в 1918–1927 гг.; в регистрационных документах издательства, копии которых нам удалось обнаружить в ЛОГА, на 20 декабря 1918 г. (время регистрации устава товарищества) значится уже другой, более известный адрес Витязева на Петроградской стороне: Б. Зеленина ул., д. 7, кв. 37.[4] На 20 декабря 1919 г. адрес Витязева претерпел некоторые изменения (Колпинская ул., 20/7, кв. 26), т.е. дом остался прежним, но номер квартиры изменился — № 26.[5]

Таким образом, в публикуемом открытом письме содержится ранее неизвестный адрес Ф. И. Седенко-Витязева в Петрограде в 1917 г.

---

[1] *Ангарский* (наст. фамилия Кле́стов) Николай Семенович (1873–1941) — член РСДРП(б), литературный критик, партийный литератор, редактор. После Февральской (1917 г.) революции член Московского комитета РСДРП(б), Исполкома Моссовета, зав. отделом печати Моссовета. Одновременно с работой в Моссовете (до 1929 г.) в 1919–1922 гг. — редактор журнала «Творчество», в 1922–1924 гг. — редактор литературных сборников «Недра», с 1924 г. — руководитель издательства «Недра». В 1929–1931 гг. — торгпред СССР в Литве, в 1932–1936 гг. — торгпред СССР в Греции. С 1936 г. — председатель Всесоюзного внешнеторгового объединения «Международная книга». С 1939 г. работал в ИМЭЛ. Арестован 12 мая 1940 г. Обвинен в том, что в свое время являлся агентом царской охранки, а также агентом американской и английской разведки. 6 июля 1941 г. приговорен к высшей мере наказания. Расстрелян 27 июля 1941 г. в п. Коммунарка Московской обл. Посмертно реабилитирован в 1956 г.

В РГБ ОР в ф. 9 (Н. С. Ангарского) на шифре Ф. 9. Оп. 1. Карт. 1. А.К. 2/1–2 хранятся Литературные воспоминания («К истории Петербургского и Московского объединения писателей для издательской деятельности»). I–X. 1937–1938 гг. 113 л. (*Машинопись*). Заметим особо, что в тексте воспоминаний большое место уделено «Книгоиздательству писателей» в Москве и Петербурге (в 1911–1912 гг.).

[2] Кооперативное товарищество «Книгоиздательство писателей в Москве» действовало в 1912–1923 гг. (В. В. Вересаев, Б. К. Зайцев, В. А. Крандиевский, В. Л. Львов-Рогачевский, Н. Озерецкий, П. Н. Сакулин, С. С. Семенов, Н. Д. Телешов) (см.: Московские и ленинградские издатели и издательства двадцатых годов: Указатель. Ч. I. М., 1990. С. 59. № 307). *Леонтович* (Лесевич) Юлия Владимировна (1875–1959) — дочь В. В. Лесевича; выйдя замуж за юриста, писателя и мецената Леонтовича Владимира Николаевича (1866–1933), изменила фамилию; в 1915–1917 гг. по ее инициативе «Книгоиздательство писателей в Москве» предприняло издание собрания сочинений ее отца. Спонсором, вероятно, был В. Н. Леонтович.
[3] *Лесевич* Владимир Викторович (1837–1905) — русский философ, социолог. Имеется в виду изд.: *Лесевич В. В.* Собр. соч. Т. 1–3. М.: [изд. Ю. В. Леонтович] Книгоизд-во писателей в Москве, 1915–1917.
[4] См. подробнее: *Батюто С. А.* Кооперативное книгоиздательское товарищество «Колос» (1918–1927): Опыт исторической реконструкции деятельности. СПб.: Скифия-принт, 2018. Прил. С. 555, 563.
[5] Там же. С. 572.

Орловский дневник

(Международная научная конференция «Пушкин и Тургенев» в Санкт-Петербурге и Орле 6–11 сентября 1998 г.)

Публикация Б. Ф. Егорова

Посвящаю эту публикацию родившемуся в Орловской губернии Анатолию Ивановичу Батюто, большому любителю дневников и много времени и сил отдавшему на изучение творчества И. С. Тургенева.

Конференция была организована университетами (Санкт-Петербургский и Орловский) и Пушкинским Домом (ИРЛИ), участвовало много учёных из разных городов России (вплоть до Новосибирска), из Украины,

Польши, стран Западной Европы, США, Японии. Торжественно открывали в Петербурге университетские ректоры и директор ИРЛИ Н. Н. Скатов. На первом заседании присутствовал петербургский губернатор В. А. Яковлев. Должен ещё был присутствовать и орловский губернатор Е. С. Строев, но его вызвали на совещание к Б. Н. Ельцину.

С 8 сентября заседания переместились в Орёл.

7.IX. Вчера приехал в город с дачи. Сразу — на Мойку, 12. Там начало конференции «Пушкин и Тургенев». Гости: Альтшуллеры,[1] Вас. Щукин,[2] тот японец, что отвозил колокольчик.[3] Француз Аллен.[4] А где Чумаковы? Где А. Звигильский?[5]

Я отправился, зарегистрировавшись и поздоровавшись со всеми (да, я забыл назвать Ю. Манна!), за билетами в Киев — и обратные из Кишинёва на 10.X и из Москвы на 12.IX на «Аврору». Потом вернулся к шапошному разбору, попал на последний доклад — Марковича.[6]

Вас. Щукин хотел свидания, но я отказал ему — много дел. Увидимся ещё.

Дома собирался и расчищал завалы. Сегодня опять в 11 часов, но уже в главном здании ун-та, в Петровском зале — над ректоратом. Надутые щечки губернатора Яковлева,[7] живая ректорша Л. Вербицкая,[8] Н. Н. Скатов; директор Орловского музея,[9] зачитавшая письмо Строева[10] (он должен был быть на открытии, но сегодня Б. Ельцин собирает их всех — и наш губернатор тоже должен бы присутствовать), пламенный болтун Громов[11] из Орла — кажется, он теперь ректор Орловского ун-та. Вёл торжественную часть В. М. Маркович, председатель оргкомитета. Толпа телевизионщиков.

Я уговорил Васю пойти после торжественной части в ИРЛИ. С нами и Марк Альтшуллер. Потом догнал

Н. Н. Скатов, с яростью клеймивший Ельцина. В данном случае не без основания. Но симпатии у Н. Н. ...

Представил Васю Д. С. Лихачеву, оказавшемуся в Пушк. Доме (Д. С. должен был быть тоже на открытии, не пошёл). То ли сделал вид Д. С., то ли в самом деле помнит книгу — о русских дворянских усадьбах,[12] которую я от Васи преподнёс ему в прошлом году. Д. С. говорил о Спасском возвышенно: вместо травы на усадьбе растёт земляника!

После этого я — в БАН, на почту, домой. Дописываю, скоро на вокзал.

8.IX. Подъезжаем к Орлу. Хорошо проехали. Мне повезло: в купе немец,[13] голландец[14] и С. М. Некрасов, директор Пушкинского музея в Питере. Но С. М. вскоре ушёл в купе на двоих — с В. М. Марковичем, — и мы остались втроём. Как хорошо — не душно! Немец, который ныне из Кёльна — в Цюрих, всё расспрашивал меня про нынешнюю ситуацию в России. Потом начал зазывать в ресторан — я ему по-честному сказал о своей «любви» к ресторанам. Ушел один (голландец тоже отказался). А я перешёл в купе соседнее: Альтшуллеры, В. Щукин, Н. Жекулин,[15] и мы плодотворно проговорили весь вечер. Да — нам, оказывается, полагался ужин — заплачено. Так что были ещё и сыты за казённый счёт...

Немец — Юхан Петерс, голландец — Сандер Брауэр.

Встреча на вокзале. Постаревший Е. М. Конышев. Я предлагаю В. Щукину, который хочет со мной в Москву, сразу же взять билеты. Идём. И — как нарочно — только одна касса, и какой-то тип сдаёт целую пачку билетов. Несколько минут ждём, я послал В. Щукина сказать — хорошо, один автобус оставили. Билеты получили, Орёл — Москва купе 140 руб., фирменный местный поезд, 10-го. Значит, мы будем в столице в пятницу 11-го, в 6 утра.

Едем в гостиницу «Салют». Прекрасный одиночный номер. Телевизор, радио, холодильник, ванна, душ, есть горячая вода.

Завтрак в ресторане внизу. Затем краткая часовая экскурсия по городу. Обилие музеев, одних литературных чуть ли не 6: Тургенев, Лесков, Андреев, писатели-орловцы.[16] Что-то забыл или всего 4?

Сразу же и обед!

Затем начало конференции в обкоме, большой зал амфитеатром. Полон. Я поздоровался с Г. Б. Курляндской — она ещё вроде огурчиком, хотя ей за 80. Её первый доклад,[17] но я сбежал поспать.

Пришёл — нудноватый доклад И. В. Карташевой.[18] Давно её не видал, постарела. Но такая же филологиня. Ехала в поезде СПб. — Харьков, который на 20 мин. позже нашего. Выбитые окна, холодина, ну, и она не сомкнула глаз. За обедом она за нашим столом. Тоже 33 несчастья, Епиходов,[19] была у неё полостная операция, поэтому не может острого, и проч., и проч.

А сейчас энергично нудит Иезуитов. Тема-то у коммунистического деятеля — «Таинственные повести Тургенева». Да, старьё ещё трепыхается. Какой-то старикашка с женой. Кто это? Пустовойт!!

А в обед появился А. Звигильский. Пообщаюсь с ним.

Через одного — и мой доклад.[20] Дальше бы — вольный казак, но завтра я председательствую в первую половину дня, только во вторую удастся. Надо пойти в картинную галерею.

Приехала дама из Новосибирска[20] — Чумаковы не приедут, у Ю. Н., наверное, от волнения, сильно подскочило давление.

Общался с И. В. Столяровой. Дочь её, художник-прикладник по фарфору, из-за кризиса на фабрике сейчас без работы.

Прошёлся по магазинам. Началось и здесь выметание: нет кофе и чая, нет масла. Но ещё полно колбас — я купил коляску полукопчёной «Одесской» по 32 р., сыру «Эдам» по 32 р. — подарки в Москву. А дама в магазине, сын в Москве у неё: в Москве сахар 20 р., масло 50 р. И до каких пор? Значит, есть деньги и покупают?

Дошла очередь до меня. По-моему, живо говорил. По крайней мере — хлопали сильно. Критерий. А после непрерывные комплименты: «Единственный живой доклад», «Я проснулся на вашем докладе» и т.д. Приятно было.

9.IX. Вчера Альтшуллеры предложили к ним прийти, есть спиртное, колбаса и сыр. Я — с удовольствием. Решили ещё позвать В. Щукина.

Но до шмауса[22] ещё много протекло. Все в один голос шепчут, что доклады Курляндской и Иезуитова — чудовищный распад…

После конференции — приличный ужин, а после ужина поход в музей Тургенева. Замечательный: количество подлинных предметов потрясает. Хороший, живой рассказ директора музея Л. А. Балыковой. Отрывки из «Неосторожности» и «Месяца в деревне» силами местных артистов (академический театр!). Французская листовка, официальный документ с физическими данными Тургенева. Рост его — 1 м 81 см. Высокий, однако.

Из музея — в № 621, к Марку и Ел. Ник. Я — с шоколадкой и горой хлеба (попросил у официантки, она мне все собрала со столов, от денег отказалась). У хозяев бутылка водки и французское бренди «Наполеон» (на троечку). Я предложил водку не открывать, и мы немножко отхлебнули бренди.

Из всех рассказов самое интересное — о кузене Е. Н. (сын её тетки, сестры матери) Титкове. После раннесо-

ветских переделов, когда Львов отошёл к Польше, семья оказалась за рубежом, а в 1939 г. — в СССР. Юноша был в Польше подпольным коммунистом, а в 1939 г. его, как и других коммунистов, полусослали во Фрунзе, учиться в мед. ин-те, а по окончании — работать врачом в горах Киргизии. Но тут набор в польскую армию (просоветскую), он стал полковником; затем стремительная партийная карьера, глава Краковского воеводства, где он распустил колхозы; Бе́рут[23] его взял в Варшаву — зам. министра, но потом, при Гомулке,[24] вниз, затем отставка, т.к. был в партийных кругах чуть ли не диссидентом; «Солидарность», а при нынешней катавасии — опять против капитализма, ворчит, и проч. Судьба!

А днём раньше, ещё в поезде, судьба семьи Жекулиных. Деды — эмигранты; отец Глеб уже в Праге родился, а Николай — там же в 1946 г. В 1950-м бежали из Чехословакии в Австрию, во французскую зону оккупации, по поддельным документам, которые готовили какие-то благородные австрияки. Я горячо уговаривал Н. Г. Жекулина изложить эту детективную историю на бумаге, я бы напечатал в «Звезде»; он обещал поговорить с родителями, они до сих пор сдержанны, почти ничего не говорят — даже имя спасителя, хотя он уже умер. Вот как напугали!

Сегодня с утра мы в секции «Пушкин и Тургенев» председательствуем с Марком Альтшуллером. Я предложил — начало он, вторую половину — я. Первый доклад — А. Звигильского «Тургенев и Петр Долгоруков». Как всегда у А. Я., факты, факты, без обобщения. Т. е. отказался дать свою точку зрения, а то, что Тургенев терпеть не мог князя и явно подозревал его в делании письма к Пушкину от имени ордена рогоносцев, это не так интересно. Но всё-таки…

Вторая — Нина Дмитриева. Добротный рассказ о розе у Пушкина и Тургенева. А далее оказалось, что у нас вместо 10 докладов (я полуотказал Мариэтте Турьян,[25] которая хотела к нам перейти из соседней секции) всего 4!! Ну, ещё попросилась Тат. Ив. Печерская, приехавшая из Новосибирска.

Третьим шел В. А. Громов, с его пафосом, Марк предлагает мне занять кресло, а я ему срочно записку: мне пришла в голову идея — милой Нине, памяти ещё Льва Александровича, преподнести розу, поэтому пишу: «Мне очень хочется пойти купить розу для Н. Дмитриевой», а Марк принял эту записку как просьбу, чтобы он пошёл купить (магазин рядом), и отправился из аудитории. Я не знал — куда, занял место председателя, а через 10 мин. — Марк, да с целым букетом, три розы! Я, конечно, преподнёс, потом извинялся, что он не так меня понял, настаивал, чтобы он взял деньги, а Марк ни в какую! «Б. Ф., ну что мне три доллара??». Я сдался.

Конец был живой, много вопросов и выступлений. Рано кончили, до обеда ещё два часа. Я пошёл в художественный музей, который оказался рядом. Увы, всю классику они убрали в запасники, а все залы заняла выставка пейзажа — региональная, т.е. межрегиональная, современная, художники всей России. Самое интересное — Грицай[26] (он, кажется, москвич). «Приходите в октябре, всё опять расставим». Спасибо!

Прошёлся по магазинам. Купил полкило картофельного крахмала — есть ли у нас дома? Пока он ещё 9 р. 50 к. кг. А вот колбасы за сутки подскочили: вчера я за 32 р. кг покупал полукопчёную, а сегодня 32 р. уже сосиски…

Прошлись со Звигильским. Страшные рассказы […]. Но утешительно с музеем; т.к. мэр, ненавистник, жаждущий прихлопнуть музей, не успел оформить какие-

то «закрывающие» бумаги, музей получил невольно ещё пять лет сроку! Очень-очень отрадно.[27]

На послеобеденное заседание я пошёл лишь на первый доклад, Марка. Об обмене стихами Пушкина и Филарета. Марк серьёзно трактует ответ Пушкина и не хочет видеть тайного ехидства Пушкина, подписавшего и ответ, и самое эротическое своё стихотворение одной датой, 19 января.

А потом я пошёл поспать, собирался побродить, но как-то годы не те, решил отдохнуть: вот пишу, а потом почитаю пару часиков. Завтра в Спасском нагуляемся.

После ужина — экскурсии в музей Лескова (дом реальный) и в музей Бунина (дворянский дом — родных несостоявшейся жены Грановского, первой его невесты). По дороге и дом Грановского — тоже музей! Грановский, Киреевский, Писарев, Марко Вовчок. Но сюда мы уже не попали. И ещё — место, где стоял дом ген. Ермолова. Его снесли уже после войны, как ни протестовали краеведы; сейчас на этом месте громада Управления МВД.

Экскурсии, почти по часу каждая, в музеях Лескова и Бунина. Оба наполнены подлинными вещами и рукописями писателей. Лесковские — подарок вдовы Андрея Н. Лескова: прекрасная мебель пережила блокаду! Так её хранили. Вообще энтузиазм музейщиков, получающих гроши, вдохновляет. На таких праведниках Русь стоит. Лесковская тема.

А бунинские вещи — от вдовы из Парижа и ещё много подарков из отечества; у родственников хранился дореволюционный архив Бунина.

Ещё рассказ Звигильского про сына Марка: режиссерские работы стоят, денег нет на кино. Возит экскурсоводом французских туристов по Волго-Балту Москва — Питер. А бабушка, мать Тамары, живущая ныне

в Израиле, продала свою московскую квартиру и тем самым выгнала внука на улицу. Весело.

10.IX. Последний день в Орле. После завтрака есть полчаса, я прогулялся до «бахтинского» дома: ул. Горького (т.е. Садовая раньше), № 23. Большая мемориальная доска с бронзовым лицом М. М.: «На этом месте находилась усадьба Бахтиных, в котором 16 ноября 1895 г. родился Михаил Михайлович Бахтин (1895–1975) — выдающийся литературовед и философ, внесший значительный вклад в мировую культуру».

Музей Л. Андреева на окраинной улице. Сохранился. Кругом — типичный Старый Оскол.[28] Да и дом-музей. Только что покрупнее, 10 комнат. Сейчас освобождена половина, в остальных живут люди. Несколько подлинных вещей в музее, но не сравнить с Тургеневым и Лесковым.

Я наконец-то спросил: почему у Л. Андреева такой «южный» вид? Оказывается, бабка — цыганка! Крепостная у предводителя дворянства, забеременела, и он за деньги нашёл желающего жениться — деда Л. Андреева. Так что отец Леонида — полуцыган!

Спасское-Лутовиново. До чего хорошо в тихих аллеях. Как и раньше — горы яблок. У ворот — несколько ящиков яблок, каждый ест-жуёт. А потом мы — в сад. Деревья усыпаны, урожай велик. Антоновка ещё твёрдая, а вот красные — прелесть. Взял несколько, а дамы прямо сумками.

Идиотская идея — сделать два доклада в Спасском. На Пустовойте[29] я просто прогулял, а Н. Жекулина слушал. Толковый доклад. Н. Г. спрашивал меня об ударениях (говорит почти без акцента, а вот с ударениями ошибается); я удивился, что он дома по-чешски говорил с родителями и впервые стал изучать русский в 16 лет!

Я впервые добрался до «Авдюхина пруда». Это овраг уже за пределами усадьбы.

11.IX. Москва. Тяжёлая голова: после 5 утра уже подъём, орловский поезд прибывал в 6.15. Правда, часок поспал у Шуры.[30]

Вчера. Обильный обед на обратном пути в Мценске. На каждом столе (на 5 персон) по бутылке водки!!! За счёт «Пилигрима»?[31] Скорее — за счёт музейщиков Спасского?

Приехали. Душ. Прогулка последняя, междугородный звонок Шуре (беспамятная душа: забыл записать в Питере новый код!!!).

Званый ужин. Знакомство с проф. Н. Костиным, организовавшим Бахтинский центр в Орле. Уже 3-й том «Бахтинских чтений»!! Отрадно.

Но когда через полчаса после начала Костин, уже совершенно пьяная рожа, вышел к столу начальников и запел «Есть на Волге утес», то это уже всех шокировало. Но самое большое потрясение — оказалось, что он законный муж Г. Б. Курляндской!!! Что-то несусветное. 30 лет разницы (Г. Б. — 1912 г. рожд.), но главное не в этом — оказалось, пьяница, фашиствующий. С ума она сошла?! Зачем ей на пороге гроба эта штука?!? Потом я всё изумлялся. Нас с Васей провожал Е. М. Конышев, рассказывал, что этот тип читает фольклор, изображает на лекциях и частушки, и песни, и пляшет Камаринскую.

Ночь в поезде. Жарища. Почему-то крепко топят… Сегодня с утра в сберкассу. Выдали полную сумму, без проблем. Вообще, похоже, денежный ажиотаж кончается. Я менял ведь доллар за 18 р. — всего неделю назад! А сейчас, как видно, по всей Тверской — за 10–11 р. Как вовремя! Да что неделю — Н. П. Розин сказал, что вчера

утром было 20 р., а вечером шёл — 11 р. Люди наменяли всё на доллары — а жить-то надо!

В Москве всё подскочило сильно: яйца — 9 р. десяток, маленькая булочка с маком на улице — 5 р., фитюлишный гамбургер — 10 р. Я предпочёл у деревенской бабки за 2 р. большой початок горячей кукурузы (в ведре, укутано толстыми тряпками).

---

[1] Альтшуллер Марк Григорьевич (род. 1929) и его жена Дрыжакова Елена Николаевна (род. 1931), ленинградцы, переехавшие в США, профессора Питтсбургского университета

[2] Щукин Василий Георгиевич (род. 1952), выпускник МГУ, профессор Ягеллонского университета в Кракове.

[3] Токийский профессор (пушкинист) Кейджи Касама. Однажды, когда он был в Питере, я попросил его отвезти мой подарок коллеге профессору Риохей Ясуи — русский колокольчик.

[4] Тургеневед Аллен Луи (университет г. Лилля).

[5] Звигильский Александр Яковлевич (род. 1932), французский русист, создатель Музея И. С. Тургенева в Буживале, близ Парижа.

[6] Тему доклада В. М. Марковича обнаружить не удалось.

[7] Яковлев Владимир Анатольевич (род. 1944), санктпетербургский губернатор (1996–2003).

[8] Вербицкая Людмила Алексеевна (1936–2019), профессор-лингвист, ректор СПбГУ (1994–2008).

[9] Балыкова Людмила Анатольевна, директор Музея И. С. Тургенева в Орле.

[10] Строев Егор Семенович (род. 1937), орловский губернатор (1993–2009).

[11] Громов Владимир Алексеевич, преподаватель ОГПИ (ректором не был), тургеневед, зам. директора по науке Музея И. С. Тургенева; выступит с докладом «О пушкинских мотивах в “Записках охотника” И. С. Тургенева».

[12] Имеется в виду книга В. Г. Щукина «Миф дворянского гнезда» (Kraków, 1997).

[13] Немец — Йохан Петерс; выступит 9 сентября с докладом «Тургенев и стиль модерн (о поэтике “Стихотворений в прозе”)».

[14] Голландец (из Гронингена) — Сандер Брауэр; выступит 9 сентября с докладом «“Записки охотника” как художественное целое».

[15] Жекулин Николай Глебович (род. 1946, Прага) — профессор университета в г. Калгари (Канада), доктор филологии, универсально образованный учёный; прочтет 10 сентября доклад «Эстетика стилизации — Тургенев и Эдуард Бёрн-Джонс».

[16] Забыл музей И. А. Бунина (филиал музея И. С. Тургенева: их общее название «Объединенный музей») и Дом-музей Т. Н. Грановского.
[17] «Типология героев Тургенева».
[18] «Принцип романтической иронии в творчестве Тургенева».
[19] Конторщик Епиходов, персонаж чеховского «Вишнёвого сада», ставший символом несчастного человека.
[20] «Пушкин и Тургенев в оценке религиозных мыслителей XIX века». Первая часть доклада (о Пушкине) несколько раз печаталась, в том числе в моей книге «От Хомякова до Лотмана» (М., 2003).
[21] Далее она будет названа: Татьяна Ивановна Печерская. Но не удалось найти сведений о её выступлении и теме доклада.
[22] В моём кругу распространённое слово (его ввёл С. А. Рейсер); от нем. Schmaus, пирушка (обычно после официального собрания).
[23] Берут Болеслав (1892–1956) — первый президент Польской Народной республики (1947–1952).
[24] Гомулка Владислав (1905–1982) — генеральный секретарь Польской рабочей партии (1943–1948).
[25] М. А. Турьян прочитала 9 сентября доклад «О трансформации некоторых литературных мотивов (Пушкин — В. Одоевский — Тургенев)» на секции «Тургенев и русская культура XIX–XX веков».
[26] Грицай Алексей Михайлович (1914–1998) — народный художник СССР, профессор, академик, мастер пейзажа.
[27] Музей И. С. Тургенева в Буживале удалось сохранить до настоящего времени.
[28] Старый Оскол — город моего детства, был тогда небольшим, тихим, одноэтажным (ныне — крупный промышленный город с населением в 250 тыс. чел.).
[29] Пустовойт Петр Григорьевич, профессор МГУ; его доклад — «И. С. Тургенев и Токутоми Рока (поэтика пейзажа)».
[30] Шура — мой брат Александр (1930–2011), москвич, инженер-строитель.
[31] «Пилигрим» — организация, финансово устроившая конференцию.

Хронологический список трудов Анатолия Ивановича Батюто (1920–1991)

1952

Роман И. С. Тургенева «Отцы и дети» и общественно-политическая борьба 60-х годов. Автореф. дис. … канд. филол. наук. Л. 18 с. (Ин-т рус. лит.)

1953

Из наблюдений над языком и стилем романа И. С. Тургенева «Отцы и дети»// Изучение языка и стиля художественных произведений в школе. М.; Л. С. 90–119.

К вопросу о происхождении слова «нигилизм» в романе И. С. Тургенева «Отцы и дети»: (По поводу статьи Б. П. Козьмина «Два слова о слове „нигилизм“»)// Изв. АН СССР. ОЛЯ. М. Т. XII, вып. 6. С. 520–525.

1954

Русские писатели о языке (XVIII–XX вв.)… И. С. Тургенев [Составление]. С. 301–327.

Тургенев И. С. Собр. соч. М. Т. 3. Примечания к романам «Накануне», «Отцы и дети». С. 373–411.

Тургенев И. С. Собр. соч. М. Т. 4. Примечания к романам «Дым», «Новь». С. 481–521.

1956

История русской литературы. М.; Л. Т. 8. Шестидесятые годы. § 4. С. 92–110.

Русские повести XIX в. 60-х годов. М. Т. 1. Подготовка текста и примечания. С. 491–507.

Русские повести XIX в. 60-х годов. М. Т. 2. Подготовка текста и примечания. С. 535–542.

1957

Неизвестная рецензия И. С. Тургенева [Вступ. ст. и публ. анонимной рец. на стихотворения А. А. Фета, опубл. в «Отечественных записках». 1856. № 5]// Вопр. лит. (М.) № 3. С. 195–202.

Русские повести XIX в. 70–90-х годов. М. Т. 1. Подготовка текста и примечания. С. 671–686.

1958

Лесков Н. С. Собр. соч.: В 11-ти т. М. Т. 8. [Рассказы и повести]. Подготовка текста и примечания. С. 567–633.

1959

Роман И. С. Тургенева «Отцы и дети» на экране//Лен. правда. 9 июня.

1960

К вопросу о замысле «Отцов и детей»//И. С. Тургенев (1818–1883–1958). Статьи и материалы/Под ред. М. П. Алексеева. Орел. С. 77–95.

Лесков Н. С. Соборяне. Хроника. М.; Л. [Послесловие]

Роман «Отцы и дети» и некоторые вопросы разночинно-демократической эстетики//Науч. доклады высшей шк. Филол. науки. № 4. С. 96–107.

И. С. Тургенев в работе над романом «Дым»: (Жизненные истоки образа Потугина)//Рус. лит. № 3. С. 156–160.

1961

Монография о романе И. С. Тургенева «Отцы и дети» [Рец. на кн.:] Пустовойт П. Г. Роман И. С. Тургенева «Отцы и дети» и идейная борьба 60-х годов XIX века. М., 1961. 328 с. // Рус. лит. № 3. С. 225–229.

Парижская рукопись романа И. С. Тургенева «Отцы и дети»// Рус. лит. № 4. С. 57–78.

Структурно-жанровое своеобразие романов Тургенева 50-х — начала 60-х годов//Проблемы реализма русской литературы XIX века. М.; Л. С. 133–161.

Тургенев И. С. Собр. соч.: В 12-ти т. М. Т. 4. Статья «Последние романы Тургенева „Дым“ и „Новь“». С. 367–386.

Тургенев И. С. Полн. собр. соч. и писем: В 28-ми т. Письма: В 13-ти т. Т. 1. 1831–1850. М.; Л. Подготовка текста писем (67) и комментарии.

Тургенев И. С. Полн. собр. соч. и писем: В 28-ми т. Письма: В 13-ти т. Т. 2. 1851–1856. Подготовка текста писем (76) и комментарии.

Тургенев И. С. Полн. собр. соч. и писем: В 28-ми т. Письма: В 13-ти т. Т. 3. 1856–1859. Подготовка текста писем (43) и комментарии.

1962

«Накануне»// История русского романа: В 2-х т. М.; Л. Т. 1. С. 484–493.

«Отцы и дети» [совместно с Г. М. Фридлендером]// История русского романа. М.; Л. Т. 1. С. 493–513.

Тургенев И. С. Полн. собр. соч. и писем: В 28-ми т. Письма: В 13-ти т. Т. 4. 1860–1862. М.; Л. Подготовка текста писем (53) и комментарии.

1963

Тургенев И. С. Полн. собр. соч. и писем: В 28-ми т. Письма: В 13-ти т. Т. 5. 1862–1865. М.; Л. Подготовка текста писем (29) и комментарии.

Тургенев И. С. Полн. собр. соч. и писем: В 28-ми т. Письма: В 13-ти т. Т. 6. 1865–1867. М.; Л. Подготовка текста писем (14) и комментарии.

1964

Тургенев И. С. Полн. собр. соч. и писем: В 28-ми т. Письма: В 13-ти т. Т. 7. 1867–1869. М.; Л. Подготовка текста писем (25) и комментарии.

Тургенев И. С. Полн. собр. соч. и писем: В 28-ми т. Письма: В 13-ти т. Т. 8. 1869–1870. М.; Л. Подготовка текста писем (10) и комментарии.

Тургенев И. С. Полн. собр. соч. и писем: В 28-ми т. Соч.: В 15-ти т. М.; Л. Т. 8. «Отцы и дети»: Подготовка текста, вариантов и комментарии. С. 446–488, 568–621. «Накануне»: Комментарии, разд. I и IV. С. 496–509, 523–543.

Тургенев и Паскаль// Рус. лит. № 1. С. 153–162.

1965

Тургенев И. С. Полн. собр. соч. и писем: В 28-ми т. Письма: В 13-ти т. Т. 9. 1871–1872. М.; Л. Подготовка текста писем (12) и комментарии.

Тургенев И. С. Полн. собр. соч. и писем: В 28-ми т. Письма: В 13-ти т. Т. 10. 1872–1874. М.; Л. Подготовка текста писем (16) и комментарии.

1966

Роман «Новь» и «процесс пятидесяти»// Тургеневский сб. Материалы к Полн. собр. соч. и писем И. С. Тургенева. II. Ред. Н. В. Измайлов и Л. Н. Назарова. М.; Л. С. 195–209.

Тургенев [Вступ. ст.]// И. С. Тургенев в портретах, иллюстрациях, документах/ Сост. Л. И. Кузьмина и Г. В. Степанова. М.; Л. С. 3–36.

Тургенев И. С. Полн. собр. соч. и писем: В 28-ми т. Письма: В 13-ти т. Т. 11. 1875–1876. М.; Л. Подготовка текста писем (21) и комментарии.

Тургенев И. С. Полн. собр. соч. и писем: В 28-ми т. Письма: В 13-ти т. Т. 12, кн. 1. 1876–1878. М.; Л. Подготовка текста писем (29) и комментарии.

Тургенев И. С. Полн. собр. соч. и писем: В 28-ми т. Соч.: В 15-ти т. М.; Л. Т. 12. «Новь»: Комментарии историко-литературный, разд. VI. С. 524–543; реальный. С. 552–577.

1967

Полемика Тургенева с Л. Н. Толстым в 1869 г.: (По данным чернового автографа статьи «По поводу „Отцов и детей“»)// Тургеневский сб. Материалы к Полн. собр. соч. и писем И. С. Тургенева. III/ Под ред. Н. В. Измайлова и Л. Н. Назаровой. Л. С. 135–140.

Тургенев И. С. Полн. собр. соч. и писем: В 28-ми т. Соч.: В 15-ти т. М.; Л. Т. 14. «По поводу „Отцов и детей“»: Подготовка текста и вариантов. С. 97–109, 349–358; комментарии. С. 464–476.

Тургенев И. С. Полн. собр. соч. и писем: В 28-ми т. Письма: В 13-ти т. Т. 12, кн. 2. 1879–1880. М.; Л. Подготовка текста писем (17) и комментарии.

1968

Кони А. Ф. Собр. соч.: В 8-ми т. Т. 6. Статьи и воспоминания о русских литераторах/Под ред. К. Д. Муратовой. М. Подготовка текста статей и воспоминаний и комментарии: «Тургенев», «Памяти Тургенева», «Похороны Тургенева».

«По поводу „Отцов и детей“»: Обоснование датировки//Тургеневский сб. Материалы к Полн. собр. соч. и писем И. С. Тургенева. IV/Под ред. Н. В. Измайлова, Л. Н. Назаровой. Л. С. 177–182.

Тургенев И. С. Полн. собр. соч. и писем: В 28-ми т. Письма: В 13-ти т. Т. 13, кн. 1. 1880–1882. М.; Л. Подготовка текста писем (44) и комментарии.

Тургенев И. С. Полн. собр. соч. и писем: В 28-ми т. Письма: В 13-ти т. Т. 13, кн. 2. 1882–1883. М.; Л. Подготовка текста писем (27) и комментарии (28).

Тургенев И. С. Полн. собр. соч. и писем: В 28-ми т. Соч.: В 15-ти т. М.; Л. Т. 15. «Письмо к издателю <«Колокола»>»: Подготовка текста. С. 141; комментарии. С. 363–364. <Редактору «Вестника Европы»>: Подготовка текста. С. 184–185; комментарии. С. 387–389.

1969

An introduction to Turgenev's Works [Turgenev]// Ivan Sergeevich Turgenev. Hundred and Fiftieth birth anniversary. Selected and ed. by A. V. Esaulov. [Delhi]. P. 11–34.

1971

Тургенев И. С. Записки охотника. Накануне. Отцы и дети. М. Примечания к романам «Накануне» и «Отцы и дети». С. 656–670.

1972

Тургенев-романист. Л. 389 с.

1976

Достоевский Ф. М. Полн. собр.. соч.: В 30-ти т. Т. 15. «Братья Карамазовы». Кн. XI–XII. Эпилог. Рукописные редакции. Л. Историко-литературный комментарий к роману. § 12. С. 487–513.

Тургенев И. С. Собр. соч.: В 12-ти т. М. Т. 2. Примечания: статья о романе «Рудин». С. 289–302; статья о романе «Дворянское гнездо». С. 314–325.

Тургенев И. С. Собр. соч.: В 12-ти т. М. Т. 3. Статьи и комментарии к романам «Накануне» и «Отцы и дети». С. 337–388.

1977

Признаки великого сердца… (К истории восприятия Достоевским романа «Отцы и дети»)// Рус. лит. № 2. С. 21–37.

Тургенев и некоторые писатели антинигилистического направления// Тургенев и его современники. Л. С. 49–77.

1979

Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: В 30-ти т. Т. 19. Статьи и заметки. 1861. Л. Подготовка текста и комментарии: «Образцы чистосердечия», «„Свисток“ и „Русский вестник“», «Ответ „Русскому вестнику“», «Литературная истерика», «По поводу элегической заметки „Русского вестника“».

Достоевский и Тургенев в 1860–1870-е годы (Только ли история вражды?)// Рус. лит. № 1. С. 41–64.

1980

Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: В 30-ти т. Т. 20. Статьи и заметки. 1862–1865. Подготовка текста и комментарии: «Два лагеря теоретиков» — при участии Г. М. Фридлендера; «Щекотливый вопрос», «Ответ редакции „Времени“ на нападение „Московских ведомостей“», «Каламбуры в жизни и литературе».

1981

Тургенев И. С. Полн. собр. соч. и писем: В 30-ти т. 2-е изд., испр. и доп. Соч.: В 12-ти т. Т. 6. М. Дворянское гнездо. Накануне. Первая любовь. 1858–1860. Комментарии к роману «Накануне» — разд. I и IV. С. 430–440; 452–469.

Тургенев И. С. Полн. собр. соч. и писем: В 30-ти т. 2-е изд., испр. и доп. Соч.: В 12-ти т. Т. 7. М. Подготовка текста и комментарии к роману «Отцы и дети». С. 5–190, 416–467.

1982

Антинигилистический роман 60–70-х годов// История русской литературы: В 4-х т. Т. 3. Расцвет реализма/ Под ред. Ф. Я. Приймы, Н. И. Пруцкова. Л. С. 279–314.

Идеи и образы (К проблеме «И. С. Тургенев и Ф. М. Достоевский в 1860–1870-е годы»)// Рус. лит. № 1. С. 76–96.

Тургенев И. С. Полн. собр. соч. и писем: В 30-ти т. 2-е изд., испр. и доп. Соч.: В 12-ти т. Т. 9. М. Комментарии к роману «Новь»: разд. VI историко-литературный и реальный. С. 519–536, 544–559; подготовка текста и комментарии — «Предисловие к романам». С. 560–563.

Тургенев И. С. Полн. собр. соч. и писем: В 30-ти т. 2-е изд., испр. и доп. Соч.: В 12-ти т. Т. 10. М. Подготовка текстов и комментарии: «Предисловие к „Стихотворениям“ А. А. Фета, 1856 г.». С. 331, 578.

Тургенев И. С. Полн. собр. соч. и писем: В 30-ти т. 2-е изд., испр. и доп. Письма: В 18-ти т. Т. 1. М. Подготовка текста писем (76) и комментарии.

1983

Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: В 30-ти т. Т. 25. Дневник писателя за 1877 год. Январь-август. Л. Реальный комментарий к основному тексту «Дневника писателя», а также подготовительным материалам к июльско-августовскому выпуску.

Незамеченные отклики на «Анну Каренину» в «Дневнике писателя»// Достоевский. Материалы и исследования. 5. Л. С. 132–141.

«Один из Потугиных» — Достоевскому// Там же. С. 261–263.

Тургенев И. С. Полн. собр. соч. и писем: В 30-ти т. 2-е изд., испр. и доп. Соч.: В 12-ти т. Т. 11. М. Подготовка текста и комментарии: «По поводу „Отцов и детей“». С. 86–97, 368–379.

1984

Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: В 30-ти т. Т. 26. Дневник писателя. 1877. Сентябрь-декабрь. 1880. Август. Л. Реальный комментарий к «Дневнику писателя» за 1877 г., сентябрь-октябрь.

Тургенев и Белинский (К вопросу об идейно-эстетических связях)// Рус. лит. № 2. С. 50–73.

1985

Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: В 30-ти т. Т. 28, кн. 2. Письма 1860–1868. Л. Подготовка текста писем (92) и комментарии.

К истории создания романа И. С. Тургенева «Отцы и дети» (по поводу одной публикации)// Рус. лит. № 4. С. 156–166.

1986

Тургенев И. С. Полн. собр. соч. и писем: В 30-ти т. 2-е изд., испр. и доп. Письма: В 18-ти т. Т. 2. 1850–1854. М. Подготовка текста писем (38) и комментарии.

Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: В 30-ти т. Т. 29, кн. 1. Письма 1869–1874. Л. Подготовка текста писем (55) и комментарии.

Тургенев И. С. Полн. собр. соч. и писем: В 30-ти т. 2-е изд., испр. и доп. Соч.: В 12-ти т. Т. 12. М. Подготовительные материалы к роману «Отцы и дети». Подготовка текста и комментарии (совместно с П. Уоддингтоном). С. 563–576, 717–730.

1987

Герцен, Белинский и идейная концепция романа Тургенева «Дым» (статья первая)// Рус. лит. № 3. С. 84–104.

Герцен, Белинский и идейная концепция романа Тургенева «Дым» (статья вторая)// Там же. № 4. С. 52–76.

Тургенев И. С. Полн. собр. соч. и писем: В 30-ти т. 2-е изд., испр. и доп. Письма: В 18-ти т. Т. 3. 1855–1858. М. Подготовка текста писем (71) и комментарии.

Тургенев И. С. Полн. собр. соч. и писем: В 30-ти т. 2-е изд., испр. и доп. Письма: В 18-ти т. Т. 4. 1859–1861. М. Подготовка текста писем (59) и комментарии.

1988

Тургенев И. С. Полн. собр. соч. и писем: В 30-ти т. 2-е изд., испр. и доп. Письма: В 18-ти т. Т. 5. 1862–1864. М. Подготовка текста писем (35) и комментарии.

Тургенев И. С. Соч.: В 3-х т. Т. 2. М. Послесловие и комментарий к роману «Накануне».

Тургенев И. С. Соч.: В 3-х т. Т. 3. Романы 1862–1877. М. Статья «На путях воспроизведения истины» и комментарий к роману «Отцы и дети». С. 591–637.

1989

Вокруг эпопеи (И. С. Тургенев и Л. Н. Толстой в 1860–1870-е годы)// Рус. лит. № 4. С. 28–52.

Тургенев и Достоевский в литературоведении последних лет (наука и полемика)// Науч. доклады высшей шк. Филол. науки. № 5. С. 30–38.

Тургенев И. С. Полн. собр. соч. и писем: В 30-ти т. 2-е изд., испр. и доп. Письма: В 18-ти т. Т. 6. Апрель 1864—декабрь 1865. М. Подготовка текста писем (7) и комментарии.

1990

Творчество И. С. Тургенева и критико-эстетическая мысль его времени. Л. 299 с.

Тургенев И. С. Полн. собр. соч. и писем: В 30-ти т. 2-е изд., испр. и доп. Письма: В 18-ти т. Т. 7. 1866—июнь 1867. М. Подготовка текста писем (8) и комментарии.

Посмертно:

1991

«Отцы и дети» Тургенева — «Обрыв» Гончарова (Философский и этико-эстетический опыт сравнительного изучения)// Рус. лит. № 2. С. 3–23.

1993

Достоевский Ф. М. Собр. соч.: В 15-ти т. Т. 11. Публицистика 1860-х годов. СПб. Подготовка текста и комментарии: «„Свисток“ и „Русский вестник“», «Ответ „Русскому вестнику“», «По поводу элегической заметки „Русского вестника“», «Два лагеря теоретиков» — при участии Г. М. Фридлендера, «Щекотливый вопрос», «Ответ редакции „Времени“ на нападение „Московских ведомостей“».

1994

Тургенев И. С. Полн. собр. соч. и писем: В 30-ти т. 2-е изд., испр. и доп. Письма: В 18-ти т. Т. 10. Подготовка текста писем (9) и комментарии.

1995

Достоевский Ф. М. Собр. соч.: В 15-ти т. Т. 14. Дневник писателя. 1877. 1880 август 1881. СПб. Комментарий к «Дневнику писателя» 1877 г. — при участии А. М. Березкина.

Тургенев И. С. Полн. собр. соч. и писем: В 30-ти т. 2-е изд., испр. и доп. Письма: В 18-ти т. Т. 9. Подготовка текста писем (6) и комментарии.

1996

Достоевский Ф. М. Собр. соч.: В 15-ти т. Т. 15. Письма 1834–1881. СПб. Подготовка текста писем (45) и комментарии.

1999

Тургенев И. С. Полн. собр. соч. и писем: В 30-ти т. 2-е изд., испр. и доп. Письма: В 18-ти т. Т. 11. Подготовка текста писем (12) и комментарии.

2000

Тургенев И. С. Отцы и дети. СПб. Статья «На путях воспроизведения истины». С. 6–28. Подготовка текста романа и статьи «По

поводу „Отцов и детей“», комментарии к ним, а также к «Подготовительным материалам к роману „Отцы и дети“». С. 341–440.

Тургенев И. С. Полн. собр. соч. и писем: В 30-ти т. 2-е изд. Письма: В 18-ти т. М. Т. 12. Подготовка текста писем (7) и комментарии.

2001

Белинский в восприятии Достоевского (1860–1870-е годы)// Рус. лит. № 3. С. 11–35.

2004

Избранные труды. СПб. 960 с.

Достоевский и русские классики (заметки, наблюдения, архивные данные)// Там же. С. 890–920.

А. И. Солженицын и отечественная литература XIX–XX веков (пиетет, критика, преломление традиций): Заготовки, наброски к будущей работе// Там же. С. 921–930.

Тургенев и русская литература от Чернышевского до Чехова (проблема героя и человека). Статьи первая и вторая// Там же. С. 830–889.

2006

А. И. Солженицын и отечественная литература XIX–XX веков (пиетет, критика, преломление традиций): Записки филолога. СПб. 135 с.

2008

Из наблюдений за языком и стилем романа И. С. Тургенева «Отцы и дети»// Тургенев И. С. Отцы и дети. СПб. С. 459–482 (Лит. памятники).

На путях воспроизведения истины// Там же. С. 483–506.

Примечания к роману «Отцы и дети», статье «По поводу „Отцов и детей“» и Подготовительным материалам к роману «Отцы и дети» // Там же. С. 541–616.

2009

Из «Дневника» 1949–1952// И. С. Тургенев. Новые исследования и материалы. I/ Отв. ред. Н. П. Генералова и В. А. Лукина. СПб. С. 452–499.

2011

Достоевский Ф. М. Дневник писателя: В 2-х т. М. Реальный комментарий к основному тексту «Дневника писателя» за 1877 г. (январь-август).

Белинский, Чернышевский, Добролюбов и другие (Эстетические разногласия и разночтения)// И. С. Тургенев. Новые исследования и материалы. II/ Отв. ред. Н. П. Генералова и В. А. Лукина. СПб. С. 403–429.

2012

Дневник (1936–1952 годы). Стихи. СПб. 440 с.

Ф. М. Достоевский и И. С. Тургенев (Только ли история вражды?). СПб. 287 с.

Ставрогин и Базаров // Там же. С. 242–267.

2014

Тургенев и другие. СПб. 880 с.

2018

Примечания к роману «Отцы и дети» // Тургенев И. С. Отцы и дети. СПб.; М. (Серия «Малая классика “Речи“») С. 274–318.

2020

Реальный комментарий к «Дневнику писателя» Ф. М. Достоевского за 1877 г. (неизвестный фрагмент) // История русской литературы XIX–XX веков / История книжного дела в России в 1917–1927 годы. Памяти Анатолия Ивановича Батюто. 1920–2020. СПб. Скифия-принт. С. 84–121.

Список сокращений

АКД — автореферат кандидатской диссертации
АРАН — Архив Российской академии наук
БАН — Библиотека Российской академии наук
БДТ — Большой драматический театр
ВДНХ — Выставка достижений народного хозяйства
ВЕ — «Вестник Европы» (журнал)
ВС — Военный Совет
ВЦИК — Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет
Г — «Голос» (газета)
ГАРФ — Государственный архив Российской Федерации
ГИЗ — Государственное издательство
ГИХЛ — Государственное издательство художественной литературы
Главлит — Главное управление по делам литературы и издательства
ГПУ — Государственное политическое управление при НКВД РСФСР
ГУС — Государственный ученый совет
ДНР — «Древняя и новая Россия» (журнал)
ИМКА — см. YMCA
ИМЛИ — Институт мировой литературы им. А. М. Горького Российской академии наук
ИМЭЛ — Институт Маркса, Энгельса, Ленина
ИРЛИ — Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Российской академии наук
ИТЛ — исправительно-трудовой лагерь
КБФ — Краснознаменный Балтийский флот

ЛГИК — Ленинградский государственный институт культуры им. Н. К. Крупской
ЛГУ — Ленинградский государственный университет им. А. А. Жданова
Ленгублит — Ленинградский отдел Главного управления по делам литературы
Ленотгиз — Ленинградское отделение Государственного издательства
ЛОГА — Ленинградский областной государственный архив (г. Выборг)
ЛОР НИИ — Ленинградский научно-исследовательский институт уха, горла, носа и речи
МВД — Министерство внутренних дел
НВр — «Новое время» (газета)
Наркомпрос — Народный комиссариат просвещения
НИИСХ — Научно-исследовательский институт сельского хозяйства им. Н. М. Тулайкова
НИР — научно-исследовательская работа
НИЦ — научно-исследовательский центр
НКВД — Народный комиссариат внутренних дел
ОГЛМТ — Орловский государственный литературный музей И. С. Тургенева
ОГПУ — Особое государственное политическое управление при СНК СССР
ОГТРК — Орловская государственная телерадиокомпания
ОЗ — «Отечественные записки» (журнал)
Окрглавлит — Окружной отдел Главного управления по делам литературы
ОЛРС — Общество любителей российской словесности
ОЛЯ — Отделение литературы и языка
ОПИ ГИМ — Отдел письменных источников Государственного исторического музея

ОСО — Особое совещание
ОСР — отдельная стрелковая рота
ПГВ — Погранвойска
ПД — Пушкинский Дом
Петрогосиздат — Петроградское отделение Государственного издательства
Политконтроль П.О.Г.П.У. — Петроградский отдел Политического контроля Особого государственного политического управления при СНК СССР
Помполит — Политический Красный Крест
ПССиП(1) — *Тургенев И. С.* Полн. собр. соч. и писем : В 28 т. М. ; Л., 1961–1968.
ПССиП(2) — *Тургенев И. С.* Полн. собр. соч. и писем : В 30 т. 2 изд., доп. М. : Наука, 1978–
«Пум» — Помощь учащейся молодежи (издательство)
РА — «Русский архив» (журнал)
РВК — районный военный комиссариат
РГ — *Фет А.* Ранние годы моей жизни. М., 1893.
РГАЛИ — Российский государственный архив литературы и искусства
РГБ ОР — Российская государственная библиотека, Отдел рукописей
РГИА — Российский государственный исторический архив
РНБ ОР — Российская национальная библиотека, Отдел рукописей
Р. Ц. — разрешено цензурой
РС — «Русская старина» (журнал)
РСДРП(б) — Российская социал-демократическая рабочая партия (большевиков)
Севзаппромбюро — Северо-западное промышленное бюро

СНК	—	Совет Народных Комиссаров
СОУНБ	—	Самарская областная универсальная научная библиотека
ТНСП	—	Трудовая народно-социалистическая партия
ФетСб(2)	—	А. А. Фет: Материалы и исследования. Вып. 2. СПб., 2013.
ФСБ	—	Федеральная служба безопасности
ЦАМО	—	Центральный архив Министерства обороны РФ
ЦГАЛИ СПб.	—	Центральный государственный архив литературы и искусства С.-Петербурга
ЦГАОР	—	Центральный государственный архив Октябрьской революции см. ГАРФ
ЦГПБ	—	Центральная городская публичная библиотека
ЦК ВКП(б)	—	Центральный Комитет Всесоюзной коммунистической партии (большевиков)
ЦК РКП(б)	—	Центральный Комитет Российской коммунистической партии (большевиков)
ЧК	—	Чрезвычайная Комиссия
YMCA (от англ. Young Men's Christian Association)	—	Юношеская христианская ассоциация

Указатель имен

Авенариус В. П. 109
Аверин Б. В. 133
Аврелий Марк 23
Авсеенко В. Г. 46
Азадовский М. К. 20, 337
Айхенвальд Ю. И. 180
Аксаков А. Н. 120
Аксаков И. С. 46
Аксаков С. Т. 155, 346
Александр I, имп. 89, 105, 109, 110, 168
Александр II, имп. 113, 115, 260
Александр III, имп. 259
Алексеев А. А. 135
Алексеев А. Д. 440
Алексеев М. П. 12, 51, 134, 135, 432, 472
Алексей Александрович, вел. кн. 151
Алисов Л. В. 235, 248, 267
Аллен Л. 460, 469
Альтшуллер М. Г. 460, 463–465, 469
Альтшуллеры 460, 461, 463
Алябьев А. А. 355, 356
Амвросий (в миру А. М. Гренков) 145–147
Анакреон 165
Ангарский (псевд., наст. фамилия Кле́стов) Н. С. 455, 458
Андреев Л. Н. 392, 461, 467
Андреева А. А. 331
Анненков П. В. 14, 16, 19, 56, 101, 109, 175, 178, 187, 191, 195, 197, 201, 204, 347, 408, 411, 413, 414, 426
Анненкова Е. И. 133
Антонович М. А. 43, 129
Анциферов Н. П. 394, 402
Апостолов Н. Н. (Арденс Н. Н.) 180, 195
Аптекман О. В. 315
Апухтин А. Н. 427
Аристотель 280
Аристофан 23
Арлен М. 395
Арминий 115
Архангельская Т. Н. 180, 195
Аскоченский В. И. 91
Асхабадов Л. см. Витязев Ф. И.
Ахенбах 211
Ахматова (наст. фамилия Горенко) А. А. 132, 401
Ахременко Д. А. 330
Ашевский С. (псевд.; наст. имя и фамилия Столяров М. Н.) 54
Ашихмина Е. Н. 174
Ашукин Н. С. 98, 116

Б. П. см. Брио Б. П.
Бабет И. К. 152

Бабичев Н. Т. 455
Базанов В. Г. 38, 117
Базилевская И. Н. 8, 336–341
Байрон Дж. Гордон Ноэль 44, 334–336
Бакунин М. А. 32, 200
Бакунина Т. А. 200
Бакунины 200
Балыкова Л. А. 149, 165, 166, 224, 463, 469
Бальзак О. де 26
Бальф Майкл Вильям 353, 390
Баранкеев С. А. 457
Баранов А. 294
Баратынская Е. П. 228, 231, 247
Баратынский Е. А. 51
Барзах А. Е. 129
Бартенев П. И. 91
Баскаков В. Н. 134, 166
Баталова Т. П. 72
Батюто А. И. 4–11, 14–51, 53–62, 64–68, 70, 71, 83, 84, 122–126, 130, 131, 134, 136–138, 153, 165, 331, 335, 406–409, 415, 417, 426–442, 448, 452, 459, 471, 483
Батюто С. А. 4, 5, 8, 9, 69, 84, 121, 126, 227, 247–249, 261, 270, 271, 273, 284, 287–290, 296, 322–324, 335, 393, 397, 401, 406, 426, 448, 459
Бах И. С. 304
Бахтин М. М. 26, 76, 116, 467
Бедный Д. (псевд.; наст. имя и фамилия Е. А. Придворов) 427
Бекарюкова Н. Д. 393
Беккер К. 171
Беккер Э. 171, 175
Белецкий А. И. 29
Белёвский-Жуковский А. А. 150, 151, 165
Белинский В. Г. 5, 6, 14, 22, 45, 51–58, 98, 99, 116, 150, 165, 201, 406, 408–416, 426, 435, 443, 479, 482, 483
Белов С. В. 323
Белопольский В. Н. 444
Белоус В. Г. 393, 401
Берви-Флеровский В. В. 315
Бердяев Н. А. 147, 148, 445
Берков П. Н. 428
Берлиоз Г. 353
Бернадотт 110
Бе́рут (Bierut) Б. 464, 470
Бессонов Б. Л. 429
Бессонов П. 455
Бестужев-Марлинский А. А. 51
Бестужев-Рюмин К. Н. (Бестужевские курсы) 228

Бетховен Л. ван 371
Бехтерев В. М. 228
Березкин А. М. 481
Берлиоз Г. 353
Бёрн-Джонс Э. 469
Биби см. Богданович-Житова В. Н.
Битюгова И. А. 10, 68, 131, 136, 430, 439, 445
Благовещенский Н. М. 156
Благоволина Ю. П. 226
Благонадеждин А. Е. 396-397
Благонадеждина О. А. 8, 287, 319, 325, 391, 393, 396–399, 403, 405
Блок А. А. 279, 315, 316
Блок Г. П. 175
Блосс В. 266
Блюм А. В. 323
Блюммер Л. П. 432
Боборыкин К. Н. 213
Бобров А. Г. 135
Богданов Б. В. 165
Богданов П. М. 244
Богданович-Житова В. Н. (Биби) 352
Боднарский Б. С. 261
Бонч-Бруевич В. Д. 252
Борисов 310
Борисов И. П. 226
Борисов П. И. 226
Боричевский И. А. 240, 241, 248
Боровой А. А. 266
Боровский Я. М. 455
Бородаевский С. О. 207, 209
Боткин В. П. 44, 162, 164, 166, 182, 185, 204, 224, 226, 329, 337, 341, 345, 346, 358–362, 390
Браудо В. И. 259
Брауэр С. 461, 469
Брафман Я. А. 108,
Брио Б. П. 177, 195
Брион Ф. 200
Бровкин В. П. 258, 259, 318, 398, 400, 403
Бровкина В. М. 318
Бровкины 318
Бродский Н. Л. 29, 51, 315, 331
Брокгауз Ф. А. 104, 115, 120
Бронь Т. И. 9, 432, 448, 450, 452, 454, 455
Буданова Н. Ф. 433, 439, 440
Бузенбаум Г. 102
Бунин И. А. 392, 466, 469
Буренин В. П. 47, 88,
Буслаев Ф. И. 152, 158, 160
Бухарин Н. И. 244
Бухштаб Б. Я. 175, 441, 450, 452
Бушмин А. С. 134, 135, 436
Бялый Г. А. 11, 27, 29, 51, 62, 122–124, 430, 438, 441

Вавилов Н. И. 400, 405
Ваврик В. Р. 8, 326–331

Вальпиус Х. 199
Варламов А. Е. 356
Васильев И., о. 170
Васюк Н. Е. см. Витязев Ф. И.
Вацуро В. Э. 440
Везирова Л. А. 282, 287, 288, 323
Вейнрейх 167
Векслер И. И. 21, 66
Венгеров С. А. 457
Венус Г. Д. 395, 402
Вербицкая Л. А. 460, 469
Вересаев В. В. 458
Верещагин В. А. 114
Верещагин В. П. 457
Верстовский А. Н. 352
Ветловская В. Е. 137, 434, 442
Ветринский Ч. см. Чешихин В. Е.
Виардо К. Л. 365, 366
Виардо Л. К. 199, 352, 365, 366, 372
Виардо Луиза 365
Виардо (Viardot; ур. Гарсиа) П. 154, 156, 166, 199, 341, 343, 345, 347, 350–377, 381, 383, 384, 386–389
Вигель Ф. Ф. 89–91, 95
Видерт А. Ф. фон 388, 391
Виельгорские (Мих. Ю. и Матв. Ю.) 356
Виельгорский М. Ю. 356
Виланд К. М. 334, 336
Вильборг А. И. 261, 294
Вильмонт Н. Н. 85
Вильчинский В. П. 439
Винкельман И. И. 158
Винникова И. А. 20, 438, 442
Винцент 105
Виролайнен М. Н. 133
Витязев П. см. Витязев Ф. И.
Витязев Ф. И. 8, 9, 227, 231, 232, 234, 235, 246, 247, 249, 251–253, 255, 256, 258, 259, 261–274, 276–281, 284, 285, 287–294, 296, 297, 306, 318, 320, 322, 323, 325, 398–402, 455–458
Владиславлев (псевд.; наст. фамилия Гульбинский) И. В. 273, 275, 276, 279–286, 288, 299, 323, 324
Власова З. И. 435
Волгин И. Л. 83, 116
Вольтер (псевд.; наст. имя Мари Франсуа Аруэ) 93, 114, 115
Воровский В. В. 254, 291
Врангель А. Е. 43
Врангель П. Н. 326, 328
Вулих Н. Г. 165
Вульфсон Р. У. 457
Высоцкая Л. М. 427
Вьюшков А. А. 403

Г-в 87
Габель М. О. 427

Гайдн Й. 304
Галаган Г. Я. 196, 439, 440, 442, 443
Галахов А. Д. 32
Гармашева Т. В. 428
Гарсиа (Мамука) 365, 366
Грачева А. М. 330
Гегель Г.-В.-Ф. 58, 435
Гедеонов А. М. 387
Гейнцен К. П. 103
Гейссер Л. 266
Генералова Н. П. 153, 165, 166, 224, 435–437, 483
Геннадий (Беловолов) свщ. 149
Георгиевский А. И. 152
Гербель Н. В. 86
Геригк Х.-Ю. 73, 75, 81, 83
Герцен А. И. 14, 22, 51, 53, 96, 104, 117, 297, 414, 416, 431, 479
Герцка Т. 316
Гершензон М. О. 20
Герье В. И. 266
Гёте И. В. 22, 37, 55, 151, 154, 194, 197–199, 201–205, 363
Гизетти А. А. 8, 252, 262, 270, 272, 287, 318, 391–397, 399–404, 456
Гизетти (ур. Флеккель) Е. О. 393, 396
Гиллельсон М. И. 440
Гиляров-Платонов Н. П. 146, 148, 149
Гиршгорн И. З. 453
Глинка М. Н. 48, 356
Гоббс Т. 102
Гогарт см. Хогарт У.
Гоголь Н. В. 27, 35, 43, 63, 64, 117, 118, 154, 186, 279, 332, 347, 409, 416, 430
Голике Р. Р. 261, 294
Голицин А. Н. 89, 99
Голицын Д. В., моск. губернатор 167
Голицына П. А., кн. 343, 372
Голицыны 373
Голованова Т. Н. 430, 444
Головко В. М. 445
Голосенко И. А. 231, 247
Гольденвейзер А. Б. 195
Гомер 55, 151, 154–157, 163, 165
Гомулка В. 464, 470
Гончаров И. А. 5, 33, 34, 59–61, 430, 437, 480
Гораций 154
Горбачев М. С. 121
Горбачева Р. М. 135
Гордин Я. А. 132
Горелов А. А. 444, 445
Горнфельд А. Г. 14, 256, 263, 290, 291
Городецкий Б. П. 433

Горький (наст. фамилия Пешков) А. М. 337, 401, 457, 466, 484
Горький М. см. Горький (Пешков) А. М.
Грановский Т. Н. 14, 55, 152, 199, 346, 347, 390, 466, 469
Гревс И. М. 244–246, 393, 401, 402
Гредескул Н. А. 246
Грибоедов А. С. 34, 35
Григорович Д. В. 97, 117, 193, 196, 337
Григорьев Ап. А. 32, 200
Григорьев Н. П.
Гризи К. (Гризи Каронн Адель Джузеппина Мария) 376
Гримм Ф. М. 114
Гринберг З. (Захарий, Зорах) Г. 257, 258
Грицай А. М. 465, 470
Гродецкая А. Г. 175, 197
Громов В. А. 194, 195, 439, 442–444, 460, 465, 469
Громова-Опульская Л. Д. 180, 195
Гроссман Л. П. 20, 97, 108, 116, 117
Грот Я. К. 99, 119
Груздев А. И. 451
Грузинский А. Е. 29
Гудон Ж.-А. 114
Гуковский Г. А. 337
Гумилев Н. С. 445
Гуно Ш. 369–371
Гурвич Г. 266
Гусев Н. Н. 194
Гутьяр Н. М. 16, 66,
Гюго В. 25

Даль В. И. 141, 142, 148, 173
Данилевский Р. Ю. 445
Данте Алигьери 334
Дар Д. Я. 340
Даргомыжский А. С. 353, 354, 356, 375
Дармолатова М. Н. 230
Де Роберти (Де-Роберти) Е. В. 228
Де Фуа (в зам. де л'Иль Журден) 144
Дедусенко Г. Ф. 325
Демокрит 23
Ден Т. П. 427, 433
Дживелегов А. П. 250
Дизраэли Б. (лорд Биконсфилд) 106, 107
Диккенс Ч. 148
Дильк А. 450
Динерштейн Е. А. 323
Дмитриев А. П. 146, 149
Дмитриев И. И. 94, 119
Дмитриев Л. А. 437, 439–441, 464
Дмитриева Н. 464, 465
Дмитрюхина Л. В. 224

Добролюбов Н. А. 6, 13, 14, 40, 56, 337, 408, 411, 413, 483
Доброхотова А. И. 318
Доброхотова М. И. 318
Доде А. 26
Долгоруков В. А., моск. ген.-губ. 176, 195
Долгоруков А. С., кн. 115
Долгоруков П. 464
Долинин А. С. 48, 62, 97, 117–119, 120
Домановский Л. В. 437, 439, 451
Достоевская А. Г. 112, 117, 145, 149
Достоевский А. А. 117
Достоевский А. М. 117
Достоевский М. М. 48, 140,
Достоевский Ф. М. 5, 7, 8, 27, 38, 41–43, 45–51, 53–55, 60, 61, 63, 64, 67, 68, 72, 73, 75, 76, 79–84, 87, 90–94, 96–100, 102, 104, 106, 108, 110, 112, 113, 115–120, 137, 140, 142, 145, 147–149, 166, 189, 196, 333, 335, 428–430, 434, 442, 444, 476–482
Дружинин А. В. 185, 187
Дрыжакова Е. Н. 460, 463, 469
Дубинский А. Л. 283, 324

Е. Тур см. Салиас де Турнемир Е. В.
Еврипид 164
Егоров А. Ф. 467, 470
Егоров Б. Ф. 128–132, 134, 197, 442–444, 459, 464, 465
Екатерина II Великая (ур. София Августа Фредерика Ангальт-Цербстская), имп. 114, 115, 168
Елена, св. 143, 149
Елена Павловна, вел. кн. 165
Елизавета Алексеевна (ур. Луиза Мария Августа Баденская), имп. 89
Ельцин Б. Н. 459, 460
Емельянов Л. И. 439, 440
Ермилина М. Ф. 403
Ермолов А. П. 466
Ершов Л. Ф. 427
Есаулов И. А. 83
Есенин С. А. 4, 7
Ефимова Е. 438
Ефрон И. А. 104, 115, 120

Жаков К. Ф. 228
Жаковы 228
Жан Поль см. Поль (Пауль) Ж.
Жданов А. А. 432, 485
Жекулин Г. (о. Глеб) 464
Жекулин Н. Г. 166, 461, 464, 467, 469
Жекулины 464
Жемчужников А. М. 86
Жирмунский В. М. 337

Жуковская А. В. 151
Жуковский А. А.
Жуковский В. А. 166–169, 172, 173, 179
Жуковский П. В. 165

Забелин И. Е. 432
Зажурило В. К. 445
Зайцев Б. К. 458
Занд Егор см. Санд Ж.
Зандер Л. А. 148
Засулич В. И. 97
Захаров В. Н. 72, 73, 82
Захаров И. З. 325
Звигильский А. Я. 460, 462, 464, 469
Здобнов Н. В. 316
Зеньковский В. В. 148
Зибель Г. фон 266
Зубков М. А. 411

Ибсен Г. 402
Иванов И. И. 29
Иванов-Разумник (псевд.; наст. фамилия Иванов) Р. В. 279, 288, 291, 297, 394, 399, 400, 402
Иезуитов А. Н. 436, 462, 463
Измайлов Н. В. 134, 135, 166, 428, 474, 475
Иноземцев Ф. И. 173
Иоанн Златоуст 344
Иоаннов 92
Ионов (наст. фамилия Бернштейн) И. И. 254, 289, 322
Иост 221
Иоффе В. В. 401
Ипатова С. А. 8, 210, 225, 326, 331
Ишкова С. С. 323

Кавур К. Б. ди 17
Каган А. С. 294
Калашников 299
Каллимах 165
Капелюш Б. Н. 428
Карамзин Н. М. 93–95, 99, 118, 119
Каратеев В. В. 33
Каратыгин В. А. 109
Карбасников Н. П. 250
Кареев Н. И. 236, 237, 245, 246, 248, 263–266, 272
Каренин Вл. см. Стасова-Комарова В. Д.
Карлейль (Карлайл) Т. 266
Карташева И. В. 462
Карцев А. Ф. 218, 222
Катков М. Н. 12, 15, 16, 44, 45, 90, 152, 165, 188
Катулл Гай Валерий 23
Каутский К. 266
Квинси Томас де 331
Кейджи Касама 460, 469
Керенский А. Ф. 229, 457

Кетчер Н. Х. 341, 345–347, 349–351, 353, 355
Кийко Е. И. 444, 445
Киреевский И. В. 466
Кирпотин В. Я. 54
Кишинский Н. А. 212
Клеман М. К. 29, 51, 428
Клеменц Д. А. 315
Ковалевский М. М. 228, 229, 266
Ковнер А. Г. 108,
Козловская М. А. 216
Козьмин Б. П. 12, 471
Колбасин Е. Я. 192
Колбасин Д. Я. 151
Колеров М. 401
Кондратьев М. Д. 440
Кони А. Ф. 437, 475
Конт О. 238
Концевич И. М. 148
Конышев Е. М. 461, 468
Коплан Б. И. 274, 287
Короленко В. Г. 65, 392
Корш Ф. Ф. 32
Костин Н. 468
Кочубей В. П., кн. 115, 168
Краевский А. А. 154
Крайнева И. И. 436
Крандиевский В. А. 458
Красинский З. 335, 336
Краснов Г. В. 83,
Крестовский В. В. 39, 61, 109, 140, 141, 148
Кропоткин П. А. 266
Кротов П. П. 247
Крупская (Ульянова) Н. К. 298, 437, 453, 485
Крюков Д. Л. 167
Крюков Ф. Д. 65
Крюммер Г. 174
Кудрин 257
Кудрявцев Н. Н. 434
Кудрявцев П. Н. 152, 153, 162
Кудряшов А. П. 152
Кудряшов И. П. 152
Кудряшов П. Т. 151
Кудряшова Е. М. 150–152, 165
Кудряшова С. П. 152
Кудряшовы 152
Кузминская Т. А. 176, 188
Кузьмина И. А. 171, 175, 226
Кузьмина Л. И. 434, 445, 474
Куков 266
Кулаева Л. М. 194
Кулиш П. А. 118
Куприн А. И. 431
Курилов В. В. 444
Курляндская Г. Б. 165, 180, 195, 462, 463, 468

Лабзин А. Ф. 89
Лаблаш Л. 375
Лавренев Б. А. 65
Лаврист см. Витязев Ф. И.
Лавров Б. В. 318

Лавров П. Л. 252, 253, 269–271, 315, 392, 394, 401, 456
Лаврова М. Л. 318
Лавров К. Ю. 128
Лазаревич 215
Лазерсон М. Я. 241–243, 248
Лазурский В. Ф. 186, 193, 196, 197
Лаклар Ш. Ж. 103
Ланский Л. Р. 165
Лаппо-Данилевский К. Ю. 83
Лапшин И. И. 246
Лас Каз де 143, 149
Лебедев Ю. В. 443
Лебедев-Полянский П. И. (наст. фамилия Лебедев, псевд. Валериан Полянский) 310, 312, 322
Левецов У. фон 198
Левин Ю. Д. 432, 433
Левина Е. Н. 341
Легенькова Е. А. 336, 341
Лейтнеккер О. С. 275, 276, 282, 299, 324
Ленин (псевд., наст. фамилия Ульянов) В. И. 119, 230, 273, 337, 400, 431, 484
Леонтович В. Н. 458
Леонтович Ю. В. 271, 455, 459
Леонтьев К. Н. 145–147
Леонтьев П. М. 152, 153
Лермонтов М. Ю. 36, 51, 118, 129, 200, 430
Лернер Н. О. 274, 287
Лесгафт П. Ф. 260
Лесевич В. В. 456–459
Лесков А. Н. 466
Лесков Н. С. 39, 61, 102, 118, 442, 444, 451, 461, 466, 467, 472
Лессинг Г.-Э. 154, 166
Ливий Тит 23, 162, 165
Лилина (ур. Бернштейн) З. Э. 244
Липский А. В. 247
Лист Ф. 371
Лихачев Д. С. 121, 124, 127, 128, 130, 134–136, 461
Лобакова И. А. 127
Лобанов Ф. И. 342, 346, 352, 361, 373
Ломоносов М. В. 431, 438
Лондон Дж. 316
Лоран Ф. 266
Лоренц Ф. К. (иногда Ф. Ф.) 266
Лотман Ю. М. 131, 469
Лощинин Н. П. 180, 195
Луи-Филипп (фр. Louis-Philippe Ier) I, король Франции 108
Лукина В. А. 165, 166, 205, 224, 483
Лукреций (Тит Лукреций Кар) 23

Лукулл Луций Луциний 113
Лукьяновский Б. Е. 275, 276, 283, 299, 324
Луначарский А. В. 254, 257, 284, 291
Лурье В. М. 148
Лурье Л. 294
Лучицкий И. В. 266
Львов В. В. 346
Львова Н. 401
Львов-Рогачевский (наст. фамилия Рогачевский) В. Л. 315, 458
Лютер Мартин Иоганн 88
Ляцкий Е. А. 326, 327, 330

Майков А. Н. 44, 187
Маймин Е. А. 441
Майорова Е. И. 149
Макиавелли Н. 102,
Маковицкий Д. П. 187
Макогоненко Г. П. 94
Малахов С. А. 430, 431
Малина Т. О. 453
Мальборо С. Д.
Маляревская (ур. Федорова) Н. А. 206, 207
Маляревские 207
Маляревский П. К. 205, 206, 208–210, 213, 214, 216
Манн Ю. В. 21, 66, 460
Мануйлов В. А. 129
Марат Ж.-П. 104
Марголис А. Д. 247
Маретин Ю. В. 444
Мария (Добромыслова) монахиня 149
Мария Федоровна, имп. 167
Маркевич Б. М. 39, 61
Марко Вовчок см. Маркович М. А.
Марков Е. Л. 47
Маркович В. М. 131, 197, 460, 461, 469
Маркович (псевд. Марко Вовчок; ур. Вилинская; во втор. браке Лобач-Жученко) М. А. 151, 466
Маркс К. 484
Марлинский А. А. см. Бестужев-Марлинский А. А.
Масарик Т. Г. 247
Машенцева Л. П. 8, 287, 391, 403
Мацулевич (Вирениус) Ж. А. 114
Маяковский В. В. 247
Медведева Ю. А. 439
Мезьер А. В. 263, 266, 268, 275, 277, 279–281, 287, 400, 403, 404
Мейербер Дж. 368
Мейлах Б. С. 433
Мельгунов С. П. 249–252, 256, 258, 261, 262, 264, 271, 272

Мельник В. И. 435, 436
Меньщиков (Менщиков) А. Н. 215, 216, 223, 224
Мережковский Д. С. 180
Мериме П. 26
Милан I Обренович, кн. и первый король Сербии 101
Миллер О. В. 129
Миллер С. А. 155
Милюков П. Н. 251
Милютин В. А. 118
Минье Э. де 144
Мирабо О. Г. Р., гр.
Митракова Л. А. 165
Михайловский Н. К. 269, 401
Мицкевич А. Б. 331, 332, 335
Могилянский А. П. 330
Моер см. Мойер И. Ф.
Мойер (Moier) И. Ф. (Johann Christian) 173, 174
Молинари Г. де 60, 103
Молодяков В. Э. 287
Мопассан Г. де 26
Моравская М. 401
Мордвинкин 310, 312, 321
Молинари Г. де 60
Монахов Н. Н. 434
Морозов Н. А. 259, 260
Мостовская Н. Н. 414, 443–445
Моцарт В. А. 371, 390, 428
Мочульский К. В. 148
Муратов А. Б. 414, 429, 432, 435, 440, 444
Муратова К. Д. 475
Муромцева В. Н. 466
Мякотин В. А. 239, 267, 272

Назарова Г. И. 445
Назарова Л. Н. 166, 427–429, 431, 433, 439, 442, 444, 445, 474, 475
Наполеон I (Наполеон Бонапарт) 105, 143
Неведомский М. П. 180, 195
Негрескул М. П. 263, 270, 271
Незнакомец см. Суворин А. С.
Некрасов Н. А. 86, 97, 98, 116, 118
Некрасов С. М. 461
Немировский И. В. 128, 129
Нечаев С. Г. 55
Нечаева В. С. 118
Никитенко А. В. 14, 118
Никитина Н. А. 132
Никитина Н. С. 68, 125, 129, 131, 132, 134–136, 340, 436, 444, 445
Никодим, еп. Орловский и Севский 170
Николаева С. А. 131, 133
Николай М. см. Кулиш П. А.
Николай I, имп. (царственный внук) 89, 113, 115

Николай II, имп. 260
Никольский Б. Н. 195
Никольский Ю. А. 67
Николюкин А. Н. 165
Никон ст. 149
Новгородцев П. И. 266
Новиков Н. В. 439
Новорусский М. В. 258
Новосильцов И. П. 168
Новосильцов Н. П. 167–169, 172
Новосильцов П. И. 168
Новосильцов П. П. 167–169, 172
Новосильцовы (Новосильцевы) 168, 170, 172, 174

Обер Д. 390
Огарев И. М. 224
Огарев Н. П. 202
Огарева (ур. Арсеньева) Ю. М. 210, 224
«Один из Потугиных» 47
Одоевский В. Ф. 202, 470
Ожье Э. 371
Озерецкий Н. 458
Озерецковский В. С. 257
Олсуфьев М. В. 197
Олсуфьева А. Г. 192
Ордынский Б. И. 153, 162
Орлицкий Ю. Б. 403
Орлов Н. Н. 287
Орнатская Т. И. 148
Островский А. Н. 13, 28, 187, 360, 361

П-й Н. см. Пановский Н. М.
П. Л. см. Леонтьев П. М.
Павлов И. В. 40
Павлов И. П. 9, 255 271, 290, 322
Павлова Л. А. 341
Панаев И. И. 32, 119
Панаева А. Я. 337
Панкратов В. С. 259, 260
Пановский Н. М. (псевд. Н. П-й) 390
Пармур, лорд, английский антиквар 135
Паскаль Б. 18, 21, 23, 66, 121, 194, 474
Пекарский П. П. 99, 119
Перекусихина М. С. 168
Перовский Б. А. 385
Петерс Йохан 461, 469
Петр I, имп. 99
Петраш Е. Г. 166
Петров 308
Петров А. Н. 266
Петрова Н. З. 407
«Петруха» (цензура)
Печерская Т. И. 462, 464
Пешкова Е. П. 393, 395, 401, 402
Пиксанов Н. К. 331
Пиндар 165
Пинес Д. М. 279, 288

Пирогов Н. И. 173
Писарев Д. И. 13, 129, 401, 466
Писемский А. Ф. 61, 109, 147, 187
Пич Л. 203
Платон 55, 165
Плетнев П. А. 187
Плеханов Г. В. 315, 429
Плещеев А. Н. 35
Плоткин Л. А. 62
По Э. А. 119
Победоносцев К. П. 97
Погодин М. П. 100, 106
Покровский М. Н. 284
Покусаев Е. И. 122
Полевой Н. А. 85, 115
Полонский Я. П. 175
Поль (Пауль) Ж. (фр. Jean Paul; наст. имя Johann Paul Friedrich Richter — Иоганн Пауль Фридрих Рихтер) 155
Поме Э. Л. 360, 390
Помяловский Н. П. 439
Попов В. С. 89
Попов И. И. 264
Португалов М. В. 165, 180, 195
Поршнев Г. И. 261, 277
Посадсков А. Л. 323
Преображенский Н. С. 40
Прибылев А. В. 393, 401
Прийма Ф. Я. 477
Протасова (ур. Бунина) Е. А. 173
Протасова М. А. 173
Протасова Н. Д. 216
Прудон П. Ж. 106
Пруцков Н. И. 477
Пумпянский Л. В. 20, 36
Пустовойт П. Г. 431. 438, 462, 467, 470, 472
Путилов Б. Н. 439
Путинцев А. М. 165
Пушкин А. С. 5, 28, 34, 36, 37, 44, 47, 51, 101, 119, 143, 148, 154, 177, 200, 360, 365, 427, 428, 433, 459, 460, 464, 465, 470
Пыпин А. Н. 179, 189, 192

Радлов Э. Л. 9, 255, 271, 290, 322
Рамбо А. 110
Распутин Г. Е. 89
Ратнер А. В. 270, 392
Рейнштейн 210
Рейсер С. А. 431, 437, 438, 439, 442–444, 450, 452–454, 470
Рейснер М. А. 239, 248
Риохей Ясуи 460, 469
Робеспьер М. 95
Рожков Н. 238, 248
Розанов В. В. 145

Розанов И. Н. 331
Розин Н. П. 468
Росси Э. 108, 109
Россини Дж. 355, 390
Ростислав см. Толстой Ф. М.
Ротшильд Дж. 107
Рубакин Н. А. 277
Русанов А. Г. 195
Русанов Г. А. 178, 195
Русанов Н. С. 252, 456
Руссо Ж.-Ж. 93
Рыков А. И. 296

Сабашников М. В. 255
Савина М. Г. 198
Сажин В. Н. 129
Сакулин П. Н. 458
Салиас де Турнемир Е. В.
Сальникова О. М. 166
Санд Ж. (наст. имя и фам. Аврора Дюпен, Dupin, в замуж. Дюдеван) 25, 31, 32, 88, 151, 371
Сандомирская В. Б. 433, 434
Салтыков (псевд. Н. Щедрин) М. Е. 13, 43, 119, 123, 339, 427
Саллюстий 152, 162, 165
Сальери А. 428
Сведенборг Э. 120
Светоний Гай Транквилл 23, 162, 165, 424
Седенко-Витязев Ф. И. см. Витязев Ф. И.
Селиванов В. И. 315, 316
Семанова М. Л. 62
Семенов С. С. 458
Семевский В. И. 253, 270
Семен А. 455
Сенека Луций Анней 23
Сенковский О. И. 88
Сен-Симон А. 120
Сервантес Сааведра М. де 120
Сергеенко П. А. 186
Серман И. З. 428, 429, 431, 438, 450, 451
Синебрюхов С. И. 284
Скатов Н. Н. 330, 459, 460, 461
Скворцов-Степанов И. И. (псевд.; наст. фамилия Скворцов, псевд. И. Степанов) 291, 292, 323
Скотт В. 116
Смелкова А. П. 325, 398
Смирнов В. Б. 441, 442
Сниткин И. Г. 112
Соболевский С. А.
Соколов Ю. М. 331
Солженицын А. И. 4–7, 64, 65, 68, 482
Соллогуб В. А. 110
Соловьев 319
Соловьев Вл. С. 72, 82, 145, 306, 401
Соловьев С. М. 105, 110, 306
Сорокин П. А. 9, 227, 228, 229–249, 255, 271, 275,

290, 306, 307, 322, 324, 394, 400–402
Сорокин Ю. С. 39
Сорокины 230, 247
Софокл 52, 165
Сталин (наст. фамилия Джугашвили) И. В. 281
Станкевич Н. В. 14, 32
Стасов В. В. 120
Стасова-Комарова В. Д. 32
Степанова Г. В. 474
Столярова И. В. 462
Страхов Н. Н. 44, 55, 179, 180, 189, 191, 195–197
Строганов А. С., гр. 95
Строганов С. Г., гр. 115
Строганов П. А. 95
Строев Е. С. 459, 469
Струве П. Б. 335
Суворин А. С. 47, 74, 83, 88
Сухотина-Толстая Т. Л. 184, 185, 196

Тайманова Т. С. 4
Тамбурини А. 375
Танеев С. И. 197
Тарановский Ф. В. 266
Тарле Е. В. 266
Татаринова (ур. Буксгевден) Е. Ф. 89, 90–93
Тахтарев К. М. 229, 240, 245
Тацит К. 162, 165
Твардовский А. Т. 69
Телешов Н. Д. 458
Теренций 165
Тертуллиан 454
Тиме Г. А. 205, 445
Титков 463
Титов А. А. 430
Тихомиров Л. А. 315
Товстоногов Г. А. 128
Токутоми Рока 470
Толстая М. Н. 192
Толстая (ур. Берс) С. А. 176, 177, 180–182, 188, 195
Толстой А. К. 356
Толстой Д. А. 176
Толстой И. Л. 179
Толстой Л. Н. 15, 18, 24, 26–28, 50, 60–64, 66, 102, 175–197, 337, 338, 429, 430, 442, 443, 475, 480
Толстой Н. Н. 196
Толстой С. Л. 195, 196
Толстой Ф. М. (псевд. Ростислав) 348, 390
Толстой Ю. В. 91
Толстые 224
Томашевский Б. В. 428
Тор см. Буренин В. П.
Торсукова Е. А. 168
Трофимова Т. Б. 445
Троцкий Л. Д. (наст. имя и фамилия Лейба Давидович Бронштейн) 291
Тулайков Н. М. 396, 399, 403

Тулайков С. М. 399
Туниманов В. А. 148
Тургенев И. С. 5–8, 11, 13, 14, 16–52, 55, 56–63, 65, 66, 86, 87, 96, 97, 101, 102, 104, 109, 110, 111, 120–122, 124, 125, 130, 131, 134, 136, 149–152, 154–166, 175–214, 217, 220, 222–224, 226, 326, 329, 330, 332–387, 390, 391, 406, 408–419, 423, 425, 428–440, 442–445, 450, 455, 459–464, 467, 470–483
Тургенев Н. И. 94
Тургенев Н. С. 204–224, 341–344, 347, 350, 356–358, 360, 362–364, 372, 376–386
Тургенев С. Н. 380–383
Тургенева (ур. Шварц) А. Я. 206, 207, 210, 342, 347, 352, 356, 358, 360, 363, 364, 367, 372, 377, 378, 381, 385, 386
Тургенева В. П. 214, 222, 339, 352, 357, 376–386, 390, 391
Тургенева-Брюэр П. 365–367, 389, 450, 455
Тургеневы 204, 217, 224, 371
Турист см. Витязев Ф. И.
Турьян М. А. 464, 470
Тютчевы 388
Тхоржевский С. И. 246

Уваров С. С. 153
Ульянова М. И. 252
Ульянова-Крупская Н. К. см. Крупская Н. К.
Уоддингтон (Waddington) П. 40, 125, 135, 479
Успенская А. В. 153, 166
Успенский Г. И. 120, 392, 401
Устрялов Н. Г. 266
Ушакова 312, 321

Ф. И. В. см. Витязев Ф. И.
Файнштейн А. М. 318
Файнштейн А. Г. 318
Федоров Ив. 294
Федоров Н. (Никитушка) 89, 92
Федорова Ю. Я. 207
Федянова Г. В. 72
Фейербах Л. 22
Феоктиста 388
Феоктистов Е. М. 176
Фет А. А. 8, 14, 15, 44, 154, 166, 171, 173–175, 178, 186–188, 217–226, 415, 472, 478
Фёт И. (амт-асессор) 169, 171
Фёт Л. 170, 172
Фигнер В. Н. 258, 259, 260, 315

Филарет 465
Финк Л. А. 395, 396, 402
Фишер В. М. 20
Фонвизин Д. И. 63
Фосс (Foß) И.-Г. 155
Фридлендер Г. М. 38, 41, 63, 117, 120, 137, 434, 435, 473, 477
Фролова Е. Р. 325
Фукидид 165
Фурье Ш. 120

Халабаев К. И. 120
Халдей Б. Л. 454
Хитрово (Хитров) В. В. 218
Хмелевская Е. М. 427
Хогарт У. 59
Хозан Л. Я. 287
Хомовская М. Д. 287
Хомяков А. С. 469
Храмцова Н. А. 406, 411, 412, 414
Хрущёва Е. А. 204
Хрущов М. М. 216, 218–220, 223, 225

Цветков П. А. 270
Цвиленев Н. В. 19, 20
Цейтлин А. Г. 29, 38
Цуриков П. Н. 225

Чайковский П. И. 304
Чедаев А. В. 207–209
Черногубов Н. Н. 171, 175
Черносвитов Н. П. 209, 210
Чернышевский Н. Г. 6, 14, 19, 24, 26, 41, 56, 60, 68, 120, 121, 337, 408, 411, 413, 414, 482, 483
Черняев А. С. 228
Черняев М. Г. 87, 88, 101, 102
Чехов А. П. 4, 7, 28, 60, 61, 62, 65, 68, 113, 414, 462, 482
Чешихин (псевд. Ч. Ветринский) В. Е. 331
Чичерин А. В. 196
Чичерин Б. Н. 183, 196
Чистова И. С. 432
Чичагов П. В. 95
Чумаков Ю. Н. 462
Чумаковы 460, 462

Шаляпин Ф. И. 399
Шаповалова Г. Г. 439, 450, 452
Шатилов 226
Шахматова-Коплан С. А. 274
Шварц Е. И. 207
Шварц Е. Я. 207, 385
Шевалье m-me 385
Шевченко Ф. Я. 325
Шекспир У. 11, 30, 37, 85, 86, 108, 115, 151, 154, 194, 432
Шелгунов Н. В. 432
Шелли П. Б. 435
Шеллинг Ф.-В.-Й. 435

Шенеман Л. 200
Шеншин А. А. 218
Шеншин А. И. 225
Шеншин А. Н. 167–169, 171, 172, 174
Шеншин В. А. 169
Шеншин И. Н. 170
Шеншин П. А. 169
Шеншин П. Н. 170
Шеншина А. А. 169
Шеншина Е. П. (ур. Беккер Ш.) 169, 170, 171, 175
Шеншина Л. А. 167, 169, 173
Шеншина Н. А. 169
Шеншины 169
Шестаков С. Д. 153
Шиллер Ф. 85, 108, 194, 433
Ширмаков П. П. 431
Шлоссер Ф. К. 266
Шмидт О. Ю. 298
Шолохов М. А. 4, 6, 65, 142
Шопен Ф. 355, 371, 390
Шопенгауэр А. 21, 23, 24, 194
Шпет Г. Г. 306
Штакеншнейдер Е. А. 270
Штейн Л. фон 266
Штерн М. М. 452
Штрайх С. Я. 89
Шуберт Ф. 390
Шувалов А. П., гр. 115

Щеголев П. Е. 119
Щенников Г. К. 445
Щепкин М. С. 346, 347, 360, 390
Щепкин Н. А. 210, 217
Щукин В. Г. 460, 461, 463, 468, 469

Эдельсон Е. Н. 166
Эйхенбаум Б. М. 8, 16, 26, 29, 181, 196, 337, 338, 429, 451
Энгельс Ф. 484
Энзе Карл Август Фарнгаген фон (Фарнгаген) 388, 391
Эльзон М. Д. 436, 445
Энгельгардт Б. М. 437
Эпикур 23
Эсклармонда (иногда—Эсклармунда), графиня де Фуа, в замужестве де л'Иль-Журден 144
Эсхил 164

Ювенал 165
Южаков С. Н. 274, 287
Юрьев С. А. 175, 179

Яковлев В. А. 459, 460, 469
Ямпольский И. Г. 119, 439, 441

Dmitriéva N. 166

Esaulov A. V. 476
Escudier M. 390

Gerigk H.-J. 83

Kroo E. 165

Malibran M. 165, 166
Névérov O. 165

Pouchkine A. 166

Rambaud A. 111

Schulz K. 205

Turgenev I. S. 165, 476
Tourguéniev I. 165, 166
Torep P. 165

Viardot P. 165, 166, 220

Yukihiko Kaneko 433

Zekulin N. G. 165

Содержание

От редактора 5

I

И. А. Битюгова. О жизни в науке А. И. Батюто (1920–1991) 10

С. А. Батюто. Несколько слов о так называемой справедливости 69

II

Т. П. Баталова, Г. В. Федянова. Роман Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы»: концепция времени 72

А. И. Батюто. Реальный комментарий к «Дневнику писателя» Ф. М. Достоевского за 1877 г. *(неизвестный фрагмент)* 83

Список сокращений 116

С. А. Батюто. Как были изданы «Отцы и дети» Тургенева в серии «Литературные памятники» 121

В. Е. Ветловская. Заметки комментатора к последнему роману Достоевского «Братья Карамазовы» 137

Л. А. Балыкова. Журнал «Пропилеи» из мемориальной библиотеки И. С. Тургенева (заметки комментатора) 149

Н. П. Генералова. Скрещенье поэтических судеб: Жуковский и Фет (Из комментариев к «Ранним годам моей жизни») 166

А. Г. Гродецкая. «…Невинно, как сказка о Красной Шапочке» (О несостоявшейся Тургеневской речи Толстого) 175

Б. Ф. Егоров. Сходство и отличие Гёте и Тургенева (характеры и поведение) 197

В. А. Лукина. Еще раз о наследстве Николая Тургенева (Дополнение к Полному собранию сочинений и писем И. С. Тургенева в 30 томах) 206

III

С. А. Батюто. История книжного дела в России в 1917–1927 годы
К столетию выхода в свет в издательстве «Колос» книги П. А. Сорокина «Система социологии» 227
Сергей Петрович Мельгунов и Ферапонт Иванович Витязев *(К истории взаимоотношений двух известных издателей)* 249
Ф. И. Витязев и И. В. Владиславлев *(К истории взаимоотношений двух библиографов и редакторов)* 273
Как уничтожали «Колос»? *(К истории издательского дела в России в 1921–1927 годах)* 289

IV

В. Р. Ваврик. Кто такая Эллис в «Призраках» И. С. Тургенева? (1919) *(Публикация С. А. Ипатовой)* 326
И. Н. Базилевская. Тургенев в ссылке *(Публикация Е. А. Легеньковой)* 336
Л. П. Машенцева. Неотправленное письмо О. А. Благонадеждиной к А. А. Гизетти 391
С. А. Батюто. К истории издания книги А. И. Батюто «Творчество И. С. Тургенева и критико-эстетическая мысль его времени» 406
С. А. Батюто. Из коллекции инскриптов А. И. Батюто 426
Указатель имен дарителей 446
О чем поведали два стихотворения из домашнего архива *(Публикация С. А. Батюто)* 448

Об одном неизвестном письме Ф. И. Седенко-Витязева к Ю. В. Леонтович *(Публикация С. А. Батюто)* 455
Орловский дневник (Международная научная конференция «Пушкин и Тургенев» в Санкт-Петербурге и Орле 6–11 сентября 1998 г.) *(Публикация Б. Ф. Егорова)* 459
Хронологический список трудов Анатолия Ивановича Батюто (1920–1991) 471
Список сокращений 484
Указатель имен 488

ИСТОРИЯ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ XIX–XX веков /
ИСТОРИЯ КНИЖНОГО ДЕЛА В РОССИИ
В 1917–1927 годы

Памяти Анатолия Ивановича Батюто
1920–2020

Сборник статей и материалов

Научное издание

Редактор С.А. Батюто
Дизайнер Е.В. Рудакова

Подписано в печать 11.06.2020.
Печать цифровая.
Заказ № 6741. Формат 60x84 1/16.
Усл. печ. л. 29,76. Тираж 100 экз.

Отпечатано в типографии
«Скифия-принт»

197198 С.-Петербург,
ул. Б. Пушкарская, 10, лит. А,
пом. 32-Н

Б 28 История русской литературы XIX–XX веков / История книжного дела в России в 1917–1927 годы. Памяти Анатолия Ивановича Батюто: Сборник статей и материалов. СПб.: «Скифия-принт», 2020. 510 с.

Сборник статей и материалов «История русской литературы XIX–XX веков / История книжного дела в России в 1917–1927 годы» посвящен памяти выдающегося ученого, специалиста по истории русской литературы XIX–XX вв., кандидата филологических наук (1952), старшего научного сотрудника Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН Анатолия Ивановича Батюто (1920–1991), которого интересовали различные вопросы истории русской литературы.

Материалы, представленные в настоящем сборнике, отражают многоплановый спектр исследований как истории русской литературы XIX–XX вв., так и истории книжного дела в России первого десятилетия советской власти. Адресованный прежде всего литературоведам, студентам филологических факультетов вузов и преподавателям-словесникам средних школ, а также историкам книжного дела в России первого десятилетия советской власти сборник может быть интересен и широкой образованной публике.

ISBN 978-5-98620-435-2

УДК 821.161.1 + 82(091)
ББК 83.3 + 76.10

9 785986 204352